

Данте Алигьери

Божественная комедия

Иллюстрации
Гюстав Доре

Коллекционное
иллюстрированное
издание

Божественная комедия. Самая полная версия

Данте Алигьери

Аннотация
Данте Алигьери. Божественная комедия. Самая полная версия
Вступление
А. К. Дживелегов. Данте Алигиери. Жизнь и творчество
А. К. Дживелегов. Замысел, сюжет, историческое значение «Комедии»
Иллюстрации Гюстава Доре как самостоятельное произведение искусства
Перевод Мина и царская цензура
Ад. (Перевел с итальянского размером подлинника Дмитрий Мин)
Песнь I
Песнь II
Песнь III
Песнь IV
Песнь V
Песнь VI
Песнь VII
Песнь VIII

Песнь IX
Песнь X
Песнь XI
Песнь XII
Песнь XIII
Песнь XIV
Песнь XV
Песнь XVI
Песнь XVII
Песнь XVIII
Песнь XIX
Песнь XX
Песнь XXI
Песнь XXII
Песнь XXIII
Песнь XXIV
Песнь XXV
Песнь XXVI
Песнь XXVII
Песнь XXVIII
Песнь XXIX
Песнь XXX
Песнь XXXI
Песнь XXXII
Песнь XXXIII
Песнь XXXIV

Чистилище. (перевел с итальянского размером подлинника Дмитрий Мин)
- Песнь I
- Песнь II
- Песнь III
- Песнь IV
- Песнь V
- Песнь VI
- Песнь VII
- Песнь VIII
- Песнь IX
- Песнь X
- Песнь XI
- Песнь XII
- Песнь XIII
- Песнь XIV
- Песнь XV
- Песнь XVI
- Песнь XVII
- Песнь XVIII
- Песнь XIX
- Песнь XX
- Песнь XXI
- Песнь XXII
- Песнь XXIII
- Песнь XXIV

Песнь XXV
Песнь XXVI
Песнь XXVII
Песнь XXVIII
Песнь XXIX
Песнь XXX
Песнь XXXI
Песнь XXXII
Песнь XXXIII
Рай. (перевел с итальянского размером подлинника (терцинами) Николай Голованов)
Песнь I
Песнь II
Песнь III
Песнь IV
Песнь V
Песнь VI
Песнь VII
Песнь VIII
Песнь IX
Песнь X
Песнь XI
Песнь XII
Песнь XIII
Песнь XIV
Песнь XV

Песнь XVI
Песнь XVII
Песнь XVIII
Песнь XIX
Песнь XX
Песнь XXI
Песнь XXII
Песнь XXIII
Песнь XXIV
Песнь XXV
Песнь XXVI
Песнь XXVII
Песнь XXVIII
Песнь XXIX
Песнь XXX
Песнь XXXI
Песнь XXXII
Песнь XXXIII

Аннотация

Настоящее издание посвящается величайшему французскому гравёру, иллюстратору и живописцу Гюставу Доре.

Прошло семь столетий со времени создания «Божественной комедии», но и по сей день произведение это является одним из самых читаемых в мире. Гений Данте повергает нас в самое сердце ада человеческой души и постепенно влечет за собой к райским вратам добродетели и радости. Гений Доре ярчайшим образом проявился в знаменитой серии гравюр, иллюстрирующих этот выдающийся памятник эпохи Ренессанса. Доре называют величайшим иллюстратором XIX века за непревзойдённую игру света и тени в его графических работах.

В данной книге представлен первый полный русский перевод, выполненный Дмитрием Егоровичем Мином в соответствии со всеми особенностями стихотворного размера подлинника, то есть терцинами. В 1907 году Императорская Академия наук присудила изданию «Божественной комедии» в переводе

Мина премию А. С. Пушкина, отметив его как лучший на русском языке.

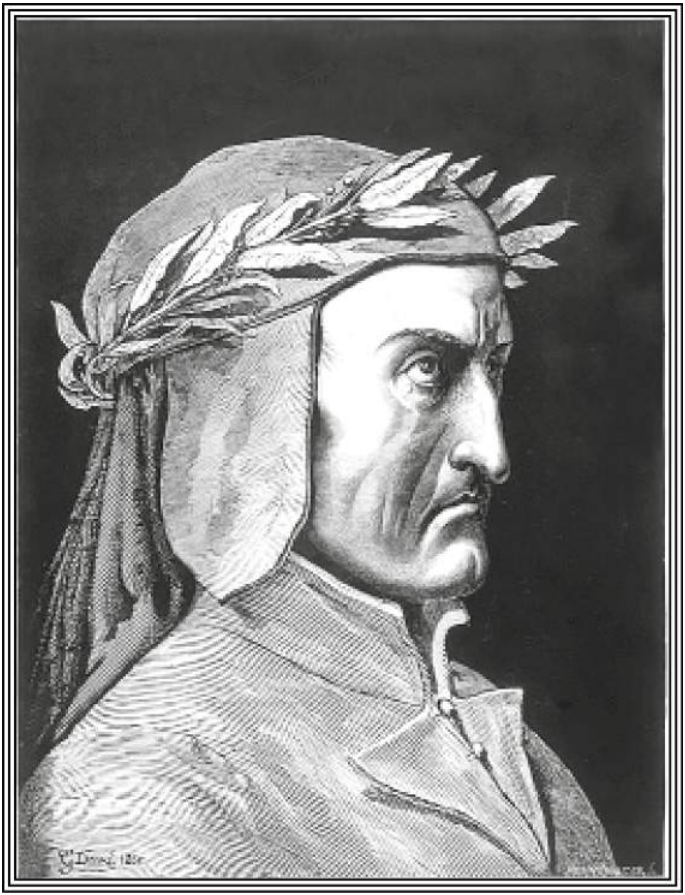
Третья часть поэмы Данте — «Рай» — публикуется в переводе Николая Голованова, также выполненном с сохранением размера и рифмовки подлинника.

В формате A4.pdf сохранен издательский макет.

Данте Алигьери
Божественная комедия. Самая полная версия

© ООО «Агентство Алгоритм», оформление, издание, 2022

* * *



Портрет Данте Алигъери (1265–1321).

Гюстав Доре

Вступление

А. К. Дживелегов
Данте Алигиери. Жизнь и творчество

Данте Алигиери (Dante, сокр. из Durante Alighieri, 1265–1321) — величайший итальянский поэт. Родом из Флоренции, принадлежал к городской знати среднего достатка; предком его был рыцарь Каччагвида, погибший во втором крестовом походе в 1147 году. По имени жены его Алагиеры был назван один из сыновей. Потомство Алагиеро стало зваться Алагиери или Алигиери. Отец Данте, по-видимому, был юристом. В семье еще жили феодальные настроения, хотя долгое пребывание в стенах большого торгового города заставляло эти традиции тускнеть. Школа дала Данте начатки знаний в рамках средневековых школьных программ, т. е. очень мало. Университета во Флоренции еще не было. Закладывать настоящие основы своих знаний Данте приходилось самому.

Генри Холидей. Данте и Беатриче

Он читал все, что попадало под руку, и перед ним понемногу начинал рисоваться его собственный путь ученого, мыслителя и поэта. Данте сознательно выбрал среди поэтов Вергилия, который вскоре стал его «вождем, господином и учителем». Он овладел французским и провансальским языками и стал поглощать в огромном количестве поэмы о Трое и о Фивах, об Александре Македонском и о Цезаре, о Карле Великом и его паладинах, а в рифмованных французских энциклопедиях и дидактических поэмах находил знания, которых не мог приобрести в школе.

Первые образцы стихов дали ему провансальские поэты. Прямым же вдохновителем Данте был его верный друг Гвидо Кавальканти, самый яркий представитель нового поэтического направления dolce stil nuovo. Как все поэты этого стиля Данте соединяет восхваление избранной им героини (Беатриче — дочери друга его отца Фолько Портинари) со спиритуалистическим и мистическим толкованием любви как стремления к божеству. Сложная символика образа возлюбленной Данте вызвала огромную литературу по этому вопросу, причем часть исследователей склонна была видеть в Беатриче лишь поэтическую фикцию — аллегорическое выражение политических или философских идеалов и чаяний автора. Реальное существование Беатриче можно считать установленным с тех пор, как было найдено в архивах завещание Фолько, в котором упоминается имя его дочери Беатриче, в то время уже супруги Симоне деи Барди.

Чезаре Саккаджи. Данте и Беатриче

Когда в 1290 году Беатриче, совсем еще юная,

умерла, Данте собрал ряд своих стихотворений в книжку, которую назвал «Новая жизнь» (Vita Nuova) — по другим толкованиям — «Молодость». Каждое из стихотворений, входящих в эту книжку (24 сонета, 5 канцон и одна баллада), сопровождается объяснениями. В целом — это поэтическая история его любви, первая в новой литературе автобиография ликующей и страдающей души. Следуя стилевому канону dolce stil nuovo, поэт изображает любовь как неземное чувство. Природа ее лучше всего раскрывается в таинственных снах и в аллегорических образах. Последовательное развитие спиритуалистических настроений, насыщающих «Новую жизнь», поэт даст в образе Беатриче в «Божественной комедии», где в ее лице воплощено богословие.

Поэтическая страсть не наполняла целиком жизнь Данте. Как и большинство его сверстников, он должен был приобщиться к делам общественным, прежде всего, как воин. В 1285 году он принимал участие в небольшом походе против Монтеварки. В 1287-м, по-видимому, был в Болонье. В июне 1289-го бился с аретинцами при Кампальдино, а через два месяца участвовал во взятии замка Капроны. Подвигались и его научные занятия. Смерть Беатриче натолк-

нула его между прочим на трактат Боэция «Об утешении в философии», и чистое умозрение, к которому он привык, вращаясь в мире отвлеченных поэтических образов, совсем увлекло его. Данте стал посещать своего рода философские факультеты, приютившиеся в некоторых флорентинских церквах и монастырях, особенно тот, которым руководили доминиканцы, — в Santa Maria Novella. Эти занятия имели огромное значение для всего дальнейшего поэтического пути Данте, ибо здесь он получил возможность углубиться в изучение представителей средневековой философии, начиная от блаженного Августина и кончая классиками схоластической философии. Естественным образом изучение философов сопровождалось более углубленными экскурсами в область классической литературы. Только теперь Данте расширил свое знакомство с классиками, которому начало положила школа. Он проштудировал Овидия и Лукана, Горация и Ювенала, Сенеку и Стация, наконец Цицерона и Вергилия, которого так почитал. Укрепился он также в астрономических знаниях. Междоусобица в родном городе нарушила строй его мирных занятий. Во Флоренции в годы юности Данте еще не была закончена борьба между дворянством и

буржуазией. Она развертывалась, пока он подрастал. Капитуляционная хартия дворянства, «Установления справедливости» (Ordinamenti di Giustizia), — была издана в 1293-м, но она не была последним этапом в борьбе дворян и горожан. После поправок, внесенных в «Установления» в 1295 году, тем из дворян, которые не хотели лишиться политических прав, было разрешено записываться в один из городских цехов. По-видимому, Данте был в числе тех, кто этим разрешением воспользовался. Он стал членом цеха врачей и аптекарей, который принадлежал к семи старшим и включал в себя, кроме двух профессий, по которым назывался, еще книгопродавцев и художников.

Данте Габриэль Россетти. Данте и Беатриче

После вступления своего в цех врачей Данте стал принимать участие в политической жизни. Он был членом некоторых городских советов, хотя и не обнаруживал ни особенного интереса к политической жизни, ни особенного усердия в исполнении своих политических обязанностей.

Но если Данте сам не искал политических лавров, то его нашли политические тернии. Положение во Флоренции осложнялось. «Ordinamenti» не могли положить конца политической борьбе. После поправок 1295 года власть в городе фактически стала принадлежать старшим цехам, т. е. промышленной, торговой и финансовой буржуазии. Младшие, ремесленные цехи, правившие два предшествующих года, были оттеснены, а в группе старших видную роль стали играть дворяне: разрешение записываться в цехи снова открыло им путь к власти. Коалиция дворян с крупной торговой, банкирской и промышленной буржуазией сделалась основою господства так называемой гвельфской партии, которое длилось почти весь следующий век. Однако вскоре в пределах гвельфской партии возник раздор. Экономические группы: «банкирские дома», торговые компании вырастали быстро, и доходов на всех не хватало. Партия разбилась на две группы: Черных, которые стали себя называть просто гвельфами, и Белых. Первые ориентировались на папскую курию, способствовавшую капиталистическому перерождению Италии. Вторые вступили в сношения с гибеллинами, партией феодального военного дворянства. Семья Данте

была всегда в рядах гвельфов. После раскола все Алигиери примкнули к Белым. В связи с конфликтом Данте в мае 1300 года был отправлен послом в Сан-Джиминьяно, а в июне был избран членом правящей коллегии приоров. Черные были побеждены, вожди их изгнаны из города, бежали к Бонифацию; последний отправил через некоторое время против Флоренции французского принца Карла Валуа «для умиротворения». Город подчинился, и под защитою французов во Флоренцию победоносно вернулись Черные. Началась месть. Данте, бывший в это время в отлучке, вместе с другими был присужден к изгнанию с угрозою сожжения живьем в случае самовольного возврата [начало 1302]. Он так и не увидел больше «прекрасной овчарни, где спал ягненком».

Сальваторе Постильоне. Данте и Беатриче

Началась скитальческая жизнь, полная лишений. Гордый дух человека, не всегда «снисходившего до разговоров с мирянами», познал, как «горек бывает чужой хлеб и как тяжело подниматься и спускаться по чужим лестницам». Но в великом изгнаннике таились неисчерпаемые силы духа. Он странствовал по свету, боролся, учился и творил. Первые годы он надеялся, что Белым вместе с остатками томившихся еще в изгнании гибеллинов удастся силою вернуться на родину и победить Черных. Попытки были от-

биты, и Данте, отчаявшись, стал искать на свете уголка, где он мог бы найти покой и возможность работать. Но судьба гнала его то в Верону, где он некоторое время пользовался гостеприимством друга гибеллинов Кана Гранде делла Скала, то в Падую, то в Мантую, то в Лигурию, то в Париж. В его голове роились творческие замыслы, но заниматься мог он только урывками («Пир», трактат о языке).

В 1308 внезапно ожили надежды гибеллинов и окончательно примкнувшего к ним Данте. Императором Германии был избран Генрих VII, граф Люксембургский, который заявил, что сумеет силою оружия положить конец партийным усобицам в Италии. Гибеллины смотрели на него, как на Мессию, верили, что ему удастся уничтожить господство буржуазии в Италии, и Данте приветствовал его экстатически. Генрих сделал попытку покорить Флоренцию, но смерть застигла его в такой момент, когда ему самому все дело стало казаться безнадежным [1313]. Рухнула последняя надежда Данте, ибо на родине дважды имя его было вычеркнуто из списка амнистированных, как имя активного эмигранта. Когда позднее, как сообщают, было предложено ему вернуться на условиях унизительного публич-

ного покаяния, Данте отверг это предложение. Странствования продолжались. В 1315 году Данте был в Лукке, где пользовался гостеприимством Джентукки, благородной дамы, которая стала очень близким ему человеком, а с 1318 года и до конца жизни прожил в Равенне у ее синьора Гвидо Полента, внука воспетой им Франчески да Римини. Там он довел до конца свою поэму; там умер и похоронен.

Первым большим произведением Данте эпохи изгнания является его «Пир» (Il Convivio), относящийся по-видимому к 1307–1308 годам. Данте хотел дать в нем нечто вроде средневековой энциклопедии в форме комментария к ряду своих философских канцон. Но трактат остался неоконченным. В четырех написанных главах мы имеем введение и объяснение к трем канцонам. По форме «Пир» — чисто схоластическое произведение, которое тесно связано с углубленными философскими занятиями Данте до изгнания. В трактате говорится обо всем: о богословии, о морали, об астрономии, и многое в нем уже предвещает если не образы, то концепции «Божественной комедии».

«Пир», как впоследствии и «Божественная комедия», написан по-итальянски. В то время

как шла работа над трактатом и зарождалась поэма, для Данте был уже решен вопрос о том, на каком языке ему нужно обращаться к читателям. Он целиком уже был горячим защитником итальянского языка. Это — одна из величайших его заслуг перед итальянской культурой. Данте сумел понять, что в городах вырастал новый человек, способный читать и развиваться на прочитанном, что если писатель хочет говорить для своего времени и влиять на своих сограждан, он должен отбросить язык школы и ученых кругов, заговорить на языке этого нового человека — на языке, который всем понятен и всем доступен. Это еще раз доказывает, как чуток был Данте к тем общественным переменам, которые совершались на его глазах. Защите итальянского языка и посвящен неоконченный латинский трактат «De vulgari eloquentia», относящийся к тем же годам, что и «Пир». В нем защита vulgare ведется аргументами философскими и филологическими, что конечно никак не может затемнить основного социально-культурного аргумента, который для Данте был решающим, но которому он не умел найти вполне адекватного выражения в обычном построении латинского трактата.

A DANTE ALIGHIERI
L' ITALIA
M·DCCC·LXV

Памятник Данте во Флоренции на площади Санта Кроче

Работа над «Пиром» была оставлена в 1309 году, когда для гибеллинов и Данте казалось занялась заря новой жизни после избрания Генриха Люксембургского. Генрих VII собирался в Италию. Ему нужно было подготовить достойную встречу, нужно было вести агитацию за гибеллинские идеалы, трубить сбор его приверженцам. В гибеллинском лагере Данте был единственным человеком, способным взвалить на свои плечи эту огромную задачу. Он взялся за нее со всем пылом. Он писал одно за другим огненные латинские послания, обращенные ко всем, от кого он мог ждать сочувствия и поддержки. Это была публицистика, рассчитанная на непосредственный эффект. За ней последовала тяжеловесная аргументация латинского трактата «Монархия» (De Monarchia). В литературе, сопровождающей вековой спор между империей и папством, трактат Данте, наряду с книгой Марсилия Падуанского, является наиболее полным выражением гибеллинских идеалов. Собственные гибеллинские убеждения Данте к этому времени сложились уже окончательно, и ему нужно было только подобрать соответствующие аргументы,

способные повернуть общественное мнение Италии на сторону императора. И замечательно, что вместе с пробуждением стародворянской гибеллинской идеологии в сознании Данте ему сразу изменила та безошибочная оценка социально-культурной обстановки, которая столь ярко сказалась в трактате о языке. Данте ни на минуту не вспомнил о том, какие живые силы сегодняшнего дня, какие здоровые насущные интересы заставляют богатые итальянские города бороться против дутых притязаний империи и прикрывать эти интересы столь же дутой и никого не обманывающей привязанностью к папству. Данте был убежден, что исторические и философские аргументы могут решить спор, давно и бесповоротно решенный жизнью. И жестоко обманулся.

В «Монархии» речь идет о том, каким образом создалось право римского государства царить над народами, говорится о преемственности власти римских императоров германской нации от древних римских императоров, решается вопрос о двух мечах: духовном и светском и утверждается положение, что император получает власть не от папы, а непосредственно от бога.

Однако гениальнейшим созданием поэта, стоя-

щим в одном ряду с поэмами Гомера, «Фаустом», лучшими драмами Шекспира, является его «Божественная комедия» («Комедией» Данте назвал свое произведение потому, что скорбное и страшное вначале оно завершается радостным концом; слово «божественная» не принадлежит Данте), — плод всей второй половины жизни и творчества Данте. В этом произведении с наибольшей полнотой отразилось мировоззрение поэта. Данте выступает здесь как последний великий поэт средних веков, продолжающий линию развития феодальной литературы, впитавшей, однако, в себя некоторые черты, типичные для новой буржуазной культуры раннего Ренессанса.

Дом-музей Данте во Флоренции

«Комедия» — последнее и самое зрелое произведение Данте. Поэт не сознавал конечно, что его устами в «Комедии» «заговорили десять немых столетий», что он подытоживает в своем произведении все развитие средневековой литературы.

А. К. Дживелегов
Замысел, сюжет, историческое значение «Комедии»

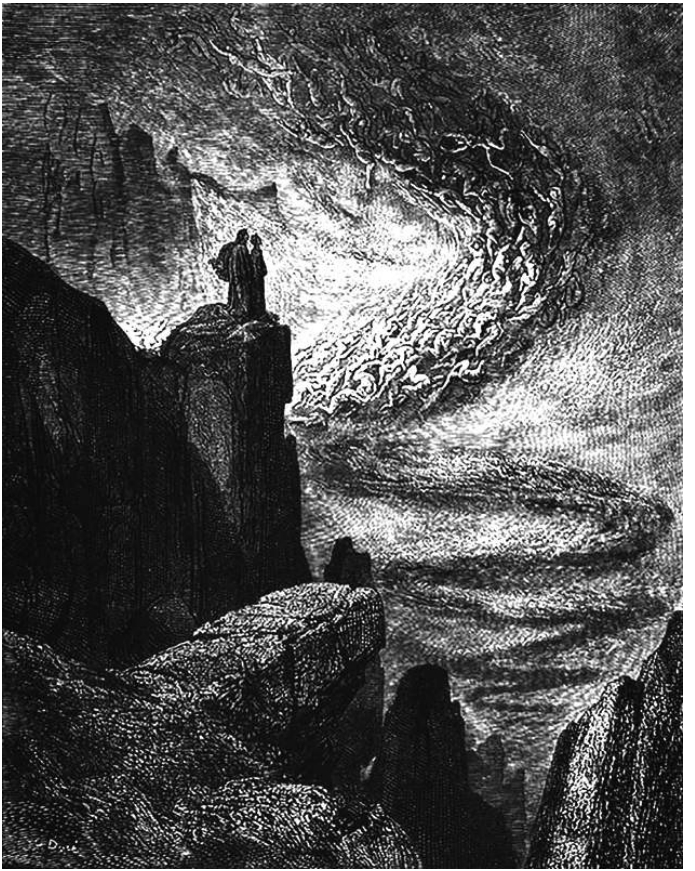
К концу XII века итальянская литература вышла на вольную дорогу, сливая воедино отмирающие, феодальные отголоски с крепнущими буржуазными мотивами, объединяя уцелевшие воспоминания от римских времен, принесенные из-за Альп рыцарские провансальские мотивы и новые религиозные настроения. Одиноким гигантом, подобно Горе очищения в безбрежном океане, стоит Данте на грани двух эпох, давая синтез одной, освещая пути для другой. Это сделала его «Комедия» — главный плод гения Данте, детище его изгнания. В ней отразилось все, что в жизни было поэту дорого: любовь к Беатриче, научные и философские занятия, муки и думы, восторги и печали изгнанника. Данте прокалил пережитое на огне страсти, из личного превратил в общественное, из итальянского в мировое, из временного в вечное.

Замысел «Комедии» относится к периоду работы над стихами и прозой «Новой жизни». Мысль

о грандиозном славословии Беатриче сквозит и в центральной канцоне, и в заключительных строках «Новой жизни», а последний сонет книги даже как бы намечает поэтическую форму будущего панегирика. Но без усиленных занятий, в которые Данте втянулся после смерти Беатриче, поэма, раскрывшая в образах всю систему средневекового миросозерцания, не могла бы быть написана, как не могла она быть написана, если б жизненный опыт Данте не обогатился в острой политической борьбе, связанной с периодом эмиграции и интервенции.

Учение об аде и рае появляется в христианской догматике с самого начала. Христианский ад и христианский рай примыкают к языческой преисподней и к языческим Елисейским полям. Сохранение этих загробных обиталищ было вполне логично, так как без идеи посмертного воздаяния за грехи и за праведную жизнь на земле невозможно было обоснование христианской морали. Учение о чистилище появилось позднее и было плодом богословских умствований VI века, стремившихся смягчить мрачный пессимизм изначальной христианской догматики. Представление о чистилище основано на вере, что своевременное! покаяние может по-

вести к прощению любого греха. Относительно местоположения чистилища твердых данных не существовало, в то время как считалось точно установленным, что ад находится где-то в подземных безднах, а рай обязательно в небесах. Поэтому пейзажи ада и рая Данте рисовал по канве, существовавшей издавна, а пейзажи чистилища — создание его собственного воображения. Без величественной горы чистилища, высочайшей горной вершины на земном шаре, картина загробного мира была бы неполна и населяющим загробный мир душам было бы тесно.



Подземный мир, бушуя на просторе,

С толпою душ кружится в царстве мглы

А поэту нужно было много места, чтобы разместить несметную толпу теней. Тени для него неизмеримо важнее остального. Ибо до смерти они были людьми, а люди интересовали поэта превыше всего.

Данте не мог отойти от общей концепции вселенной, опирающейся на систему Птоломея, богословски осмысленную схоластиками. Для него земля представляет собой шар и находится в центре вселенной. Вокруг нее концентрически вращаются планеты и солнце. Земля и планеты охвачены неподвижным бесконечным Эмпиреем. Населено только северное полушарие земли. В центре его Иерусалим, а крайние его точки — устья Ганга на востоке и Кадикс в Испании. Италия помещается на половине пути между Кадиксом и Иерусалимом. Когда Люцифер взбунтовался против бога, он был низвергнут на землю, упал головой вперед на поверхность одного полушария, ушел в землю и застрял навеки в ее центре — живой, но ставший демоном. Вокруг него образовался ад в виде огромной воронки, расширяющейся кверху и выходящей широкой частью почти к поверхности северного полушария. Южное полушарие покрылось водой, а в

центре его от падения Люцифера взметнулась земля, образовавшая высокую уступчатую гору в форме усеченного конуса. Это и есть гора чистилища. Она окружена узеньким взморьем у подножия, а ее плоская вершина, покрытая лесом, — земной рай, где совершилось грехопадение Адама и Евы. Настоящий рай размещается на девяти небесах, образуемых кругами вращения семи планет (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн), Неподвижных звезд и Перводвигателя. Десятое небо — Эмпирей.

Эта картина вселенной дается поэтом как каноническая, но он свободно расцвечивает ее красками своей неисчерпаемой палитры. Каков же его путь по загробному миру?

Об руку с Вергилием поэт вступил во тьму глубокой бездны, над вратами которой начертаны слова: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Обоих поэтов встречают несметные толпы людей, проживших жизнь «без хулы и без хвалы», отринутых даже адом. Они должны вечно вертеться у его преддверия, даже не удостоившись мук. «Взгляни и пройди», — guarda e passa — презрительно бросает Вергилий, увлекая Данте дальше. В ладье Харона переправляются поэты через первую адскую реку Ахерон и попадают

в лимб, где без муки, в полублаженстве живут души языческих праведников и где Данте принят шестым в содружество великих поэтов древности — Гомера, Вергилия, Горация, Овидия и Лукана. Это — первый круг ада. В преддверии второго — древний Минос судит грешников, а в самом круге в густом мраке воет неистовый ураган и в вихре носятся ду́ши осужденных за грех сладострастия. Это — V песнь «Ада» с бессмертным эпизодом Франчески и Паоло. В третьем круге, где не переставая лает трехголовый Цербер, мучаются под непрестанным снегом и градом обжоры, и Данте слышит первое касающееся его судеб зловещее пророчество: Флорентиец Чакко предсказывает поэту распрю «белых» и «черных» и ее исход. В четвертом круге, как древний Сизиф, влекут тяжести скупцы и расточители; среди них много пап и кардиналов. Тут же (VII песнь) чудесный образ Фортуны. Дальше путь преграждается адской рекой Стиксом, через которую поэтов в своей ладье перевозит мифический вольнодумец Флегий, по преданию, сжегший храм Аполлона. Пока они плывут, на лодку пытается напасть неукротимый Филиппо Ардженти, флорентиец из знатного рода Адимари. Поэты вошли в пятый круг, где мучаются гневные. За Стиксом возвы-

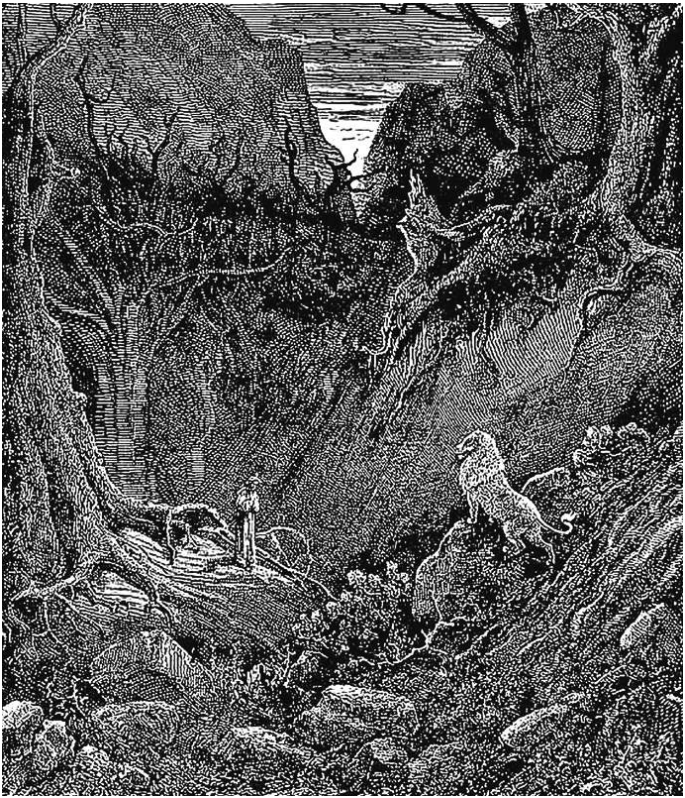
шаются раскаленные башни адского города Диса, где казнятся еретики. Ворота охраняются демонами, которые не хотели пропускать поэтов, пока не явился посланный небом ангел и не отворил ворота своим жезлом. Это шестой круг — X песнь, центром которой являются поразительный по мощи и пластичности эпизод с Фаринатою дельи Уберти, в который втиснут другой — с Кавальканте деи Кавальканти. Седьмой круг, где мучаются насильники, распадается на три отделения: схоластическая систематика и моральный замысел поэта начинают требовать все большей детальности. В первом из этих отделений течет третья река преисподней Флегетон, несущая вместо воды потоки кипящей крови; в ней барахтаются насильники против людей и тираны; когда они хотят выбраться на берег, их поражают стрелами скачущие по берегу кентавры. Здесь Александр Македонский, Пирр Эпирский, Аттила, Эццелино да Романо и другие. Второе отделение наполнено согрешившими насилием против себя — это самоубийцы; они превращены в деревья, терзаемые гарпиями. Данте сломал сук одного дерева, и оказалось, что он ранил Пьеро делла Винья, поэта Фридрихова сицилийского кружка. Третье отделение — обиталище насильников против

бога и природы; их тоже три вида: богохульники, ростовщики и содомиты; они должны, не останавливаясь, бегать под непрерывным огненным дождем.

…поцелуй сердечный
Был применен улыбкою к устам

Среди богохульников (XIV песнь) Капаней, один из греческих героев, а среди содомитов много видных флорентийцев, которых с самого начала жаждал видеть Данте: Гвидо Гверра, Тегтьяйо Альдобранди, Якопо Рустикуччи и старый друг и учитель поэта — Брунетто Латини.

При дальнейшем спуске Данте и Вергилий приходят к водопаду, низвергающемуся в восьмой круг; туда переносит их на себе чудовище Герион, олицетворение обмана.



Страх мне в сердце пробудил
Свирепый Лев

Восьмой круг делится на десять рвов, или «злых

ям», в каждой из которых казнят прегрешивших обманом. Для Данте моральный рубеж проходит как раз перед восьмым кругом. Грешников, которые были обречены страдать в первых семи кругах, он чаще осуждал лишь в силу велений богословской догматики; по-человечески он нередко готов был их прощать. Для грешников восьмого круга приговор его совести почти всегда совпадал с приговором схоластического богословия. Для грешников девятого круга, то есть изменников и предателей, его собственный приговор всегда беспощаден.

В первой яме обольстители; их бьют длинными бичами рогатые черти, нанося им страшные раны. Во второй яме льстецы, они плещутся в зловонных испражнениях. В третьей — головой в землю воткнуты виновные в симонии; ноги их, торчащие наружу, обжигаются пламенем. Каждый вновь приходящий проталкивает своего предшественника глубже в землю. Здесь мучается папа Николай III Орсини, ожидающий Бонифация VIII. В четвертой яме колдуны, прорицатели и волшебники; у них головы вывернуты назад, и они плачут, орошая слезами собственные спины. В пятой яме в кипящей смоле варятся лихоимцы и преступники по службе; при первой

попытке выбраться из смолы черти подхватывают их на вилы. Черти ведут себя столь буйно, что Вергилию едва удается уберечь Данте от их покушений. В шестой яме лицемеры; на них надеты свинцовые мантии, давящие своей тяжестью, но зато позолоченные сверху. В седьмой — воры, отданные в добычу змеям. В этом месте (XXIV песнь) Ванни Фуччи бросает Данте второе пророчество, предсказывающее торжество «черных». В восьмой яме злые советники, каждый из них заключен в огромный гудящий огненный столб. Здесь эпизоды с Одиссеем (XXVI песнь) и с Черным херувимом Гвидо да Монтефельтро (XXVII песнь). В девятой яме распространители религиозных лжеучений и виновники политических интриг. Их беспрестанно поражает мечом демон. Среди мучающихся — Магомет с рассеченной грудью, трубадур Бертран де Борн, который держит в высоко поднятой руке собственную голову, и Моска деи Ламберти, один из виновников распри между гвельфами и гибеллинами во Флоренции. В десятой яме подделыватели в собственном зловонии.

Между восьмым и девятым кругами находятся в каменных колодках гиганты, восставшие против Юпитера. Один из них, Антей, спускает

поэтов в десятый, последний круг ада, где казнятся изменники. Он в самом центре земли и представляет собой покрытое льдом озеро, куда вливается четвертая, текущая в аду река Коцит. В этом круге тоже четыре отделения. В первом (Каина) — убийцы близких родственников, во втором (Антенора) — изменники родине, в третьем (Птолемея) — изменники друзьям, в четвертом (Джудекка) — восставшие против бога. Здесь (XXXIII песнь) страшная повесть графа Уголино о башне голода и изображение Люцифера, который в тройной пасти грызет трех самых больших предателей: Брута и Кассия, изменивших Цезарю, и Иуду, предавшего Христа (песнь XXXIV).

Цепляясь за обледенелую шерсть Люцифера, поэты попадают в колодезь, пробитый им при падении с неба, и, с трудом карабкаясь, выходят на поверхность южного полушария, к подножию горы чистилища, окруженной океаном. Их встречает Катон Утический, заставляет омыться росой от адской копоти и подготовиться к восхождению на гору. Ангел приводит лодку, полную очищающихся душ, и Данте с радостью узнает музыканта Казеллу. Подойдя к горе, поэты встречают короля Манфреда, которого Данте не осудил за ересь и допустил к очищению. В

начале подъема очищаются ленивцы, а за ними погибшие насильственной смертью. Пятая песнь «Чистилища» содержит эпизоды с Буонконте Монтефельтро и Пией деи Толомеи, а в VI песне предстает скульптурная фигура Сорделло и поется осанна империи. Поэт засыпает, и во сне он перенесен ко входу в чистилище. В нем семь кругов по числу семи смертных грехов: ангел мечом ставит на челе у Данте семь латинских букв P (peccatum — грех). Они стираются по одной после прохождения каждого круга. В первом круге чистилища — души гордецов, несущие тяжести. Во втором — завистники; веки их сшиты железными нитками, и они не могут их разомкнуть. В третьем — гневные; они находятся в густом дыму. В четвертом — ленивые духом, или унылые; недостаточно деятельные в любви к благу, они должны без отдыха бегать. В пятом — скупцы с лицами, устремленными в землю. Здесь вдруг раздается гул, и вся гора содрогается от ударов землетрясения — это знак, что одна из душ чистилища освободилась и будет возноситься в рай. Ею оказывается римский поэт Стаций, вместе с которым поэты приходят в шестой круг, круг скупых и обжор. В XXIII песне — эпизод с Форезе Донати, иссохшим от голода. В седьмом — сласто-

любцы, находящиеся в огне. Данте тоже проходит очищение огнем вместе с Гвидо Гвиницелли, Вергилием и Стацием. После очищения с его чела стирается последнее Р. Он (XXX песнь) расстается с Вергилием, ибо это граница земного рая, недоступного для нехристиан. Беатриче должна была появиться, принося с собой весь груз сложной богословской символики, чтобы заступить место Вергилия, язычника, которому заказаны пути в земной рай.

Одна из них, в Капоккио вонзя

Под горлом зубы, повлекла злодея
По камням дна, терзая и разя

Данте видит колесницу торжествующей церкви, влекомую Грифоном. На ней Беатриче. Она называет поэта по имени, упрекает его за измену ей и приглашает покаяться в грехе сладострастия. Данте повинуется. После этого, созерцая различные символические видения, он просветляется духом и, окунувшись сначала в Лету, реку забвения, потом в Эвное (ясное понимание), становится готов ко вступлению в рай, куда и ведет его Беатриче.

Рай населен не так густо. Души праведников собраны вместе у подножия господнего трона, но они витают по всем сферам, где Данте их встречает и ведет с ними беседы. На Меркурии император Юстиниан («Рай», песнь XI) прославляет Римскую империю. На Солнце Фома Аквинский восхваляет учителей церкви и рассказывает житие св. Франциска, а францисканец Бонавентура восхваляет главу ордена, к которому принадлежит Фома, — св. Доминика. На Марсе появляется перед Данте его предок Каччагвида и начинается длинная беседа. Из нее Данте еще раз узнает о своей судьбе (песни XV–XVIII). На Юпитере поэт видит орла, составленного из праведных

душ, подвергающих суровому осуждению королей и властителей. На Сатурне кардинал Пьетро Дамиани громит пороки духовенства, а св. Петр разражается гневом по поводу деяний последних пап: Бонифация, Климента V, Иоанна XXII. Наконец, в Эмпирее, в центре мистической Розы, в непосредственной близости к богу, Данте созерцает престол, приготовленный для героя его надежд — Генриха VII. Там св. Бернард возносит свою молитву к Мадонне и взору поэта являются богоматерь и троица.

Чтобы вдохнуть жизнь в эту необъятную схоластическую аллегорию, чтобы влить трепет действительности в эту отвлеченную схему, нужен был грандиозный поэтический гений. «Комедия» недаром звучит для всех времен. Недаром каждая эпоха находит в ней что-нибудь родное. Для современников «Комедия» была либо по-настоящему божественною книгою — ведь это они нарекли ее «божественной» вскоре после смерти поэта, — где они искали живого личного отношения к божеству, как в мистических учениях ересей и во францисканской религии любви; либо энциклопедией, вместившей в себя огромное количество знаний «моральных, естественных, астрологических, философских, богословских»

(Дж. Виллани). Для потомства «Комедия» прежде всего грандиозный синтез феодально-католического мировоззрения и столь же грандиозное прозрение новой культуры. Кроме того, «Комедия» — одно из величайших художественных произведений, стоящее в одном ряду с поэмами Гомера, с трагедиями Эсхила, с лучшими драмами Шекспира, с «Фаустом» Гете.

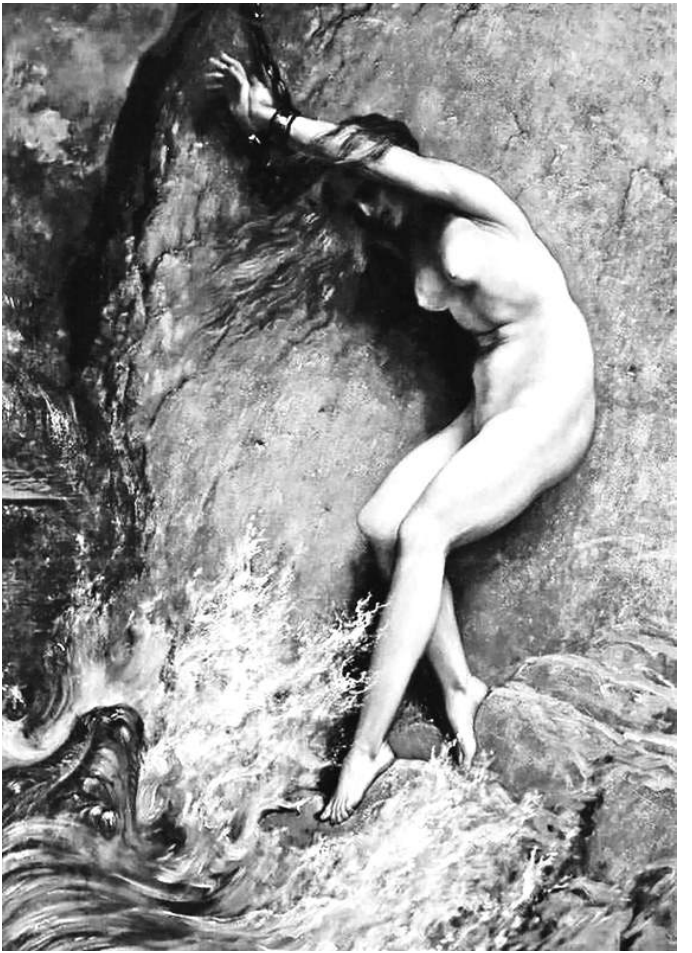
Отец! насыться нами: тем страданье
Нам утолив

Иллюстрации Гюстава Доре как самостоятельное произведение искусства

Проиллюстрировать «Божественную комедию» Данте пытались многие. Но ни один из мастеров не оставил такого неизгладимого следа в нашем коллективном воображении, как Гюстав Доре. Гравюры французского художника к поэме великого флорентийца — несомненная творческая удача в истории мирового искусства, явившая миру уникальную «встречу» двух талантов — художника и поэта.

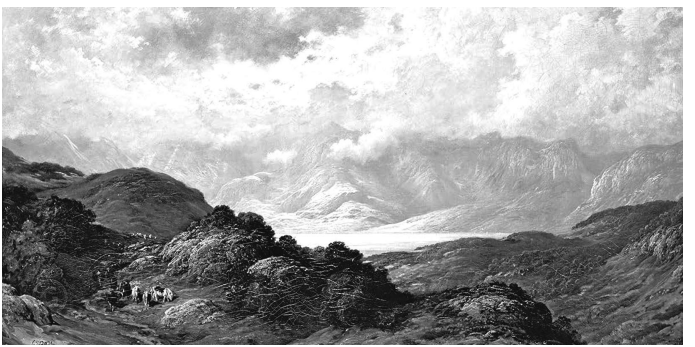
В одном из французских журналов XIX века вскоре после публикации «Иллюстрированного Инферно», гравюр Доре к первой части «Божественной комедии» Данте, было написано: «Мы склонны полагать, что концепция и интерпретация поэмы исходят из одного и того же источника. Перед нами мистический и торжественный диалог Данте Алигьери и Гюстава Доре об инфернальных тайнах потустороннего, открывшихся их проницательным душам во время этого сложного исследовательского путешествия».

Гюстав Доре. Искушение Христа



Гюстав Доре. Андромеда

Знаменитая аллегорическая поэма в современном восприятии неразрывно связана именно с иллюстрациями великого Доре. Даже сегодня, более чем полтора века спустя после первой публикации его гравюр, интерпретация «Божественной комедии», предложенная французским художником, все еще определяет наше видение поэмы.



Гюстав Доре. Шотландский пейзаж

Гюстав Доре родился в Страсбурге 6 января 1832 года. Мать его, урожденная Александрина Плюшар, происходила из зажиточной буржуазной семьи. Его отец, Пьер-Луи Доре, был сыном

офицера наполеоновской армии, погибшего при Ватерлоо.

Квартира семьи Доре находилась в старом доме с высокой крышей на одной из улиц, выходивших к готическому собору. Узкие улицы, высокие старинные дома с двумя-тремя слуховыми окнами, увенчанные черепичными крышами, — вот типичный облик Страсбурга первой половины XIX в.

От детских впечатлений о величественном соборе у взрослого Доре чувство необъятности пространства. Так возникла романтическая любовь к архитектуре прошлых веков, что позднее скажется в его творчестве, и особенно сильно в ранних работах — иллюстрациях к Рабле и Бальзаку.

В 1841 г. Семья Доре переезжает в Бур, куда переводят отца — инженера-мостостроителя.

Бур, окруженный со всех сторон громадами Вогез и сосновыми лесами, извилистые улочки города, монастыри, старинный собор — все будило воображение юного художника. Гюстав рисовал все свободное время, покрывая стены и полы рисунками. Отец с тревогой следил за артистическими упражнениями сына — он хотел, чтобы Доре поступил в политехническую школу.

Чтобы отвлечь его от рисования, отец покупает ему скрипку, но это только способствовало выявлению другого дара Гюстава — музыкального. До конца своих дней он виртуозно владел скрипкой.

Во время одной из поездок в Париж мать показала некоторые из рисунков сына знаменитому художнику Орасу Берне, который отметил талантливость юного Гюстава.

В 1847 15-летний Доре вместе с родителями приезжает в Париж.

Втайне от них юноша отправился к издателю Шарлю Филипону и показал свои рисунки. Филипон сразу же угадал в нем многообещающее разностороннее дарование и посоветовал родителям оставить сына в Париже. Но только через несколько месяцев, после скоропостижной кончины отца, Доре вместе с матерью переселяется в Париж. Юный художник сразу же отправился к Филипону с новой серией рисунков «Подвиги Геркулеса». Филипон принимает его в число сотрудников газеты «Карикатюр».

Гюстав Доре. Красная шапочка

Работа карикатуриста помогла Доре глубже изучить жизнь. Несомненно, что работая у Филипона, он овладел изумительным мастерством в изображении массовых сцен. Гюстав Доре обладал поразительной способностью зримо представлять слово. Созданный им образ не рабски следовал за текстом, но приобретал самостоятельную ценность, обусловленную высоким художественным качеством. Художник владел даром мгновенной импровизации, способностью

настраиваться на ту тональность, которая была характерна для иллюстрируемого им автора.

Гюстав Доре. Паоло (Малатеста) и Франческа да Римини

У Доре была феноменальная зрительная память, позволявшая ему легко справляться с любой технической трудностью. «Я припоминаю» — было девизом художника. Биограф проводит следующий факт. Однажды друг Доре фотографировал собор, а художник пристально этот собор рассматривал. Затем уже дома, в то время, пока проявляли фотографию, Доре нарисовал его по памяти. Сравнение рисунка и фотографии обнаружило — к изумлению фотографа, — что в рисунке не упущено ни одной детали.

В 1853 году Доре добивается одобрения своего издателя на иллюстрирование сочинений Рабле (согласно договору, Доре имел право рисовать только карикатуры), которые должны были выходить в виде серий. Так, в 1854 году появляется дешевое издание «Сочинений Рабле с иллюстрациями Гюстава Доре». «Это была, — вспоминал позже художник, — первая моя вещь, которая произвела сенсацию».

Вслед за этими листами Доре создает циклы гравюр к «Озорным рассказам» Бальзака, к «Дон Кихоту» Сервантеса, «Сказкам» Перро, которые сразу же выдвинули его в число ведущих масте-

ров иллюстрации XIX века.

В 1855 году Гюстав Доре начинает работу над серией иллюстраций к «Божественной комедии» Данте Алигьери, открыв тем самым грандиозный творческий проект «Шедевры литературы». Гюставу было тогда всего 23 года. Помимо «Божественной комедии» в список Доре вошли также Гомер, Оссиан, Байрон, Гете, Расин и Корнель. То, что Данте оказался в начале этого списка, отражает популярность итальянского поэта во французской культуре середины XIX века.

Первоначально интерес французских читателей к «Божественной комедии» ограничивался эпизодами «Паоло и Франческа» (Ад. V) и «Уголино» (Ад. XXXIII).

В XIX веке поэма Данте приобретает все большую популярность: возникают многочисленные переводы комедии на французский язык, в газетах и специализированных журналах появляется серия критических исследований. Но и это еще не все. Между 1800 и 1830 годами возникает более 200 произведений живописи и скульптуры, посвященных знаменитой поэме.

Приступая к работе над иллюстрациями к поэме Данте, Доре, несмотря на свою молодость, уже был самым высокооплачиваемым иллюстрато-

ром во Франции и имел за плечами популярные издания Франсуа Рабле и Оноре де Бальзака. Однако убедить своего издателя Луи Ашетта профинансировать столь амбициозный и дорогостоящий проект он все-таки не смог. Поэтому публикацию первой книги 1861 года финансировал сам художник.

Выход «Иллюстрированного Инферно» в 1861 году сопровождался огромным успехом. Луи Ашетт вызвал Доре срочной телеграммой: «Успех! Давай быстрее! Я осел!»

Вскоре, опираясь на растущую популярность Гюстава Доре, издательский дом «Ашетт» опубликовал иллюстрации к двум другим частям «Божественной комедии» — «Чистилище» и «Рай» — в одном томе. Популярность поэмы Данте во Франции еще более возросла.

Впоследствии гравюры Доре к «Божественной комедии» появились примерно в 200 изданиях, а переводы с итальянского оригинала стали доступны на нескольких языках.

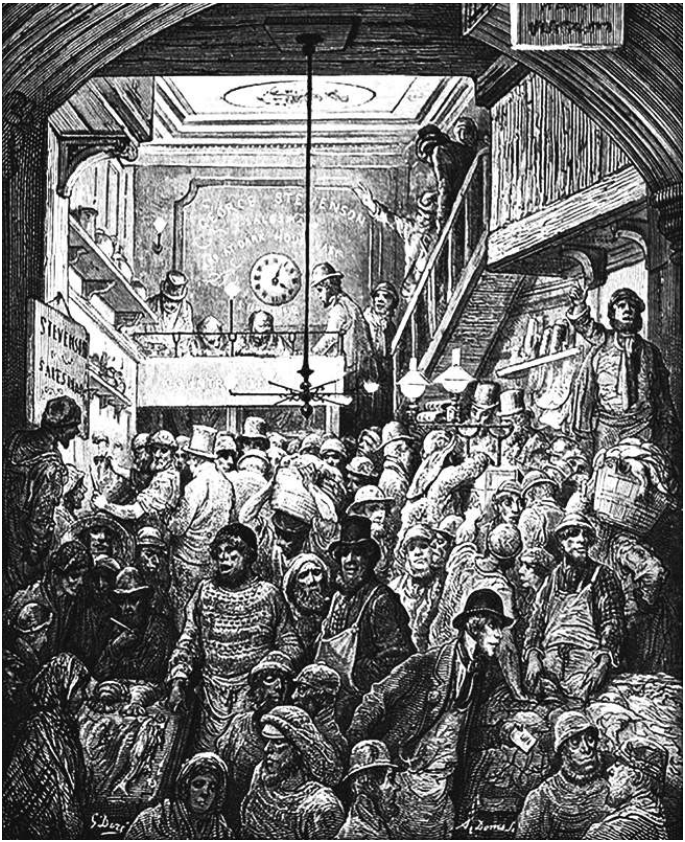
Иллюстрируя поэму Данте, французский художник отыскал интересное и оригинальное сочетание стилей. В его гравюрах переплетаются черты ренессансного стиля (прежде всего Микеланджело) с элементами северной пейзажной

традиции и современной Доре французской поп-культуры.

О, не забудь ты и меня: я Пия!

Позднее художник проиллюстрировал множество других книг — от Библии до «Ворона» Эдгара По. Тем не менее его звездным часом все-таки была «Божественная комедия» Данте.

Большую роль в жизни и творчестве Доре сыграла поездка в Англию в конце 1860-х гг., результатом которой явился цикл гравюр к альбому «Лондон». Работа над этим циклом была прервана в 1870 г. из-за начавшейся франко-прусской войны. Большинство работ, созданных Доре в эти годы, составляют аллегорические картины на библейские и антивоенные темы.



Гюстав Доре. Биллинсгейтский рынок после открытия. Из серии Лондон

Творческая активность не покидала Доре до конца его жизни. В течение последнего десятилетия он создавал не только графические листы и иллюстрации, но и полотна колоссальных размеров, гигантские скульптуры, среди которых наиболее интересен памятник Александру Дюма, выполненный в 1882 г. и торжественно открытый в1884 г. в Париже. Дюма изображен сидящим в кресле: на одной стороне цоколя представлена группа людей, читающих книги Дюма, на другой изображен Д'Артаньян.

Умер Доре в 1885 году от апоплексического удара в возрасте 51 года.

Перевод Мина и царская цензура

При первой публикации полного перевода «Ада», которая пришлась на годы «мрачного семилетия», переводчик и его издатель столкнулись с серьезными цензурными препятствиями.

Посылая в Петербург перевод «Ада», председатель Московского цензурного комитета в рапорте от 27 сентября 1852 г. излагал свои сомнения:

«Во всей поэме господствует смешение понятий христианских с языческими, постоянное сближение мифологических вымыслов с истинами христианской религии и изъявление равной веры и равного уважения как к тем, так и к другим. Так, напр., во второй песне сошествие в Ад и Рай Энея принимается поэтом за такую же истину, как и восхищение на небо Апостола Павла <…> посему, согласно с заключением Комитета <…> поэма Данта не может быть напечатана без разрешения Главного Управления Цензуры».

21 октября 1852 г. Главное управление направило рукопись перевода цензору Н. Родзянко, который в своем отзыве высказывает мнение, что произведение Данте вполне допустимо к чтению. Однако рецензент отметил в рукописи перевода

несколько «неуместных выражений,», к которым он там же «присовокупил замечания», почему именно считает их «неудобными к печатанию».

Главное управление, рассмотрев этот отзыв определило допустить к печати представленный перевод «с изменением или пропуском более резких и неблагопристойных мест по усмотрению Московского цензурного комитета», и рекомендовало «обратить внимание цензора на места, отмеченные в рукописи». В результате 20 терцин оказалось изъятым в напечатанном переводе.

Получив цензурное разрешение, Погодин должен был начать печатание «Ада» заново, и на протяжении 1853 г. в «Москвитянине» был опубликован весь перевод. Закончив публикацию в журнале, Погодин решил издать перевод Мина отдельной книгой. В связи с этим С. П. Шевырев обратился 1 февраля 1855 г. к министру просвещения Норову с просьбой «разрешить публикацию изъятых из перевода строк под его просвещенное покровительство».

А. С. Норов, большой почитатель итальянской литературы, разрешил печатать запрещенные ранее терцины, отметив, что «они могут быть одобрены к напечатанию, во внимание к древности и высокому достоинству означенной

поэмы…».

Шевырев передал ответ министра Погодину, но издатель уже не успел воспользоваться этим разрешением. Книга была сверстана по готовому набору из «Москвитянина» (цензурное разрешение на ее издание подписано 25 февраля), и вскоре она вышла в свет с теми же купюрами в тексте.

В настоящем издании все изъятые цензурой стихи и терцины восстановлены по списку, сделанному рукой Мина, который прилагался к письму Шевырёва.

Несмотря на появление во второй половине XIX в. еще нескольких стихотворных переводов «Ада», миновский перевод оставался лучшим, о чем свидетельствует и высказывание Валерия Брюсова в 1905 г. Высоким признанием труда Мина явилось и присуждение его переводу «Божественной комедии» в 1907 г. премии имени А. С. Пушкина.

Ад
(Перевел с итальянского размером подлинника Дмитрий Мин)

Песнь I

Содержание. *Уклонившись в глубоком сне с прямой дороги, Данте пробуждается в темном лесу, при слабом мерцании месяца идет далее и перед дневным рассветом достигает подошвы холма, которого вершина освещена восходящим солнцем. Отдохнув от усталости, поэт восходит на холм; но три чудовища — Барс с пестрою шкурою, голодный Лев и тощая Волчица, преграждают ему дорогу. Последняя до того устрашает Данта, что он уже готов возвратиться в лес, как внезапно появляется тень Виргилия. Данте умоляет ее о помощи. Виргилий, в утешение ему, предсказывает, что Волчица, так его испугавшая, скоро погибнет от Пса, и для выведения его из темного леса предлагает ему себя в провожатые в странствии через Ад и Чистилище, прибавляя, что если он пожелает взойти потом на Небо, то найдет себе вожатую, стократ его достойнейшую. Данте принимает его предложение и следует за ним.*

1 В средине нашей жизненной дороги,

Объятый сном, я в темный лес всту-

пил,

Путь истинный утратив в час трево-
ги.

4 Ах! тяжело сказать, как страшен
был

Сей лес, столь дикий, столь густой и
лютый,

Что в мыслях он мой страх возобно-
вил.

7 И смерть лишь малым горше этой
смуты!

Но чтоб сказать о благости Небес,

Все расскажу, что видел в те минуты.

10 И сам не знаю, как вошел я в лес:

В такой глубокий сон я погрузился

В тот миг, когда путь истинный исчез.

13 Когда ж вблизи холма я пробудился,

Где той юдоли[1] *положён предел,*

В которой ужас в сердце мне вселился,

---

[1] Примечания: 1

Юдо́ль: 1) *устар.* — долина, равнина; 2) *устар.* — жизненный путь с его заботами, трудностями и печалями; 3) *устар., перен.* — место, где страдают, мучаются, терпят нужду; 4) *устар., перен.* — жребий, удел, участь кого-либо (обычно печальные).

—

И сам не знаю, как вошел я в лес

16 Я, вверх взглянув, главу холма узрел
В лучах планеты, что прямой дорогой
Ведет людей к свершенью добрых дел.

19 Тогда на время смолк мой страх,

так много
Над морем сердца бушевавший в ночь,
Что протекла с толи́кою тревогой.

22 И как успевши бурю превозмочь,
Ступив чуть дышащий на брег из моря,
С опасных волн очей не сводит прочь,

25 Так я, в душе еще со страхом споря,
Взглянул назад и взор впери́л туда,
Где из живых никто не шел без горя.

28 И отдохнув в пустыне от труда,
Я вновь пошел, и мой оплот опорный
В ноге, стоящей ниже, был всегда.

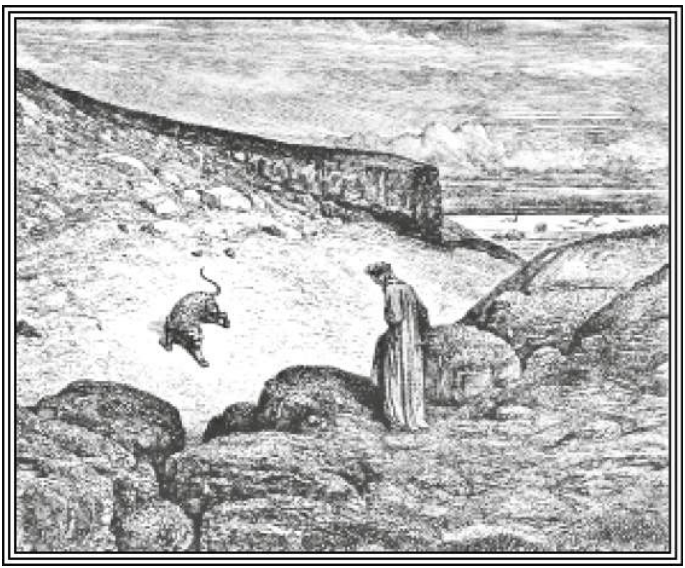
31 И вот, почти в начале крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барс и легкий и проворный.

34 Чудовище не убегало с глаз;
Но до того мне путь мой преграждало,
Что вниз сбежать я помышлял не раз.

37 Уж день светал, и солнце в путь вступало
С толпою звезд, как в миг, когда оно

Вдруг от любви божественной прияло

4 °Свой первый ход, красой озарено;
И все надеждою тогда мне льстило:
Животного роскошное руно,



…Несётся Барс и лёгкий и проворный

43 Час утренний и юное светило.
Но снова страх мне в сердце пробудил

Свирепый Лев, представший с гордой силой.

46 Он на меня, казалось, выходил,
Голодный, злой, с главою величавой,
И, мнилось, воздух в трепет приводил.

49 Он шел с Волчицей, тощей и лукавой,
Что, в худобе полна желаний всех,
Для многих в жизни сей была отравой.

52 Она являла столько мне помех,
Что, устрашен наружностью суровой,
Терял надежду я взойти наверх.

55 И как скупец, копить всегда готовый,
Когда придет утраты страшный час,
Грустит и плачет с каждой мыслью новой:

58 Так зверь во мне спокойствие потряс,
И, идя мне на встречу, гнал всечасно
Меня в тот край, где солнца луч угас.

61 Пока стремглав я падал в мрак ужас-

ный,

Глазам моим предстал нежданный друг,

От долгого молчания безгласный.

64 «Помилуй ты меня! — вскричал я вдруг,

Когда узрел его в пустынном поле, —

О кто б ты ни был: человек, иль дух?»

67 И он: «Я дух, не человек я боле;

Родителей Ломбардцев я имел,

Но в Мантуе рожденных в бедной доле.

70 Sub Julio я поздно свет узрел,

И в Риме жил в век Августов счастливый;

Во дни богов в лжеверье я коснел.

73 Я был поэт, и мной воспет правдивый

Анхизов сын, воздвигший новый град,

Когда сожжен был Илион кичливый.

76 Но ты зачем бежишь в сей мрак назад?

Что не спешишь на радостные горы,
К началу и причине всех отрад?

79 «О, ты ль Виргилий, тот поток, который
Рекой широкой катит волны слов? —
Я отвечал, склонив стыдливо взоры. —

82 О дивный свет, о честь других певцов!
Будь благ ко мне за долгое ученье
И за любовь к красе твоих стихов.

85 Ты автор мой, наставник в песнопенье;
Ты был один, у коего я взял
Прекрасный стиль, снискавший мне хваленье.

88 Взгляни: вот зверь, пред ним же я бежал…
Спаси меня, о мудрый, в сей долине
Он в жилах, в сердце кровь мне взволновал».

91 «Держать ты должен путь другой отныне, —

Он отвечал, увидев скорбь мою, —

Коль умереть не хочешь здесь в пустыне.

94 Сей лютый зверь, смутивший грудь твою,

В пути своем других не пропускает,

Но, путь пресекши, губит всех в бою.

97 И свойством он столь вредным обладает,

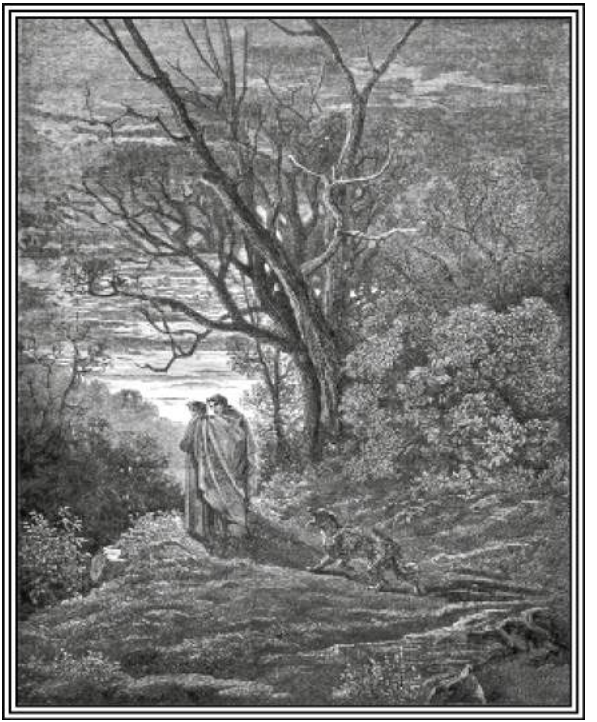
Что, в алчности ничем не утолен,

Вслед за едой еще сильней толкает.

100 Он с множеством животных сопряжен,

И с многими еще совокупится;

Но близок Пес, пред кем издохнет он.



Взгляни: вот зверь, пред ним же я бежал...

103 Не медь с землей Псу в пищу обратится,

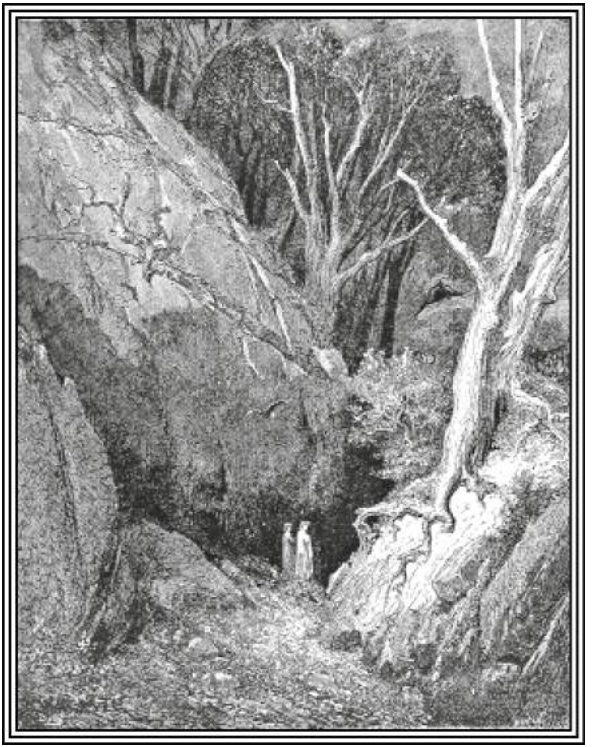
Но добродетель, мудрость и любовь;

Меж Фельтро и меж Фельтро Пес родится.

106 Италию рабу спасет он вновь,
В честь коей дева умерла Камилла,
Турн, Эвриад и Низ пролили кровь.

109 Из града в град помчит Волчицу сила,
Доколь ее не заключит в аду,
Откуда зависть в мир ее пустила.

113 Так верь же мне не к своему вреду:
Иди за мною; в область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.



Здесь он пошел, и я во след за ним

115 Услышишь скорбь отчаянную, злую;

Сонм древних душ увидишь в той

стране,

Вотще зовущих смерть себе вторую.

118 Узришь и тех, которые в огне

Живут надеждою, что к эмпирею[2]

Когда-нибудь взнесутся и они.

121 Но в эмпирей я ввесть тебя не смею:

Там есть душа достойнее стократ;

Я, разлучась, тебя оставлю с нею.

124 Зане[3] *Монарх, чью власть как супостат*

Я не познал, мне ныне воспрещает

Ввести тебя в Его священный град.

127 Он Царь везде, но там Он управляет:

Там град Его и неприступный свет;

О счастлив тот, кто в град Его вступает!»

---

[2] Примечания: 2

Эмпирей, *(от греч. émpyros — огненный)*: 1) в древних космогонических представлениях верхняя часть неба, наполненная огнём, сиянием, местопребывание богов; 2) высь, высота.

[3] Примечания: 3

Зане, *союз.* (церк. устар.) — Ибо, для того, так как, потому что.

130 И я: «Молю я сам тебя, поэт,
Тем Господом, Его ж ты не прославил, —
Да избегу и сих и горших бед, —

133 Веди в тот край, куда ты путь направил:
И вознесусь к вратам Петра святым,
И тех узрю, чью скорбь ты мне представил».

136 Здесь он пошел, и я вослед за ним.

Песнь II

Содержание. *Наступает вечер. Данте, призвав муз в помощь, повествует, как в самом начале странствия родилось сомнение в душе его: достаточно ли в нем сил для смелого подвига. Вергилий укоряет Данта за малодушие и, ободряя на подвиг, объясняет ему причину своего пришествия: как в преддверии ада явилась ему Беатриче и как умоляла его спасти погибавшего. Ободренный этою вестью, Данте воспринимает свое первое намерение, и оба странника шествуют в предназначенный путь.*

1 День отходил и сумрак пал в долины,
Всем на земле дозволив отдохнуть
От их трудов; лишь я один единый

День отходил и сумрак пал в долины

4 Готовился на брань — в опасный путь,

На труд, на скорбь, о чем рассказ правдивый

Из памяти дерзаю почерпнуть.

7 О высший дух, о музы, к вам призывы!
О гений, всё, что зрел я, опиши,
Да явится полет твой горделивый!

10 Я начал так: «Всю мощь моей души
Сперва измерь, поэт-путеводитель;
Потом со мной в отважный путь спеши.

13 Ты говорил, что Сильвиев родитель,
Еще живой и тленный, низходил
Свидетелем в подземную обитель.

16 Но если жребий так ему судил,
То вспомнив, сколько приобрел он славы
И кто сей муж, и как правдив он был, —

19 Почтет его достойным разум здравый:
Он избран был, чтоб некогда создать
Великий Рим и быть отцом державы, —

22 Державы той, где — подлинно ска-

зать —

Престол священный сам Господь поставил

Наместникам Петровым восседать.

25 В сем странствии — ты им его прославил —

Узнал он путь к победе над врагом

И тем тиару папам предоставил.

28 Сосуд избранья в небе был потом,

Да снищет там той вере подкрепленье,

Что мир ведет спасения путем.

31 Но мне ль идти? Кто дал соизволенье?

Я не Эней, не Павел; сам не зрю,

И кто ж узрит во мне к тому влеченье?

34 И так, коль дерзкий подвиг сотворю,

Страшусь, в безумие он мне вменится.

Мудрец, ясней поймешь, чем говорю».

37 Как тот, кто хочет, но начать страшится,

Полн новых дум, меняет замысл свой,
Отвергнув то, на что хотел решиться,
—

40 Так я томился в мрачной дебри той,
И мысль свою, обдумав, кинул снова,
Хоть предан был вначале ей одной.

43 «Коль я проник вполне в значенье слова, —
Возвышенная мне сказала тень, —
Твоя душа познать боязнь готова.

46 Боязнь людей отводит каждый день
От честных подвигов, как призрак ложный
Страшит коня, когда ложится тень.

49 Но выслушай — и страх рассей тревожный, —
Что моего пришествия вина
И что открыл мне жребий непреложный.

52 Я с теми был, чья участь не полна;
Там, слыша голос Вестницы прекрасной,

Я вопросил: что повелит она?

55 Светлей звезды в очах горел луч ясный,
И тихим, стройным языком в ответ
Она рекла как ангел сладкогласный:

58 «О Мантуи приветливый поэт,
Чья слава свет наполнила далеко
И будет в нем, пока продлится свет!

61 Любимец мой, но не любимец рока,
Препону встретил на брегу пустом
И вспять бежит испуганный жестоко.

64 И я страшусь: так сбился он на нём,
Что уж не поздно ль я пришла с спасеньем,
Как в небесах была мне весть о том.

67 Подвигнись в путь и мудрым убежденьем
Все для его спасенья уготовь:
Избавь его и будь мне утешеньем,

70 Я, Беатриче, умоляю вновь;
Меня от звезд, куда стремлюсь жела-

ньем,

Подвигла, речь вложив в уста, любовь.

73 Там, пред моим Владыкой, с состраданьем,

Поэт, я часто похвалюсь тобой».

Умолкла тут… И начал я воззваньем:

Я, Беатриче, умоляю вновь...

76 — О благодать, которою одной

Наш смертный род превысил все творенья

Под небом, что свершает круг меньшой!

79 Так сладостны твои мне повеленья,
Что я готов немедля их свершить;
Не повторяй же своего моленья.

82 Но объясни: как можешь нисходить
Без трепета в всемирную средину
От горних стран, куда горишь парить?

85 «Когда желаешь знать тому причину, —
Она рекла,[4] *— короткий дам ответ,*
Почто без страха к вам схожу в пучину.

88 Страшиться должно лишь того, что вред
Наносит нам: какой же страх бесплодный,
Как не боязнь того, в чем страха нет?

91 Так создана я благостью Господней,

---

[4] Примечания: 4

Рекла, рек (рёк), *гл.* (старин., церк. — слав., поэт.) — то же, что изрекать, говорить, возвещать, возглашать.

Что ваша скорбь меня не тяготит
И не вредит мне пламень преисподней.

94 Там некая Заступница скорбит
О том, к кому тебя я посылаю,
И для нее жестокий суд разбит.»

97 Потом к Лючии обратила слово,
Рекла: «Твой верный ждет тебя в слезах,
И я отсель его тебе вверяю.»

100 И Лючия, жестокосердых враг,
Подвигшись, мне вещала там, где вечно
С Рахилью древней воссежу в лучах:

103 — О Беатриче, гимн Творцу сердечный!
Спаси того, кто так тебя любил,
Что для тебя стал чужд толпе беспечной.

106 Не слышишь ли, как плач его уныл?
Не зришь ли смерть, с которой он сразился

В реке, пред ней же океан без сил? —

109 Никто так быстро в мире не стремился

От гибели, иль к выгодам своим,

Как мой полет от слов тех ускори́лся

112 С скамьи блаженной к пропастям земным —

Ты дал мне веру мудрыми словами,

И честь тебе и тем, кто внемлет им!»

115 Потом, сказав мне это, со слезами

Взор лучезарный возвела горе,

И я потек быстрейшими стопами.

118 И, как желала, прибыл к той поре,

Когда сей зверь пресек в пустынном поле

Твой краткий путь к прекрасной той горе.

121 Так что ж? зачем, зачем же медлит боле?

Что на сердце питаешь низкий страх?

Что сделалось с отвагой, с доброй волей…

124 Когда так бодрствуют на небесах
Блаженные три Девы над тобою
И я сулю тебе так много благ?

127 И как цветочки, стужею ночною
Согбенные, в сребре дневных лучей
Встают, раскрывшись, на ветвях главою, —

130 Так я воздвигся доблестью моей;
Столь дивная влилась мне в грудь отвага,
Что начал я, как сбросив груз цепей:

133 «О слава ей, подательнице блага!
О честь тебе, что правым словесам
Уверовал и не замедлил шага!

136 Так сердце мне с желаньем по стопам
Твоим идти возжег ты мудрым словом,
Что к первой мысли возвращаюсь сам.

139 Идем: крепка надежда в сердце новом —

Ты вождь, учитель, ты мой властелин!»

Так я сказал, и под его покровом

142 Нисшел путем лесистым в мрак пучин.

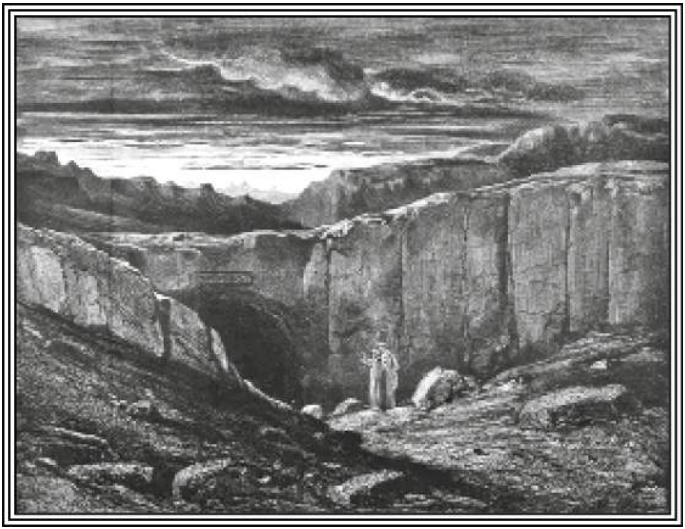
Песнь III

Содержание. *Поэты приходят к двери ада. Данте читает над нею надпись и ужасается; но, ободренный Виргилием, нисходит вслед за ним в мрачную бездну. Вздохи, громкий плач и крики оглушают Данта: он плачет и узнает от вождя своего, что здесь, еще вне пределов ада, наказуются среди вечного мрака души людей ничтожных, не действовавших, и трусов, с которыми смешаны хоры ангелов, не соблюдших верность Богу и не принявших стороны Его противника. Затем поэты приходят к первой адской реке — Ахерону. Седовласый Харон, кормщик адский, не хочет принять Данта в свою ладью, говоря, что в ад проникнет он иным путем, и перевозит на другой берег Ахерона толпу умерших. Тогда потрясаются берега адской реки, поднимается вихрь, сверкает молния и Данте падает без чувств.*

1 Здесь мною входят в скорбный град к мученьям,

Здесь мною входят к муке вековой,

Здесь мною входят к падшим поколеньям.



Оставь надежду всяк, сюда идущий

4 Подвинут правдой вечный Зодчий мой:
Господня сила, разум всемогущий
И первые любови дух святой

7 Меня создали прежде твари сущей,
Но после вечных, и мне века нет.
Оставь надежду всяк, сюда идущий! —

10 В таких словах, имевших темный

цвет,

Я надпись зрел над входом в область казни

И рек: «Жесток мне смысл ее, поэт!»

13 И как мудрец, вещал он, полн приязни:

«Здесь места нет сомненьям никаким,

Здесь да умрет вся суетность боязни.

16 Вот край, где мы, как я сказал, узрим

Злосчастный род, утративший душою

Свет разума со благом пресвятым». —

19 И длань[5] *мою прияв своей рукою*

Лицом спокойным дух мой ободрил

И к тайнам пропасти вступил со мною.

22 Там в воздухе без солнца и светил

Грохочат в бездне вздохи, плач и крики,

И я заплакал, лишь туда вступил.

25 Смесь языков, речей ужасных клики,

---

[5] Примечания: 5
Длань, *мн.* устар. — руки.

Порывы гнева, страшной боли стон
И с плеском рук то хриплый глас, то дикий,

28 Рождают гул, и в век кружится он
В пучине, мглой без времени покрытой,
Как прах, когда крутится аквилон.

31 И я, с главою ужасом повитой,
Спросил: «Учитель мой, что слышу я?
Кто сей народ, так горестью убитый?»
—

34 И он в ответ: «Казнь гнусная сия
Карает тот печальный род, который
Жил без хулы и славы бытия.

37 С ним смешаны злых ангелов те хоры,
Что, за себя стоя́ лишь за одних,
Ни с адом в брань, ни с Богом шли в раздоры.

40 Да не сквернится, небо свергло их
И ад глубокий их извергнул племя,
Зане оно бесславно и для злых».

43 «Учитель, — я спросил, — какое ж бремя
Их вынуждает к жалобам таким?» —
И он: «Для них не стану тратить время,

46 Надежда смерти не блестит слепым,
А жизнь слепая так невыносима,
Что участь каждая завидна им,

49 Их в мире след исчез быстрее дыма;
Нет состраданья к ним, их суд презрел,
Что говорят об них? взгляни и — мимо!»

52 И я, взглянувши, знамя там узрел:
Оно, бежа, взвивалося так сильно,
Что, мнилось, отдых — не ему в удел.

55 За ним бежал строй мертвых столь обильный,
Что верить я не мог, чтоб жребий сверг
Такое множество во мрак могильный.

57 И я, узнав там некоторых, вверх

Взглянул и видел тень того, который
Из низости великий дар отверг,

61 Я вмиг узнал — в том убеждались взоры, —
Что эту чернь презрели навсегда
Господь и враг, ведущий с Ним раздоры.

64 Презренный род, не живший никогда,
Нагой и бледный, был язвим роями
И мух и ос, слетавшихся туда.

67 По лицам их катилась кровь струями,
И, смешана с потоком слез, в пыли
У ног съедалась гнусными червями.

70 И я, напрягши зрение, вдали
Узрел толпу на берегу великой
Реки и молвил: «Вождь, благоволи

73 Мне объяснить: что значит сонм толи́кой[6]
И что влечет его со всех сторон,

---

[6] Примечания: 6

Толи́ка: 1) *разг., без опр.* — небольшое, незначительное количество; 2) *разг.* значимая, но не преобладающая часть.

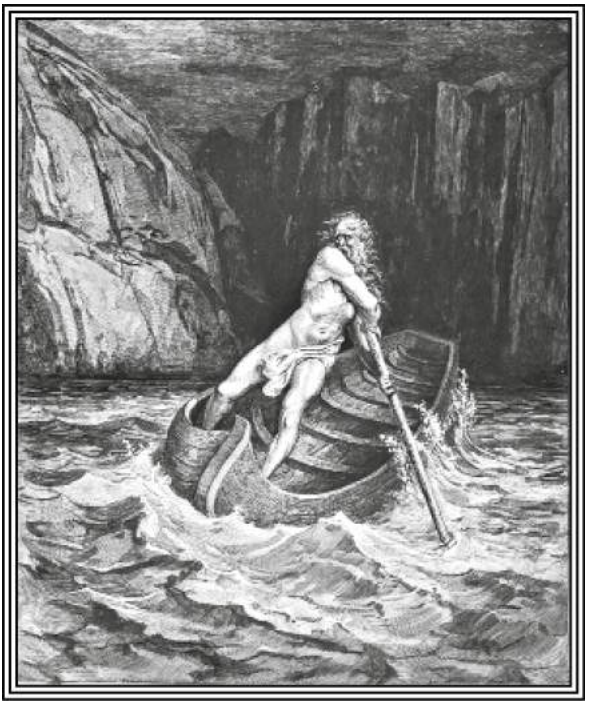
Как вижу я сквозь мрак в долине дикой?»

76 «О том узнаешь, — отвечал мне он,
Когда достигнем берега крутого,
Где разлился болотом Ахерон».

79 И взор смущенный я потупил снова
И, чтоб вождя не оскорбить, к брегам
Реки я шел, не говоря ни слова.

82 И вот в ладье гребет навстречу нам
Старик суровый с древними власами,
Крича: «О горе, злые, горе вам!

85 Здесь навсегда проститесь с небесами:
Иду повергнуть вас на том краю
В тьму вечную и в жар и хлад со льдами.



И вот в ладье гребет на встречу нам
Старик суровый с древними власами

88 А ты, душа живая, в сем строю,
Расстанься с этой мертвою толпою!»
Но увидав, что недвижим стою:

91 «Другим путем, — сказал, — другой волною,

Не здесь, проникнешь ты в печальный край:

Легчайший челн помчит тебя стрелою».

94 И вождь ему: «Харон, не воспрещай!

Так там хотят, где каждое желанье

Уж есть закон: старик, не вопрошай!»

97 Косматых щек тут стихло колыханье

У кормщика, но огненных колес

Усилилось вокруг очей сверканье.

100 Тут сонм теней, взволнованный хаос,

В лице смутился, застучал зубами,

Едва Харон суд грозный произнес, —

103 И проклинал родителей хулами,

Весь род людей, рожденья место, час

И семя семени с их племенами.

106 Потом все тени, в сонм един столпясь,

Навзрыд взрыдали на брегу жестоком,
Где будет всяк, в ком Божий страх угас.

109 Харон же, бес, как угль сверкая оком,
Маня, в ладью вгоняет сонм теней,
Разит веслом отсталых над потоком.

112 Как осенью в лесу кружит борей
За ли́стом лист, доколь его порывы
Не сбросят в прах всей роскоши ветвей:

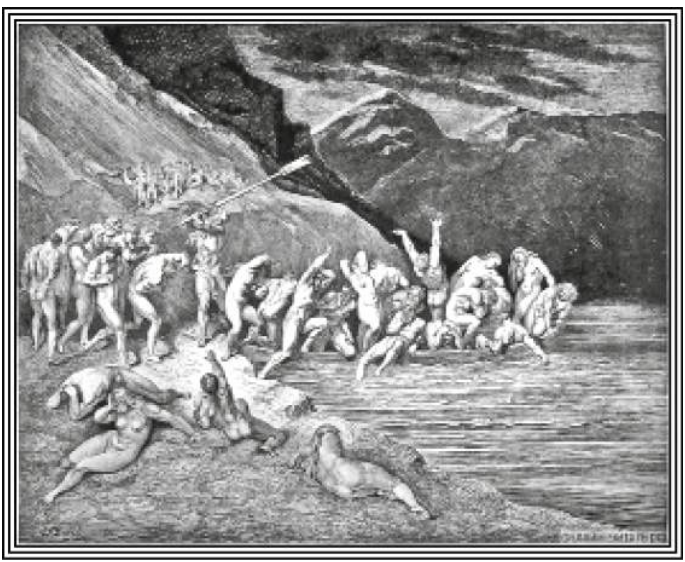
115 Подобно род Адамов нечестивый,
За тенью тень, метался с берегов,
На знак гребца, как сокол на призывы.

118 Так все плывут по мутной мгле валов,
И прежде чем взойдут на берег сонный,
На той стране уж новый сонм готов.

121 «Мой сын, — сказал учитель благосклонный, —
Пред Господом умершие в грехах
Из всех земель парят к реке бездонной

124 И чрез нее торопятся в слезах;
Их правосудье Божье побуждает
Так, что в желанье превратился страх.

127 Душа благая в ад не проникает,
И если здесь так встречен ты гребцом,
То сам поймешь, что крик сей означает».



...род Адамов нечестивый,

За тенью тень, метался с берегов

130 Умолк. Тогда весь мрачный дол кругом

Потрясся так, что хладный пот доныне

Меня кропит, лишь вспомню я о том.

133 Промчался вихрь по слезной сей долине,

Багровый луч сверкнул со всех сторон

И, чувств лишась, в отчаянной пучине

136 Я пал как тот, кого объемлет сон.

Песнь IV

Содержание. *Оглушительный гром пробуждает Данта на противоположном берегу Ахерона, на краю бездны, из которой несутся страшные стоны, заставляющие бледнеть самого Виргилия. Они сходят в первый круг — преддверие ада, Лимб, жилище умерших до крещения младенцев и добродетельных язычников. Данте, сострадая им, спрашивает Виргилия: был ли кто-нибудь избавлен из этого круга? и узнает о сошествии Христа во ад и об избавлении праотцев: Адама, Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова и Рахили с детьми, Моисея, Давида и других. Беседуя, таким образом, поэты встречают на внешней окружности Лимба, в совершенной темноте, бесчисленную толпу теней, которую Данте сравнивает с лесом: это души добродетельных, но неизвестных, не отмеченных славою язычников; они и в Лимбе остаются во мраке. Подаваясь далее к центру круга, Данте видит свет, отделяющий славных мужей древности от неизвестных. Из этого отдела Лимба, озаренного светом и окруженного семью стенами и прекрасным ручьем, раздается голос, приветствующий возвращающегося Вир-*

гилия, и вслед за тем три тени, Горация, Овидия и Лукана, под предводительством главы поэтов — Гомера, выступают к ним на встречу, приветствуют путников и, приняв Данта в свое число переходят с ним чрез ручей как по суше и чрез семь ворот города. Возводят его на вечно-зеленеющий холм героев. Отсюда обозревает Данте всех обитателей города; но из них поименовывает преимущественно тех, кой имеют отношение к отчизне Энея — Трое и к основанной им Римской Империи. Над всеми возвышается тень Аристотеля, окруженная учеными по разным отраслям человеческих знаний: философами, историками, врачами, естествоиспытателями, математиками, астрономами, — людьми различных наций: греками, римлянами, арабами. Взглянув на героев и ученых языческой древности, Виргилий и Данте отделяются от сопровождавших их поэтов и сходят с зеленеющей горы Лимба во второй круг.

1 Громовый гул нарушил сон смущенный
В моей главе и, вздрогнув, я вскочил,
Как человек, насильно пробужденный.

4 И, успокоясь, взор я вкруг водил
И вглядывался пристально с стрем-

нины,
Чтоб опознать то место, где я был.

7 И точно, был я на краю долины
Ужасных бездн, где вечно грохотал
Немолчный гром от криков злой кручины.

10 Так был глубок и темен сей провал,
Что я, вперив глаза в туман, под мглою
В нем ничего на дне не различал.

13 «Теперь сойду в слепой сей мир с тобою,»
Весь побледнев, так начал мой поэт. —
Пойду я первый, ты иди за мною».

16 Но я, узрев, как он бледнел, в ответ:
«О как пойду, коль духом упадаешь,
И ты, моя опора против бед!»

19 И он мне: «Казнь племен, в чей мир вступаешь,
Мне жалостью смутила ясный взгляд,
А ты за ужас скорбь мою считаешь.

22 Идем: вам путь чрез тысячи преград».

Так он пошел, так ввел меня в мгновенье

В круг первый, коим опоясан ад.

25 Там — сколько я расслушать мог в томленье —

Не плач, но вздохов раздавался звук

И воздух вечный приводил в волненье.

28 И был то глас печали, но не мук,

Из уст детей, мужей и жен, в долине

В больших толпах теснившихся вокруг.

31 Тут добрый вождь: «Почто ж не спросишь ныне,

Кто духи те, которых видишь там?

Узнай, пока придем мы к их дружине:

34 Безгрешные, за то лишь небесам

Они чужды, что не спаслись крещеньем, —

Сей дверью веры, как ты знаешь сам.

37 До христианства жив, они с смиреньем,

Как надлежит, не пали пред Творцем;
И к ним и я причтен святым веленьем.

4 °Сим недостатком, не другим грехом,
Погибли мы и только тем страдаем,
Что без надежд желанием живем».

43 Великой скорбью на сердце снедаем,
Я видел здесь, у роковой межи,
Толпу теней, отвергнутую раем?

46 «Скажи, мой вождь, учитель мой, скажи! —
Так начал я, да утвержуся в вере,
Рассеявшей сомненье каждой лжи, —

49 Отверз ли кто себе к блаженству двери
Заслугою своей, или чужой?»
И, тайну слов постигнув в полной мере,

Погибли мы и только тем страдаем,
Что без надежд желанием живем

52 Он рек: «Я внове с этой был толпой,
Когда притек Царь силы, пламенея
Венцом победы, и вознес с Собой

55 Тень праотца к блаженствам эмпирея
И Авеля, и Ноя, и закон
Создавшего владыку Моисея.

58 Был Авраам, был царь Давид спасен,
С отцом Израиль и с детьми своими
Рахиль, для ней же столько сделал он,

61 И многие соделались святыми.
Но знай, до них никто из всех людей
Не пощажен судьба́ми всеблагими».

64 Так говоря, мы шли стезей своей
И проходили темный лес высокий,
Лес, говорю, бесчисленных теней

67 Еще наш путь отвел нас недалеко
От высоты, когда я огнь узрел,
Полуобъятый сводом мглы глубокой.

70 Еще далеко он от нас горел,
Но рассмотреть я мог уж с расстоянья
Почтенный сонм, занявший сей предел.

73 «Честь каждого искусства и познанья!
Кто сей народ, возмогший приобресть
Такой почет от прочего собранья?»

76 И он в ответ: «Их имена и честь,

Что в жизни той звучат об них молвою,
Склонили небо так их предпочесть».

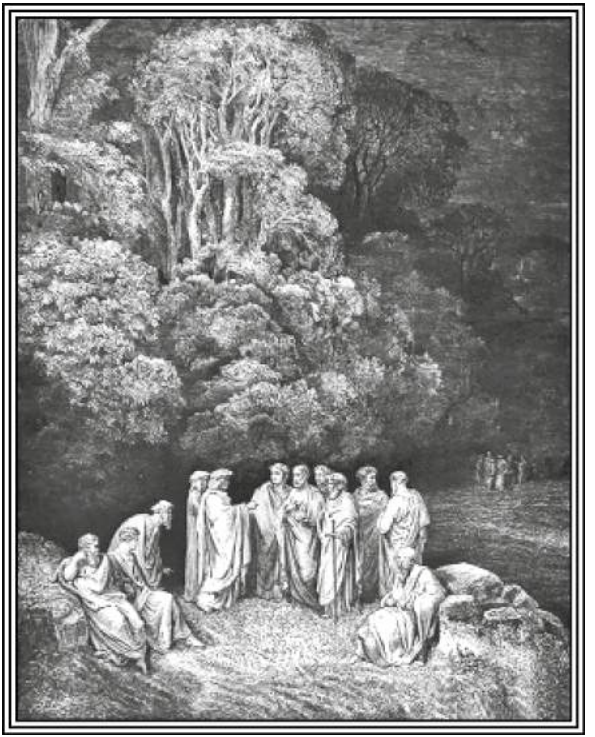
79 Меж тем раздался голос надо мною:
«Воздайте честь певцу высоких дум!
Отшедший дух нам возвращен судьбою».

82 И вот четыре призрака на шум
К нам двинулись, чтоб ввесть в свою обитель:
Был образ их ни светел ни угрюм.

85 Тогда так начал мой благой учитель:
«Узри того, что шествует с мечом,
Ведя других как некий повелитель.

88 То сам Гомер, поэтов царь; потом
Гораций, бич испорченному нраву;
Назон с Луканом вслед идут вдвоем.

91 Одно нам имя всем снискало славу,
Как здесь о том вещал один глагол;
Затем и честь мне воздают по праву».



Так собрались певцы прекрасных школ
Вокруг отца высокого творенья

94 Так собрались певцы прекрасных школ

Вокруг отца высокого творенья,
Что выше всех летает как орел.

97 Поговорив друг с другом, знак почтенья
Мне воздали они: учитель мой
На то смотрел с улыбкой одобренья.

100 И был почтен я высшей похвалой:
Поставленный в их сонме, полном чести,
Я был шестым средь мудрости такой.

103 Так к свету шли мы шесть певцов все вместе,
Беседуя, но сказанных речей
Не привожу, в своем приличных месте.

106 Вблизи от нас был дивный град теней,
Семь раз венчанный гордыми стенами,
И вкруг него прекрасных волн ручей.

109 Пройдя поток как сушу с мудрецами,
Чрез семь ворот вошли мы в град, где луг

Муравчатый открылся перед нами.

112 С величием там тени бродят вкруг,
И строгое медлительно их око
И сладостен речей их редких звук.

115 Там, в стороне, взошли мы на высокий,
Открытый всюду, озаренный дол,
Отколе всех я видеть мог далеко.

118 На бархате лугов, я там нашел
Великих сонм, скитавшийся пред нами,
И, видя их, в восторг я вдруг пришел.

121 Электра там со многими друзьями,
Меж коих был и Гектор, и Эней,
И Цезарь, тень с сокольими очами.

124 Камилла там, Пентезилея с ней,
И царь Латин, поодаль восседавший
С Лавинией, со дщерию своей.

127 Там был и Брут, Тарквиния изгнавший,

Лукреция с Корнельей средь подруг
И Саладин, вдали от всех мечтавший.

130 Я взор возвел и мне явился дух —
Учитель тех, что в мудрость ум вперяют,
И с ним семья философов вокруг.

133 Все чтут его, все на него взирают;
Один Сократ с Платоном от других
К нему всех ближе место занимают.

136 И Демокрит, что мир судьбой воздвиг,
И Диоген, Зенон с Анаксагором,
И Эмпедокд, Орфей, Эвклид меж них;

139 Диоскорид, прославившийся сбором,
И Цицерон, и Ливий, и Фалес,
И моралист Сенека перед взором;

142 И Птоломей, изме́ритель небес,
И Гиппократ, с Галеном, с Авиценной,
И толкователь слов, Аверроэс.

145 Но кто ж исчислит весь их сонм почтенный?

Мой долгий труд торопит так меня,
Что часто речь полна несовершенно.

148 Тут лик шести умалился двумя,
И я вошел вслед за моим поэтом
Из тишины туда, где вихрь, шумя,

151 Кружит в стране, не озаренной светом.

Песнь V

Содержание. *Поэты спускаются во второй круг ада, меньший пространством, но исполненный большей муки. При самом входе они встречают Миноса, адского судью, занятого распределением по аду грешников, к нему беспрестанно прибывающих. При виде Данта, Минос прерывает на время исполнение своей обязанности и напоминает живому пришельцу о дерзости его предприятия; но теми же словами, которыми укрощен был Харон, Виргилий укрощает и Миноса. Между тем жалобные крики грешников начинают становиться явственными. Это крики сладострастных: среди вечного мрака неистовый вихрь адский вечно носит их во все стороны. Из их числа Виргилий поименовывает Данту некоторых, преимущественно женщин; но особенное внимание возбуждают две тени, неразлучно носимые бурею — тень Паоло Малатеста ди Римини и жены его брата, Франчески. Данте призывает их, расспрашивает о причине их мучений, и одна из двух теней рассказывает ему о начале и трагическом конце своей преступной любви. Потрясенный до глубины сердца состраданием*

к их участи, Данте лишается чувств и падает как мертвый.

1 Так с первой мы спустилися ступени
Вниз во второй, пространством меньший, круг,
Где больше мук, от них же воют тени.

4 Скрежещет там Минос, ужасный дух,
Исследует грехи у входа, судит
И шлет, смотря как обовьется вкруг.

7 Я говорю: едва к нему прибудет
На покаянье злая тень и сей
Всех прегрешений вéщатель рассудит:

10 Какое место в аде выбрать ей, —
Хвост столько раз он вкруг себя свивает,
На сколько вниз ниспасть ей ступенéй.

...там Минос, ужасный дух,
Исследует грехи у входа...

13 Всегда пред ним их множество стенает:
Тень каждая ждет в очередь суда, —
Поведает, услышит, исчезает.

16 «О ты, пришлец в дом скорби и стыда!» —
Узрев меня, вскричал Минос ужасный,
Прервав заботу тяжкого труда. —

19 Взгляни, с кем ты дерзнул в сей путь опасный:

Пространством врат себя не обольщай!»

И вождь ему: «К чему ж твой крик напрасный?

22 Путь роковой ему не воспрещай!

Так там хотят, где каждое желанье

Уж есть закон: Минос, не вопрошай!»

25 Здесь явственней услышал я стенанье

Печальных душ: я был в стране теней,

Где так пронзило слух мой их рыданье.

28 Я был в краю, где смолкнул свет лучей,

Где воздух воет, как в час бури море,

Когда сразятся ветры средь зыбей.

31 Подземный вихрь, бушуя на просторе,

С толпою душ кружится в царстве мглы:

Разя, вращая, умножает горе.

34 Когда ж примчит к окраине скалы,
Со всех сторон тут плач и стон и крики,
На промысел божественный хулы.

37 И я узнал, что казни столь великой
Обречены плотски́е те слепцы,
Что разум свой затмили страстью дикой.

40 И как густой станицею[7] *скворцы*
Летят, когда зимы приходит время:
Так буйный ветр несет во все концы,

43 Туда, сюда, вниз, к верху злое племя;
Найти покой надежды все прошли,
Не облегчается страданий бремя!

46 И как, крича печально, журавли
Несутся в небе длинною чертою, —
Так поднята тем ветром от земли

49 Толпа теней и нет конца их вою.
И я спросил: «Какой ужасный грех

---

[7] Примечания: 7
Станицы — стаи (обычно перелетных птиц).

Казнится здесь под темнотой ночною»?

52 И мне учитель: «Первая из тех,
О коих ты желаешь знать, когда-то
Владычица земных наречий всех, —

55 Так сладострастием была объята,
Что, скрыть желая срам свой от граждáн,
Решилась быть потворницей разврата, —

58 Семирамиду видишь сквозь туман;
Наследовав от Нина силу власти,
Царила там, где злобствует султан.

61 Другая грудь пронзила в дикой страсти,
Сихею данный позабыв обет;
С ней Клеопатра, жертва сладострастий.

64 Елена здесь, причина стольких бед;
Здесь тот Ахилл, воитель быстроногий,
Что был сражен любовью средь побед;

67 Здесь и Парис, здесь и Тристан...» И много
Мне указал и на́звал он теней,
Низвергнутых в сей мир любовью строгой.

70 Пока мой вождь мне исчислял царей
И рыцарей и дев, мне стало больно
И обморок мрачил мне свет очей.

73 «Поэт, — я начал, — мысль моя невольно
Устремлена к чете, парящей там,
С которой вихрь так мчится произвольно».

76 И он: «Дождись, когда примчатся к нам:
Тогда моли любовью, их ведущей, —
И прилетят они к твоим мольбам».

79 Как скоро к нам принес их ветр ревущий,
Я поднял глас: «Не скрой своей тоски,
Чета теней, коль то велит Всесущий!»

82 Как на призыв желанья, голубки

Летят к гнезду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нежны и легки,

...«мысль моя невольно
Устремлена к чете, парящей там

85 Так, разлучась с толпою, где Дидона,

Сквозь мрак тлетворный к нам примчались вновь —

Так силен зов сердечного был стона!

88 «О существо, постигшее любовь!

О ты, который здесь во тьме кромешной

Увидел нас, проливших в мире кровь!

91 Когда б Господь внимал молитве грешной,

Молили б мы послать тебе покой

За грусть о нашей скорби неутешной.

94 Что скажешь нам? что хочешь знать? открой:

Все выскажем и выслушаем вскоре,

Пока замолк на время ветра вой.

97 Лежит страна, где я жила на горе,

У взморья, там, где мира колыбель

Находит По со спутниками в море.

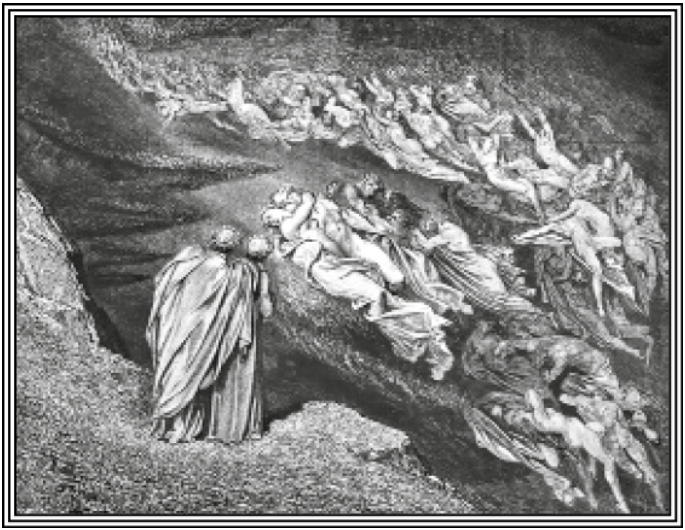
100 Любовь, сердец прекрасных связь и цель,

Моей красой его обворожила
И я, лишась ее, грущу досель.

103 Любовь, любимому любить судила
И так меня с ним страстью увлекла,
Что, видишь, я и здесь не разлюбила.

106 Любовь к одной нас смерти привела;
Того, кем мы убиты, ждут в Каи́не!» —
Так нам одна из двух теней рекла.

109 Склонив чело, внимал я о причине
Мучений их, не подымал главы,
Пока мой вождь: «О чем ты мыслишь ныне?»



Любовь к одной нас смерти привела

112 И, дав ответ, я продолжал: «Увы!
Как много сладких дум, какие грезы
Их низвели в мученьям сей толпы?»

115 И к ним потом: «Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой рассказ
В очах рождает состраданья слезы.

118 Но объясни: томлений в сладкий

час

Чрез что и как неясные влеченья
Уразуметь страсть научила вас?»

121 И мне она: «Нет большего мученья,
Как о поре счастливой вспоминать
В несчастии: твой вождь того же мненья.

124 Ты хочешь страсти первый корень знать?
Скажу, как тот, который весть печали
И говорит, и должен сам рыдать.

127 Однажды мы, в миг счастья, читали,
Как Ланчелот в безумии любил:
Опасности быть вместе мы не знали.

130 Не раз в лице румянца гаснул пыл
И взор его встречал мой взор беспечный;
Но злой роман в тот миг нас победил,

133 Когда прочли, как поцелуй сердечный

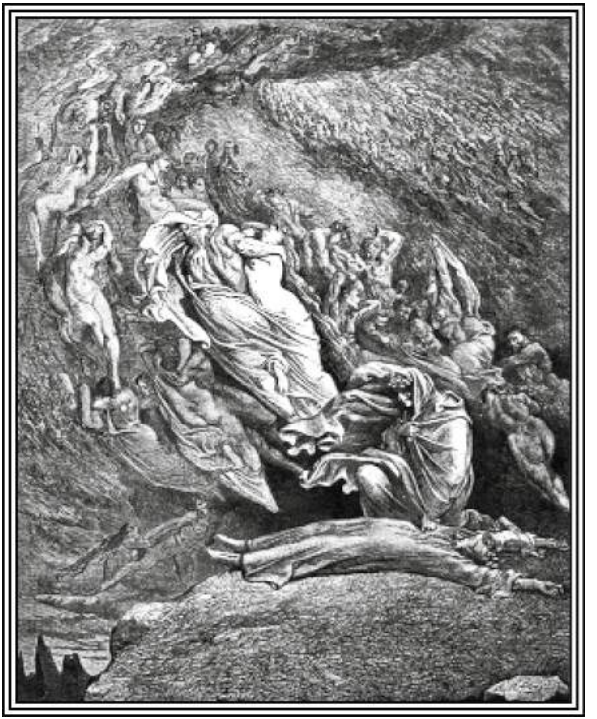
Был приманён улыбкою к устам,

И тот, с кем я уж не расстанусь вечно,

136 Затрепетав, к моим приникнул сам…

Был Галеотто автор книги гнусной!..

В тот день мы дальше не читали там!»



И пал без чувств, как падает мертвец

139 Так дух один сказал, меж тем так грустно

Рыдал другой, что в скорби наконец

Я обомлел от повести изустной

132 И пал без чувств, как падает мертвец

Песнь VI

Содержание. *Данте в третьем кругу ада. Здесь под градом, снегом и ливнем мутной воды казнятся обжоры, увязшие в грязной тине. Треглавое чудовище Цербер, страж этого круга, хватает грешников, четвертует их, сдирает с них кожу. С яростью бросается он на поэтов; но горсть земли, брошенная Виргилием в тройную пасть чудовищу, укрощает его. Поэты идут далее, попирая грешников, смешанных в одну отвратительную кучу с грязью. Один из них, флорентинец Чиакко, приподнимается и на вопрос Данта предсказывает ему будущие судьбы Флоренции и его собственное изгнание. Данте спрашивает его об участи некоторых флорентинцев и узнает, что они в более глубоких кругах ада. Попросив живого странника напомнить о себе своим сородичам, Чиакко упадает лицом в грязь и навсегда замолкает. В беседе о будущей неземной жизни Виргилий и Данте приходят в границе третьего круга и, спустившись в четвертый круг, встречают демона богатства, великого врага человечества, Плутуса.*

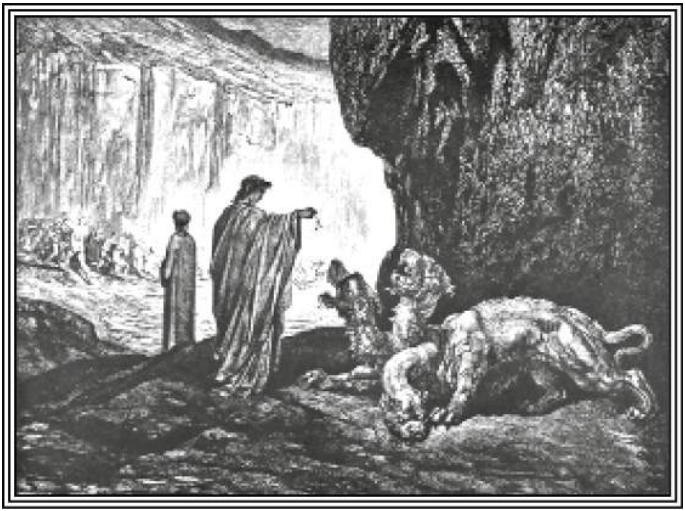
1 С возвратом чувств, к которым вход закрылся,
При виде мук двух родственных теней,
Когда печалью весь я возмутился, —

4 Иных скорбящих, ряд иных скорбей
Я зрел везде, куда ни обращался,
Куда ни шел, ни устремлял очей.

7 Я был в кругу, где ливень проливался
Проклятый, хладный, вечный: никогда
Ни в мере он ни в свойствах не менялся.

10 Град крупный, снег и мутная вода
Во мраке там шумят однообразно;
Земля, приняв их, там смердит всегда.

13 Там Цербер, зверь свирепый, безобразный,
По-песьи лает пастию тройной
На грешный род, увязший в тине грязной.



Там Цербер, зверь свирепый, безобразный,
По-песьи лает пастию тройной

16 Он, с толстым чревом, с сальной бородой,

С когтьми на лапах, с красными глазами,

Хватает злых, рвет кожу с них долой.

19 Как псы там воют души в грязной яме:

Спасая бок один, другим не раз

Перевернутся с горькими слезами.

22 Червь исполинский, лишь завидел нас,
Клыкастые три пасти вдруг разинул;
От бешенства все члены он потряс.

25 Тогда мой вождь персты свои раздвинул,
Схватил земли и смрадной грязи ком
В зев ненасытный полной горстью кинул.

28 Как пес голодный воет и потом
Стихает, стиснув кость зубами злыми,
И давится и борется с врагом, —

31 Так, сжав добычу челюстьми тройными,
Сей Цербер-бес столь яростно взревел,
Что грешники желали б быть глухими.

34 Чрез сонм теней, над коим дождь шумел,
Мы шли, и молча ноги поставляли
На призрак их, имевший образ тел.

37 Простертые, все на земле лежали;
Один лишь дух привстал и сел, сквозь сон
Узрев, что мимо путь свой мы держали.

40 «О ты, ведомый в бездну, — молвил он, —
Узнай меня, коль не забыл в разлуке:
Ты создан прежде, чем я погублён».

43 И я: «Твой лик так исказили муки,
Что ты исчез из памяти моей
И слов твоих мне незнакомы звуки.

46 Скажи ж, кто ты, гнетомый мукой сей,
Хоть, может быть, не самою ужасной,
Но чья же казнь презреннее твоей?»

49 И он: «Твой град, полн зависти опасной, —
Сосуд, готовый литься чрез край, —
Меня в себе лелеял в жизни ясной.

52 У вас, граждáн, Чиакком прозван я:

За гнусный грех обжорства, в низкой доле,
Ты видишь, ливень здесь крушит меня.

55 И, злая тень, я не одна в сем поле;
Но та же казнь здесь скопищу всему
За грех подобный!» — И ни слова боле.

58 «До слез, Чиакко, — я сказал ему, —
Растроган я твоим страданьем в аде;
Но, если знаешь, возвести: к чему

«До слез, Чиакко, — я сказал ему, —
Растроган я твоим страданьем в аде...»

61 Дойдут гражда́не в раздроблённом граде?
Кто прав из них? скажи причину нам,
Как партии досель в таком разладе?»

64 А он в ответ: «По долгим распрям там
Дойдут до крови: партия лесная,
Изгнав другую, навлечет ей срам.

67 Но чрез три солнца победит другая,
Изгнав лесных при помощи того,
Что лавиру́ет, берег обгибая.

70 Чело подняв до неба самого,
Они врагу тяжелый гнет предпишут,
Хоть негодуй, хоть плачь он оттого.

73 Два правых там, но сло́ва их не слышат:
Гордыня, зависть, скупость — это три
Те искры, ими же сердца там пышат».

76 Он смолк, терзаем горестью внут-

ри,
И я: «Еще спрошу я у собрата,
Два слова лишь еще мне подари:

79 Друзья добра, Теггьяйо, Фарината
И Рустикуччи, Моска и Арриг
И прочие гонители разврата, —

82 Ах, где они? поведай мне об них!
Узнать об них горю от нетерпенья —
В аду ль скорбят, иль рай лелеет их?»

85 И он: «В числе чернейших! преступленья
Различные их повлекли ко дну:
Нисше́д[8] *туда, увидишь их мученья.*

88 А как придешь в ту сладкую страну,
Молю: пусть вспомнят обо мне живые.
Довольно! дождь меня гнетет ко сну».

91 Тут, искосив глаза свои прямые,
Он на меня взглянул, главу склонил
И пал лицом как прочие слепые.

---

[8] Примечания: 8
Нисшед (устар.) — сойдя.

94 И вождь сказал: «Надолго он почил:
Звук ангельской трубы его разбудит,
Когда придет Владыка грозных сил.

97 На гроб печальный всех тот звук осудит,
Все восприимут плоть и образ свой,
Услышат то, что в век греметь им будет».

100 Мы тихо шли под бурей дождевой,
Топча в грязи теней густые кучи
И говоря о жизни неземной.

103 И я: «Учитель, меры злополучий
Умножатся ль в день Страшного суда,
Умалются, иль будут столько же жгучи?»

106 А он: «К науке обратись, туда,
Где сказано, что чем кто совершенней,
Тем больше зрит он благ или вреда.

109 Хотя сей род, проклятый в злой геенне,
В век совершен не может быть вполне,

Ждет тем не мене казни утонченней».

112 Мы обогнули путь сей в тишине,
То говоря, чего здесь не замечу;
Когда ж пришли, где сходят к глубине,
—

115 Враг смертных, Плутус, нам пред-
стал навстречу.

Песнь VII

Содержание. *Напомнив Плутусу падение Люцифера и тем укротив его бешенство, Виргилий вводит Данта в четвертый круг. Здесь вместе наказуются скупые и расточители. С страшным воем вращают они огромные тяжести, каждый совершая свой полукруг, сходятся с двух сторон, сталкиваются с поносными речами и, расходясь, снова вращают свои камни на новую встречу. Узнав, что это большею частью духовные, папы и кардиналы, Данте хочет иметь подробные сведения о некоторых; но Виргилий объясняет ему, что жизнь их была так безвестна, что никого из них нельзя узнать. До Страшного суда продлится спор их; тогда скупые восстанут с сжатыми кулаками, а расточители — остриженные. По этому поводу Виргилий, намекнув о тщете даров счастья, изображает гения богатства — Фортуну. Уже полночь; путники идут далее и, пересекши четвертый круг, достигают кипучего потока, образующего грязное болото — Стикс. Следуя по его течению, они приходят в пятый круг. Здесь, в мутных волнах адского болота, души гневных дерутся между собою и рвут друг друга зубами.*

Под водою, в болотной тине, погружены сердитые и завистливые: они, дыша под волнами, вздымают пузыри на их поверхности и, испуская клики, захлебываются. Поэты обгибают болото, делают по его берегу большой круг и, наконец, приходят к башне.

1 «Pape Satan, pape Satan aleppe!» —

Так Плутус хриплым голосом вскричал;

Но мой мудрец, с кем шел я в сем вертепе,

4 Как человек всеведущий, сказал:

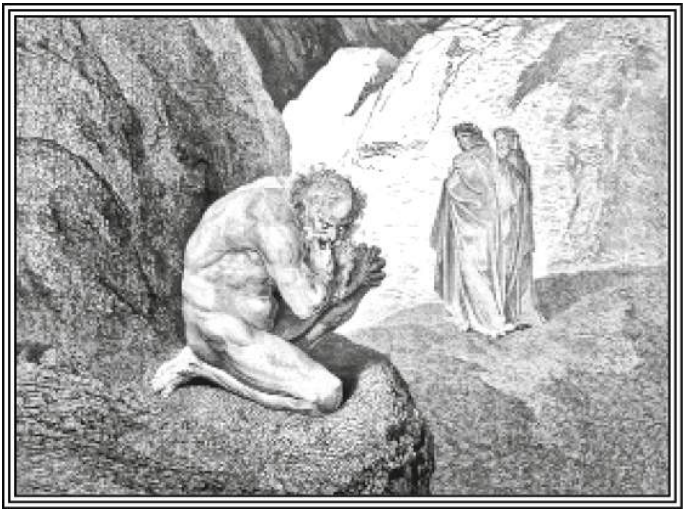
«Не бойся! сколько б ни имел он власти,

Не преградит нам схода с этих скал».

7 Потом, к надутой обратившись пасти,

Вскричал: «Молчать, проклятый волк, молчать!

В самом себе сгорай от лютой страсти!



Потом, к надутой обратившись пасти,
Вскричал: «Молчать, проклятый волк, молчать!..»

10 Не без причин схожу я в эту падь:
Так там хотят, где мщеньем Михаила
Сокрушена крамольной силы рать».

13 Как, спутавшись, надутые ветрила
Падут, как скоро мачту их снесло, —
Так рухнула чудовищная сила.

16 Тут мы вошли в четвертое русло́,
Сходя все ниже страшною дорогой
К брегам, вместившим всей вселенной зло.

19 О Боже правый! Кто сберёт так много,
Как здесь я зрел, мучений и забот?
Почто наш грех карает нас так строго?

22 Как над Харибдой мчит водоворот
Валы к валам, дробя их в споре диком —
Так адский здесь кружится хоровод.

25 Нигде я не был в сонме столь великом!
Здесь, с двух сторон, всем суждено вращать
Пред грудью камни с воплем, с страшным криком;

28 Сшибаются два строя и опять
Катя́т назад, крича друг другу с гневом:

«Зачем бурлить?» — «А для чего держать?»

31 Так с двух концов — на правом и на левом —

По кругу мрачному, подъемля стон,

Вращаются с презрительным напевом.

34 И каждый, путь свершивши, принужден

Катить назад полкругом в бой злословный.

И я, до сердца скорбью потрясен,

37 Спросил: «Мой вождь, кто этот род виновный?

Скажи мне: те постриженцы кругом,

Что слева, все ли из семьи духовной?»

40 И вождь в ответ: «Все, все они умом

В их прежней жизни столько были слепы,

Что никогда не знали мер ни в чем.

43 О том ясней твердит их вой свирепый,

Лишь с двух сторон сойдутся там вда-

ли,
Где их грехи рождают спор нелепый.

46 Здесь кардиналы, папы здесь в пыли, —
Духовный клир с печатью постриженья:
Все в скупости безмерной жизнь вели».

49 «Мой вождь, — спросил я с чувством омерзенья, —
Могу ли я узнать хоть одного
В сей сволочи, вращающей каменья?»

52 А он: «Мечта пустая! до того
Их всех затмил мрак жизни их постылый,
Что ты узнать не можешь никого.

55 На вечный спор направлены их силы:
Те без волос, а эти, сжав кулак,
В великий день восстанут из могилы.

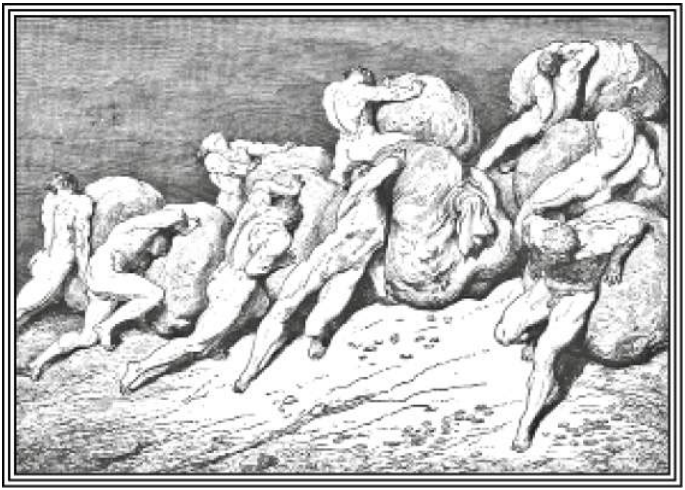
58 Здесь, обратив свет лучший в вечный мрак,
Они теперь идут стеной на стену.

И кто ж поймет смысл их безумных драк?

61 Вот здесь, мой сын, вполне познай измену
Даров, Фортуне вверенных судьбой,
Которым смертный дал такую цену.

64 Когда б собрать все злато под луной,
То и оно не даст пребыть в покое
Из этих душ усталых ни одной!»

67 «Учитель, — я спросил, — но что ж такое
Фортуна, если у нее в когтях,
Как намекнул ты, благо все земное?»



Когда б собрать все злато под луной,
То и оно не даст пребыть в покое
Из этих душ усталых ни одной!

70

А он: «В каком невежестве, впотьмах,
Безумные, ваш род досель блуждает?
Храни ж мое учение в устах.

73 Тот, Чья премудрость миром управляет,
Создавши небо, дал ему вождей,

Для каждой части каждая сияет,

76 Распределяя равный свет лучей.
Так и земному блеску от начала
Он дал вождя, владычицу вещей,

79 Чтоб в род и род, из крови в кровь меняла
Блеск суетный земного бытия
И ваше знание в ничто вменяла.

82 За тем одним сей грозный судия
Готовит честь, другим позор, тревоги,
Скрываяся как под травой змея.

85 Ваш разум ей не пресечет дороги:
Она провидит, правит, судит свет,
Как сферами другие правят боги.

88 В ее пременах перемежки нет;
Необходимость бег ей ускоряет,
За счастьем горе посылая вслед.

91 Её-то на кресте и распинает
Ваш смертный род, безумьем одержим,
И в слепоте благую проклинает.

94 Она ж не внемлет жалобам людским:

Блаженная, как первые творенья,

Вращает в славе шаром роковым.

97 Теперь сойдем в круг бóльшого мученья?

Хор звезд, всходивших в час, как мы пошли,

Склоняется: пойдем без замедленья».

100 Мы пересéкли этот круг и шли

К другому брегу, где поток тлетворный

Бежал, кипя и роя грудь земли

103 Волною больше мутною, чем черной,

И по теченью мертвого ручья

С трудом мы вниз сошли дорогой горной.

106 В болото Стикс вливалася струя

Печальных вод, свергавшихся с стремнины

В зловредные и мрачные края.

109 И я, взглянув на грязные пучины,
Увидел в них несметные полки
Теней нагих и гневных от кручины.

И я, взглянув на грязные пучины,
Увидел в них несметные полки
Теней нагих и гневных от кручины

112 Ногами, грудью, головой с тоски

Они дрались, не только что руками,
Зубами грызли плоть в куски, в куски.

115 И вождь: «Мой сын, стоишь ты пред тенями,
Которых гнев привел в такой раздор,
И верь ты мне, что даже под волнами

118 Вздыхает их неистовый собор
И пузыри вздувает в сей трясине,
Как зришь везде, куда направишь взор.

121 Прислушайся, как во́пият в адской тине:
«Мы были злы в веселой жизни той,
Тая в себе дым медленный, и ныне

124 Томимся здесь под тиною густой!»
—
Так в их гортанях клокотали клики,
Захлебываясь черною водой.

127 Меж озером и брегом круг великий
Мы описали, с горестью сердец
Смотря на грешных, издававших крики,

130 Пока достигли башни наконец.

Песнь VIII

Содержание. *На два сигнальные огонька с башни отвечает третий вдали над болотом. Между тем с быстротою стрелы несется по волнам челнок навстречу путникам: это ладья Флегиаса, кормщика адского болота. С бешенством окликает он Данта, но, укрощенный Виргилием, принимает поэтов в свою ладью. Они плывут. Тогда из воды поднимается тень флорентинца Филиппа Ардженти и силится опрокинуть ладью; но Виргилий отталкивает, а грешники увлекают свирепого флорентинца; он в бешенстве грызет самого себя. Между тем страшные крики оглушают поэтов: они приближаются к адскому городу Дис, с огненными башнями, окруженному глубокими рвами. У ворот города поэты выходят на берег; но тысячи падших с неба ангелов возбраняют им вход. Виргилий ведет с ними переговоры; демоны согласны впустить Виргилия, но Данте должен один возвратиться. Он в ужасе. Виргилий, обещая не покидать его, снова переговаривает с демонами; но те пред его грудью запирают ворота города и оставляют поэта за порогом. Виргилий возвращается к Данту; он сам в силь-*

ном смущении, однако ж утешает живого поэта скорым прибытием небесной помощи.

1 Я продолжаю. Прежде, чем мы были
У основанья грозной башни сей,
В ее вершине взор наш приманили

4 Два огонька, блеснувшие на ней;
Знак подавал им пламень одинокий
В дали, едва доступной для очей.

7 И, в море знаний погружая око,
Спросил я: «Вождь, кто знаки подает?
Что огонькам ответил огнь далекий?»

10 И вождь в ответ: «Над зыбью грязных вод
Не видишь ли, кто мчится к нам стрелою?
Иль для тебя он скрыт в дыму болот?»

13 Лук с тетивы с подобной быстротою
Не мечет стрел на воздух никогда,
С какой, я зрел, над мутною волною

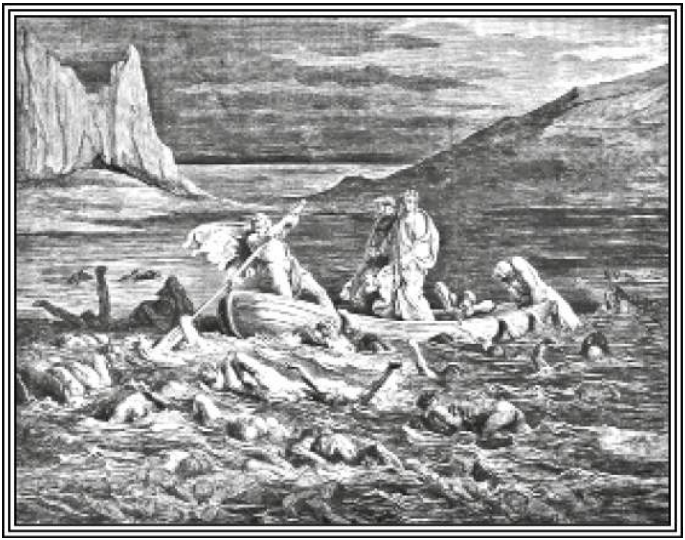
16 Навстречу к нам стремился челн

тогда;
Его рулем один лишь кормщик правил,
Крича: «Злой дух, пришел и ты сюда?»

19 «Флегъяс, Флегъяс! ты к нам вотще направил, —
Сказал мой вождь, — свой крик на этот раз:
Мы здесь затем, чтоб нас ты переправил».

21 Как злится тот, кто выслушал рассказ
О том, какой над ним обман свершился,
Так бешенством объят был Флегиас.

25 Вождь сел в ладью, за ним и я спустился,
И лишь тогда, как сел я близ вождя,
Летучий челн, казалось, нагрузился.



И лишь мы сели, древняя ладья
Как молния помчалась издалека

28 И лишь мы сели, древняя ладья
Как молния помчалась издалека,
Зыбь глубже, чем когда-нибудь, браздя.

31 Так плыли мы вдоль мертвого потока;
Вдруг весь в грязи дух выплыл из ручья,
Вскричав: «Кто ты, идущий прежде

срока?»

34 А я: «Иду, но не останусь я;

Но кто ты сам, весь в тине, безобразный?»

И он: «Ты видишь: плачет тень моя!»

37 «Так плачь же, дух проклятый, безотвязный! —

Воскликнул я, — и множь печаль свою!

Теперь узнал я, кто ты, призрак грязный!»

Тогда схватил руками он ладью,
Но оттолкнул его мой вождь...

40 Тогда схватил руками он ладью,
Но оттолкнул его мой вождь, взывая:

«Прочь, к псам другим! или в свою семью!»

43 Потом, обняв меня, в уста лобзая,
Сказал мне: «Будь благословенна ввек
Зачавшая тебя, душа живая!

46 Он на земле был гордый человек:
Жизнь не украсив добрыми делами,
Теперь нам путь он в бешенстве пресек.

49. Немало там великих меж царями:
Как свиньям, всем здесь в тине потонуть
С проклятием ужасным между вами».

52 И я: «Мой вождь, желал бы я взглянуть,
Как страшный грешник в волны погрузится,
Пока наш челн окончит дальний путь».

55 И мне учитель: «Прежде, чем домчится
Ладья к брегам, дождешься ты конца:
Сим зрелищем ты должен насладиться».

58 Тут видел я, как душу гордеца
Толпы теней, терзая, вглубь умчали,
За что досель благодарю Творца.

61 «Филипп Ардженти, к нам!» — они кричали,
А дух безумный флорентинца сам
Себя зубами грыз и рвал с печали.

64 Но замолчим, его оставим там!
Тут страшный вопль пронзил мне слух: заране
Взирать не стало сил моим очам.

67 И вождь: «Мой сын, уж виден град в тумане,
Зовомый Дис, где, воя и стеня,
Проклятые столпилися граждáне».

70 И я: «Уже предстали пред меня
Багровые мечети в дымном смраде,
Восставшие как будто из огня».

73 И вождь: «Горит огнь вечный в их ограде,
И раскаляет стены проклятых,

Как видишь ты в глубоком этом аде».

76 Меж тем челнок глубоких рвов достиг,
Облегших вкруг твердыни безутешной;
Железными почел я стены их.

79 Челн, сделав круг великий, в тьме кромешной,
Причалил там, где мощный кормщик-бес:
«Вот дверь! — вскричал, — идите вон поспешно!»

82 Над входом в град, я зрел, тьмы тем с небес
Низринутых, которые сурово
Вопили: «Кто вступает в царство слез?

85 Живой кто входит к мертвым, странник новый?»
Но мудрый мой наставник подал знак,
Что хочет тайное сказать им слово.

88 Тогда, на миг притихнув, молвил враг:
«Войди один, а он да удалится,

Он, что так смело входит в вечный мрак.

91 Пусть он путем безумным возвратится,
И без тебя — тебя мы впустим в град —
Коль знает, пусть в обратный путь стремится».

94 Читатель, сам подумай, как объят
Я страхом был от грозных слов: обратно
Не думал я уже придти назад.

97 «О милый вождь, который семикратно
Спасал меня и избавлял в беде,
Где погибал уже я невозвратно,

100 Не кинь меня, — я рек, — в такой нужде,
И, если ад идти мне не дозволил,
Пойдем назад! будь мне щитом везде!»

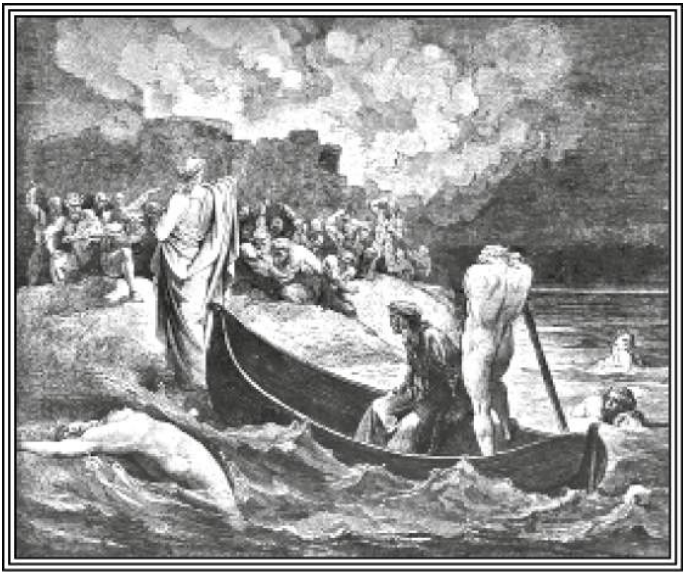
103 Но он, мой вождь, мне в сердце бодрость пролил,

Сказав: «Будь смел! дороги роковой
Нам не прервут; так жребий соизволил.

106 Жди тут меня и дух унылый свой
Крепи, питай надеждою благою:
В сем мире я не разлучусь с тобой».

109 С моим отцом расстался я с тоскою:
В моей главе, исполненной тревог,
И да и нет сражались меж собою.

112 Что рек он им, расслушать я не мог,
Но он недолго с ними находился,
Как все враги укрылись за порог



Что рек он им, расслушать я не мог

115 И вход ему пред грудью затворился;
Владыка мой оставлен был совне,[9]
И медленно ко мне он возвратился.

118 Потупив взор, утративший вполне
Все мужество, он говорил, вздыхая:

---

[9] Примечания: 9
Совне, нареч (устар.) — за пределами чего-либо, снаружи.

«Кто в дом скорбей пресек дорогу мне?»

121 И мне потом: «Мой гнев в лице читая,
Ты не страшись: мы победим их хор,
Чтоб ни творил он, град свой охраняя.

124 Уже не нов такой его отпор:
Он явлен был у врат первоначальных,
Что каждому отворены с тех пор.

127 Над ними зрел ты надпись слов печальных;
И уж оттоль нисходит вглубь теперь
И без вождя грядет в пучинах дальних

130 Тот, кто для нас развернет в крепость дверь».

Песнь IX

Содержание. *Виргилий, тщетно ожидая небесной помощи, в недоумении говорит сам с собою. Устрашенный очевидным колебанием учителя, Данте спрашивает: случалось ли кому-нибудь из обитателей лимба спускаться на дно ада, и узна¸т, что Виргилий уже и прежде сходил в самый последний круг адской бездны. Между тем на вершине башни являются три адские фурии: Мегера, Алекто и Тизифона. Они с криком раздирают себе грудь когтями и, глядя на Данта, зовут Медузу, чтобы превратить его в камень. Тогда Виргилий оборачивает Данта к ним спиною и сам закрывает ему очи руками. Тут страшный гром потрясает волны Стикса, и Данте, открыв очи, видит приближающегося Ангела, который, с жезлом в руке идет по водам Стикса, как по суше. Тени гневных и демоны убегают от него в ужасе, а врата адского города разверзаются сами собою. Укротив ярость демонов напоминовением бесполезности сопротивления, ангел отходит обратно. Беспрепятственно входят тогда поэты в город, и взору Данта представляется необозримое поле, изрытое могилами, в которых и между*

которыми пылает пламя. Это шестой круг ада, где, скрытые в могилах, наказуются еретики, особенно основатели еретических сект. Поэты продолжают шествие и, повернув направо, идут между стеною крепости и могилами.

1 Едва мой вождь заметил цвет боязни
В моем лице, он тотчас сумрак свой
Прогнал с чела улыбкою приязни.

4 Как внемлющий, стоял он предо мной,
Затем, что вдаль не мог вперить он взоры
Сквозь воздух черный и туман густой.

7 «Мы сокрушим их адские затворы…
А если нет… ведь тот мне обещал…
Как медлит он, помощник наш нескорый!»

10 Я видел ясно, как он прикрывал
Последним то, что высказал сначала,
И речи первой смысл иной давал.

13 Тем больший страх мне речь его внушала,

Что тайный смысл отыскивал я в ней,
Быть может, худший, чем она скрывала.

16 «На дно печальной раковины сей
Сходили ль прежде души с той ступени,
Где без надежд вздыхает сонм теней?» —

19 Так я спросил; а он: «Из нашей сени
В глубокий ад, в который ты вступил,
Не многие досель сходили тени.

22 Но я в сей град однажды призван был
Волшебницей, что силу чар имела
В плоть облекать отшедших в мрак могил.

25 Едва сложил с себя я узы тела,
Как тень извлечь она велела мне
Из темного Иудина предела.

28 Сей мрачный круг лежит на самом дне,
Всех далее от высочайшей сферы;
Итак смелей! я знаю путь вполне.

31 Обвит болотом, в смрадном дыме серы,
Сей град скорбей, куда без гнева нам
Нельзя войти в подземные пещеры».

34 Что рек еще, теперь не вспомню сам:
Мой взор, мой ум тогда манили стены
Высокой башни к огненным зубцам,

37 Где вознеслись три Фурии геенны,
Имевшие свирепых женщин вид,
И кровию обрызганные члены.

40 Их пояс был из гидр зеленых свит;
Не волосы им обвивали лица,
Но аспиды, кераСты Эвменид.

Вот Фурии, три стража сей темницы

43 И он, узнав служительниц царицы
Рыданий вечных, тихо молвил мне:
«Вот Фурии, три стража сей темницы.

46 Мегера там на левой стороне,
Алекто справа плачет в горе диком,
А Тизифона между них!» — Они

49 Когтями перси[10] раздирали с криком,
Стуча в ладони с бешенством таким,
Что в ужасе к певцу припал я ликом.

52 «Медуза, к нам! их в камень превратим!» —
Так, вниз глядя, из всей взывали мочи:
«Позор, когда Тезею не отмстим!»

55 «О, отвратись! закрой руками очи!
Когда узришь Горгону пред собой,
Уж не придешь назад из вечной ночи». —

58 Так вождь сказал и к ним меня спиной
Сам обратил и, к моему спасенью,
Закрыл мне очи собственной рукой.

---

[10] Примечания: 10

Перси: 1) *устар. и поэт.* — женская грудь. 2) *устар., трад. — поэт.* — грудь вообще.

61 О вы, чей ум способен к размышленью,
Под покрывалом странных сих стихов
Сокрытому дивитеся ученью!

64 И вот по гребням вспененных валов
Пронесся треск со звуком, полным страха,
Потрясший высь обоих берегов.

67 Так вихрь, рожден борьбой жаров из праха,
Неистовый несется прямо в лес
И, на него обрушившись, с размаха

70 Ломает ветви, валит пни древес
И, пастухов гоня с полей со стадом,
Уходит горд, пыль взвивший до небес.

73 Тогда мой вождь: «Проникни смелым взглядом
Над пеной древних волн до рубежа,
Где дым с болот встает острейшим чадом».

76 Как мечутся лягушки от ужа,

Их недруга, и кучей в тине лужи
Лежат на дне: так, воя и дрожа

79 От ужаса — я видел — мчались души,
Смущенные явлением того,
Что проходил по Стиксу как по суше.

82 Он шуйцей[11] гнал от лика своего
Густой туман, мглу черную как смóлу,
И мрак, казалось, утомлял его.

85 Я понял вмиг, что он смирит крамолу,
И на вождя взглянул: он дал мне знак,
Чтоб я молчал, и взор потупил долу.

88 О, как разгневан был горящий зрак!
Достигнув врат, он жезл поднял железный,
И вмиг пред ним разверз их лютый враг.

---

[11] Примечания: 11
Шу́йца, *сущ. неод. ж. р.* (устар.) — левая рука.

Достигнув врат, он жезл поднял железный,
И вмиг пред ним разверз их лютый враг

91 «О подлый род, изгна́нный с тверди звездной! —

На страшном праге[12] *рек он им в ответ, —*

Кто в вас возжег дух злобы бесполезной?

---

[12] Примечания: 12
Праг, *сущ. м. р.* (церк. — книжн. и поэт. устар.) — порог.

94 Что попирать ту волю, тот завет,
Что пред собой все сокрушает грани?
Колико[13] *крат то было вам во вред?*

97 Зачем рога уставили для брани?
Не ваш ли пес — о вспомни, дерзкий род! —
Несет на вые[14] *след могучей длани?»*

100 Он вспять отшел путем нечистых вод,
Не обменясь в тот миг ни словом с нами,
Как человек, под бременем забот,

103 Не зрит того, что пред его очами. —
И в крепость мы направили стопы,
Подкреплены святыми словесами.

106 Тут нам никто не возбранял тро-

---

[13] Примечания: 13

Коли́ко, *числ.* Сколько, какое количество, как много? *нареч.* В какой мере, насколько? *определ.* Обозначает высшую степень чего-л. (обычно в восклиц. предложениях).

[14] Примечания: 14

Выя, *сущ. неод. ж. р.* (устар.) — шея.

пы,
И я, вступив в пределы стен высоких,
Чтоб видеть казнь томящейся толпы,

109 Окинул взором край пучин глубоких
И зрел со всех сторон простор полян,
Исполненных скорбей и мук жестоких.

112 Как близко Арля, где не быстр Родан,
Иль как у Полы, где залив Кварнары
Грань омывает италийских стран, —

115 Могилами изрыты крутояры:
Такую здесь увидел я страну,
Но вид ее был полон горшей кары.

118 Огонь, змеясь между могил по дну,
Их раскалял с такой ужасной силой,
Как никогда не плавят сталь в горну́.

121 Покров висел над каждою могилой
И вопль глухой к нам несся из могил,
И этот вопль был плач толпы унылой.

124 «Учитель мой, кто это, — я спросил, —

Казнится здесь под сводами так строго?

И почему их голос так уныл?»

127 И он: «Здесь казнь еретикам от Бога!

Здесь секты всех родов подъемлют стон!

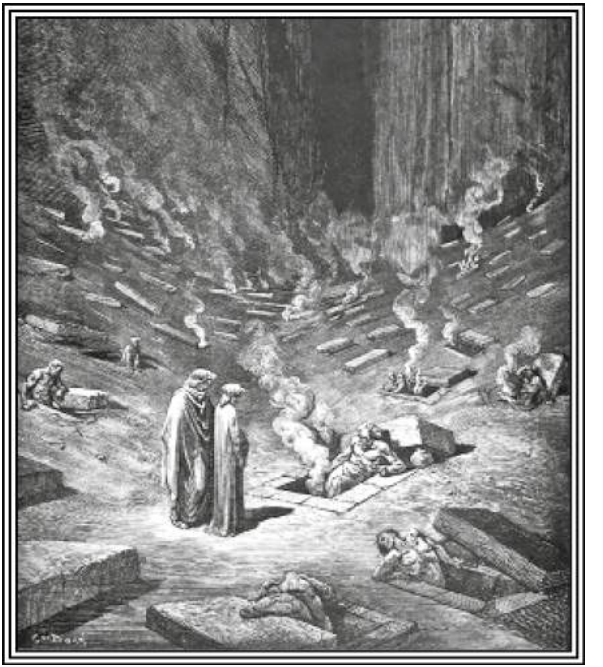
Ты не поверишь мне, как здесь их много!

13 °С подобным здесь подобный заключен

И разный жар вмещают их гробницы».

И, повернув направо, вышел он

133 Меж полем мук и крепких стен бойницы.



С подобным здесь подобный заключен
И разный жар вмещают их гробницы

Песнь X

Содержание. *Поэты идут между стенами города и могилами. Последние открыты, но в день Страшного суда закроются; в них погребены Эпикур и его последователи, полагавшие, что душа умрет вместе с телом. Из глубины одной из них раздается голос, взывающий к Данту, и вслед за тем поднимается до пояса тень Фаринаты, предводителя Гибеллинов. Он спрашивает Данта о его предках, и узнав, что они были заклятые враги его Гвельфы, говорит с негодованием, что он два раза изгнал их из Флоренции. На это Данте отвечает, что его предки каждый раз возвращались из изгнания, чего не удавалось партии Фаринаты. Пока говорят они, из могилы, недалеко от Фаринатовой, поднимается другая тень: это Гвельф Кавальканте Кавальканти. Он спрашивает, почему Гвидо, сын его и друг Данта, не пришел вместе с ним, и, заключив ошибочно, что сын его умер, опрокидывается в могилу. Между тем Фарината, не обращая внимания на упавшего, продолжает прерванный разговор, предсказывает Данту изгнание и, узнав о причине преследований, направленных флорентинцами*

против Гибеллинов, с гордостью вспоминает, что он один спас родной город от разрушения; наконец, разрешив Данту некоторое сомнение насчет способности грешников видеть будущее и указав из числа теней, вместе с ним наказуемых, на императора Фридерика II и кардинала Убальдини, исчезает в могиле. Данте с горестью возвращается к Виргилию, который, утешая его, напоминает ему Беатриче, от которой Данте должен узнать истинный путь к божественной жизни. Поэты идут налево к центру города, чтобы спуститься в глубокую долину, со дна которой поднимаются зловонные испарения.

1 Вот узкою тропинкой, меж стенами
Сей крепости и зрелищем скорбей,
Пошел мой вождь, а я за раменами.[15]

4 «О высший ум, с кем в адской бездне сей
Вращаюсь я, твоей покорный воле, —
Наставь меня премудростью своей.

7 Могу ль узреть, — спросил я, — в этом поле

---

[15] Примечания: 15
Рамена́, *мн. ч.* (устар., трад. — поэт.) — плечи.

Томящихся в могилах? крыши с них
Приподняты и стражи нет уж боле?»

10 А он в ответ: «Запрутся все в тот миг,
Когда придут с полей Иосафата
И принесут тела из недр земных.

13 Тут погребен со школою разврата
Тот Эпикур, который мир учил,
Что с телом дух погибнет без возврата.

16 Здесь твой вопрос, что мне ты предложил,
А вместе с тем и тайное сомненье
Сейчас решатся в лоне сих могил».

19 Но я: «Мои вождь, души моей мышленье
Я утаил для краткости в речах,
К чему ты сам давал мне наставленье».

22 «Тосканец, ты, что в огненных стенах
Живой ведешь беседу так прекрасно,

Благоволи помедлить в сих местах!

25 Звук слов твоих мне обнаружил ясно,
Что в благородной ты стране возник,
Где, может быть, клянут меня напрасно».

28 Внезапно здесь исторгся этот крик
Со дна могил и, ужасом объятый,
Я к моему учителю приник.

31 «Что делаешь? — сказал мне мой вожатый,
Оборотясь. — Перед тобой возстал
До пояса дух гордый Фаринаты».

34 К его лицу я взоры приковал;
А он возстал, подняв чело и плечи,
Как будто ад и муки презирал.

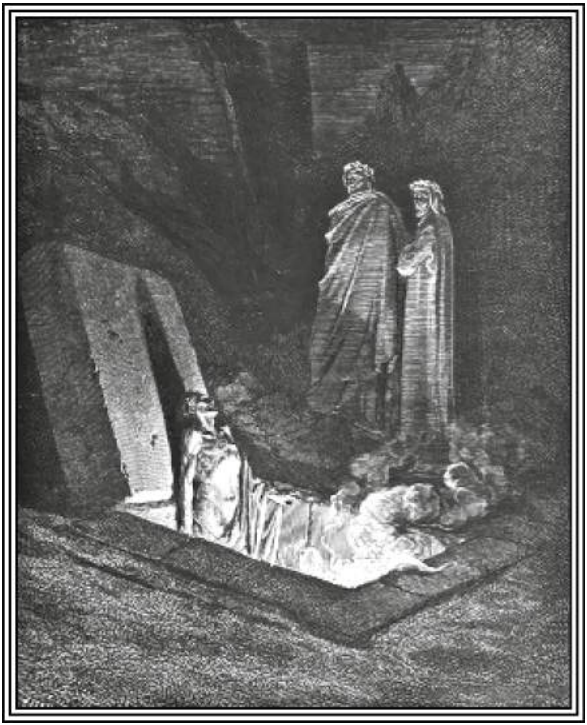
37 И меж гробов к герою страшной сечи
Толкнул меня поспешно мой певец,
Сказав: «Твои да будут кратки речи!»

40 Когда ж у гроба стал я наконец,

Дух, на меня взглянув, почти с презреньем
Спросил: «Кто предки у тебя, пришлец?»

43 А я, пред ним стоя с благоговеньем,
Не утаив, все высказал вполне.
Тогда нахмурил брови он с смущеньем

46 И рек: «Враги то злые были мне
И партии моей и нашим дедам:
За то я дважды их громил в войне».



Когда ж у гроба стал я наконец,
Дух, на меня взглянув, почти с презреньем

49 «Ты их громил, но возвратились следом

Они отвсюду, — я в ответ сказал. —

Твоим же путь к возврату был неведом!»

52 Тут близ него из гроба приподнял
До подбородка лик другой безбожный:
Он на коленях, думаю, стоял.

55 Вокруг меня водил он взор тревожный,
Как бы желая знать, кто был со мной;
Когда же луч угас надежды ложной,

58 Он, плача, вскрикнул: «Если в мир слепой
Проникнул ты таланта высотою,
То где же сын мой? что ж он не с тобой?»

61 Но я ему: «Иду не сам собою:
Там ждет мой вождь, за кем иду вослед;
Его твой Гвидо презирал с толпою».

64 Казнь грешника и слов его предмет,
Кто был сей дух, мне объяснили вскоре,
И потому так прям был мой ответ.

67 Вдруг, выпрямясь, вскричал он в страшном горе:

«Как? презирал! уж нет его в живых?

Уж сладкий свет в его не блещет взоре?»

70 Когда заметил он в очах моих

Сомнение, тревогу беспокойства,

Он навзничь пал и навсегда затих.

73 Меж тем другой, муж силы и геройства,

Не двинув выи, не склоняя плеч,

Являл в лице души надменной свойства.

76 «Да! — продолжал он прерванную речь. —

Мысль, что досель мое в изгнанье племя,

Крушит меня сильней, чем эта печь.

79 Но лик жены, гнетущей злое семя,

В пятидесятый раз не проблеснет,

Как взвесишь сам, сколь тяжко это бремя.

82 О, если мир тебя прекрасный ждет,
Скажи: за что с такою нелюбовью
Законами гнетете вы мой род?»

85 И я: «Тот бой, что залил нашей кровью
Всю Арбию, в ней воды взволновав,
Подвиг нас в храме к этому условью».

88 Тут он вздохнул, главою покачав,
И молвил: «Я ль один виновен в этом?
И не имел ли я на это прав?

91 Но там, где общим решено советом
Развеять в прах Флоренцию, лишь я
Защитником ей был пред целым светом».

94 «Да обретет же мир твоя семья!
А ты, — сказал я, — развяжи мне сети,
В которых мысль запуталась моя.

97 Коль понял я, мрак будущих столетий
Со всеми их делами вам открыт;
Но в настоящем — вы сомненья дети».

100 А он: «Мы зрим, как дальнозоркий зрит,

Лишь только то, что вдалеке таится:

Еще нас этим Высший Вождь дарит.

103 Когда ж событье близко, иль свершится,

Тогда нам очи кроет темнота:

Мир скрыт для нас, коль весть к нам не домчится.

106 Но ты поймешь, что дар сей как мечта

Рассеется в тот миг, когда судьбою

Затворятся грядущего врата».

109 Тут я сознал проступок свой с тоскою

И рек: «Скажи соседу своему,

Что сын его еще живет со мною.

112 Я лишь затем не отвечал ему,

Что было мне в то время непонятно

То, что теперь ты разрешил уму».

115 Уж призывал меня мой вождь обратно

И потому я духа умолял
Сказать: кто с ним погиб здесь невозвратно.

118 «Лежу средь тысяч, — он мне отвечал, —
Тут Кардинал с могучим Фридериком;
Но о других не спрашивай!» — Сказал

121 И скрылся. Я ж, в смущении великом,
Задумавшись от слышанных угроз,
Шел к древнему поэту с грустным ликом.

124 Подвигся он и, взыдя на утес,
Спросил: «Скажи: что так тебя смутило?»
И я ему ответил на вопрос.

127 «Запомни же, что сказано здесь было,
И все в душе, — он рек, — запечатлей!»
И, перст поднявши, продолжал уныло:

130 «Когда увидишь дивный блеск лучей
В очах прекрасной, им же все открыто,

Тогда узнаешь путь грядущих дней».

133 Я шел налево под его защитой.
И мы от стен в центр города пошли
Тропинкою, в долине той прорытой,

136 Где адский смрад всходил со дна земли.

Песнь XI

Содержание. *На вершине обрушенной скалы, составляющей границу между кругом еретиков и следующим, поэты укрываются от ужасного зловония адских испарений за крышею одиноко стоящей гробницы папы Анастасия. Они идут медленно для того, чтобы наперед привыкнуть к зловонию, восходящему с кровавой реки из глубины седьмого круга. Пользуясь этим временем, Виргилий, по просьбе Данта, объясняет ему распределение грехов по кругам ада и говорит, что вне пределов адского города (Ад. VIII, 67–68), в пройденных уже кругах, наказуются невоздержные, слепо предававшиеся естественным побуждениям; но что внутри города, в более глубоких кругах ада, помещены те, которые, предавшись влечениям неестественным, превратили свою человеческую природу в животную, зверскую: все они разделены на три класса, смотря потому, на кого направлено насилие: на ближних, на самих себя, или на Бога. За грешниками, виновными в насилии, следуют обманщики, а на самом дне ада виновные в величайшем грехе — измене. Наконец Виргилий объясняет Данту, почему ростовщики*

отнесены к числу грешников, направлявших насилие против законов Божеских. — Наступает утро. Поэты идут далее.

1 У рубежа окраины высокой,
Над грудою обрушенных громад,
Пришли мы к бездне более жестокой.

4 И, встретив тут невыносимый смрад,
Клубившийся над пропастью бездонной,
За страшным гробом мы взошли на скат,

7 И я прочел на крыше раскаленной:
«Здесь Анастасий папа в гробе скрыт,
С прямой стези Фотином совращенный».

10 «Нам медленно сходить здесь надлежит,
Чтоб свыклось чувство с адским испареньем:
Тогда нам смрад уже не повредит».

13 А я: «Займи ж мой ум благим уче-

ньем,

Чтоб этот час без пользы не пропал».

И вождь: «Я сам с твоим согласен мне-
ньем.

16 Мой сын, — он начал, — в бездне этих скал

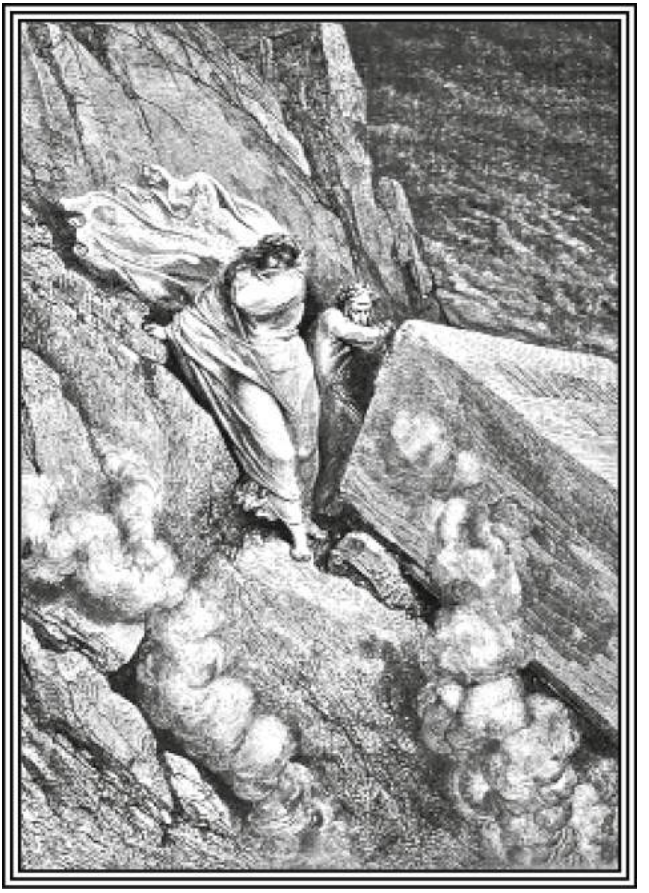
Три меньших круга вьются ступеня́ми,

Как там вверху, где путь наш пролегал.

19 Все три кишат проклятыми тенями;

Но чтоб постиг ты Божий суд святой,

Узнай: за что казнятся небесами.



За страшным гробом мы взошли на скат

22 Цель всякой злобы, в небе проклятóй,
Одна — обида; к ней же две дороги:
Или насилье, иль обман людской.

25 Но как лишь людям свойственны подлоги,
То ими Бог сильнее прогневлен:
За то на дне и суд им самый строгий.

28 Весь первый круг насилью посвящен;
Но как трем лицам вред от сей невзгоды,
То в три отдела круг сей раздроблен.

31 Против Творца, против своей природы,
На ближних, с их стяжаньем возстает
Насилие и вот тому довóды.

34 Вред ближнему насилие влечет
Увечьями, убийством, а стяжанью,
Поджогами, разбоем, и в зачет

37 Смертоубийству, злому истязанью

И грабежу казнь лютая вовек

В отделе первом служит должной данью.

40 Сам на себя заносит человек

Насилья длань: за то скорбит стократно

В другом отделе каждый, кто пресек

43 Сам дни свои, кто, промотав развратно

Именье, горем отягчил главу

И плакал там, где мог бы жить приятно.

46 Наносится насилье Божеству,

Когда проклятья сердце изрыгает

И благости Его и естеству.

49 За то отдел последний отмечает

Клеймом своим Каорсу и Содом

И тех, чье сердце Бога отрицает.

52 Обман, грызущий совесть всем, на том

Свершиться может, кто с доверьем внемлет,

Иль кто доверья чужд в уме своем.

55 В грехе последнем, кажется мне, дремлет

Лишь долг любви, природы нежный дар:

За то второй великий круг объемлет

58 Гнездо льстецов, жрецов волшебных чар,

Соблазн, подлог, татьбу-1 и святотатство

И всякий грех, достойный горших кар.

61 Но первый грех забыл любовь, богатство

Природное, и то, что слито с ней,

Чем зиждутся доверие и братство.

64 А потому в кругу меньшом, где всей

Вселенной центр, где Дис царит ужасный,

Всяк изменивший стынет в бездне сей».

67 И я: «Мой вождь, твое ученье ясно

И верное дает понятье мне.
О бездне сей и о толпе злосчастной.

70 Но объясни: погрязший род в волне,
Носимый ветром и разимый градом
И та толпа, что спорит век в войне, —

73 Зачем не Здесь, за раскаленным градом,
Казнятся, если подлежат суду,
А если нет, за что пожраты адом?»

76 А он в ответ: «Зачем в таком бреду,
Как не случалось прежде, ум твой бродит?
Иль новое имеет он в виду?
79 Не помнишь ли то место, где выводит
Твой Аристотель в Ифике-1 из всех
Три склонности, на них же казнь нисходит:

82 Невоздержанье, злость, безумный грех
Животности? и как невоздержанье

Наказано от Бога легче тех?

85 И так, коль обнял ты вполне то знанье
И приведешь на память проклятых,
Приемлющих вне града наказанье,

88 То сам поймешь, зачем от этих злых
Отлучены и с меньшим гневом мщенья
Млат Правды Божьей сокрушает их».

91 «О солнце, врач смущенного воззренья!
Так ясно ты решаешь, что уму
Равно полезны: знанье и сомненья.

94 Но уклонись назад, — я рек ему, —
И объясни: чем Бога оскорбляет
Дающий в рост? рассей мне эту тьму».

97 «Кто философию постиг, тот знает,
Что стройный чин, — сказал он, — естества
Течение свое воспринимает

100 Из разума, искусства Божества,
И если в физику вникал, то, много
Не рывшись в ней, найдешь сии слова:

103 Искусство ваше подражает строго
Природе так, как дядьке ученик:
И так искусство как бы внук есть Бога.
106 Из этих двух, коль мыслями ты вник
В начало книги Бытия, и должно
Жизнь почерпать и размножать язык.

109 Но ростовщик, идя стезею ложной,
Расторг в души корыстной, полной зла,
Союз искусств с природой непреложной.

112 Но следуй мне: идем! уж ночь прошла:
Трепещут Рыбы на эфире звездном
И Колесница уж на Кавр легла,

115 А спуск еще далек, где сходит к безднам.»

Песнь XII

Содержание. *Путники приходят к каменной ограде седьмого круга, к первому его отделу (Ада XI, 37–39), в котором наказуется насилие против ближних. При виде поэтов, Минотавр, распростертый на границе этого круга, в бешенстве кусает самого себя; но Виргилий укрощает его ярость напоминовением о Тезее, его умертвившем, а пока чудовище крутится от бессильного бешенства, поэты сходят по громадным камням обрыва, обрушившегося в минуту крестной смерти Спасителя. На дне круга дугою изгибается глубокий ров, наполненный кипящею кровью; в нее погружены насилователи ближних. Кентавры, вооруженные стрелами, рыскают по берегам рва и стреляют в тех, которые выйдут из потока крови более, нежели им следует. Трое из них, Несс, Хирон и Фол, бросаются на пришельцев; но Виргилий укрощает и их ярость и, обратившись к Хирону, просит дать им проводника, который бы перенес Данта на хребте своем вброд через поток крови. Хирон избирает Несса, в сопровождении которого поэты идут далее и видят тиранов, погруженных в кровь по самые очи. Из числа их*

Несс указывает им на Александра, Дионисия, Аццолина и Обидзо Эсте, а в отдалении от них на одинокую тень Гвидо Монфорте. Кровавый поток к одному концу долины все более и более мелеет, так, что наконец едва покрывает ноги грешникам; напротив, к другому концу волны его становятся все глубже и глубже, и здесь-то на дне под волнами плачут вечными слезами: Аттила, Пирр и Секст, и разбойники Реньеры.

1 Скалист был край, где мы взбирались в горы,
И тем, что в недрах он притом вмещал,
Так страшен был, что всем смутил бы взоры.

4 С той стороны от Трента есть обвал,
Обрушенный в Адиж землетрясеньем,
Иль осыпью волной подмытых скал:

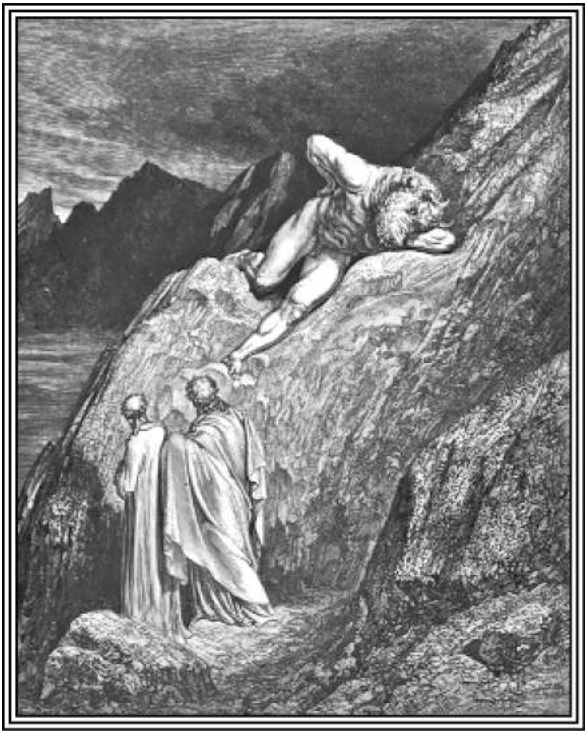
7 С горы, откуда свергнут он паденьем,
В долину так обрывист косогор,
Что сверху вниз нет схода по каменьям.

Так крут был спуск в ущелье этих гор,
И здесь, заняв обрушенные скаты,
Улегся Крита ужас и позор,

Подложною телицею зачатый.
Увидев нас, он грыз себя, как зверь,
В котором чувства бешенством объяты.

Но мой мудрец вскричал ему: «Поверь,
Не царь Афинский здесь перед тобою,
Который в ад тебе разверзнул дверь.

Прочь, лютый зверь! прочь! не твоей сестрою,
Был низведен мой спутник в омут сей,
Но вашу казнь узреть идет со мною».



Увидев нас, он грыз себя, как зверь...

22 Как дикий бык, сорвавшийся с це-
пей,
Когда смертельным поражен ударом,

Без сил, крутится в ярости своей:

25 Так Минотавр крутился в гневе яром.
Но вождь всезнающий вскричал: «Беги!
Теперь сойдем, минут не тратя даром».

28 По грудам скал я ускори́л шаги,
И не один там камень вниз скатился
Из-под моей трепещущей ноги.

31 Я думен шел, а вождь: «Ты изумился
Громаде скал, где страж их, адский гад,
С бесовской злобой предо мной смирился.

34 Так ведай же: когда в глубокий ад
Я нисходил, в то время скал громада
Не представляла мне в пути преград.

37 Но прежде чем, скорбящих душ отрада,
Явился Тот, который, в Лимб нисшел,
Отъял великую корысть у ада, —

40 Так потряслась пучина лютых бед,

Что мир — я думал — вновь поколебала

Любовь, чья мощь, как полагал поэт,

43 Не раз в хаос вселенную ввергала,

И в то мгновенье древний сей утес

Распался, здесь и ниже, в два обвала.

46 Но взор вперя в долину горьких слез:

Клокочет кровь рекой там быстротечной,

Где всяк кипит, кто ближним вред нанес!»

49 О страсть слепая! гнев бесчеловечный!

Ты в краткой жизни нас палишь в огне,

А здесь в крови купаешь в жизни вечной!

52 Ров, полный крови, я узрел на дне:

В равнине он дугою изгибался,

Как говорил о том учитель мне.

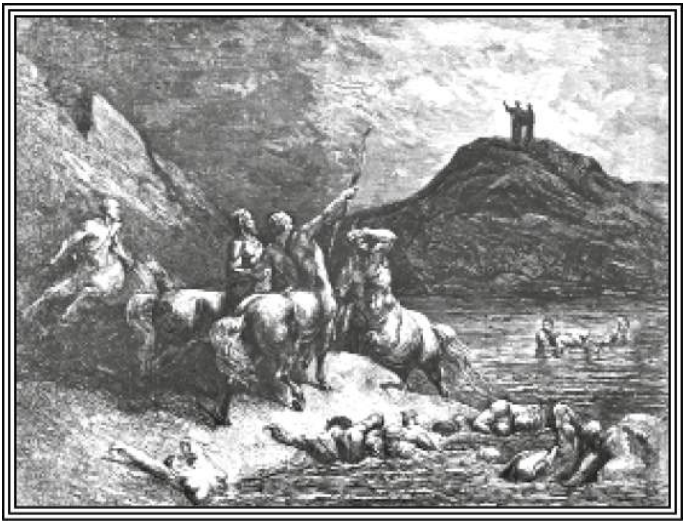
55 И между рвом и крутью гор скитался

Со стрелами Кентавров буйный род,
Как на земле он ловлей забавлялся.

58 Завидев нас, спускавшихся с высот,
Все стали в ряд; а трое, выбрав луки
Острейших стрел, к нам бросились вперед.

61 «Какой вас грех привел сюда для муки, —
Так издали один воскликнул: — с гор?
Ответствуйте: не то — мы спустим луки».

64 «Мы заключим с Хироном договор,
Когда сойдем с нагорного навеса:
Твой гнев всегда во вред тебе был скор!» —



Завидев нас, спускавшихся с высот,
Все стали в ряд...

67 Так вождь ему; а мне: «Ты видишь Несса:
За Деяпиру умерев, излил
Сам из себя он месть на Геркулеса.

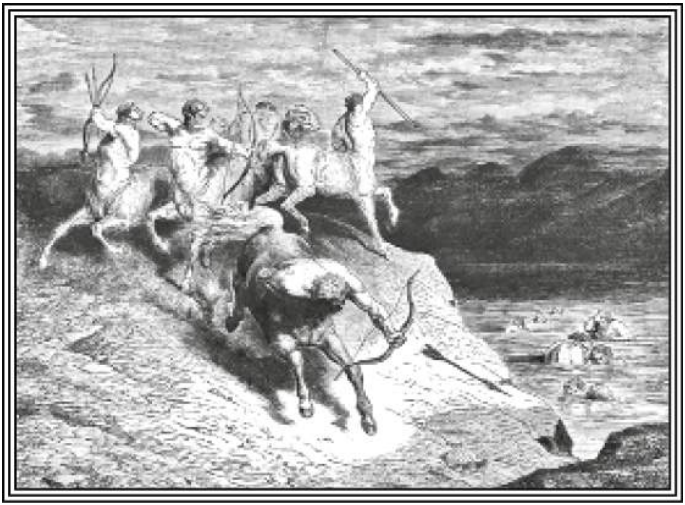
70 С ним рядом, тот, что взор на грудь склонил, —
Гигант Хирон, взлелеявший Ахилла;

А третий, Фол, всегда неистов был.

73 Вкруг ямы рыщет тысячами сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила».

76 Лишь мы вошли в их страшные ряды,
Хирон, схватив стрелу, назад закинул
За челюсть пряди длинной бороды.

79 Потом он пасть огромную разинул
И молвил: «Братья! видите, на дно
Какие камни этот задний сдвинул:



Вкруг ямы рыщет тысячами сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила.

Так мертвецам ходить не суждено!»

Но вождь мой, став пред грудью колоссальной,

Где сходятся два естества в одно,

Сказал: «Он жив и я дорогой дальной

Веду его в страну, где светит день:
Не прихоть, рок ведет нас в край печальной.

Пославшая меня с ним в вашу сень
Пришла оттоль, где гимн поют осанна:
Он не разбойник, я не злая тень.

Но заклинаю силой несказанной,
Что в трудный путь стопы мои ведет:
Дай нам вождя, чтоб нас он невозбранно

Привел туда, где переходят вброд,
И на хребте пришельца переправил:
Ведь он не дух, свершающий полет».

Хирон направо к Нессу взор направил
И рек: «Ступай, веди их тем путем,
Где б им никто преграды не представил».

Тут двинулись с надежным мы вождем
Вдоль берега кровавого потока,

Где несся крик палимых кипятком.

103 Я видел сонм, погрязший в кровь до ока,
И нам Кентавр: «Тираны здесь в слезах,
Что лили кровь и грабили жестоко.

106 Здесь каются они в своих грехах:
Здесь Александр и Дионисий вместе,
Сицилии несчастной бич и страх.

109 А там чело поднял в глубоком месте
Черноволосый Аццолин и с ним
Тот белокурый злой Обидзо Эсте,

112 Убитый в мире пасынком своим».
Я на вождя взглянул, но мне учитель:
«Пусть будет первым он, а я вторым».

115 Немного дале, с вами стал мучитель
Над сонмом душ, что погружен был весь
По горло в яму — ужасов обитель!

118 Тень в стороне нам указал он

здесь,

Сказав: «Вот он, пронзивший в Божьем храме

То сердце, что на Темзе чтут поднесь».

121 Потом я видел в адском Булика-ме

Главу и грудь взносивший сонм духов,

И в их толпе узнал я многих в яме.

124 Все мельче, мельче становилась кровь,

Так, что одни скрывала грешным ноги:

Здесь перешли мы быстро через ров.

127 «Как бурный ключ на сем конце дороги

Мелеет с каждым шагом, так равно

И с той страны, — сказал мне спутник строгий —

130 Все глубже, глубже каменное дно.

Он вниз гнетет, доколь впадет в те бездны,

Где в век стенать тиранству суждено.

133 Там правосудье суд творит воз-

мездный
Над тем Аттилой, что был бич земли;
Там Пирр и Секст; там вечно токи слезны

136 Сливают с кровью, где на век легли,
Реньеро Падзи и Реньер Корнето,
Что по дорогам столько войн вели».

139 Здесь вброд провел меня он и поэта.

Песнь XIII

Содержание. *Поэты вступают во второй отдел седьмого круга, где наказуются насилователи самих себя — самоубийцы, превращенные в деревья, и расточители, нагие тени, вечно преследуемые адскими псами. Деревья самоубийц образуют густой непроходимый лес, в котором на ветвях вьют гнезда отвратительные Гарпии. Данте слышит человеческие вопли, но никого не видит. По приказанию Виргилия, он ломает ветвь с одного дерева и с ужасом видит истекающую из него кровь и слышит стоны. В дереве заключена душа Пиетро делле Винье, секретаря Фридерика II. По просьбе Виргилия, он повествует о причине, побудившей его к самоубийству, просит защитить на земле честь свою от наветов зависти и дает сведение о состоянии душ в этом круге. Едва Винье кончил, как две нагие тени с ужасом пробегают мимо поэтов, гонимые черными птицами. Впереди бегущая тень Сиенца Лано призывает смерть; другая же, тень Падуанца Иакопо ди Сант'Андреа, в изнеможении укрывается за кустом; псы набегают, рвут ее на части и разорванные члены растаскивают по лесу. При этом они разрывают*

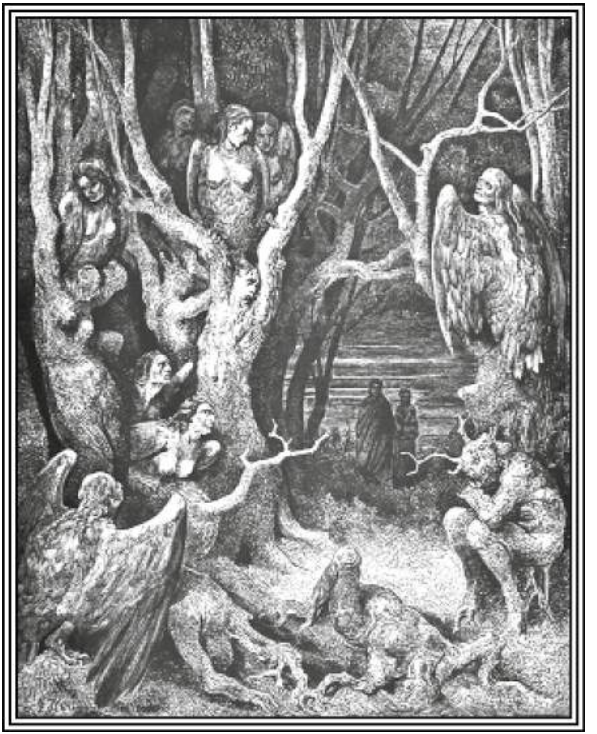
и куст, который, обливаясь кровью, стонет, и на вопрос Виргилия дает сведение о себе и родном своем городе — Флоренции.

Еще Кентавр не перешел пучины,
Как в дикий бор вступили мы одни,
Где ни единой не было тропины.

В нем, скорчившись, растут кривые пни;
В нем все темно, без зелени, без цвета;
В нем яда полн бесплодный терн в тени.

В такую глушь, в такую дичь, как эта,
Не мчится вепрь с возделанных полей
В стране между Чечины и Корнета.

Вьют Гарпии там гнезда из ветвей,
Прогнавшие с Строфад Энея криком,
Пророческим предвестником скорбей.



Вьют Гарпии там гнезда из ветвей

13 На крыльях длинных, с человечьим ликом,

С когтьми на лапах, с чревом птиц,

они

На страшных пнях кричат в смятенье диком.

16 «Пока мы здесь, — сказал учитель мне, —

Узнай, мой сын, ты во второй долине,

И будешь ты дотоле в сей стране,

19 Пока к ужасной не придешь пустыне;

Смотри ж теперь: ты здесь увидишь то,

Что подтвердит слова мои отныне».

22 Со всех сторон я слышал вой; но кто

Стонал и выл, не зрел я, и в смятенье

Я стал, от страха обращен в ничто.

25 Вождь, думаю, мог думать, что в сомненье

Подумал я: не скрылся ли в кусты

От нас народ, рыдавший в отдаленье;

28 И потому сказал он: «Если ты

Одну хоть ветку сломишь в роще тем-

ной,

То вмиг рассеются твои мечты».

31 Вблизи от нас терновник рос огромный:

Я ветвь сломил с него; но он с тоской:

«За что ломаешь? — простонал мне томно,

34 И, потемнев от крови пролитой,

Вскричал опять: «Что множишь мне мученья?

Иль жалости не знаешь никакой?

37 Когда-то люди, ныне мы растенья;

Но будь мы души змей самих, и к ним

Иметь ты должен больше сожаленья».

Вблизи от нас терновник рос огромный:
Я ветвь сломил с него...

40 Как с одного конца горит, другим
И пенится и стонит прут зеленый
И по ветру, треща, бросает дым —

43 Так здесь из ветви, издававшей стоны,
Струилась кровь и, бросив ветвь, я стал,

Как человек внезапно устрашенный.

46 «Злосчастный дух! — мудрец мой отвечал. —
Когда б сперва поверил он преданью,
Которое в стихах я рассказал, —

49 Он до тебя не прикоснулся б дланью.
Я сам скорблю, что ваш чудесный плен
Подвиг меня к такому испытанью.

52 Скажи ж, кто ты; а он тебе взамен
Возобновит величье славы шаткой,
Пришедши в мир из мрака адских стен».

55 И терн: «Так сильно манишь речью сладкой,
Что я молчать не в силах, и на миг —
О выслушай! — прильну к беседе краткой.

58 Я тот, кому от сердца Фридерик
Вручил ключи, чтоб отпирал по воле
И запирал я дум его тайник,

61 Для всех других уж недоступный боле;

Теряя сон и силы для трудов,

Я исполнял свой долг в завидной доле.

64 Развратница, что с кесарских дворцов

Бесстыдных глаз вовек не отвращала, —

Смерть общая и язва всех веков —

67 Против меня сердца воспламеняла

И, Августу то пламя передав,

Свет радости в мрак скорби обращала.

70 Тогда мой дух, в отчаяние впав,

Мечтал, что смерть спасет от поношенья,

И, правый, стал перед собой неправ.

73 Клянусь корнями юного растенья:

Всегда хранил я верности обет

Монарху, столь достойному почтенья.

76 Когда ж из вас один придет на свет,

Пусть честь мою спасет от поруганья
И отразит завистников навет».

79 Тут он замолк, и, полный состраданья,
Сказал мне вождь: «Минут теперь не трать
И спрашивай, коль есть в тебе желанья».

82 Но я ему: «Сам вопроси опять
О том, что знать полезным мне считаешь:
Душа скорбит; нет сил мне вопрошать!»

85 «О бедный узник! если ты желаешь,
Чтоб просьб твоих не пре́зрел человек,
Благоволи нам объяснить, коль знаешь,

88 Как в эти пни, — учитель мой изрек, —
Вселились души? о скажи: в сем теле
Останутся ль они в плену навек?»

91 Тогда вздохнул колючий терн тяже́ло,

И вздох потом сложился так в слова:
«Короток будет мой ответ отселе.

94 Как скоро дух все узы естества,
Свирепый, сам расторгнет: суд Миноса
Уж шлет его в жерло́ седьмого рва.

97 И дух, упав в дремучий лес с утеса,
Ложится там, куда повергнет рок,
Где и пускает стебль как колос проса.

100 И стебль растет, искри́влен и высок,
И Гарпии, кормясь его листами,
Творят тоску и для тоски исток.

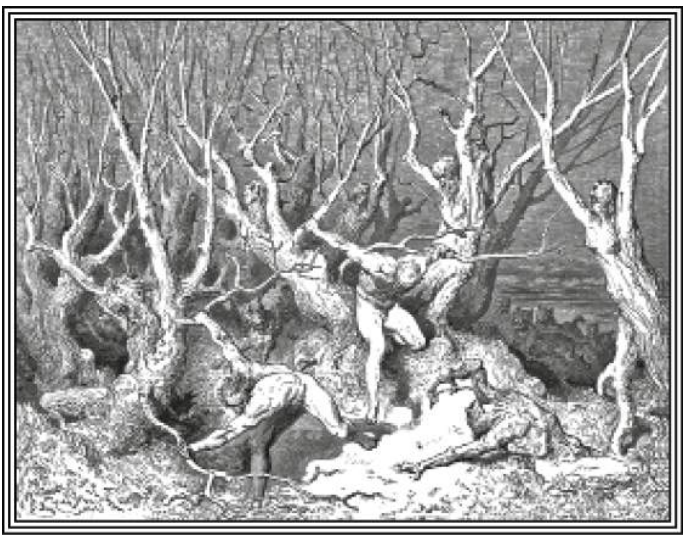
103 Подобно всем, пойдем мы за телами,
Но в них не внимем: правый суд Небес
Нам не отдаст, что отдали мы сами.

106 Мы повлечем их за собою в лес:
У каждого из нас в бору угрюмом
Повиснет тело на ветвях древес».

109 Вниманья полн, весь предан грустным думам,

Еще я ждал от терна новых слов,
Как вдруг я был испуган страшным шумом.

112 Так человек, пред кем из-за дерев
Несется вепрь, и в след за ним борзые,
Внимает треску сучьев, лаю псов.



И вот, налево, бледные, нагие,
Несутся двое...

115 И вот, налево, бледные, нагие,
Несутся двое с скоростью такой,
Что вкруг ломают сучья пней кривые.

118 Передний выл: «О смерть, за мной! за мной!»
Меж тем другой, не столько быстроногий:
«О Лан, — вопил, — с потехи боевой

121 При Топпо, так тебя не мчали ноги!»
И прибежав к кусту во весь опор,
Запыхавшись, к нему припал в тревоге.

124 За ними вдруг наполнили весь бор
Станицы псиц[16] *голодных, черной масти,*
Как стаи гончих, спущенных со свор.

127 Укрывшийся не избежал их пасти:
Псы, растерзав его в куски, в куски,
Размыкали[17] *трепещущие части.*

---

[16] Примечания: 16
Псица, *ж.* (устар.) — самка собаки, сука.

[17] Примечания: 17
Размы́кать, *гл. несов.* (разг.) — разогнать, рассеять, растащить.

130 Тут вождь подвел меня за кисть руки
К тому кусту, который, кровью рдея,
Вотще стонал от боли и тоски

133 И говорил: «О Якоп Сант'Андреа!
Зачем ты скрылся за кустом моим?
За что терплю я за грехи злодея?»

136 Тогда мой вождь, остановясь пред ним,
Спросил: «Кто ты, струящий кровь с слезами
Из стольких ран, злой горестью крушим?»

139 А он: «О души, вам же небесами
Дано увидеть страшный стыд того,
Чьи ветви так растерзаны пред вами,

142 Сберите их вкруг терна моего!
Я в граде жил, сменившем так коварно
Старинного патрона своего.

145 За то он губит град неблагодарный

Своим искусством, и когда бы снят
Был истукан его с моста чрез Арно,

148 То граждане, средь пепла и громад,
Оставленных Аттилой при разгроме,
Вотще[18] *б трудились, воздвигая град.*

151 Повесился там в собственном я доме!»

[18] Примечания: 18
Вотще́, *нареч.* (книжн. устар.) — напрасно, тщетно.

Песнь XIV

Содержание. *При имени Флоренции, Данте, растроганный любовью к отечеству, подбирает разбросанные листья флорентинца и складывает их вокруг его куста. Затем поэты приходят к границе, отделяющей второй отдел седьмого круга от третьего, где казнится насилие против Бога. Пред глазами Данта открывается необозримая и бесплодная степь, горячие пески которой вечно раскаляются огнем, падающим на них длинными полосами. Грешники образуют из себя три стада: одни лежат навзничь: кто богохулители; другие сидят, скорчившись: кто ростовщики; третья, самая большая толпа содомитов находится в вечном бегстве. — Потом, все более и более удаляясь от леса и миновав первую толпу богохулителей, поэты приходят к клокочущему потоку Флегетону, на который Виргилий обращает особенное внимание Данта и при этом случае объясняет ему происхождение адских рек. Все воды адских рек происходят от слез статуи Времени, в образе старца стоящей на горе Иде********и литой из золота, серебра, меди, железа и глины. За исключением головы, литой из*

золота, все части ее тела прорезаны морщинами от слез, которые, сливаясь в ад, образуют Стикс, Ахерон, Флегетон и Коцит. Данте спрашивает о Лете и узнает, что река забвения помещена в чистилище. — Затем путники пересекают песчаную степь, идя мощеным берегом Флегетона, над которым гаснет огонь.

1 К отечеству подвигнутый любовью,
Я, подобрав листы, их возвратил
Тому, который смолк, облитый кровью.

4 Тут мы пришли туда, где смежен был
С вторым отделом третий круг, где строже
Гнев праведный свой ужас проявил.

7 Чтоб возвестить Твои пути, о Боже!
Скажу, что в степь пришли мы наконец, —
Бесплодное пустынь песчаных ложе.

10 Ту степь обвил лес скорби как венец,

Как и его объемлет ров жестокий:
Здесь, на меже, со мною стал певец.

13 Песок сухой, горячий и глубокий
Лежал в степи, подобный тем пескам,
По коим шел Катон в поход далекий.

16 О гнев Господень, как ты грозен там!
Так пусть же каждый с ужасом читает
О том, что мне представилось очам!

19 Там взор стада нагих теней встречает:
Все горько плачут в бешеной тоске;
Но, мнится, суд неравный их карает.

22 Одни лежат там навзничь на песке,
Сидят другие, корчась, в страшном поле,
А третьи вечно мчатся вдалеке.

25 Теней, блуждающих кругом, всех боле;
Лежащих же под мукой меньше всех,

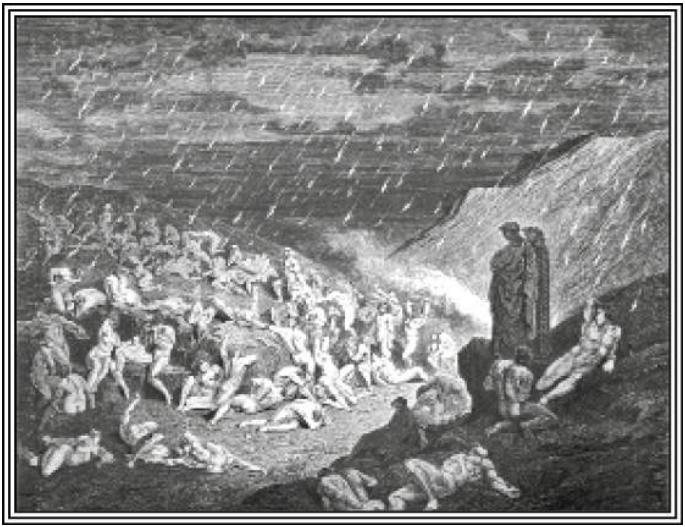
За то сильней скорбят о лютой доле.

28 Дождь огненный, карая гнусный грех,
Там сходит тихо длинными клоками,
Как падает в затишье в Альпах снег.

31 Как в Индии, под знойными лучами,
Зрел Александр над сонмами дружин
Огонь, сходивший до земли волнами;

34 Тогда войскам велел он средь равнин
Топтать песок затем, чтоб пламень ярый
Скорее гас, пока горел один:

37 Так вечные нисходят там пожары,
Чтоб зажигать, как под огнивом трут,
Пески степей для удвоенья кары.



Дождь огненный, карая гнусный грех,
Там сходит тихо длинными клоками

40 Без отдыха, как в пляске (тщетный труд!)

С себя стрясая пламень вечно новый,

Вкруг мечутся их руки, там и тут.

43 «О вождь! — я рек. — О ты, на все готовый

И все смиривший, кроме адских орд,

Представших нам у врат толпой суровой,

Кто сей гигант, который столько горд,

Что, кажется, к нему и не касался

Дождь огненный, под коим он простерт?»

Но грешник сам, как скоро догадался,

Что я об нем расспрашивал певца,

Вскричал: «Как жил, таким я и остался!

Пусть утомит Юпитер кузнеца,

У коего взял в гневе остры стрелы

Пронзить мне грудь в день моего конца;

Пусть утомит и в безднах Монджибеллы,

При черном горне, всю его семью,

Крича: Вулкан, спаси, спаси, о смелый!

Как восклицал в флегрийском он бою,

И пусть громит меня он всею силой,
Все ж не вполне смирит он грудь мою!»

61 Тогда вскричал мой вождь с такою силой,
Как никогда он не взывал громчей:
«О Капаней, за то, что и могилой

64 Не укрощен, наказан ты сильнее!
И злость твоя, жесточе всякой казни,
Терзает ярость гордости твоей!»

67 И мне потом сказал он, полн приязни:
«Он был в числе семи царей у Фив:
Неистовый, не ведал он боязни,

70 И, как сперва, доныне нечестив;
Но, как я рек ему, клеймом достойным
Ему послужит гордых дум порыв.

73 Теперь иди за мною; но по знойным
Пескам степей не направляй следа:
Вблизи лесов пойдем путем спокойным».

76 В молчании достигли мы туда,

Где из лесу бежал источник малый,
Его же цвет мне страшен навсегда.

79 Как Буликаме бьет ключом в провалы
Где грешницам лечиться суждено:
Так по песку кипел источник алый.

82 Окраины, его бока и дно —
Гранитные, и здесь-то, мне казалось,
Был путь, которым проходить должно.

85 «Среди всего, что здесь тебе являлось,
С тех пор, как мы вошли за адский праг,
Доступный всем, мой сын, не представлялось

88 Нам ничего столь важного в кругах,
Как этот ключ достойный замечанья;
Взгляни: в нем гаснет пламя на волнах».

91 Так мне сказал мой вождь и, полн вниманья,

Я отвечал: «Дай пищи мне, пиит,
Уж если к ней ты пробудил желанья».

94 И он: «Есть в море дикий остров, Крит;
Там жил Сатурн, в век коего обида
И брань смущать не смели юный быт.

97 Гора там есть: она, прозваньем Ида,
Красуясь древле зеленью лесов,
Теперь грозна угрюмостию вида.

100 Нашла там Рея сыну верный кров;
Там от отца лишь тем был Зевс избавлен,
Что плач его сливался в крик жрецов.

103 Гигантский старец в той горе поставлен:
Обращены к Дамьетти рамена,
Но лик, как в зеркало, на Рим направлен,

106 Глава его из злата создана,
Из чистого сребра и грудь и длани

И медь потом до самых бедр видна.

109 От бедр до ног все из отборной стали,
Лишь правая из глины: подпертой
Ногою правой, он стоит в печали.

112 На каждой части, кроме золотой,
Прорезаны струя́ми слез морщины,
И слезы те, прорывши грот, рекой

115 Бегут со скал, чрез мрачные пучины,
В Стикс, в Ахерон и Флегетон, потом
Стремятся вкруг, вдоль узкой сей лощины,

118 Где более сходить нельзя, и в нем
Падут в Коцит: туда нас путь низводит,
И я молчу об озере льдяном».

121 И я: «Но если в мире происходит
Источник сей, то почему же он
Пред нас впервые только тут выходит?»

124 А вождь: «Сей край, ты знаешь, округлен,

И хоть со мной ты в ад проник глубоко,

Все влево в глубь спускаясь чрез наклон;

127 Но все ж не весь обóйден круг широкий.

Так не дивись же ты в душе своей,

Коль много нового здесь встретит око».

130 «Где ж Флегетон? где Лета? ты об ней

Не говоришь; о первом же заметил,

Что он возник из слез в пучине сей?»

133 «Хвалю твои вопросы, — он ответил, —

Но ты и сам решишь один из них,

Коль клокотанье красных волн приметил;

136 Узришь и Лету, но не в безднах сих,

А там, куда душа идет омыться,

Покаявшись во всех грехах своих.

139 Но время нам от леса удалиться.
Старайся же идти за мной; взгляни:
Гранит плотин не может раскалиться,

142 Затем, что пар здесь гасит все огни».

Песнь XV

Содержание. *Поэты идут по одной из каменных плотин Флегетона. Вдоль плотины навстречу им бежит толпа содомитов. Один из них узнает Данта: это его учитель, Брунетто Латини. Он спрашивает ученика о причине замогильного его странствования и, поощрив его к продолжению трудов, предсказывает ему славу, а вместе с тем и изгнание, при чем жестоко порицает флорентинцев. Данте оказывает глубокое уважение своему учителю, уверяет его, что готов на все превратности судьбы, лишь только бы совесть его была спокойна, и узнает, что большая часть наказуемых здесь грешников были люди, прославившиеся своей ученостью. Затем, напомнив ученику свое сочинение, Брунетто Латини поспешно убегает.*

1 Вот мы идем по каменной твердыне,
Где пар с ручья туманом восстает
И гасит огнь в волнах и на плотине.

4 Как между Бригге и Кадзантских

вод,
Страшася с моря грозного набега,
Фламандцы строят против волн оплот;

7 Как Падуанцы защищают с брега,
Вдоль бурной Бренты, виллы и сады,
Пока на Альпах зной не тронул снега, —

10 Так здесь плотин устроены ряды,
Хотя не столь громадно и высоко,
Строитель вечный, их воздвигнул Ты.

13 Уж были мы от леса так далеко,
Что усмотреть его не мог бы взор,
Как сильно бы ни напрягалось око.

16 Тут встретили мы грешных душ собор,
Бежавший вдоль плотины; он с испугом
Нас озирал, как делаем обзор,

19 При новолунье, встретившись друг с другом,
И как глядит в ушко иглы портной,

Прищурившись, расслабленный недугом:

22 Так в нас ресницы изощрял их строй.

Тут кто-то вдруг меня за полу платья

Схватил, вскричав: «Не диво ль предо мной!»

25 Пока ко мне он простирал объятья,

Я взор вперил в лицо с следами бед,

И обгорелый лик с клеймом проклятья

28 Я вмиг узнал, знакомый с юных лет.

Склонясь лицом к его лицу, с приветом:

«Вы ль это здесь, — вскричал я — сэр Брунет?»

31 А он: «Мой сын, не постыдись с Брунетом

Пройти назад хоть несколько шагов,

И пусть толпа меж тем бежит». — «Об этом, —

Я взор вперил в лицо с следами бед,
И обгорелый лик с клеймом проклятья

34 Был мой ответ, — я сам молить готов,

И, если вам угодно, с вами сяду,

Коль тот дозволит, с кем иду в сей ров».

37 «О сын! — сказал он. — Всяк, причтенный к стаду,

Лишь миг помедлит, будет осужден
Лежать в огне, сто лет не движась кряду.

40 Иди, а я, держась за твой хитон,
Пойду вослед; потом сольюсь с отрядом,
Подъемлющим под мукой вечный стон».

43 Я не дерзал, сойдя с дороги, рядом
С ним проходить, но шел, как человек
Почтительный, с поникшим долу взглядом.

46 «Какой же рок, иль случай, — он мне рек, —
Ведет тебя до срока в край ужасный?
И кто возвел тебя на этот брег?»

49 «Там, там, вверху, — сказал я, — в жизни ясной,
Еще преклонных не достигнув лет,
Я потерял в долине путь опасный.

52 Вчера я утром из юдоли бед
Уж вспять бежал, когда его я встре-

тил:

Он сим путем ведет меня на свет».

55 «Иди ж вослед звезде, — он мне ответил, —

И в пристань славы вступишь ты за ней,

Коль в жизни той все ясно я заметил.

58 Когда б так рано я не кончил дней,

То убедясь, сколь Небо благосклонно,

Я б был в трудах опорою твоей.

61 Но твой народ жестокий, беззаконный,

От Фиезолы свой ведущий род

И в твердость скал доныне облеченный,

64 Тебе ж во благо, брань с тобой начнет,

И поделом: ведь с горечью рябины

Созреть не может фиги сладкий плод!

67 Слепым был назван встарь не без причины

Надменный род, завистливый, ску-

пой —

О, будь же чист меж ними ты единый!

70 Такую честь тебе даст жребий твой,

Что все начнут алкать в тебе сочлена;

Но — далее от клюва злак такой!

73 Пусть скот Фьезолы жрет своих как сено;

Но да не тронет злака, если там

В его помете, из гнилого тлена,

76 Еще возможно вырость семенам

Великих Римлян, живших в граде — в этом

Гнезде злодейств, противных Небесам».

79 «Когда б Господь внимал моим обетам,

Так рано б рок дней ваших не пресек

И вы б еще не разлучились с светом.

82 Я впечатлел в душе своей навек

Ваш добрый вид, отеческий, бесценный,

Познав от вас, чем может человек

85 Достичь бессмертия в сей жизни тленной,
И, как ценю я вас, пока дышу,
Мои уста поведают вселенной.

88 Все, что вы мне сказали, запишу
И, эту весть, храня в душе с другою,
Им объясненья в небе испрошу.

91 Меж тем и вам я мысль свою открою:
Лишь только б совесть ведала покой,
А я готов идти на брань с судьбою.

94 Уже не нов задаток мне такой;
Так пусть же рок вращает шар заветный,
Как вздумает, а пахарь заступ свой!»

97 Тут, обратясь направо, взор приветный
Ко мне склонил и мне вещал поэт:
«Кто замечает, тот внимал не тщетно!»

100 Меж тем со мной беседу вел Брунет

И я спросил: «Кто из толпы печальной

Всех более прославлен?» И в ответ

103 Он мне: «Узнать здесь об одних похвально;

Но умолчать приличней о других:

Мне их не счесть, а путь лежит мне дальний.

106 Короче: сонм духовных здесь одних,

Людей ученых, славы громозвучной;

Один и тот же грех пятнает их.

109 Там Прискиан с толпою злополучной;

Франциск д'Аккорсо с ним бежит вокруг,

И, если видеть этот суд не скучно,

112 Взгляни: вот он, кого служитель слуг

Переместил от Арно к Баккильону,

Где сокрушил ему хребет недуг.

115 Но кончим; время уж кладет препону

Беседе вашей: вижу я давно,

Что новый дым клубится там по склону.

118 Уж близок строй, где быть мне не должно!

Я об одном прошу: читай Tesoro,

Мой славный труд, где жить мне суждено».

121 Тут, повернув, помчался он так скоро,

Как будто бы в Вероне он бежал,

И мог его сравнить я с тем, который

124 Сорвал сукно, не с тем, кто проиграл.

Песнь XVI

Содержание. *Шум Флегетона, свергающегося водопадом в следующий круг, долетает до слуха поэтов. Они приближаются к восьмому кругу. От толпы содомитов, бегущих под огненным дождем, отделяются три тени и, догоняя Данта, умоляют его остановиться. Виргилий повелевает ему исполнить их желания, и тени, прибежав к Данту, схватываются руками, кружатся перед ним и объявляют свои имена. Это три государственные мужи Флоренции: Теггъяио Альдобранди, Иакопо Рустикуччи и Гвидогверра. Данте изъявляет глубокое уважение к ним и к их заслугам отечеству и на вопрос их о состоянии Флоренции выражает сильное негодование на испорченность ее нравов. Тени, похвалив его за пламенную любовь к родине и попросив напомнить о себе живым, поспешно убегают. Поэты идут далее и наконец достигают ужасной бездны. Виргилий бросает в нее вервь,[19] которою был опоясан Данте. Из бездны выплывает страшное чудовище.*

---

[19] Примечания: 19
Вервь, *сущ. ж. р.* (устар.) — верёвка.

1 Уже я был над каменною гранью,
Где водопад, свергаясь в нижний круг,
Подъемлет шум, подобный пчел жужжанью.

4 Тогда три тени, отделившись вдруг
От строя душ, бежавших непрерывно
Под страшным ливнем жесточайших мук,

7 Помчались к нам, подъемля крик призывный:
«Остановись! судя по платью, ты
Идешь из нашей родины противной!»

10 Увы! как страшны были их черты,
Спаленные огнем ужасной нивы!
О том досель смущают дух мечты.

13 Наставник мой услышал их призывы
И, обратясь, сказал: «Повремени!
Для этих душ должны мы быть учтивы.
16 И я сказал бы, если б здесь огни
На зыбь песков так страшно не змеи-

лись,
Что лучше б ты так мчался, чем они».

19 Вновь поднялся — лишь мы остановились —
Их прежний клик; когда ж догнали нас,
Как колесо три тени закружились.

22 И как бойцы, на битву обнажась,
Чтоб отразить успешней нападенье,
Один с другого не спускают глаз:

25 Так все, кружась, в меня вперяли зренье
И никогда с движеньем быстрых ног
Не совпадало лиц их направленье.

28 Тут тень одна: «Коль зыбкий сей песок,
Коль образ наш обугленный, увечный,
Презрительным являют наш порок,

31 Склонись, хоть ради нашей славы вечной,
Сказать: кто ты, что смело входишь к нам,

Еще живой, в край муки бесконечной?

34 Вот он, за кем бегу я по пятам,
Теперь нагой, весь черный и убогий,
Едва ль поверишь, как был славен там!

37 Он храбрый внук Гвальдрады, в жизни строгой,
Тот Гвидогверра, что числом побед
И разумом прославился так много.

40 Другой, в степях бегущий мне вослед,
Был Альдобранди, тот Теггьяйо славный,
Чьим именем гордиться должен свет.

43 А я, гнетомый с ними казнью равной,
Я Рустикуччи и, поверь, вполне
Погиб навеки от жены злонравной».

46 О! если б был я невредим в огне,
Немедля б спрыгнул я к сынам проклятья
И, знаю, вождь не воспретил бы мне.

49 Но страх сгореть, как эти злые братья,

Вмиг утушил на сердце без следа

Порыв желаний к ним лететь в объятья.

52 «Нет, не презренье, — я вскричал тогда, —

Но скорбь вселили в грудь мне ваши лики

Печальные (забуду ль их когда!),

55 Лишь только я от моего владыки

Уразумел, что к нам стремитесь вы,

Чьи подвиги так на земли велики.

58 Деянья ваши были таковы,

Что я, земляк ваш, с чувством горделивым

Всегда о них внимал из уст молвы.

61 Покинув желчь, я за вождем правдивым

Стремлюсь к плодам обещанным; сперва ж

Низринусь в центр вселенной к злоче-

стивым».

64 «О пусть же долго телу будет страж
Твой дух бессмертный! — молвил сын печали. —
Пусть и потомству славу передашь!

67 Честь и отвага, о скажи, всегда ли
Живут, как жили, в городе родном,
Иль навсегда из стен его бежали?

70 Гюйдьельм Борсьер, гонимый там огнем,
Недавний гость средь нашего собранья,
Печалит нас рассказами о нем».

73 «Иной народ и быстрые стяжанья
В тебя вселили гордость и позор,
Флоренция, дом скорби и рыданья!» —

76 Так я вскричал, поднявши кверху взор,
И три души, смутясь при этой вести,
Услышали как будто приговор.

79 «О если всем ты говоришь без ле-

сти, —

Все три вскричали, — как ответил нам,

Как счастлив ты, что говоришь по чести!

82 И так, прошед по мрачным сим местам

И возвратясь из стран светил прекрасных,

Когда с восторгом скажешь: я был там!

85 Поведай людям и об нас несчастных!»

И, круг расторгнув, как на крыльях, вспять

Они помчались вдоль песков ужасных.

88 Нельзя так скоро и аминь сказать,

Как быстро скрылись с глаз моих три духа.

Тогда пошел учитель мой опять.

91 Я шел недолго с ним, как вдруг до слуха

Достиг шум вод, столь близкий, что едва

Звук наших слов могло расслушать ухо.

94 Как тот поток, который мчит сперва

Свой бег с Монвезо на восток по воле,

От левой кручи Апеннин, слывя

97 В верховьях Аквакетою, доколе

Падет в русло́ долины у Форли,

Где это имя уж не носит боле,

100 И с яростью грохочет не вдали

От Бенедетто, падая с вершины,

На коей жить и тысячи б могли:

103 Так здесь, свергаясь с каменной стремнины,

Ток мутных вод подъемлет страшный гром,

Слух оглушая грохотом пучины.

106 Мой стан обвит был вервию кругом,

Которою когда-то безуспешно

Ловил я Барса с дорогим руном.

109 И эту вервь над бездной мглы кромешной
Я отрешил, как вождь мне приказал,
И, в клуб смотав, вручил ему поспешно.

112 И вождь, склонясь направо и от скал
Немного отойдя, что было мочи
Поверг ее в бездонный сей провал.

115 Знать нечто новое из мрака ночи,
Подумал я, всплывет на новый знак,
За коим так следят поэта очи.

118 О будь же с теми осторожен всяк,
Что не одни лишь зрят дела очами,
Но разумом пронзают мыслей мрак.

121 И вождь: «Сейчас предстанет то пред нами,
Чего я жду, и то, о чем в тиши
Ты грезишь, сам увидишь над волнами».

124 Об истине, приявшей образ лжи,

Чтоб без вины осмеян не был с нею,

О человек, поведать не спеши!

127 Но здесь молчать, читатель, я не смею,

И я клянусь Комедией моей

(Да в век пребудет благодать над нею!)

—

130 Я зрел во мгле воздушных тех полей

Гигантский образ, кверху выплывавший,

Ужасный для смелейших из людей.

133 Так, вверх стремясь и ноги подобравши,

Всплывает тот, который, бросив челн,

Нырнул на дно, чтоб якорь, там застрявший

136 Между каменьев, вытащить из волн.

Песнь XVII

Содержание. *На знак, поданный Виргилием, Герион древних, олицетворение обмана, примыкает к каменной плотине Флегетона. Лицо у него праведное, лапы мохнатые, хвост змеиный, а тело все испещрено узлами и кольцами. Поэты сворачивают с дороги, чтобы к нему приблизиться. Пока Виргилий уговаривается с Герионом о помощи его сильных плеч, Данте идет один к краю пропасти, где под огненным дождем, на раскаленном песке, сидит толпа ростовщиков, направлявших насилие против природы и искусства, а следственно и Бога. У каждого из них на шее повешена сума с различными гербами: на них жадно устремлены немые взоры грешников. Один из ростовщиков разговаривает с Дантом и предсказывает место в аду другому известному ростовщику, еще живому в то время. Данте, возвратившись к Виргилию, находит его уже на спине чудовища и с ужасом сам всходит на спину Гериона; но Виргилий, сидя позади Данта, защищает его от ядовитого хвоста чудовища. Они летят чрез пропасть над страшным водопадом Флегетона. Высадив поэтов на окраине восьмого*

круга, Герион скрывается, с быстротою стрелы.

1 «Вот лютый змей с хвостом остроконечным,
Дробящий сталь и твердость стен и скал!
Вот он весь мир зловоньем губит вечным!» —

4 Так начал вождь и знак рукою дал,
Чтоб грозного приблизить великана
Ко мраморам, где путь наш пролегал.

7 И страшный образ гнусного обмана
Главой и грудью к берегу приник,
Но не извлек хвоста из мглы тумана.

10 Был лик его — людей правдивых лик:
Столь кроткими глядел на нас глазами,
Но как у змей был хвост его велик.

13 Мохнатые две лапы под плечами.
А грудь, бока и весь хребет, как жар,
Испещрены узлами и кружками.

И страшный образ гнусного обмана
Главой и грудью к берегу приник

16 Цвета одежд у Турок и Татар
С изнанки и с лица не столько ярки;
Не так сплетен Арахны дивный дар.

19 Как иногда лежат на взморье барки,

Полу в воде, полу в песке до ребр,

И как у вод, на бой готовясь жаркий,

22 Сидит, в стране обжор немецких, бобр:

Так на краю, обвившем степь гранитом,

Лежал дракон, с лица приветно добр.

25 Он хвост крутил в пространстве, мглой покрытом,

Как скорпион, вращая острием,

Вооруженным жалом ядовитым.

28 «Теперь, — сказал учитель мой, — сойдем

С дороги нашей к лютому дракону,

Простертому на берегу крутом».

31 И мы спустились вправо по наклону

И пять шагов по берегу прошли,

Чтоб от огня найти там оборону.

34 Как скоро мы к дракону подошли,

Вдали узрел я на песке собранье
Теней, сидевших на краю земли.

37 Тогда мой вождь: «Чтоб полное познанье
О круге сем ты мог отсель извлечь,
Поди, — сказал, — взгляни на их страданье;

40 Но коротка твоя да будет речь.
А я склоню его первоначально
Дать в помощь нам громаду мощных плеч».

43 Так берегом я к точке самой дальной
Седьмого круга шел один, пока
Пришед к толпе, сидевшей там печально.

46 Из их очей сверкала их тоска:
То там, то здесь руками тушат духи
То пыл огней, то знойный жар песка.

49 Так точно псы, в дни жара и засу́хи,
То рылом чешут, то ногой, где их

Кусают блохи, оводы, иль мухи.

52 Я заглянул в лицо теней иных,
На коих тлели клочья огневые;
Но никого не мог узнать из них.

55 Зато я зрел у каждого на вые
Мешок, имевший разный знак и цвет:
В него впивались взоры их немые.

58 И я увидел, ближе подошед,
На желтом кошельке предмет лазурный
И был со львом по виду схож предмет.

61 И далее я зрел как кровь пурпурный
Мешок, на коем молока белей
Написан гусь. — И вот, со злостью бурной,

64 Один, имевший на суме своей
На белом поле супрось голубую,
Вскричал: «Чего ты смотришь в яме сей?

67 Прочь, дерзкий! прочь! Но если ты живую

Имеешь душу, ведай: Витальян
Соседом мне тут сядет одесную.[20]

70 Я, Падуанец, здесь между граждáн
Флоренции; тут часто диких орды
Кричат: Приди, наш славный атаман,

73 И принеси три клюва с — герб твой гордый!»
И, скорчив рот, он высунул язык,
Как бык, когда он лижет влагу с морды.

76 И я, страшась, что слишком вдаль проник,
(А вождь велел не медлить мне в долине)
Пошел от злых; они ж подняли крик.

79 Уж мудреца нашел я на вершине
Чудовища и со спины крутой
Он мне кричал: «Будь смел и сúлен ныне:

82 Здесь сходят вглубь по лестнице

---

[20] Примечания: 20
Одесную, *нареч.* (устар.) — справа.

такой!

Сядь впереди, а чтоб хвостом он раны

Не мог нанесть, я сяду за тобой».

85 Как тот, к кому близка уж знобь[21] *квартаны*[22]*,*

Когда уже синеет цвет ногтей,

Трясется весь, лишь взглянет на туманы:

88 Так я дрожал от сказанных речей;

Но как герой войска для предприятья,

Так он бодрил меня на подвиг сей.

91 Воссев на плечищах, хотел сказать я:

«О вождь!.. — но голос, как я ожидал,

Не вышел. — ...вождь, прими меня в объятья!»

94 Но он, который столько раз спасал

Меня в аду, едва я взлез, руками

Обвил меня и, крепко сжав, сказал:

---

[21] Примечания: 21

Знобь, *ж.* — озноб, дрожь.

[22] Примечания: 22

Квартана, *ж. мед.* (quartan син.) — четырехдневная малярия.

«В путь, Герион, широкими кругами,
Но медленней спускайся: не забудь,
Что новый груз подъемлешь ты плечами!»

Как от земли корабль уходит в путь
Назад, назад: так вдаль он отступает;
И, на простор вступив, туда, где грудь

Его была, вдруг хвост он обращает
И бьет хвостом, как угрь, свирепый зверь,
И лапами он воздух загребает.

Нет! не сильней ты трепетал, поверь,
О Фаетон, когда бразды[23] *оставил,*
Зажегши твердь, как видно и теперь;

Иль ты, Икар, когда огонь расплавил
На крыльях воск, и вслед тебе отец

---

[23] Примечания: 23
Бразды, мн. (книжн., устар.) — конские удила, узда.

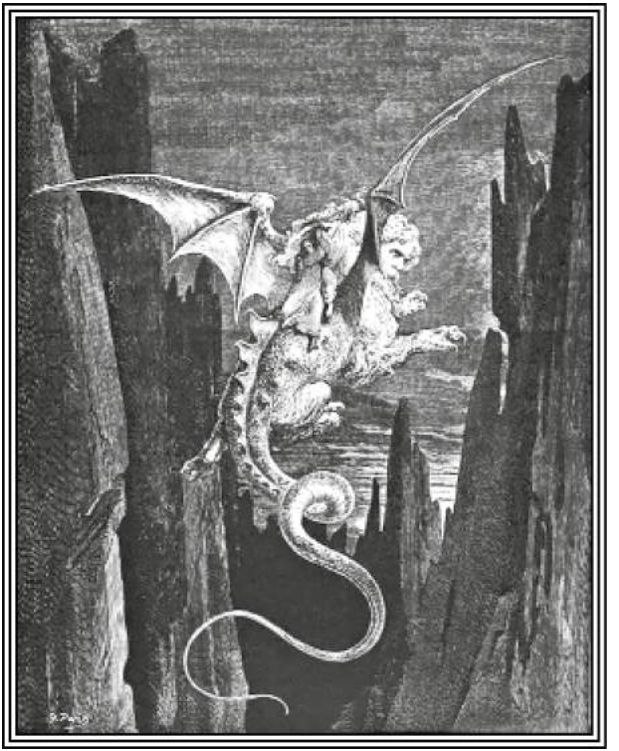
Кричал: «О сын, ты худо путь направил!» —

112 Как я дрожал, когда со мной певец
Взлетел, когда в воздушном океане
Все, кроме змия, скрылось наконец.

113 Он тихо, тихо плыл, кружась в тумане
И нисходя; но я лишь замечал,
Что ветр в лицо и снизу дул в буране.

118 Уже, от нас направо, я внимал,
Как водопад шумел, ревел под нами,
И я, нагнувшись, взор на дно вперял.

121 И больший страх я чуял над волнами.
И, в трепете, я мог сидеть едва,
Услышав вопль и огнь увидев в яме.



Он тихо, тихо плыл, кружась в тумане

124 Тут я узрел, чего не зрел сперва,
Как змий, кружась, спускался в омут душный

Меж ярых мук отчаянного рва.

127 И как сокóл, свершив полет воздушный,
Когда ни птиц, ни чучел не нашел,
При криках ловчего: «О, непослушный!»,

130 Вдруг кольцами спускается на дол
И от ловца вдали один садится,
Измученный полетом, дик и зол, —

133 Так Герион в глубокий ров стремится,
Чтоб сбросить нас к подножию скалы,
И, облегчен от груза, снова мчится,

136 Скрываясь в мраке с быстротой стрелы.

Песнь XVIII

Содержание. *Со спины Гериона Данте обозревает все пространство преисподней ада, которую описывает вообще как глубокое жерло с окраиною, разделенною на десять концентрических рвов, через которые перекинуты в виде мостов огромные утесы. Эти рвы составляют восьмой круг ада, названный Злыми рвами (Malebolge): здесь наказуется обман без доверия. — Сброшенные в этот круг Герионом, поэты идут налево и приходят к первому рву: тут рогатые черти бичуют торговавших слабостью женского пола (ruffiani) и обольстителей; грешники бегут двумя — один другому противоположными — строями. Из первого строя, бегущего навстречу поэтам, Данте узнает Болонца и Гвельфа Каччианимако, с которым и разговаривает; из второго — мифическое лицо Язона, похитителя золотого руна и обольстителя Изифилы и Медеи. Поэты идут далее и достигают второго рва, столь глубокого и узкого, что дно его можно рассмотреть только с самой высшей точки моста. В нем погружены в зловонную жидкость льстецы; они кричат, бьют себя руками и задыхаются. Из них Данте узнает*

одного грешника, Алеесио Интерминеи из Лукки; а Виргилий указывает ему на тень прелестницы Таиды, лица из Теренциевой комедии «Эвнух».

1 В аду есть округ, Злые рвы прозваньем:
Весь каменный, железа он темней
И обнесен стены таким же зданьем.

4 В средине самой проклятых полей,
Бездонный кладезь зев разверз широкий;
Но расскажу не здесь о бездне сей.

7 Край пропасти, между стеной высокой
И кладезем, окру́глен и прорыт
Вкруг десятью долинами глубоко.

10 Как и́дут рвы, стена́м надежный щит,
Вкруг крепостей, стесняясь у средины,
И каковой от них приемлют вид:

13 Подобный вид имеют те долины,
И как лежат подъемные мосты
При крепостях: так от подошв стремнины

16 Кремнистые протянуты хребты,
Идущие чрез стены и провалы,
До кладезя, где все в одно слиты́.

19 Тут, Герионом сброшены на скалы,
Мы очутились; влево путь чернел:
Подвигся вождь, за ним и я, усталый.

22 Иную скорбь направо я узрел,
Иных судей, мучения иные,
Которыми весь первый ров кипел.

25 На дне толпились грешники нагие:
Одни отселе двигались на нас,
Оттоле с нами, но быстрей, другие.

28 Так Римляне, в огромный сонм столпясь,
Идут чрез мост, в год славный юбилея,
От множества в два строя разделясь:

31 С одной руки, перед лицом имея
Вал крепостной, в Петров стремятся храм;
С другой, текут к горе, вдали пестрея.

34 Меж черных скал я видел здесь и

там
Чертей рогатых с длинными бичами,
Разивших страшно грешных по хребтам.

Ах! как бегут вприпрыжку и скачками,
Лишь хлопнет бич, и нет здесь никого,
Кто б ждал еще удара за плечами!

Пока мы шли, я встретил одного
Знакомого и молвил в то ж мгновенье:
«Не в первый раз встречаю я его!»

Меж черных скал я видел здесь и там
Чертей рогатых с длинными бичами

43 Чтоб рассмотреть, в него вперил я зренье;
А сладкий вождь, остановясь со мной,
Назад вернуться дал мне позволенье.

46 Бичуемый, поникнув головой,
Надеялся укрыться; но напрасно!
Я молвил: «Ты, так взор склонивший

свой, —

49 Когда твой образ говорит мне ясно, —
Ты Венедико Каччианимик!
За что ж попал ты в щёлок столь ужасный?»

52 А он: «Ответа не дал бы язык;
Но, твоему вняв звонкому глаголу,
Я вспомнил мир, в котором я возник.

55 Я убедил прекрасную Гизолу
Ответствовать Маркизу на любовь,
Предав ее злых толков произволу.

58 Не я один болонец свергнут в ров:
Так много нас вмещают эти стены,
Что не осталось столько языков

61 Твердить sipa меж Рено и Савены;
А хочешь в этом быть ты убежден,
То вспомни, как жадны́ мои сочлены».

64 Так говорил; но, сзади поражен,
Он бросился, а вслед кричал нечистый:
«Прочь, изверг! здесь не покупают

жен!»

67 Я поспешил к вождю тропой скалистой,
И мы пришли с поспешностью туда,
Где из стены торчал утес кремнистый.

70 Тогда, взойдя на камень без труда
И вправо взяв, мы прочь пошли оттуда,
Покинув область вечного суда.

73 Когда ж пришли, где каменная груда
Дает внизу бичуемым проход,
Мой вождь сказал: «Дождемся здесь, покуда

76 К нам обратит лицо проклятый род:
Сих грешников не мог ты видеть лица,
Затем, что вместе с ними шел вперед».

79 И с древних скал узрел я вереницы
Навстречу нам бежавших под утес,
Которых гнали демонов станицы.

82 И добрый вождь, предвидя мой вопрос,

Сказал: «Взгляни: вот призрак величавый!

Бичуемый, не льет он горьких слез.

85 О, как он горд величьем царской славы!

Сей дух — Язон, похитивший руно

Колхидское, вождь смелый и лукавый.

88 Пришед[24] на остров Лемнос, где давно

Отвагой жен в ожесточенье рьяном

Убийство всех мужей их свершено, —

91 Приветной речью, красотой и саном

Он Изифилу в цвете лет прельстил,

Увлекшую подруг своих обманом.

94 Там, обольстив, ее он позабыл:

За этот грех казнится высшей властью,

---

[24] Примечания: 24
Пришед (устар.) — придя.

И за Медею рок ему отмстил.

97 С ним и́дут все, прельщающие страстью!
О первом рве довольно ты узнал
И о толпе, пожранной черной пастью».

100 Мы были там, где узкий путь у скал
Крест-на́крест вал второй пересекает,
Ведя на мост через второй провал.

103 И в этом рве я слышал, как стенает
Проклятый род и дышит тяжело,
И сам себя разит и проклинает.

106 Там плесенью брега обволокло
Зловонье дна, сгущаемое бездной,
И брань со всеми чувствами вело.

109 Ров так глубок, что было б бесполезно
Смотреть на дно в зловонный сей овраг,
Не взлезши вверх, где свис утес железный.

112 Мы на него взобрались и сквозь мрак

Я рассмотрел народ, увязший в тине,

Извергнутой, казалось, из клоак.

115 И одного заметил я в пучине

Столь грязного, что рассмотреть нельзя:

Мирянин он, или в духовном чине.

118 Он мне кричал: «Что смотришь на меня

Так пристально меж грязными тенями!»

А я: «Затем, что сколько помню, я

121 Тебя видал с сухими волосами:

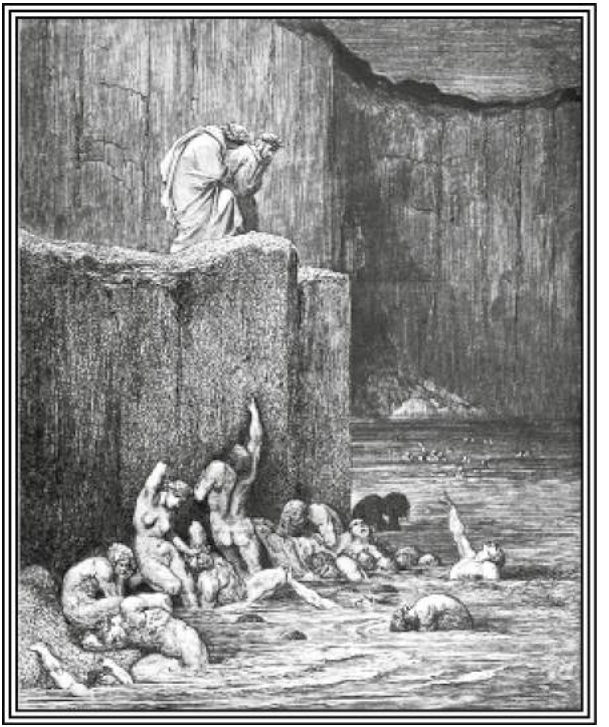
Интерминеи мне давно знаком;

Затем тебя преследую глазами».

124 В башку ударив, он сказал с стыдом:

«Лесть мерзкая нас свергла в ров вонючий!

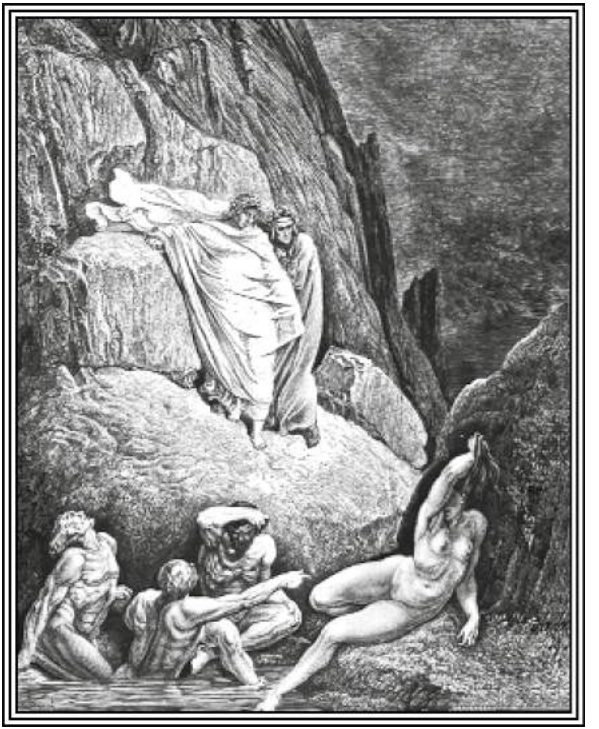
Без устали болтал я языком».



Он мне кричал: «Что смотришь на меня
Так пристально меж грязными тенями!»

127 И вождь: «Впери сквозь сумрак взор летучий

И ров глубокий обозри вокруг;
Взгляни: вон там, среди бесчестной кучи,
Растрепанной развратницы злой дух
Скребет ногтями грудь в трясине скверной,
То вдруг присядет, то привстанет вдруг:
То тень Таиды, грешницы неверной,
Что на вопрос: «Довольна ль мной?» в ответ
Любовнику сказала: «Ах, чрезмерно!»
И с омерзеньем прочь пошел поэт.



То тень Таиды, грешницы неверной

Песнь XIX

Содержание. *Поэты приближаются к третьему рву, в котором казнится симония[25] — святокупство, грех Симона волхва. Каменное дно этого рва пробито множеством круглых ям, в которые уткнуты головою и телом грешники: ноги их торчат кверху и сжигаются пламенем. Виргилий на руках несет Данта на дно рва и становится с ним подле одного грешника, над которым пламя горит краснее: это папа Николай II. Грешник принимает Данта за папу Бонифация VIII; но, разуверенный в ошибке, повествует о грехе своем и намекает на других более важных симонистов, которые со временем займут в аду его место. Тогда Данте изливает в сильной речи свое негодование на унижение папского достоинства и алчность пап, отчего грешник в немощной злобе сильно потрясает ногами. Виргилий, с довольным видом слушавший эти слова, опять возносит Данта на крутой утес и по мосту приближается к четвертому рву.*

---

[25] Примечания: 25

Симония (церк.) — попытка приобрести за плату Благодать Духа Святого.

1 О Симон волхв, о род злосчастых братий!

Господень дар, с единым лишь добром

Вступающий в святой союз, как тати,[26]

4 Вы осквернили златом и сребром!

Для вас должна греметь труба отныне,

Для вас, навек пожра́нных третьим рвом!

7 Уж мы пришли к ближайшей к нам пучине,

Взобравшись там на горные хребты,

Где, как отвес, падут они к средине.

10 О высший разум! как всесилен ты

На небе, на земле и в злобном мире!

Твой строгий суд — пучина правоты!

13 Я зрел, на дне и по бокам, в порфи-

---

[26] Примечания: 26
Тать (устар.) — то же, что вор.

ре[27]

Багрово-синем, бездну круглых ям,
Все равной меры, не тесней, не шире

16 Купелей, ими ж славен дивный храм
Сан Джиованни, где для грешных братий
Крестильницы пробиты по стена́м.

19 Одну из них, спасая жизнь дитяти,
Еще недавно сам я раздробил:
О пусть же каждый верит сей печати!

22 Из каждой ямы грешник возносил
До икр стопы и голени, скрывая
Все остальное в глубине могил.

25 Подошвы ног, под пламенем пылая,
Так яростно рвались у мертвецов,
Что не сдержала б их и вервь льняная.

28 И как струится пламя у краев

---

[27] Примечания: 27

Порфи́р (*от др.* — *греч.* porphýreos — тёмно-красный, пурпурный) — общее название вулканических горных пород кислого и среднего состава, имеющих порфировую структуру.

Горючих тел, упитанных в елее,[28] —
Так огнь от пят стремился до перстов.

31 И я: «О вождь, кто это всех сильнее
Терзается? за что он осужден?
Почто над ним пылает огнь краснее?» —

34 «Когда желаешь, — отвечал мне он, —
Я понесу тебя к нему по склонам;
Сам скажет, кто он и за что казнен?»

37 А я: «Твое желанье мне законом;
Мой господин, ты видишь мысль во мне,
И я с тобой готов ко всем препонам».

40 Тогда пришли к четвертой мы стене
И очутились, влево в ров сбежавши,
На продырявленном и узком дне.

---

[28] Примечания: 28
Елей (*др. — греч.* — оливковое масло) — церковнославянское название оливкового, а позже — любого растительного масла в православном церковном обиходе.

43 И добрый вождь, меня до бедр поднявши,

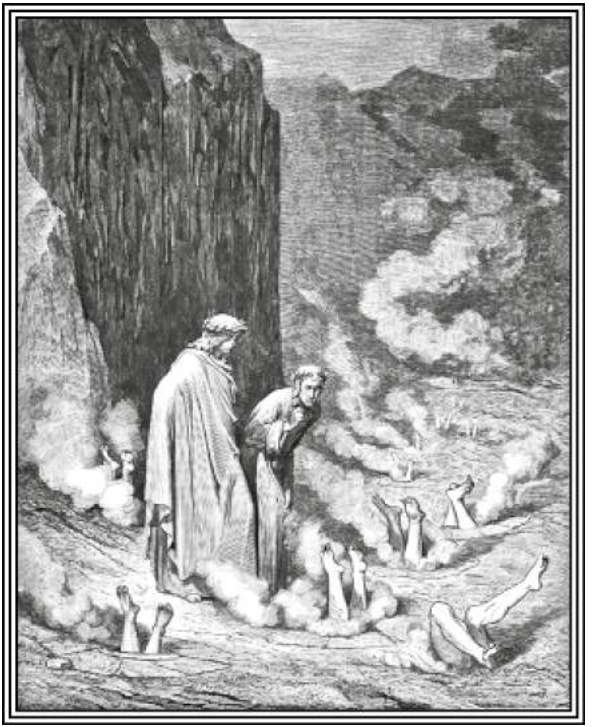
Дотоле шел, пока достиг дыры,

Где скрыт злодей, так ноги потрясавший.

46 «Злосчастный дух, ты, скрывший лик внутри!

Кто б ни был ты, уткнутый здесь как плаха, —

Так начал я, — коль можешь, говори».



...Дотоле шел, пока достиг дыры,
Где скрыт злодей, так ноги потрясавший

49 Имел я вид духовника-монаха,
К которому засыпанный злодей,

Чтоб жизнь продлить, взывает из-под праха.

52 Но дух кричал: «Ага! уж в яме сей,
Уж в яме сей стоишь ты, Бонифаций?
Так я обманут хартией моей?

55 Ты ль пресыщéн на лоне благодати
Стяжаньем благ, для коих смел нанесть
Жене прекрасной срам своих объятий?»

58 Как человек, чей ум не мог прочесть
Слов сказанных, немеет без ответа, —
Так я не мог ни слова произнесть.

61 Тогда поэт: «Скажи ему на это,
Что ты не тот, не тот, кого он ждал».
И я сказал ему слова поэта.

64 Тогда ногами дух затрепетал
И рек, вздыхая, в горести жестокой:
«Скажи, чего ж ты от меня желал?

67 Но если ты спустился в ров глубо-

кий,

Горя желаньем обо мне узнать,

Так знай: венча́н тиарой[29] *я высокой.*

70 И впрямь была медведица мне мать:

Для медвежат в мешок сгребал я злато,

А здесь и сам попал в мешок как тать.

73 В провал скалы уже не мало взято

Пап-симонистов, бывших до меня:

Все подо мной исчезли без возврата.

76 И я за ними свергнусь в пыл огня,

Лишь при́дет тот, за коего ты принят,

Когда вопрос поспешный сделал я.

79 Однако ж он скорей, чем я, покинет

Провал, где я главою водружен:

---

[29] Примечания: 29

Тиара (лат. tiara; от др. — греч. τιάρα) — первоначально персидский головной убор в виде высокой шапки; впоследствии, в более широком смысле — драгоценное головное украшение, разновидность короны или диадемы.

За ним придет (и нас собой задвинет)

82 От запада, поправший весь закон,
Верховный жрец. Всем миром проклинаем,
Сей пастырь будет новый Иасон

85 (У Маккавеев мы о нем читаем),
И как того сирийский царь ласкал,
Так королем французским он ласкаем».

88 Быть может, слишком много я сказал,
Ему ответив с укоризной злою:
«Скажи ж ты мне: каких сокровищ ждал

91 Господь, когда вручил Своей рукою
Ключи Петру? поверь мне, ничего
Он не желал, как лишь: иди за Мною.

94 А Петр и ты, что вместо одного
С душей коварной избрали Матфея,
Сребра ли, злата ль ждали от него?

97 Так стой же здесь и, вечно пламенея,

Блюди мешок с бесчестной мздой своей,
Для коей шел на Карла, не робея.

100 И если б я не уважал ключей,
Которыми, приняв свой сан высокий,
Ты в светлой жизни управлял, злодей, —

103 Я б жесточей привел тебе упреки:
Ваш алчный дух всем в мире омерзел,
Топча добро и вознося пороки.

106 Вас, пастырей, Апостол разумел,
Когда средь вод сидящую с царями
Великую блудницу он узрел.

109 Она с седьмью родилася главами,
И, муж её пока любил добро,
Имела силу с десятью рогами.

112 Вам стали Богом злато и сребро;
Неверных лучше ль вы? по крайней мере
Их бог один, у вас их ныне сто!

115 А тем, что первому отцу ты дал,
О Константин! не обращеньем к вере,

Как много зла родил ты в сем примере!

118 Пока ему я это напевал,
Не знаю, гневом, совестью ль терзался,
Ногами сильно грешник потрясал.

121 Зато мой вождь, казалось, утешался:
С такой улыбкой слушал он слова,
В которых гнев правдивый выражался.

124 Тут, сжав меня в объятьях, мой глава
Стал восходить опять путем покатым,
По коему спустился он сперва.

127 Без устали, со мной, к груди прижатым,
Он шел, пока на мост меня не взнес,
Которым связан ров четвертый с пятым.

130 Здесь тихо, тихо на крутой утес
Спустил свое он бремя у стремнины,
Где был бы путь не легок и для коз.

133 Там мне открылось дно другой долины.

Песнь XX

Содержание. *На дне четвертого рва Данте видит души прорицателей и чародеев: они повернуты лицами назад, борода у них упадает на плечи, слезы текут по спине; вперед они уже не видят и должны пятиться задом. При виде искажения человеческого образа, Данте плачет; но Виргилий укоряет его за скорбь перед судом Божьим. Он указывает ему на тень Амфиарая, поглощенного землею перед Фивами; на Терезия, волхва фивского; Аронте, этрусского птицегадателя; далее на тень Манто, дочери Терезия, при имени которой подробно говорит о происхождении родного своего города Мантуи; наконец, указав еще на тень Эврипилла, Михаила Скотта, Гвидо Бонатти, Асденте и других, Виргилий побуждает Данте спешить, ибо месяц уже закатился. Поэты идут далее.*

1 Вновь должно петь о скорбях неутешных
И тем предмет двадцатой песне дать
Канцоны первой — о погибших грешных.

4 Уже вполне готов я был взирать
В открытый ров, где грешники в кручине
Должны слезами путь свой орошать.

7 И видел я, как в круглой той долине
Они в слезах свершают молча путь,
Как на земле творят литии[30] *ныне.*

10 Склонив лицо, чтоб глубже в ров взглянуть,
Я в страхе зрел, что шеи злой станицы
От подбородка свернуты по грудь.

13 У всех к плечам поворотились лица,
Так, что, вперед смотреть утратив дар,
Все пятились назад по дну темницы.
16 Не думаю, чтоб мозговой удар
Мог причинить такие искаженья,
Каким подверглись те ведомцы чар.

---

[30] Примечания: 30
Лития (в богослужении) — служба, совершаемая усиленной молитвой вне храма по случаю бедствий или по усопшему. Греческое слово «лития» в православии означает усердная молитва, совершаемая вне стен храма.

19 Коль Бог тебе, читатель, дал из чтенья
Извлечь твой плод, то сам вообрази,
Без слез я мог ли видеть их мученья,

22 Когда увидел образ наш вблизи
Столь извращенным, что слеза, рекою
Струясь меж плеч, кропила их стези?

25 О! верь, я плакал, прислонясь рукою
К одной из скал; тогда мне мой глава:
«Ужель и ты безумствуешь с толпою?

28 Лишь мертвая любовь в аду жива!
Преступник тот, кто скорбью неразумной
Зовет на суд законы Божества!

31 Взгляни же вверх, взгляни: вот тот безумный,
Что свергнуть в ад в виду Фивийцев всех,
При криках их: «Куда из битвы шумной,

34 Амфиарай? куда стремишься в бег?»

А он меж тем всё падал в ад, доколе
Был схвачен тем, что судит каждый грех.

37 Смотри: из плеч он сделал грудь в неволе!
За то, что вдаль пытливый взор стремил,
Идет назад, вперед не видя боле.

40 Вот и Терезий, тот, что изменил
Свой вид и пол, которым для замены
Он в женщину себя преобразил,

43 Но вслед за тем, для новой перемены,
Жезлом ударив свившихся двух змей,
Вновь получил все мужеские члены.

46 Спиной к нему — этрурский чародей!
Средь Лунских гор, где рудокоп Каррары,
Жилец скалы, ломает камень в ней,

49 Жил в мраморной пещере грешник старый;

Оттоль он зрел лазурный звезд чертог
И зыбь морей, свершая злые чары.

52 А эта тень, которая до ног
Спустила кос всклокоченную груду,
В ней скрывши грудь, чтоб видеть ты не мог,

55 Тень вещей Манто, что, прошед повсюду,
Там поселилась, где родился я.
Внимай: о ней повествовать я буду.

58 Когда покинул жизнь отец ея
И вакхов град стонал под мощной дланью,
Она все в мире обошла края.

61 Есть озеро над италийской гранью,
У самых Альп, связующих Тироль
С Германией, Бенако по прозванью.

64 И тысяча и больше волн оттоль,
Меж Гарда и Комоники, чрез склоны
Пеннинских гор, сливаются в юдоль.

67 Тут место есть, где могут без пре-

поны

Три пастыря подать друг другу крест —

Из Брешии, от Трента и Вероны.

70 Хранит Пескьера, крепость этих мест,

Меж Брешьи и Бергамо, доступ в горы,

Там, где страна покатее окрест.

73 Сюда бежит избыток вод, который

В себе вместить Бенако не могло,

И как поток, стремительный и скорый,

76 Шумит вдоль паств, и, лишь вступив в русло́,

Уж Минчием зовется, мчась в раздолье

До стен Говерно, где впадает в По.

79 Но вскоре, встретив на пути подолье,

Болотом топким ширится волна,

Тлетворный смрад рождая в водополье.

82 Сюда проникнув, страшная жена

Среди болот край видит запустелый
И, дикостью страны привлечена,

85 С толпою слуг, для чар науки смелой,
В ней остается, бросив смертный род,
И, кончив жизнь, здесь покидает тело.

88 Когда ж окрест рассеянный народ
Пришел за нею в дикий край, объятый
Со всех сторон трясинами болот,

91 Он град построил на костях проклятой,
И, без других гаданий, в память ей,
Дал имя Мантуи стране богатой.

94 Град множество вмещал в себе людей,
Пока еще безумцу в обольщенье
Не сплел коварный Пинамонт сетей.

97 Так говорю, чтоб сам ты в заблужденье
Не впал, когда родной моей стране
Начнут давать не то происхожденье».

100 А я: «Мой вождь, я убежден вполне
В твоих словах и речь других пред ними
Покажется погасшим углем мне.

103 Скажи ж мне, кто достоин между сими
Идущими мой взор к себе привлечь?
Лишь к ним стремлюсь я мыслями своими».

106 А он мне: «Тот с брадой до смуглых плеч, —
В те дни, когда Эллады край богатый
Так оскудел людьми для грозных сечь,

109 Что колыбели не были лишь взяты, —
Был волхв и дал с Колхасом злой совет
Перерубить в Авлиде все канаты.

112 Он, Эврипил по имени, воспет
В стихах моей трагедии высокой,
В которую вникал ты столько лет.

115 А этот с ним, калека кривобокий —

Михаил Скотт, который точно был
Во лжи волшебных игр знаток глубокий.

118 С Бонатти здесь Асдент себя сгубил:
Он кается теперь, хотя уж поздно,
Зачем он с кожей дратву разлюбил.

121 Здесь множество волшебниц плачет слезно:
Забыв иглу, веретено и челн,
Они на зельях волхвовали грозно.

124 Но в путь! уж грани эмисфер и волн
Коснулся с терном Каин за Сивиллой.
Еще вчера, в ночи, был месяц полн;

127 Ты не забыл, что он сквозь лес унылый
Тебе не раз светил в ночном пути
И прогонял из сердца страх постылый».

130 Так говоря, он продолжал идти.

Песнь XXI

Содержание. *Путники всходят на следующий мост и с его вершины глядят в весьма темный пятый ров. Светские симонисты, люди, торговавшие гражданскими местами, и взяточники погружены здесь в кипящее смоляное озеро, по берегам которого взад и вперед бегают демоны, вооруженные крючьями. Пока поэты смотрят в ров, дьявол приносит на плечах сенатора из Лукки, кидает его в смолу и бежит за другими подобными. Черти, скрытые под мостом, подхватывают грешника крючьями и погружают его в кипяток. Виргилий из предосторожности приказывает Данту спрятаться за скалою, а сам переходит мост. Дьяволы кидаются на него с яростью; но Виргилий, укротив их, вызывает одного из их толпы для переговоров. Бес Злой-Хвост выходит с дерзостью; но, узнав о причине замогильного странствий поэтов, в ужасе роняет багор из рук. Тогда, по приказанию Виргилия, Данте выходит из своего убежища; демоны на него кидаются и один из них хочет разорвать его; но Злой-Хвост их удерживает. С притворною приветливостью он назначает поэтам провожа-*

тых, ложно объявив, что мост разрушен только в шестом рве, но что в следующем он невредим. Десять избранных в провожатые демонов, под предводительством Курчавой-Бороды, делают гримасу Злому-Хвосту.

Так с моста на́ мост шли мы, рассуждая
О том, чего в комедии своей
Не передам, и, с высоты взирая,

Другую щель увидели под ней,
И тщетный плач услышали в провале —
В глубокой мгле, ужасной для очей.

Как вар кипит зимою в арсенале
В Венеции, для смазки тех судов,
Что, обветшав, уж плыть не могут дале:

Кто конопатит там корабль с боков,
Терпевших долго бурных волн напасти;
Кто новый челн готовит из дубов;

Кто парус шьет, разорванный на

части;

Кто у руля, кто рубит под кормой;

Кто тешет весла, кто свивает снасти —

Так, не огнем, но силой пресвятой

Растоплена, смола там клокотала,

Отовсюду берег облепив корой.

Я в ров смотрел, но мгла в нем все скрывала:

Лишь хлябь, вздымая вслед за валом вал,

То дулася, то ямой оседала.

Пока я пристально глядел в провал,

Мой вождь, вскричав: «Смотри! смотри!» — нежданно

Увлек меня оттоль, где я стоял.

Я побежал, как тот, кто видит странный

Предмет и глаз с него не сводит прочь;

Но, ужасом внезапным обуянный,

Бежит, не в силах страха превоз-

мочь,
И видел я, как черный бес за нами,
Вдоль по утесу, мчался во всю мочь.

31 О, как ужасно он сверкал очами!
С какою злобой он бежал, стуча
Копытами и хлопая крылами!

34 Взвалив себе на острые плеча
И возле пят когтьми вцепившись в кости,
Он за ноги мчал грешника, крича:

37 «Вот анциан Святые Зиты! в гости
К вам, Злые-Лапы, он пришел сюда!
В смолу его! а я для вашей злости

40 Примчу других: там много их всегда!
Там каждый взяточник, кроме Бонтуры!
Из нет за деньги там выходит да!»

43 Швырнув его, умчался бес понурый,
И никогда с такою быстротой

За вором пес не гнался из коны́ры.

46 Тот в глубь нырнул и всплыл облит смолой;

А демоны из-под скалы висячей

Вскричали: «Здесь иконы нет святой!

49 Не Серккьо здесь: тут плавают иначе!

Когда не хочешь наших крючьев злых,

Так не всплывай поверх смолы горячей!»

52 И сто багров в него всадили вмиг,

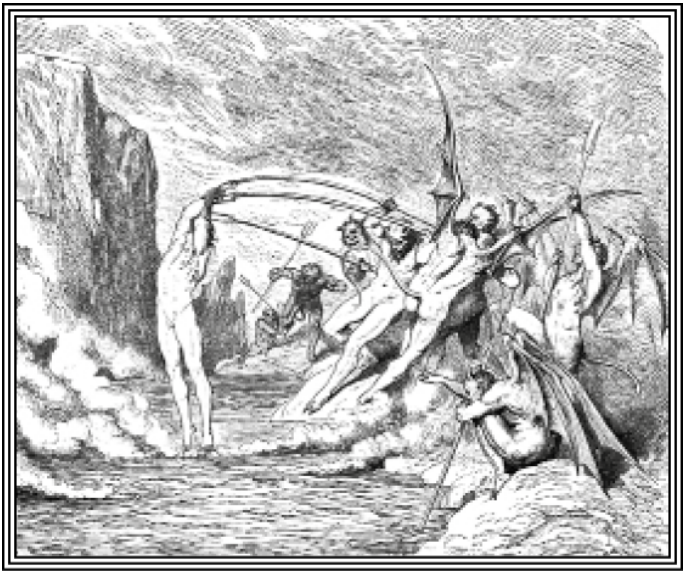
Вскричав: «Пляши, где вар сильней вскипает,

И, если можешь, надувай других!»

55 Так поваренков повар заставляет

Крючками мясо погружать в котлы,

Когда оно поверх воды всплывает.



И сто багров в него всадили вмиг

58 Тут добрый вождь сказал: «Пока во мгле
Они тебя еще не увидали,
Пойди, прижмись к той рухнувшей скале.

61 И чем бы мне они не угрожали,
Не бойся: с ними я давно знаком;

Они и прежде в спор со мной вступали».

64 И через мост он перешел потом;
Когда ж достигнул до шестого брега,
Он им предстал с бестрепетным челом.

67 С той яростью, с той быстротою бега,
С какою мчатся псы на бедняка,
Что под окном вдруг попросил ночлега, —

70 Вмиг вылетел их рой из-под мостка,
Подняв багры; но он в святой защите
Вскричал: «Ничья не тронь меня рука!

Вмиг вылетел их рой из-под мостка,
Подняв багры

73 Пусть прежде, чем крючки в меня вонзите,
Один из вас пред мой предстанет лик;
Потом меня терзайте, как хотите».

76 «Ступай, Злой-Хвост!» — тут подняли все крик,
И вышел Хвост (они ж за ним ни шагу),

И спрашивал: зачем он к ним проник?

79 «Проник ли б я, Злой-Хвост, в твою ватагу,
Когда бы мне, — учитель мой в ответ, —
Не подали на подвиг сей отвагу

82 Рок благотворный и святой завет!
Пусти ж меня: так небесам угодно,
Чтоб здесь живой за мною шел вослед».

85 Вмиг сокрушил он в дерзком гнев бесплодный,
Так, что багор тот уронил к ногам,
Вскричав к другим: «Пусть он идет свободно!»

88 Тогда мой вождь: «О ты, который там,
Припав к скале, укрылся от насилий,
Иди теперь без трепета к врагам».

91 Я поспешил туда, где был Вергилий;
А дьяволы все бросились вперед,
Как будто бы свой договор забыли.

94 Так — видел я — был устрашен народ,

Когда с условьем выйдя из Капроны,

Толпу врагов он встретил у ворот.

97 К вождю прижавшись, ждал я обороны

И не сводил очей с их страшных харь,

Где мог читать всю злость их без препоны.

100 Тогда один, поднявши свой косарь,

Сказал другим: «Ножом его… хотите ль?».

Другие: «Ладно! по спине ударь!»

103 Но бес, с которым говорил учитель,

Туда поспешно обратясь, сказал:

«Стой, Кутерьма! стой, дерзкий возмутитель!»

106 И нам потом: «Здесь по уступам скал

Вам нет дороги: в страшном том провале

Весь раздроблённый свод шестой упал.

109 Но если вы идти хотите дале —
Чрез этот грот ступайте в мрачный ад:
Вблизи есть путь такой же, как вначале.

112 Уж тысяча и двести шестьдесят
Шесть лет, поздней сего двумя часами,
Вчера свершилось, как здесь рухнул скат.

115 Отряд моих туда пошлю я с вами
Взглянуть: не всплыл ли кто там над смолой?
Идите с ними смелыми стопами.

118 Марш, Криволет, Давило и Борзой! —
Он крикнул, ада огласив вертепы. —
Веди их, Черт с курчавой бородой!

121 Марш, марш, Драконье Жало, Вихрь Свирепый
И Вепрь Клыкан, и Душелов, злой дух,
И Адский Сыч, и Красный Черт неле-

пый!

124 Кругом обшарьте пруд; а этих двух

Оберегайте до моста другого,

Что, уцелев, идет чрез этот круг».

127 «О ужас! вождь мой, что я вижу снова?

О, поспешим без спутников одни!

Коль знаешь путь, к чему вождя иного?

130 Когда ты мудр, как был ты исконй;[31]

То как не зришь, что зубы их скрежещут,

И что бровями нам грозят они?»

133 А вождь: «Не бойся! пусть глаза их блещут;

Пусть, как хотят, скрежещут их клыки:

От их угроз лишь грешники трепещут».

---

[31] Примечания: 31

Искони, *нареч.* — издавна, с незапамятных времен; с самого начала, всегда.

136 Плотиной, влево, двинулись полки;

Но прежде все, взглянув на воеводу,

Вмиг стиснули зубами языки.

139 И протрубил он под хвостом к походу.

Песнь XXII

Содержание. *Поэты идут по окраине рва в сопровождении демонов, которых характер, сообразно с их именами, развит в этой песне драматически. С появлением беса Курчавой Бороды (которому не без умысла придана почтенная наружность), грешники выплывшие было к берегу, чтоб освежиться, с ужасом подаются назад. Но один из них предупрежден Душеловом: бес зацепил его крюком и вытаскивает на берег; Красный Черт хочет содрать с него кожу. По желанию Данта Виргилий спрашивает грешника: кто он? И узнает, что это любимец наваррского короля Тебальда. Пока, они разговаривают, Вепрь Клыкан рвет грешника зубом; но Курчавая Борода, зацепив тень крюком, останавливает товарищей, грешник продолжает рассказывать о других собратьях Сардинцах; между тем Вихрь Свирепый отрывает, у него от плеча кусок мяса, а Драконье Жало метит в ногу; однако ж начальник опять их удерживает. Грешник продолжает прерванный рассказ; но вдруг останавливается, увидев сверкание глаз Адского Сыча, злобу которого едва может обуздать сам Курчавая Борода. Тут греш-*

ная душа вызывается призвать на свое место нескольких Ломбардцев и Тосканцев с условием, чтобы Злые Лапы наперед спрятались за скалою. Борзой подозревает хитрость, но Давило уговаривает товарищей удалиться. Они прячутся. Тогда Наваррец, прыгнув с берега, скрывается в смоле. Давило летит за ним; но, не догнав, возвращается; в досаде Криволет бросается на Давилу; они дерутся и оба падают в смолу. Четыре беса, посланные к ним на помощь, тащат их из смолы баграми. Между тем поэты, воспользовавшись тревогою, удаляются.

1 Видал и я; как всадники рядами
Идут на смотр и рубятся с врагом,
И как порой бегут перед врагами;

4 Наездников видал в краю твоем,
Ареццо; видел их набег удалый,
В турнирах битвы, бег коня с конем,

7 Когда рога, колокола, кимвалы,
Иль с крепостей дадут на бой сигнал, —
Видал чужих и наших войск сигналы.

10 Но, думаю, никто не подавал

Таких сигналов пешим, или конным,
Иль морякам при виде звезд и скал.

13 С десятком бесов шли мы к осужденным:
Ужасный строй! но — в церкви со святым,
В гостинице — с обжорой беззаконным.

16 Я взор склонил к пучинам смоляным,
Желая знать устройство сей долины
И кто казнен под кипятком густым.

19 Как морякам изгибом спин дельфины
Дают намек, что время уж спасать
Их корабли от бури средь пучины, —

22 Так иногда, чтоб злую боль унять,
Мелькнет спина того, другого духа
И вдруг исчезнет молнией опять.

25 И как лягушки, скрыв с ногами брюхо
В воде канавы, по краям сидят,

Просунув морды на песок, где сухо:

28 Так грешники со всех сторон глядят;
Но адского при вид караула
Все подаются с ужасом назад.

31 Одна лишь тень — о страх! — не ускользнула,
Как иногда лягушка, всех смелей,
Сидит, когда другая уж спрыгну́ла.

34 И Душелов, подкравшись ближе к ней,
Крюк замотал в кудрях ее смолистых
И вытащил как выдру из зыбей.

37 Уже я знал все имена нечистых,
Заметив их при выбор, когда
Их строи пошел к смоле с брегов скалистых,

40 «Эй, Красный Черт! скорей, скорей сюда!
Сдери когтями кожу с плеч безбожной!» —
Воскликнула проклятая орда.

43 А я: «О вождь! разведай, если можно,

Кто сей несчастный здесь себя сгубил,

Врагам попавшись так неосторожно?»

46 Став близ него, учитель мой спросил:

«Где ты рожден?» — А он в ответ: «В Наварре:

Там при одном сеньоре я служил.

49 Отец же мой сгубил себя в пожаре

Слепых страстей и разорил весь дом —

Известный мот! Потом при государе

52 Тебальде Добром я служил рабом.

Тогда-то я предался гнусной страсти,

В чем мы отчет под варом отдаем».

55 Тут Вепрь Клыкан — а у него из пасти,

Как у свиньи, торчали по бокам

Клыки — одним стал рвать его на части.

58 Попал мышонок в лапы злым котам!

Но их капрал, обняв его руками,
Им крикнул: «Прочь, пока натешусь им!»

61 И, устремясь к учителю глазами:
«Спроси еще, — сказал, — но поспеши:
Не то его мы разорвем баграми».

64 Тогда мой вождь: «И так нам опиши,
Кто из Латинов здесь покрыт смолою?»
А он: «Сейчас ушел я от души

67 Того, кто жил в соседстве с их страною.
О, если б с ним я скрылся в кипяток,
Не слышал бы когтей их за спиною!»

70 Тут Вихрь Свирепый крикнул: «Кончен срок!»
И, крюк ему всадив в плечо, помчался,
Рванул и вырвал из него кусок.

73 Драконье Жало тоже уж подкрался
Ужалить ногу; но десятник их

Кругом-кругом злым оком озирался.

76 Тогда мой вождь — едва их гнев притих —

Спросил того, что с ужасом во взоре

Еще смотрел на кровь из ран своих:

79 «Кто ж этот дух, с кем ты расстался вскоре...

Не в добрый час покинул страшный пруд?»

«То был Гомита, — отвечал он в горе, —

82 Монах галлурский, всякой лжи сосуд:

Над пленными быв стражем у владыки,

Он честь себе снискал от них за труд.

85 Он их пускал за деньги без улики,

Как говорит, и в каждом ремесле

Был взяточник не малый, а великий.

88 Дон логодорский, Цанке, с ним в смоле;

Их языки усталости не знают,

И все толкуют о родной земле.

91 Но посмотри, как там глаза сверкают!

Мешаются от ужаса слова…

Того и жду, что спину поласкают!»

91 Тогда взглянул бесовский голова

Туда, где Сыч таращил очи злобно,

И крикнул: «Прочь, зловещая сова!»

97 «Хотите ль видеть, иль узнать подробно

Тосканцев, иль Ломбардцев? — молвил нам

Испуганный. — Здесь их созвать удобно.

100 Пусть Злые Лапы отойдут к скалáм,

Чтоб грешники от них не ждали мести;

А я, на этом сидя месте, к вам

103 Один, как есть, вмиг призову их двести,

Лишь свисну им: есть уговор у нас

Пред выходом давать друг другу ве-

сти».

106 Борзой тут рыло поднял вверх, потряс
Башкой и молвил: «Он хитер! от муки
Задумал он в смоле исчезнуть с глаз».

109 Но тот, который был богат на штуки:
«Хитер?.. О, слишком буду я хитер,
Когда предам товарищей вам в руки!»

112 Тут Криволет другим наперекор
Сказал: «Попробуй прыгнуть: за тобою
Не побегу в погон во весь опор;

115 Но крыльями взмахну я над смолою.
Каков-то будет у тебя успех,
Увидим мы, укрывшись за скалою».

118 Послушайте, какой тут вышел смех! —
Все в сторону оборотили взоры
И тот всех прежде, кто был против всех,

121 Миг улучил тогда Наваррец скорый:

Встал на ноги и в смóлу в тот же миг

Прыгнýл, вести им предоставив ссоры.

124 Такой удар всех озадачил их;

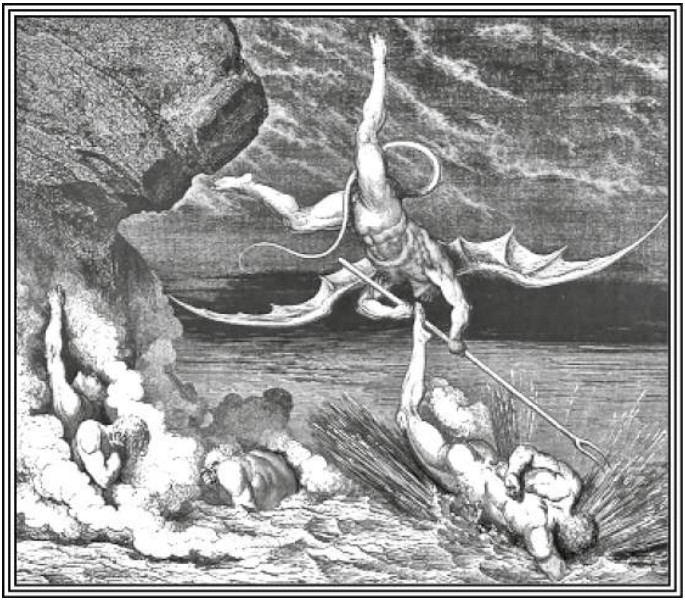
Но бес, виновник шутки неприятной,

Помчался с криком: «Я тебя настиг!»

127 Напрасный труд! быстрее был стократно

Испуг, чем крылья: дух пошел ко дну,

А бес вернулся налету обратно.



Но бес, виновник шутки неприятной,
Помчался с криком: «Я тебя настиг!»

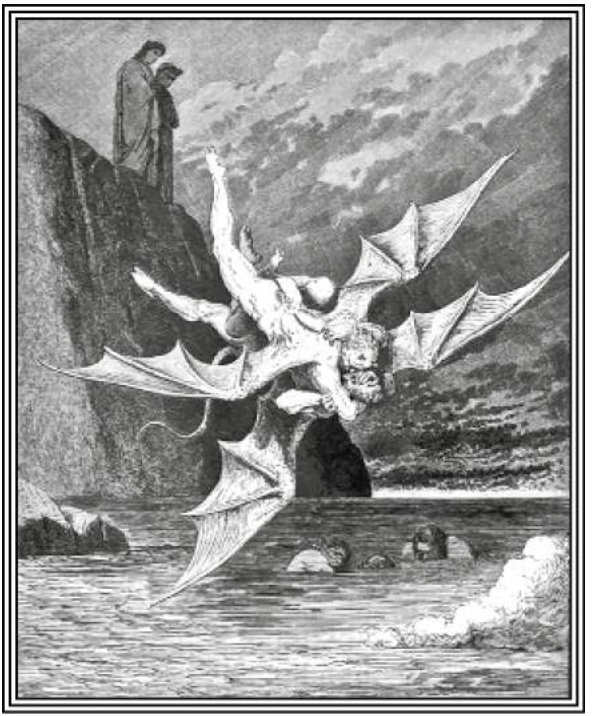
130 Так утка вмиг ныряет в глубину
От сокола; а он, обманут уткой,
Рассерженный несется в вышину.

133 Тогда Давило, разбешенный шут-
кой,

Помчался вихрем, рад, что есть пред-
лог
Подраться с тем, пред кем обманщик
чуткий

136 Исчез в смоле, и когти рук и ног
В товарища впустил, и так над ямой
Сцепился с ним. Но тот и сам неплох!

139 Как ястреб, сам сцепился с ним
упрямо
Когтьми, и драка страшная была,
Пока не пали в пруд кипящий прямо.



Как ястреб, сам сцепился с ним упрямо
Когтьми, и драка страшная была

142 Смола обоих тотчас разняла;
Но не было в них сил взлететь над лавой:

Так облепила крылья им смола!

145 Тут сжалился над ними Черт Курчавый:

На помощь им велит тащить багры,

И четверо, налево и направо,

148 Спустились в ров с обрывистой горы

И, крючьями их зацепив во мраке,

Вмиг извлекли из смоляной коры.

151 И мы пошли, чертей оставив в драке.

Песнь XXIII

Содержание. *Пока демоны заняты спасением товарищей, поэты идут далее. Данте опасается погони демонов и, действительно, они гонятся за ними. Тогда Виргилий, схватив Данте и опрокинувшись спиною на склон горы, скатывается в следующий шестой ров. Здесь лицемеры, окутанные в монашеские рясы, снаружи вызолоченные, а внутри свинцовые, с капюшонами, свисшими над глазами, молча и плача ходят тихими шагами как в процессии. Между ними Данте встречает двух монахов из Болоньи, бывших подестами[32] во Флоренции; с одним из них, Катахано, он разговаривает. Здесь же он видит пригвожденного к земле архиерея Каиафу, тестя его, Анну и весь еврейский синедрион, по телам которых ходят лицемеры. Виргилий расспрашивает Катахано о дороге в ад и узнав, что Злой Хвост обманул его (Ад XXI, 109–111), разгневанный, уходит скорыми шагами.*

---

[32] Примечания: 32

Подеста́ (*итал.* Podestà от лат. Potestas — власть) — глава администрации (подестата) в средневековых (XII–XVI века) итальянских городах-государствах. Подеста сочетал в себе функции главы исполнительной и судебной власти.

1 Мы молча шли, одни, без адской свиты, —
Вождь впереди с угрюмостью чела,
А я вослед, как ходят минориты.

4 Брань демонов на память привела
Мне баснь Езопову с нравоученьем
О том, как мышь с лягушкою плыла.

7 Теперь и днесь не так сходны́ значеньем,
Как баснь с той дракой, если в них сравнить
Внимательней начало с заключеньем.

10 И как от дум исходит мыслей нить,
Так эта мысль иную городила,
Чтоб больший страх мне в сердце поселить.
13 Я думал так: за нас происходила
У них борьба на хлябях смоляных
И им она конечно досадила;

16 И если гнев сольется с злостью их,
За нами сволочь яростней помчится,

Чем гонит зайца стая псов борзых.

19 Я чувствовал, что уж по мне струится
Холодный пот, и озираясь вспять,
Сказал: «Учитель, если мы укрыться

22 Не поспешим, Злых Лап не миновать!
Уже за нами рой их устремился;
Мне чудится, я слышу их опять».

25 «Будь я стеклом, не так бы отразился, —
Он отвечал, — наружный образ твой,
Как внутренний во мне изобразился.

28 Так мыслями я сходствую с тобой,
Что оба мы теперь одно и тоже
Задумали в опасности такой.

31 Но если здесь направо склон отложе,
Мы убежим от мстительных врагов,
Лишь бы успеть сойти в другое ложе».

34 Не досказал еще учитель слов,

Как я увидел их отряд крылатый
Так близко к нам, что нас схватить готов,

37 Тогда прижал меня к груди вожатый,
Как мать, когда, услышав крик: горим!
И видя дом весь пламенем объятый,

40 Хватает сына и в просоньи[33] *с ним,*
В одной сорочке (помня лишь о сыне,
Не о себе) бежит в огонь и дым.

43 Он вниз скользил по каменной стремнине,
Повергшись навзничь на крутой гранит,
Которым заперт вход к другой долине.

46 По желобу так быстро не бежит
Ручей в колеса мельницы селенья,
Когда вблизи лопаток уж гремит, —

49 Как вождь скользил по склону чрез

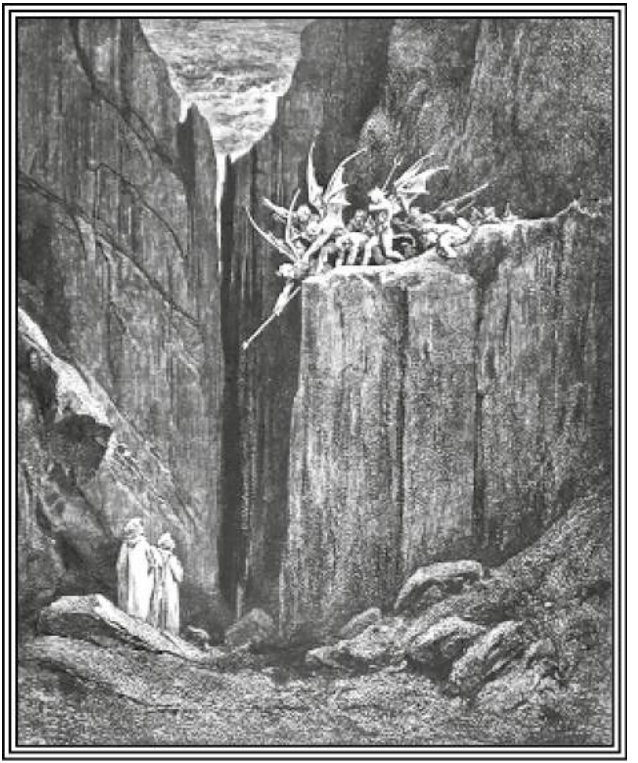
---

[33] Примечания: 33

В просоньи — тоже, что спросонья; *нареч.* (образовано от *сущ.* Сон; пишется слитно, т. к. буква «с» является приставкой, а не предлогом.

каменья,
Держа меня в объятьях как отец,
Не как вожатый, полный треволненья.

52 Едва стопой коснулся дна певец,
Как из-за скал мелькнули их станицы
Над нами; но тут страху был конец:



Едва стопой коснулся дна певец,
Как из-за скал мелькнули их станицы

55 Поставив их на страже той темницы,

Святый закон лишил их власти всей
Переступать через свои границы.

58 Тут зрел я сонм повапленных[34] *теней,*
Ходивших вкруг тяжелыми шагами
И плакавших в истоме от скорбей.

61 Все в капюшонах, свисших над глазами,
И в мантиях, какие до сих пор
Еще кроятся кёльнскими отцами.

64 Снаружи златом ослепляли взор;
Внутри ж — свинец, столь грузный, что солома
В сравненьи с ним был, Фридрих, твой убор.

67 О тяжкий плащ! о вечная истома! —
Мы шли с толпой, налево обратясь
И внемля плачу грешного содома.

---

[34] Примечания: 34
Повапленный — о человеке, очень дурном, но умело прикидывающемся очень хорошим (от евангельского сравнения лицемеров с «гробами повапленными, которые красивы снаружи, а внутри полны мертвых костей и всякой мерзости».

70 Но жалкий сонм под тяжестию ряс

Там тихо брел, что с новым всё народом

Наш каждый шаг в пути знакомил нас.

73 И я: «О вождь! не замедляя ходом,

Окинь очами эту область мук:

Кто славен здесь иль подвигом, или родом?»

76 И кто-то, слов тосканских слыша звук,

Кричал нам вслед: «Сдержите ног стремленье!

Куда вы мчитесь через мрачный круг?

79 Быть может, а решу твое сомненье».

«Так подожди! — сказал учитель мне. —

И с шагом их соразмеряй движенье».

82 И я двоих увидел в стороне:

Они душой, казалось, к нам парили,

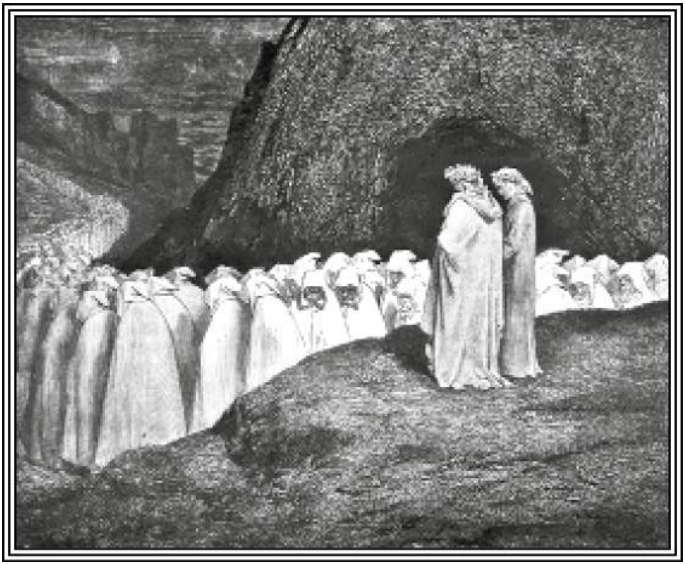
Но замедлял их груз на тесном дне.

86 Догнав меня, они, косясь, вперили
Безмолвный взор в мое лицо; потом,
Оборотясь друг к другу, говорили:

88 «Ведь он живой! смотри, как дышит ртом!
А если мёртвы, то, скажи, где сто́лы
Тяжелые на этом и на том?»

91 И мне: «Тосканец, ты, пришедший в школы,
Где лицемеры льют потоки слез,
Сказать: кто ты, в труд не вмени тяжелый».

94 А я в ответ: «Родился я и взрос
На славном Арно в городе великом;
В сей мир с собою тело я принес.



Где лицемеры льют потоки слез...

97 Но кто же вы, по чьим печальным ликам

Струится дождь столь горестной росы?

К чему сей блеск при вашем горе диком?»

100 И мне, один: «Наш блеск не для

красы!

Под ним свинец, столь тягостный, что кости

У нас трещат, как грузные весы.

103 Веселые болонские мы гости:

Я Катален; Лодринго — мой сосед.

Нас, как людей без зависти и злости,

106 Твой город при́звал в нем блюсти совет;

Но что мы были с нашим богомольем —

Пускай Гардинго даст тебе ответ!»

109 Я начал: «Братья, вашим своевольем...»

И вдруг замолк! глазам моим предстал

Во прахе грешник, к трем прибитый кольям.

112 Узрев меня, он весь затрепетал,

Браду, как ветром, вздохами развеяв:

А Каталан, заметив то, сказал:

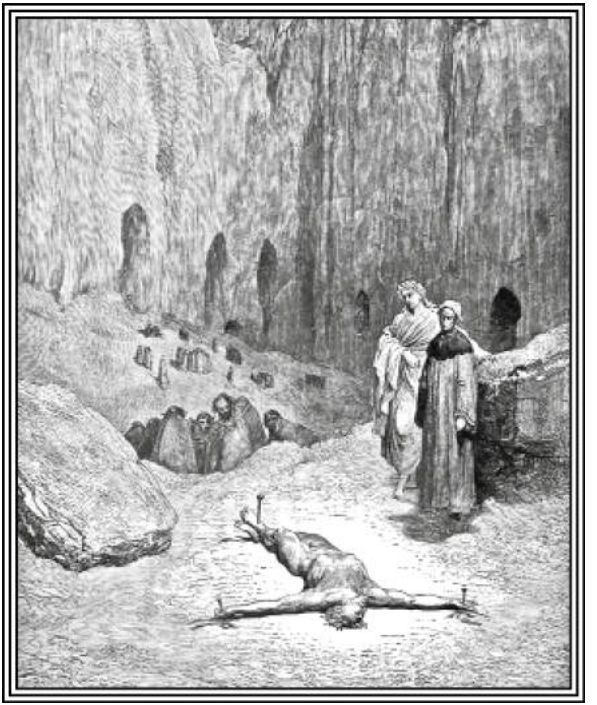
115 «Преступник сей в собраньи Фа-

рисеев
Советовал на муку принести
Единого за весь народ Евреев.

118 За то, ты видишь, поперек пути
Лежит нагой, да сам он взвесит бремя
Всех проходивших на своей груди.

121 И тесть его низринут в тоже время
На туже казнь и весь синедрион,
Что был Евреям всех их бедствий семя».

124 Тут видел я, как был ты изумлен,
Виргилий, тем, который так позорно
В изгнанье вечном к плахе пригвожден.



...Ты видишь, поперек пути
Лежит нагой

127 Потом спросил учитель благотворный:

«Скажите мне, коль то известно вам,

Направо нет ли здесь дороги торной,

130 Которой бы отсюда выйти нам
И не просить у дьявольской дружины
Проводника по горным сим местам?»

133 И брат в ответ: «Вблизи от сей пучины,
От главных стен Злых Рвов отделена,
Идет скала чрез лютые долины.

136 Лишь здесь была разрушена она;
Там вверх взойти вам по обломкам можно,
Которыми завален скат до дна».

139 Мой вождь на миг потупил взор тревожно
И рек: «Итак солгал лукавый лжец,
Который там цепляет род безбожный».

141 «В Болонье я слыхал, — сказал чернец,[35] —
Грехов бесовских много; между ними

---

[35] Примечания: 35
Чернец (устар.) — монах.

Слыхал и то, что дьявол — лжи отец».

145 Тогда пошел шагами вождь большими,

Разгневанный, с смущением лица;

А я, расставшись с грешниками злыми,

148 Шел по стопам бесценного певца.

Песнь XXIV

Содержание. *Мгновенное смущение Виргилия устрашает, Данте, но он снова ободряется нежным взором своего учителя. Поэтам предстоит выйти из седьмого рва по страшному обвалу, происшедшему от падения моста над этим рвом. С помощью Виргилия, Данте наконец восходит с большим трудом на следующий мост, перекинутый через седьмой ров; а так как ров этот необыкновенно темен, то поэты, перейдя мост, восходят на внутреннюю ограду рва. Седьмой ров весь кипит змеями, между которыми бегают в ужасе взад и вперед грешники: это тати. Руки у них связаны змеями за спиною; змеи впиваются им в чресла,[36] клубятся у них на груди и подвергают их разновидным превращениям. Так, на глазах Данта, змея кидается на одного из грешников, язвит его в шею, и тать, запылав, рассыпается пеплом; но пепел собирается сам собою и грешник опять получает свой прежний вид: кто тень пистойского святотатца из партии Черных Ванни Фуччи. Он предсказывает Данту будущую*

---

[36] Примечания: 36

Чресла, *ед.* (церк. — книжн. устар.) — бёдра, поясничная часть тела.

судьбу Белых и Черных, причем, желая опечалить поэта, говорит в особенности о предстоящем поражении его партии.

1 В том месяце, как солнце в Водолее
Златит власы на пламенном челе
И снова день становится длиннее;

4 Когда, как снег, белея на земле,
Подобится седому брату иней,
Хоть краток срок пера в его крыле:

7 Пастух, свой корм потративший в пустыне,
Встает, глядит и, видя по полям
Сребристый снег, по бедрам бьет в кручине;

10 Идет домой, тоскует здесь и там
И, как несчастный, что начать, не знает;
Потом опять выходит и очам
13 Не верит, видя, как лицо меняет
Весь Божий мир, и на зеленый луг,
Взяв посох свой, овечек выгоняет.

16 Так мой поэт, в лице встревожен

вдруг,
Смутил меня; но с той же быстротою
Уврачевал бальзамом мой недуг:

19 Пришед к мосту с обрушенной скалою,
Ко мне склонил он тот приветный взор,
С каким предстал впервые под горою.

22 Потом, подумав, руки распростер,
И, обозрев обвал и торопливо
Схватив меня, пошел на темя гор,

25 И как мудрец, который терпеливо
Обдумывать умеет подвиг свой, —
Мой вождь, подняв меня на верх обрыва,

28 Мне указал над ним утес другой,
Сказав: «Взберись на этот камень голый,
Но испытай, чтоб он не пал с тобой».

31 Нет, то был путь не для одетых в столы!

За тем, что мы — он тень, я им подъят —

Едва тут шли по камням в путь тяжелый.

34 И если б здесь высок был так же скат,

Как с той страны: не знаю, до вершины

Достиг ли б вождь; но я б низвергся в ад.

37 Но как к вратам колодезя в пучины

Идет сей круг наклоном, то одно

Окружие у каждой в нем долины

40 Возвышено, другое ж склонено. —

Мы наконец взошли на верх обвала,

Отколь последний камень пал на дно.

43 Но грудь моя так тяжело дышала,

Что я не мог уж далее всходить

И тут же сел у первого привала.

46 А вождь: «Теперь лень должно победить!

Кто на пуху в житейском дремлет пире,

Не может тот путь к славе проложить.

49 А без нее кто губит жизнь, тот в мире
Слабей оставит за собой следы,
Чем пена на волнах, чем дым в эфире.

52 И так, восстав, преодолей труды:
В ком бодрствует над слабостью отвага,
Тот победит все скорби и беды́.

55 Не кончен путь, хоть выйдем из оврага:
Еще длиннейший нам сужден в удел;
Коль понял ты, последуй мне во благо».

58 Тогда я встал и боле, чем имел,
Явил в себе и твердости и воли
И говорил: «Идем, я бодр и смел!»

61 И мы пошли; но тут гораздо боле
Был крут, утесист, тесен и тяжел
Наш горный путь, чем был он нам дотоле.

64 Чтоб скрыть усталость, я беседу вел,

Ползя по камням; вдруг из ближней ямы

Исторгся крик — бессмысленный глагол.

67 Не понял я, что значит он, хотя мы

Шли по мосту уже над рвом седьмым;

Но, мнилось, был то гнева крике упрямый.

70 Я наклонился; но очам живым

Непроницаем был туман над бездной.

И я сказал: «Учитель, поспешим

73 На том краю сойти с стены железной;

Как, слушая, не в силах я понять —

Так, в ров глядя; не вижу в мгле беззвездной».

76 «Не иначе могу я отвечать,

Как делом: должно, — возразил учитель, —

Прошенья мудрых молча исполнять».

79 Тогда со мной нисшел путеводитель
С скалы, где мост примкнут к восьмой стене:
Тут мне открылась лютая обитель.

82 Я в ней узрел все виды змей на дне,
Крутившихся столь страшными клубами,
Что мысль о них кровь леденит во мне.

85 Да не гордится Ливия песками!
Пусть в ней кишат хелидры, кенкры, тмы
И амфисбен и якулей с ужами;

88 Но змей таких, столь гибельной чумы
Мы в ней, мы там, в отчизне Эфиопов,
При Чермном море, не узрели б мы.

91 В средине рва, между свирепых скопов,
В испуге рыскал рой теней нагих,
Ища норы, ища гелиотропов.

94 Опутаны змеями руки их;
Впиваясь в тыл и пастью пламенея,
Клубятся гады на груди у них.

97 И вот, пред нами, в одного злодея
Метнулся змей и уязвил его
В том месте, где с плечом слилася шея.

100 Не пишется так скоро И иль О,
Как вспыхнул он, и так горел жестоко,
Что пеплом весь рассыпался на дно.

Опутаны змеями руки их…

103 И по земле развеянный далеко,
Собрался пепел сам собой и вновь
Свой прежний вид приял в мгновенье ока.

106 Так, по словам великих мудрецов,
Кончается и вновь из пепелища
Родится Феникс, живший пять веков.

109 Не злак полей, ему цвет нарда пища;

А слезы мирры и аммом ему

Дают костер последнего жилища.

112 И как больной, бог знает, почему,

Вдруг падает, иль бесом сокрушенный,

Иль омраком-1, в очах разлившим тьму;

115 Потом встает, бросает взор, смущенный

Злой немощью, от коей так страдал,

И переводит вздох в груди стесненной, —

118 Так грешник сей в смятений восстал.

О Господи! как строго Твой правдивый,

Предвечный суд злодея покарал!

121 Мой вождь спросил: «Кто был он, нечестивый?»

И дух: «Недавно, волею судеб,

В сей лютый зев я пал с тосканской нивы.

124. Как зверь я был между людьми свиреп;
А Ванни Фуччи, мул и скот! Пистойя
Была меж вас достойный мой вертеп».

127 И я: «О вождь! пусть он, пред нами стоя,
Поведает, за что он пал сюда,
Жив на земли средь крови и разбоя?»

130 Услышав то, не скрылся он тогда;
Но взор пытливый на меня уставил
И покраснел от горького стыда.

133 «О том грущу, — он речь ко мне направил, —
Что в этом сраме ты меня узрел,
А не о том, что я твой мир оставил.

136 Так ведай же, о чем ты знать хотел;
Я здесь за то, что с алтаря святого
Прекрасную похитить утварь смел.

139 И обвинил коварно в том другого.
А чтоб не в радость был тебе мой

стыд,

Когда придешь из мрачных стран ты снова,

142 То эта весть пусть слух твой изумит:

Спервa Пистойя Черных всех разгонит,

Потом граждáн твой город обновит.

145 Из Вальдимагры, что в туманах тонет,

Поднимет Марс грозы кровавый пар

И на поле Пичено вновь застонет

148 Бурь яростных неистовый разгар,

И весь туман с полей рассеет вскоре

И Белым страшный нанесет удар.

151 Так говорю, чтоб ты изведал горе!»

Песнь XXV

Содержание. *Пока Ванни Фуччи страшно богохульствует, на него кидаются змеи: одна стягивает ему шею, другая скручивает руки. Он бежит, преследуемый кентавром Какусом, на спине которого распростерт дракон огнедышащий. Между, тем перед Дантом восстают три другие тени: Авьедо, Буозо и Пуччио Шианкато. Тень первого сливается с шестиногим драконом, внутри которого обитает душа Чианфы, и оба превращаются в одно страшное чудовище. Вторая тень узнается черною змеею, в коей поселен дух грешника Кавальканте: тогда перед глазами Данта совершается дивно-страшное событие — человек превращается в змею, змея в человека. Третья тень, Шианкато, только одна остается непревращенною.*

1 При сих словах, поднявши обе руки,
Шиши просунул меж перстов злодей
И проклинал весь ад и адски муки.

4 Но тут змея — с тех пор люблю я змей! —

Ему стянула будто петлей шею,
Как бы сказавши: продолжать не смей!

Другая, кинувшись на грудь злодею,
Так сжала руки, так впилась в него,
Что двинуть он не мог рукой своею.

Пистойя! о Пистойя! для чего
Не обратишься в пепел, коль пороком
Ты превзошла и предка своего?

Я не встречал во всем аду глубоком
Нигде стол дерзких пред Творцом теней;
Не так был горд у Фив сраженный роком!

Он в ужасе помчался без речей.
И видел я: Кентавр рассвирепелый
Бежал, крича: «Где дерзкий? где злодей?»

Не думаю, чтоб столько змей шипело
В Маремме, сколько он в хребте носил

До плеч, где наше начиналось тело.

22 На раменах его, вцепившись в тыл,
Лежал дракон с разверстыми крылами
И полымем встречавшихся палил.

25 И вождь сказал: «Вот Какус перед вами!
Под камнями у Авентинских гор
Как часто кровь он проливал рекáми!

28 К своим он братьям не причтен в собор,
За тем, что там, в соседстве, свел из вида
Большое стадо как искусный вор.

31 За то издох под булавой Алкида,
Который, верь мне, сто ударов дал,
Хоть десятью отмстилася обида».

34 Он говорил; меж тем Кентавр бежал,
Тогда предстали нам три тени новы;
Но их ни я, ни вождь не замечал,

37 Пока они не закричали: «Кто вы?»

И потому, рассказ прервавши свой,
Внимать словам их были мы готовы.

40 Я их не знал; однако ж, как порой
случается, случилось в эту пору,
Что одного из них назвал другой,

43 Сказав: «Чианфа, где ты скрылся в нору?»
А потому я перст прижал к губам,
Чтоб вождь прислушался к их разговору.

46 Читатель! если ты моим словам
Не вдруг поверишь, не дивлюсь: очами
Все видел я, но им не верю сам!

49 Гляжу на них с поднятыми бровями:
Вдруг бросился на одного из трех,
И сросся с ним дракон с шестью ногами.

52 Живот облапив средней парой ног,
Передние он на руки накинул
И, в щеки впившись, на него падет;

55 Потом по бедрам задние раздвинул
О, между ног огромный хвост продев,
По чреслам сзади вверх его закинул.

58 Так плотно плющ не вьется вкруг дерев,
Как вкруг души ужасный гад обвился
И наконец, вполне рассвирепев,

61 Как с воском воск, с ней членами слепился,
И их цвета в один смешались цвет;
Тогда их вид внезапно изменился.

64 Так пред огнем ложится темный след
В папирусе, где черного нет цвета,
Но между тем и белого уж нет.

67 На них глядят другие два клеврета,[37]
Клича: «Аньель! как изменился ты!
Ты не один теперь, ни два предмета!»

---

[37] Примечания: 37

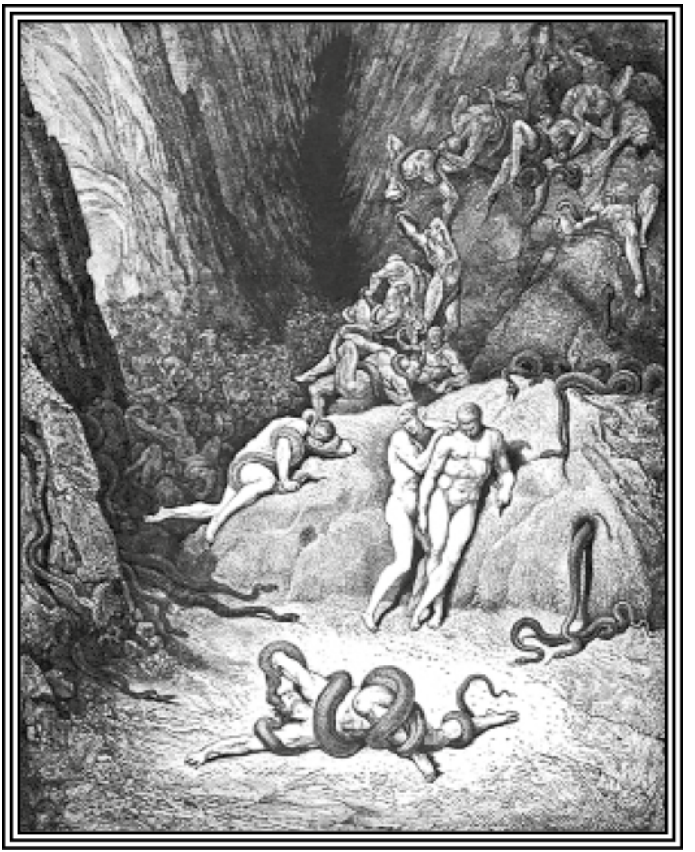
Клеврет (книжн., устар.) — сторонник, приспешник, приверженец, постоянный помощник в каких-либо (обычно неблаговидных) делах.

70 Две головы уже в одну слиты;
Два призрака в один преобразились;
В одном лице исчезли двух черты.

73 Из четырех две лапы появились;
Живот и грудь и бедра и глава
В неслыханные члены превратились.
76 Уж вид их был не тот, что был сперва:
И вот явился страшный образ взору,
И образ тот был ни один, ни два.

79 Как в знойный день, в каникульную пору,
Нам прерывает ящерица путь,
Как молния с забора мчась к забору, —

82 Так бросился к двум грешникам на грудь
Змей огненный, с хвостом чернее перца,
Столь яростный, что страшно и взглянуть.



Так бросился к двум грешникам на грудь
Змей огненный, с хвостом чернее перца

И там, где мы кровь матернего сердца
Впервые пьем, пронзил он одного
И, протянувшись, пал к ногам лжеверца.

Пронзенный зрит злодея своего
И, недвижим, безмолвствуя, зевает,
Как если б зноб, иль сон томил его.

Он на змею, та на него взирает;
Он раною, она дымится ртом,
И черный дым, сшибаясь, их скрывает.

Молчи теперь и ты, Лукан, о том,
Как был сожжен Сабел змеей-медузой,
И выслушав, что видел я потом.

Молчи, Назон, о Кадме с Аретузой:
Пусть он в змею, она в живой поток
Превращены твоей волшебной музой,

Но изменить ты никогда б не мог
Так двух существ, чтоб оба превратились
Одно в другое с головы до ног!

103 Змея и дух так видом обменились,
Что хвост у ней рассекся, раздвоясь;
А у него стопы соединились.

106 И голени, между собой слиясь,
Срослися так, что вскоре не имела
Уж и следов слиянных членов связь.

109 Двурогий хвост стал тою частью тела,
Что скрылась там, и кожа у змеи
Смягчалася, а у него твердела.

112 Я зрел, как руки прятались в свои
Плеча, насколько ж руки уменьши́лись,
Настолько лапы у нее росли.

115 Потом две задние в одно свивались,
И тайный член из ног слиянным стал,
А из его две лапы показались.

118 Пока их дым в цвет новый облекал,
Пока дракон власами покрывался,

А раненый их с головы ронял —

121 Один восстал, другой же пресмыкался,
Друг с друга страшных не сводя очей,
От коих в каждом образ изменился:

124 К вискам надвинул лик восставший змей,
А из того, что здесь излишним стало,
Явились уши сзади челюстей;

127 И что назад с лица не убежало,
Слилося в нос и, ряд покрыв зубов,
Раздулось в губы, сколько надлежало.

130 У падшего вытягивался клёв;
Уж след ушей в его главе сокрылся,
Как прячутся рога у слизняков.

133 Язык, сперва столь дерзкий, раздвоился;
А у змеи двойное лезвие
Слилось в язык — и дым остановился.

136 Душа, приняв иное бытие,
Как гад шипящий, уползла в долину;

А тот с проклятьем плюнул на нее.

139 И, новую к ней обративши спину,
Сказал: «Пусть там, где ползал я сперва,
Ползет Буозо в адскую пучину».

142 Так превращался рой седьмого рва
Из вида в вид; и мне да извинится,
Что ясностью не блещут здесь слова.

145 Хоть было тут чему очам дивиться,
Хотя мой ум от страха изнемог,
Все ж не могли три тени так укрыться,

148 Чтоб распознать я Пуччио не мог:
Из трех теней, подвластных чудной силе,
Лишь он один свой образ уберег;

151 Другой оплакан был тобой, Гавилле!

Песнь XXVI

Содержание. *Предсказав Флоренции грядущие бедствия за испорченность нравов ее жителей, Данте, поддерживаемый Виргилием, восходит с великим трудом с внутренней ограды седьмого рва на мост, перекинутый через восьмой ров. Повиснув над бездною, поэт глядит на дно и видит бесчисленное множество летающих огненных куп, в которых заключены души злых советников. Один из этих пламенников к верху раздвоен, и Данте, спросив о нем Виргилия, узнает, что в пламени казнятся Улисс и Диомед, как люди, заодно действовавшие и словом и делом на погибель Трои. Первый, на вопрос Виргилия, ответствует, как он убедил товарищей проникнуть за столпы Геркулесовы; как, пустившись в открытый океан, достиг высокой горы (чистилища), и как восставший от горы жестокий вихрь разрушил его корабль, и потопил его со всеми товарищами.*

1 Гордись, Флоренция, своей державой!
Весь мир дрожит под сенью крыл твоих
И целый ад гремит твоею славой!

4 В числе татéй я встретил пять таких

Твоих граждáн, что должен их стыдиться;

Честь и тебе невелика от них.

7 Но если нам пред утром правда снится,

Почувствуешь ты скоро то, чему

Не только мир, сам Прат возвеселится.

10 Теперь настал приличный час тому:

Коль быть бедáм, пускай приходят скоро!

Поздней мне их не вынесть самому!

13 Тут мы пошли: по лестнице, с которой,

Как по зубцам, спускались мы сперва,

Взбирался вождь и мне служил опорой.

16 И ноги наши, по обломкам рва

Путем пустынным восходя к вершине,

Без силы рук вверх двигались едва.

19 Смутился я, смущаюсь и доныне,
Лишь только вспомню, что я там узрел;
Но дух сильней смирил я в сей пустыне,

22 Чтоб мудрости не выйти за предел
И не утратить, что благой звездою,
Иль высшим благом мне дано в удел.

25 Как селяни́н, покоясь под горою, —
В том месяце, в котором свет и жар
Светило дня льет дольше над землею,

28 В тот час, когда сменяет мух комар, —
Зрит червячков светящих рой в долине,
Где сад его, иль нивы рыхлый пар:

31 Столь много светов двигалось в пучине
Восьмого рва, как я увидел сам,
Когда стоял на каменной стремнине.

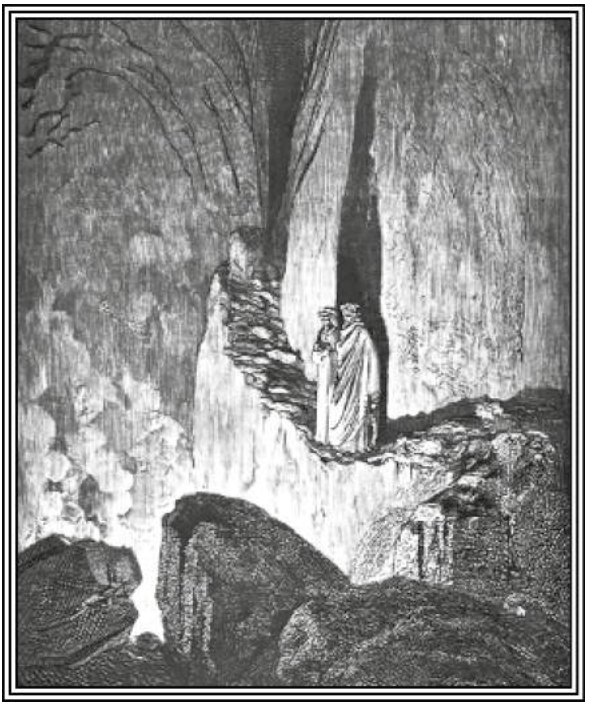
34 И как Святый, зверьми отмстивший срам

Зрел колесницу Илии пророка,
Когда коня́ взносились к небесам,

37 И, вслед за ней вотще напрягши око,
Одно лишь пламя в небе различал,
Как облачко в сиянии востока.

40 Так здесь огни носились между скал,
Добыч своих для глаз не обнажая;
Но понял я, что каждый тень скрывал.

43 Я на мосту стоял, на дно взирая,
И, не держась за ближний камень, в ров
Я б мог упасть, не бывши сто́лкнут с края.



Сей огнь проклятый род скрывает;
Он облечен в пылающий покров

46 И вождь, узрев, что я упасть готов,

Сказал: «Сей огнь проклятый род скры-

вает;

Он облечен в пылающий покров».

49 А я: «Твое мне слово подтверждает

Вполне все то, в чем был я убежден;

Но я желал бы ведать: кто блуждает

52 В том пламени, что к верху раздвоен,

Как столб огня, поднявшийся высоко

С костра, где с братом Этеокл сожжен?»

55 И вождь в ответ: «В нем мучатся жестоко

Улисс и Диомед: как на Троян

Шли вместе в злобе, так и в ад глубокий

53 Низвергнуты за гнусный свой обман,

Отверзший вход коню в врата градские,

Откуда вышед славный род Римлян; —

61 За хитрый ков, который Дейдамие

Судил и мертвой горьки слезы лить;

Здесь за Паллалий терпят муки злые!»

64 «Коль из огня им можно говорить,
Молю тебя, — сказал я с состраданьем, —
И, вновь моля, готов сто раз молить!

67 Дозволь дождаться мне, пока с сияньем
Двурогий пламень вступит в устье скал:
Смотри, как я склонен к нему желаньем!»

70 «Твоя мольба достойна всех похвал,
И я согласен с мыслями твоими;
Но не тебе, — учитель отвечал, —

73 Мне надлежит вести беседу с ними:
Быть может, их, как Греков, дать ответ
Ты не преклонишь просьбами своими».

76 Когда блеснул пред нами яркий свет,

В приличный час и в надлежащем месте,
В таких словах к ним начал мой поэт:

79 «О вы, вдвоем пылающие вместе!
Коль в жизни той я заслужил не раз
Хоть слабую от вас награду чести,

82 Когда писал высокий свой рассказ, —
Не двигайтесь и, если непротивно,
Скажите, где погиб один из вас?»

85 И древний огнь, пророкотав уныв-но,
Восколебал свой бóльший рог тогда,
Как светоч, если дунет ветр порывно.

88 И как язык лепечет от стыда,
Так, острием трепещущим взволнован,
Изверг он голос и сказал: «Когда

91 Расстался я с Цирцеей, быв прикован
К ней слишком год в Гаэте, прежде чем
Энеем град был так наименован, —

94 Я остановлен не был уж никем:
Ни милым сыном, ни отцом почтенным,
Ни доброю супругой, чей ярем

97 Мой краткий век соделать мог блаженным:
Дабы узнать добро и горе стран,
Неведомых народам современным, —

100 Пустился я в открытый океан,
В одной ладье, с дружиной небольшою,
Которую совет мой ввел в обман.

103 Испанский берег был уж предо мною;
Сардинию, Марокко я узрел
И острова, омытые волною.

106 Уж я с своей дружиной постарел,
Когда достиг до узкого пролива,
Где Геркулес поставил свой предел,

109 Чтоб вдаль никто не простирал порыва;
Исчез направо уж Севильи след,

Налево Септа скрылась вглубь залива.

112 «Друзья! — я рек. — Изведав столько бед

В пути своем на запад отдаленный,

Уже ли мы остаток ветхих лет

115 Не посвятим на подвиг дерзновенный?

Вослед за солнцем, по равнинам вод,

Проникнем смело в мир ненаселенный!

118 О вспомните свой знаменитый род!

Должны ль мы жить как звери? Нет! познанья

И добродетель — цель земных забот!»

121 И силою столь краткого воззванья

Я так возжег на подвиг их умы,

Что сам едва в них обуздал желанья.

124 И обратя к востоку руль кормы,

В безумный путь на веслах, как крылами,

Держась все влево, понеслися мы.

127 Уж ночь являлась с чуждыми звездáми

Других небес, а наши каждый раз

Все ниже, ниже зрелись над волнами.

130 Пять раз пылал и столько ж снова гас

Испод луны, с тех пор, как в океане

Путь роковой манил все дале нас.

133 Тогда гора явилась нам в тумане:

Вовек не зрел я столь высоких гор!

Мы восклицаем в радости заране;

136 Но вмиг померк от страха светлый взор:

Внезапно вихрь от новых стран родился

И прямо в борт ударил нам в отпор.

139 Три краты[38] *чёлн с волнами закружился;*

Вверх поднялась корма в четвертый раз,

---

[38] Примечания: 38

Крат (церк. — слав.,) *род. п. мн. ч.* от слова *кратъ* — раз.

И, как хотел Всесильный, киль сломился

И море с шумом поглотило нас».

Песнь XXVII

Содержание. *Вослед за удалившимся пламенником Улисса и Диомеда, является пред очами поэтов другой пламень, содержащий в себе душу графа Гвидо де Монтефельтро. Привлеченный ломбардским наречием Виргилия, грешник спрашивает древнего поэта о состоянии Романьи, своей родины. Данте по приказанию Виргилия описывает графу в кратких, но резких чертах политический быт этой области Италии и в награду за то просит грешника сказать: кто он. Тогда душа Гвидо, в полной уверенности, что Данте никогда уже не возвратится в мир и, стало быть, не расскажет о его бесславии, повествует, как подал он злой совет папе Бонифацию VIII; как в минуту его смерти пришел Св. Франциск за его душою и как один из черных херувимов вступил с Франциском в спор о том, кому должна принадлежать она; как наконец Минос осудил его вечно носиться в огне восьмого рва. По удалении пламенника Монтефельтро, странники оставляют восьмой и приходят в девятый ров.*

1 *Уж пламень смолк и, выпрямясь,*

ответа
Не издавал и отлетел от нас
С соизволенья сладкого поэта.

4 Тогда другой, вослед за ним явясь,
Меня заставил устремиться взором
К его вершине, издававшей глас.

7 Как сицилийский медный бык, в котором
Его творец впервые поднял вой
(Был он казнен правдивым приговором), —

10 Ревел так сильно стоном муки злой,
Что истукан, хоть вылит из металла,
Казалось, весь проникнут был тоской:

13 Так скорбь души, пока не обретала
Речам своим пути из тайника,
В треск пламени свой говор превращала.

16 Когда же с воплем прорвалась тоска

Сквозь острие, вдруг огнь заколыхался,
Волнуемый движеньем языка,

19 И начал: «Ты, к кому мой глас раздался,
Ты, по-ломбардски молвивший царю
Улиссу: «Сгинь! с тобой уж я расстался!»

22 Хоть, может быть, я тщетно говорю, —
Не откажись помедлить здесь со мною;
Смотри: я медлю, а меж тем горю!

25 И если ты сейчас сведен судьбою
В сей мрачный мир из сладостной страны
Римлян, где я в грехах погряз душою,

28 Скажи: в Романье мир, иль гром войны?
Я сам из гор, идущих от Урбино
До скал, где Тибр бежит из глубины».

31 Еще мой взор влекла к себе пучина,
Когда, толкнув меня, сказал поэт:

«Сам говори: ты слышишь речь Латина».

34 И я, имев готовый уж ответ,
Не медля начал так свои воззванья:
«О дух, одетый в вечно-жгущий свет!

37 Без войн когда ж была твоя Романья?
В сердцах тиранов там всегда раздор,
Хоть явного и нет теперь восстанья.

40 Как и была, Равенна до сих пор:
Орел Поленты в граде воцарился
И к Червии сень крыл своих простер.

43 Но город твой, что так упорно бился
И кровь французов проливал рекой,
Теперь когтям зеленым покорился.

46 А Псы Верруккьо, старый и младой,
Казнившие Монтанью беспримерно,
Буравят там, где зуб вонзили свой.

49 Но города Ламона и Сантерно,
Что год, то к новой партии ведет

На белом поле львенок лицемерный.

52 И тот, под коим Савио течет,
Как прилежит к горе он и долинам,
Так меж тиранств и вольности живет.

55 Теперь, кто ты, прошу тебя, скажи нам;
Не откажись открыться, чтоб ты мог
Со славою предстать твоим Латинам».

58 И, пророптав опять, свой острый рог
Взад и вперед тут пламя покачало
И издало в ответ тяжелый вздох:

61 «Когда б я знал, что дать мне надлежало
Ответ тому, кто возвратится в свет,
Поверь, ничто б огня не взволновало.

64 Но если верить, что из царства бед
Живой никто в мир не являлся прежде,
То, не страшась бесславья, дам ответ.

67 Я воин был; потом в святой одеж-
де
Отшельника мечтал вознесться в рай,
И обмануться я б не мог в надежде,

70 Когда б не жрец верховный — по-
карай
Его Господь! — вовлек меня в грех но-
вый;
А как вовлек и почему, внимай.

73 Пока носил я бренные оковы
Костей и плоти, все мои дела
Не львиные, но лисьи были ковы.[39]

76 Все хитрости, все козни без числа
Я знал и так поработил им страсти,
Что обо мне повсюду весть прошла.

79 Когда же я достиг уже той части
Стези своей, где время нам спускать
Уж паруса и убирать все снасти, —

82 Что я любил, о том я стал ры-

---

[39] Примечания: 39
Ков (устар.) — тайный злой умысел, коварное намерение; заговор; козни.

дать
И каяться, надежду возлелеяв,
Что тем снищу, увы мне! благодать.

85 Но гордый князь новейших фарисеев,
Воздвигнувший войну на Латеран,
Не на войска Срацин, иль Иудеев, —

88 (Он был врагом для тех из христиан,
Кто не́ брал Акры с скопищем презренных,
Иль торг не вел среди султанских стран) —

91 Высокий долг о подвигах священных
Забыл в себе, во мне ж унизил чин,
Смиряющий молитвой посвященных.

94 И как призвал Сильвестра Константин,
Чтоб излечить проказу, из пустыни;
Так думал он: «Как врач, лишь я один

97 В нем излечу горячку злой горды-

ни.»

Безмолствуя, я слушал речь его,
Речь пьяного — не слово благостыни.

100 Но он: «В душе не бойся ничего:
Я отпущу твой грех; но вместе жду я,
Как взять Пренест, совета твоего.

103 Рай запирать и отпирать могу я;
Ты знаешь: два ключа в моих руках,
Что Целестин отвергнул, слепотствуя.»

106 И столько истин изложил в речах,
Что я, сочтя за худшее молчанье,
Ответил: «Отче! если смоешь прах

109 Грехов моих, творимых без желанья,
То ведай: чтоб престол возвысить свой,
Все обещай, не помня обещанья».

112 Франциск пришел, как умер я, за мной;
Тогда один из херувимов черных

Вскричал: «Оставь! по всем правам он мой.

115 Принадлежит он к сонму мне покорных:

В моих когтях с тех пор его глава,

Как подал он совет для дел позорных.

118 Кто хочет в рай, покайся тот сперва;

Но, каясь, зла желать — то несогласно

Одно с другим!» — сказав сии слова,

121 Увы! схватил, потряс меня ужасно

И возопил: «Ты думал ли, чтоб я

Мог рассуждать логически так ясно?»

124 Тогда отнес к Миносу он меня,

И, восемь раз вкруг жестких чресл свивая,

Свой хвост от злости укусил судья,

127 Сказав: «Иди в корысть огня, тень злая!»

С тих пор, как видишь, я объят огнем

И сетую, в одежде сей блуждая». —

130 Тут глас замолк, и бедственным путем

Помчался пламень с ропотом и стоном,

Крутясь, волнуясь зыбким острием.

133 Мы прочь пошли, мой вождь и я, по склонам

Громад туда, где свод кремнистых груд

Лежит над ямой, в ней же дань законом

136 Возложена на сеятелей смут.

Песнь XXVIII

Содержание. *В девятом рве наказуются сеятели расколов и несогласий, как религиозных, так и политических, а также нарушители семейного счастья. Дьявол, вооруженный острым мечем, наносит им бесконечно-разнообразные раны, которые заживают прежде, чем грешники успеют обойти круглую долину; когда же опять приблизятся к дьяволу, он снова приводит раны в их прежний вид. Данте, желая дать понятие об этой казни, вспоминает все войны, с древнейшим времен опустошавшие Италию. — Сперва являются виновники расколов религиозных. Между ними Данте видит Могомета, рассеченного от подбородка до ног: внутренность его висит между ногами; он сам отверзает грудь свою. Перед ним идет Али с разрубленным лицом. Могомет предсказывает скорое прибытие в ад сектатора времен Дантовых фра Дольчано. Затем являются сеятели смут и несогласий политических: Петр из Медичины с отсеченными носом и ухом; Курион, у которого вырезан язык; наконец флорентинец Моска дельи Ламберти с отрубленными руками, начавший в Тоскане раздор Гвельфов*

и Гибеллинов. В последней толпе, между нарушителями семейного спокойствия, является тень трубадура Бертрама даль Борнио, возмутившего юного принца Генриха против его отца: голову, отделенную от тела и говорящую, он несет за волосы как фонарь и, поднося ее к лицу Данта, спрашивает: чья казнь ужаснее?

1 О кто бы мог, хотя б свободным словом,
И много раз вещая, описать
Весь ужас ран, что зрел во рву я новом.

4 Ничей язык не может то сказать,
И нашего на то не станет слова,
И разум наш не в силах то понять.

7 И если бы собрать те рати снова,
Которые на роковых полях
Апулии погибли так сурово
10 От рук Римлям, иль в страшных тех боях,
Когда — как пишет Ливий без обмана —
Так много ко́лец снял с убитых враг;

13 Собрать и тех, которых сын Нормана

Роберт Гвискар так грозно сокрушил,

И тех, чей прах истлел у Чеперана,

16 Где Апулиец долгу изменил,

И тех, чью мощь Алар, старик лукавый,

Близ Тальякоццо, без меча разбил:

19 И если б всяк, кто в ранах, кто безглавый,

Предстал — и то едва ль их страшный вид

Изобразит девятый ров кровавый!

22 Утратив дно, так бочка не сквозит,

Как раной здесь зиял один пред нами,

Рассеченный от чресел до ланит.[40]

25 Его кишки мотались меж ногами;

Открыт желудок и мешок висит,

Который он поддерживал руками.

---

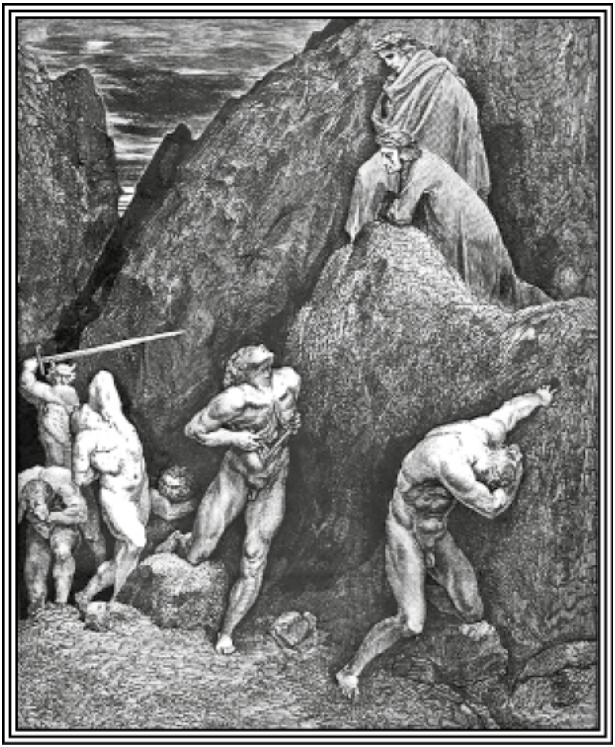
[40] Примечания: 40

Ланита (-ы), *сущ. обычно мн. ч.* (устар., поэт.) — щека.

28 Я на него, он на меня взирал
И, грудь руками растворив широко,
Сказал: «Смотри, как я себя раздрал!

31 Смотри, как здесь увечат лжепро-
рока!
Вот предо мной в слезах идет Али,
Разрубленный от бороды до ока.

34 И все, кого здесь видишь, на земли́
При жизни сеяли раскол и смуты;
За то и казнь достойную нашли.



Смотри, как здесь увечат лжепророка!

37 Там, позади, нас рубит дьявол лютый

И каждого из грешной сей толпы

В наш прежний вид приводит в те минуты,

40 Когда свершим круг горестной тропы:

Затем, что раны снова заживают,

Когда к нему направим мы стопы.

43 Но кто ж ты сам, чьи взоры мглу пронзают?

Иль думаешь укрыться там от зол,

Которые тебя здесь ожидают!»

46 «Не мертвый он, не грех его привел

Сюда на казнь, — рек вождь мой, негодуя, —

Но, чтоб вполне он знанье приобрел,

49 Мне суждено, да мертвый с ним иду я

В бездонный ад, сходя из круг в круг,

И верно то, как то, что говорю я».

52 Тут более, чем сотня грешных, вдруг

Остановясь, в меня вперили взоры,

От дивных слов забыл жестокость

мук

55 «Скажи ж ты фра Дольчино, ты, который,

Быть может, вскоре у́зришь солнца свет, —

Чтоб он, пока в снег не оделись горы

58 И если мне идти не хочет вслед,

Запасся хлебом: а не то в берлогу

К нему найдет Новарец тайный след». —

61 Так, к шествию одну поднявши ногу,

Мне Магомет сказал; потом скорей

Встал на ногу и вновь пошел в дорогу.

64 Другой, чей нос был срезан до бровей,

С проктнутым горлом, с отсеченным ухом,

Глядя на нас, стоял в толпе теней,

67 Необычайным изумленный слухом,

И, отворив кровавую гортань,

Проговорил всех прежде с скорбным

духом:

«О ты, что здесь не казнь приемлешь в дань,
Кого видал я, где живут Латины,
Коль не обманут сходством я, — вспомянь

Ты и меня: я Петр из Медичины!
И если ты узришь когда-нибудь
Меж Верчелли и Маркобо равнины, —

Сказать двум лучшим в Фано не забудь:
Мессеру Гвидо и мессер Каньяно,
Что если нас не может обмануть

Коль не обманут сходством я, — вспомянь
Ты и меня: я Петр из Медичины!

79 Предвиденье, то в безднах океана,
Вблизи Каттолики, утопят их
Изменою коварного тирана.

82 Меж Кипром и Малоркой дел таких
Нептун не зрел в владении широком
От Греков, иль разбойников морских.

85 Предатель сей, одним глядящий оком,

Владелец стен, которых спутник мой

В век не желал бы видеть вновь с упреком,

88 Их к договору пригласит с собой

И то свершит, что будет труд напрасен

Вновь заклинать Фокары ветер злой».

91 А я ему: «Чтоб твой рассказ был ясен

И чтоб наверх слух о тебе проник,

Скажи, кому вид стен тех так ужасен?»

94 Тогда рукой он челюсти раздвиг

Товарищу и рот раскрыл в мгновенье,

Вскричав: «Вот он, но нем его язык!

97 Изгнанник сей рассеять смел сомненье

У Цезаря, с злым умыслом сказав:

«Где все готово, там вредит медленье.»

100 Как Курион был страшен и кровав!
Язык его был вырван из гортани,
Язык, что был так некогда лукав».

103 И вот, подняв обрубленные длани
И кровь из них струя себе за грудь,
Другая тень явилась нам в тумане,

106 Крича: «Увы! и Моску не забудь!
Посеял я в Тоскане злое семя,
Сказав: Всему свое начало будь!» —

109 «И тем сгубил, — прибавил я, — все племя!»
Тут, как безумный, он пошел от нас
И скорбью умножил скорби бремя.

112 Но с душ меж тем не отвращал я глаз,
И видел то, о чем бы не решился
Без доказательств продолжать рассказ,

115 Когда б я совестью не укрепился,
Подругой доброй, с ней же каждый

смел,
Кто правоты бронёю облачился.

118 Досель я вижу то, что там узрел;
Безглавый труп я видел в том соборе
И, ужасом объятый, обомлел!

121 Он голову с отчаяньем во взоре
В руке за кудри как фонарь носил,
И голова кричала мне; о горе!

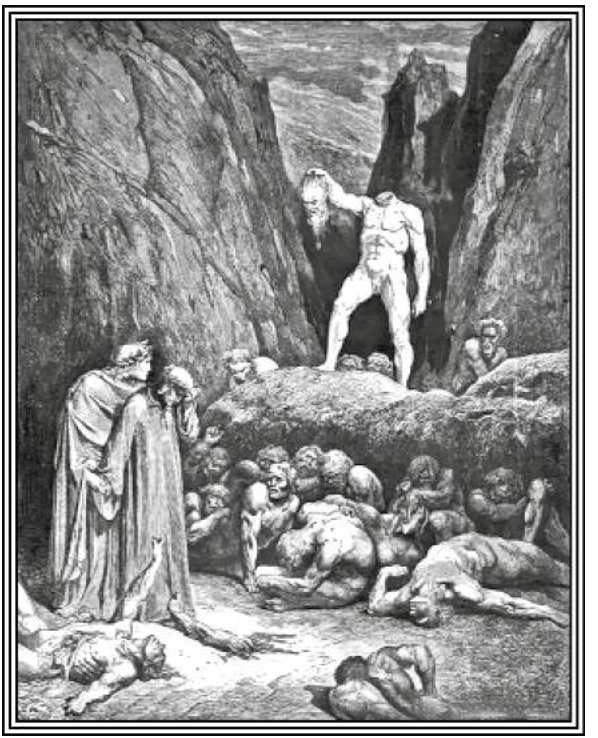
124 Он сам себе светильником служил:
В едином теле двое терпят муки,
А как — то знает тот, кто так судил!

127 Став под мостом, высоко обе руки
Ко мне он поднял с головой своей,
И слов ее ко мне достигли звуки:

130 «Смотри, вот казнь и ужаснись пред ней!
О ты, живой скиталец в царстве этом,
Скажи: чья казнь ужаснее моей?

133 А чтоб о мне поведал ты пред

светом,
Узнай: я тень Даль-Борнио, певца,
Кем Иоанн подвигнут злым советом.



Став под мостом, высоко обе руки

Ко мне он поднял с головой своей

136 В отце и сыне я возжег сердца:

Не столько средств нашел в Ахитофеле

Авессалом к восстанью на отца!

139 Я разлучил столь близких в страшном деле:

За то мой мозг, о ужас! отделен

От своего начала в этом теле!

142 Свершен на мне возмездия закон».

Песнь XXIX

Содержание. *Данте, готовый плакать при виде ужасного зрелища, медлит над девятым рвом, заметив в числе грешников тень своего родственника Джери дель Белло; но Виргилий побуждает его торопиться. Затем они приходят к последнему рву восьмого круга. В десятом рве, в зловонном воздухе, совершается казнь над подделывателями всякого рода — над подделывателями металлов (алхимиками и делателями фальшивой монеты), подделывателями чужих речей и личностей: они поражены бесчисленными болезнями и язвами. Из числа алхимиков Данте видит двоих, подпирающих один другого и покрытых струпьями. Один из них, Гриффолино, говорит о себе; другой флорентинец Капоккио порицает Сиенну за легкомыслие и высчитывает знаменитых обжор этого города.*

1 Вид страшных ран и тьма теней под нами

Так отравили свет моих очей,

Что был готов залиться я слезами.

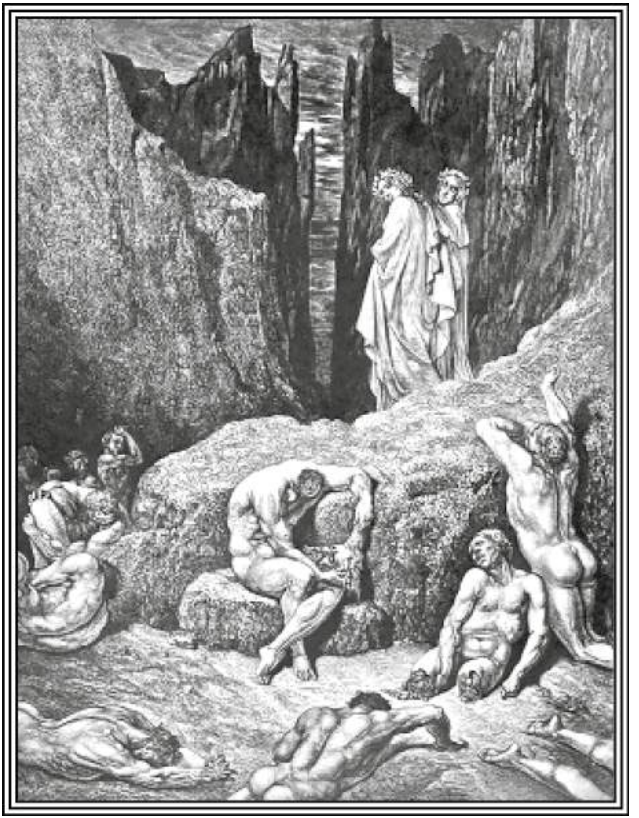
4 Тогда Виргилий: «Что в душе твоей?
В кого вперил ты взор с такой тревогой
Меж этих злых, изрубленных теней?

7 У прочих рвов не медлил ты так много.
Иль хочешь всех сосчесть их? не забудь,
Что двадцать миль вкруг рва идти дорогой.

10 Луна под нами уж свершает путь,
И краток срок, нам данный для обзору;
А нам еще на многое взглянуть».

13 «Когда б ты знал, что моему там взору
Представилось, — был мой ему ответ, —
Я б не подвергся твоему укору».

16 Учитель шел и я за ним вослед;
Но я, пред ним желая оправдаться,
Прибавил: «Там, в пещере лютых бед,



…Что в душе твоей?
В кого вперил ты взор с такой тревогой

19 Куда на дно глаза мои стремятся,
Мне кровный дух — и я то слышал въявь —
Оплакивал грехи, что здесь казнятся».

22 А вождь: «Не думай впредь о нем; направь
Свой ум к иному: он за злое дело
Наказан здесь, и ты его оставь.

25 Он на тебя указывал и смело
Из-под моста грозился нам перстом
И называл себя Джери дель Белло.

28 Твой взор тогда прикован был на том,
Кто защищал Готфор с своей дружиной,
И он, неузнан, прочь пошел потом».

31 И я: «О вождь! насильственной кончиной,
Которой срам из сродников его
Не отомстил доселе ни единый.

34 Разгневан он: конечно, оттого

Он и ушел, мне не сказав ни слова,
И тем сильней скорблю я за него».

37 Так говоря, мы шли до рва другого:
Будь он светлей, я мог бы, взор вперя,
В нем видеть дно с утеса векового.

40 Когда ж я был у стен монастыря
Последнего, в котором взор мой смелый
Зрел братию подземного царя, —

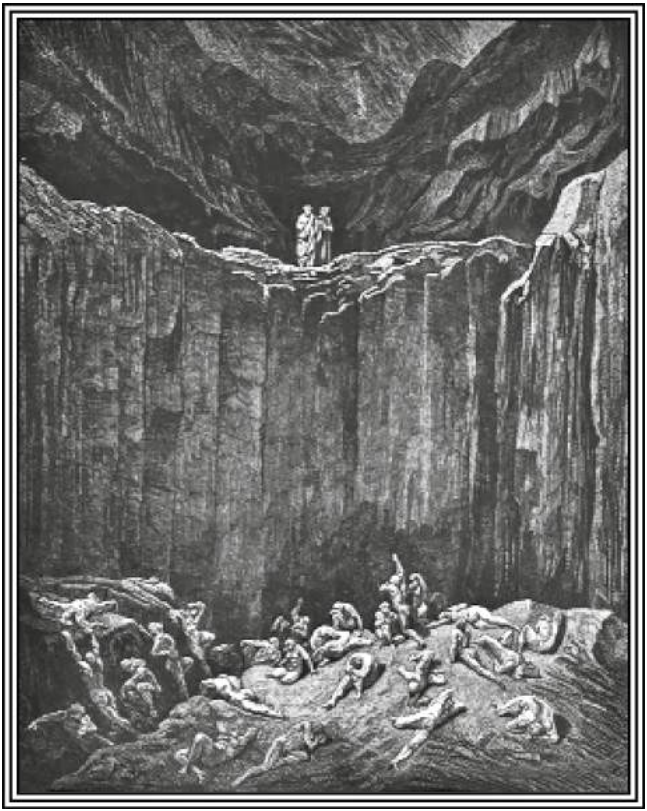
43 Мой слух пронзили разных воплей стрелы,
Заóстренные жалостью с концов;
Зажавши уши, шел я в те пределы.

46 Когда б собрать с сардинских берегов
Все немощи во дни жаров гнетущих,
Иль из больниц Вальдикианы в ров, —

49 Так много здесь я видел вопиющих,
И смрад столь гнусный восходил от всех,
Какой исходит лишь от тел гниющих.

Тут мы спустились на последний брег
Скалы огромной, все идя налево,
И я ясней увидел в ямах тех,

Как праведный служитель Божья гнева —
Ужасный суд — обманщиков казнит,
Погрязших в мглу отчаянного зева.



И я ясней увидел в ямах тех,
Как праведный служитель Божья гнева —
Ужасный суд — обманщиков казнит

58 Не думаю, чтоб был печальней вид
Людей, в Эгине язвою гнетомых,
Где до того был воздух ядовит,

61 Что твари все до малых насекомых
Погибли вдруг и, по словам певцов,
Весь род людей с стадами и скотом их

64 Зевс возродил из кучи муравьев:
Как было грустно видеть в мраке круга
На грудах груды страждущих духóв.

67 Кто на груди, кто боком друг близ друга,
Кто на спине валялся на земли,
Кто полз ползком под бременем недуга.

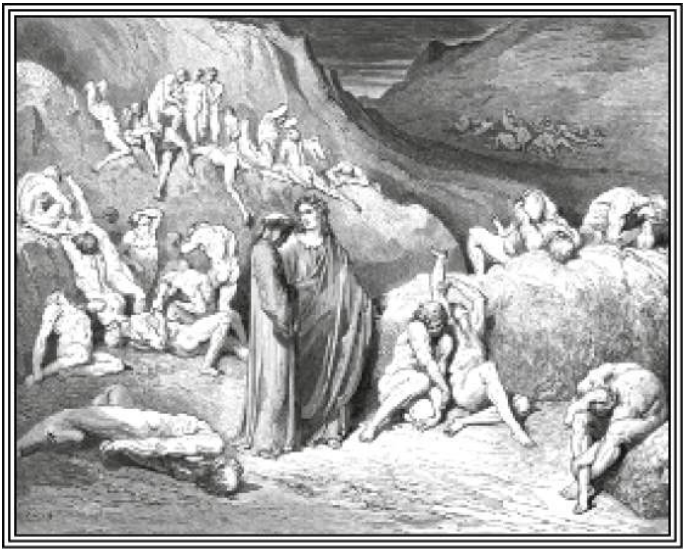
70 Мы с грустью молча шаг за шагом шли
И созерцали сонм больных стонавших,
Которые подняться не могли.

73 Там зрел я двух, друг друга подпиравших,

Как два горшка у пе́чного огня,
И струпьями с главы до ног страдавших.

Не чистит конюх щеткою коня,
Чтоб весть его скорее к господину;
Бессонный так не чешется, стеня,

Как эти два скребли ногтями спину
И с бешенством сдирали струпья с ней;
Но не могли тем утолить кручину.



Бессонный так не чешется, стеня,
Как эти два скребли ногтями спину

82 И струпья сыпались из-под ногтей,
Как чешую дерут со щук ножами,
Иль с рыб других с широкой чешуей.

85 «О ты, скребущий гной с себя ногтями, —
Так одному мой вождь сказал тогда, —

И рвущий ими тело как клещами!

88 Кто из Латинов, о скажи, сюда
Низринулся? тебе ж да служат пальцы
Во век веков для этого труда!»

91 «Ах! оба мы Латины, мы, страдальцы! —
В слезах, один ответил на вопрос. —
Но кто ж вы сами, чудные скитальцы?»

94 И вождь: «Я, дух, спускаюсь в царство слез,
Чтоб показать ваш ад сему живому,
И с ним иду с утеса на утес».

97 Тут, перестав служить один другому,
Они, дрожа, взглянули на меня:
До всех достигла весть подобно грому.

100 Тогда учитель, взор ко мне склоня,
Сказал: «Беседуй с ними с сожаленьем!»
И, как желал он, тотчас начал я:

103 «Коль ваше имя не должно забве-
ньем
Изгладиться из памяти людской,
Но да живет в ней с каждым поколе-
ньем,

106 Скажите: кто вы? из страны ка-
кой?
Откройте мне, почто все ваши члены
Истерзаны болезнею такой?»

109 «Я, Аретинец, Альбером из Сье-
ны, —
Сказал один, — сожжен был; но тому
Виной не грех, ведущий в эти стены.

112 Однажды в шутку я сказал ему:
По воздуху умею я носиться;
А он, дитя по смыслу и уму,

115 Тому искусству вздумал поучить-
ся,
И сжечь меня отца он убедил,
Сил не имев в Дедала превратиться.

118 Но в ров меня десятый осудил

Минос правдивый, потому что свету
Я как алхимик много повредил».

121 «О был ли в мире, — я сказал поэту, —
Народ пустей Сиенцев? даже им
И Франция уступит славу эту».

124 Тогда другой проказный, вняв моим
Словам, прибавил: «Исключи лишь Стрикка;
Он жить умел доходом небольшим;

127 И Никколо, кем введена гвоздика,
Обжорства роскошь, в тот веселый сад,
Где это семя принялось так дико;

130 И клуб, в котором отдал на разврат
Свой виноградник с замком д'Ашиано,
И был душой веселья Аббальят.

133 А хочешь знать, кто так с тобою рьяно
Клянет Сиенцев, загляни в провал

И рассмотри мой образ в мгле тумана:

Я тень Капоккво; в мире я сплавлял

Алхимией состав металлов ковкий,

И вспомни, если ты меня узнал:

Я был природы обезьяной ловкой».

Песнь XXX

Содержание. *Далее Данте видит тени двух подделывателей чужой личности, людей, разыгравших чужую роль с целью обмана: они одержимы исступлением. Одна из них, тень древней Мирры, пробегает мимо; другая, Джианни Скикки, набегает на алхимика Капоккио, хватает его за горло зубами и волочит по дну рва. Затем очам поэта представляется тень мастера Адама, делателя фальшивой монеты, страждущего жестокой водянкой. Он повествует Данту о своем преступлении и называет по имени двух рядом с ним лежащих грешников, одержимых гнилой горячкой: жену Пентефрия, оклеветавшую Иосифа, и грека Синона. Последний, оскорбленный обидным намеком мастера Адама, бьет его по животу, а этот отвечает ему по уху, от чего возникают у них ссора и взаимные обвинения в том, кто кого грешнее. Данте, заслушавшийся их речей, получает строгий выговор от Виргилия и со стыдом удаляется оттуда.*

1 В тот век, когда, прогневана Семелой

На племя Фив, Юнона столько раз
Его губила в злобе закоснелой,

Так обезумел лютый Атамас,
Что, чад своих узрев в руках супруги,
Вскричал рабам, от бешенства ярясь:

«Расставим сети здесь у брода, други,
Чтоб львицу с львятами поймать в сетях!»
Потом, Леарха вырвав у подруги,

И, злобно сжав в безжалостных когтях,
Разбил его о груду скал с размаха;
С другой же ношей мать спаслась в волнах.

Или когда унизил рок до праха
Величье Трои в брани роковой
И с царством царь погиб в годину страха,

Гекуба, мать, убитая тоской,
Вотще с врагом за Поликсену споря

И Полидоров видя труп нагой,

19 Повергнутый на шумном бреге моря,
Вдруг обезумела, как пес завыв:
Так ум ее расстроился от горя!

22 Но никого ни в Трое, ни средь Фив,
Во время о́но[41] до такого гнева
Не доводил безумия порыв,

25 Как здесь, я видел, две души налево,
Нагие, мчались, грешников грызя,
Как две свинья, бежавшие из хлева.

28 Одна из них, в Капоккио вонзя
Под горлом зубы, повлекла злодея,
По камням дна, терзая и разя.

31 Тут Аретинец, в ужасе бледнея,
Сказал: «То Скикки! зол, неукротим,
Он нас грызет, безумной тенью вея».

---

[41] Примечания: 41

Время о́но — сейчас это выражение означает некую неопределенность с датами. То есть, «когда-то» или «некогда». Но изначально такое выражение, значило прямо противоположное — «то самое время» (в Библии речь идет о Страшном суде или Апокалипсисе).

34 «О если хочешь, чтоб бегущий с ним

В тебя не мог, — я рек, — зубами впить-ся,

Скажи: кто он, пока еще он зрим!»

37 А он в ответ: «То дух преступный мчится,

Дух Мирры древней, вздумавшей с от-цом

Не должною любовью насладиться.

40 К отцу явившись в образе чужом,

С ним предалась она любви греховной!

Бегущий с ней подобен ей во всем:

Дух Мирры древней, вздумавшей с отцом
Не должною любовью насладиться

43 Честь табуна прияв ценой условной,
Он род Донати взялся разыграть.
И приложил печать к его духовной».

46 Когда умчались два безумца вспять,
Я отвратил от них глаза со смутой
И стад других проклятых созерцать.

49 Гляжу: один сидит, как лютня, вздутый,
Когда б отнять у грешника долой
Ту часть, где бедра у людей примкнуты.

52 От тягостной болезни водяной,
Которая, член искажая каждый,
Лик иссушает, вздув живот горой, —

55 Не мог он губ сомкнуть хотя б однажды,
Как чахнущий, которого уста
Иссохшие разверзлись от жажды.

58 «О вы, которых в страшные места

Ведет не казнь (а почему, не знаю), —
Сказал он нам, — взгляните вы сюда!

61 Маэстр Адам, как я томлюсь, страдаю!
Живой имел я все, чего желал,
Ах! здесь одной лишь капли вод желаю!

64 Ручьи, что в Арно катятся со скал
По зелени пригорков Казентина,
Где так игрив, так светел их кристалл, —

67 Всегда передо мной, а вот причина,
Почто мне лик, сильней недугов всех,
Так иссушает тех ручьев картина.

70 Суд праведный, карающий мой грех,
Край, где грешил я, мне затем представил,
Чтоб беспрестанно я вздыхал как мех.

73 Вон там Роменя, град, где я подбавил
Худой состав в крестителеву смесь:
Зато в огне я тело там оставил.

76 Но если б Гвид, иль Александр был здесь,

Или их брат? чтоб знать, как он наказан, —

Я отдал бы источник Бранды весь.

79 Один уж здесь, коль верить я обязан

Тому, что Скикки мне твердил в бреду;

Но что мне в том? я по ногам здесь связан!

82 Будь легок я хоть столько на ходу,

Что во сто лет прошел бы дюйм, не боле,

То и тогда б пошел я в путь в аду

85 В толпе больных искать его на воле,

Хотя кругом в двенадцать миль больших

И поперек в полмилю это поле.

88 В семью такую я попал за них;

По просьбе их, я меди три карата

Вмешал в состав флоринов золотых».

91 И я: «Кто ж эти два твоих собрата

Лежат направо близ тебя, дымясь,

Как мокрая рука, в мороз подъята?»

94 «Я их нашел, низвергшись в эту грязь, —

Он отвечал, — с тех пор лежат безгласно

И будут в век лежать, не шевелясь.

97 Одной Иосиф обвинен напрасно,

Другой — из Трои лживый грек Синон:

В гнилой горячке так смердят ужасно».

100 Тут гордый грек — был видно оскорблен

Постыдным именем — в тугое брюхо

Его ударил кулаком, и звон

103 Как барабан оно издало глухо;

А мастр Адам, ожесточась от мук,

Хватил его рукой не легче в ухо,

106 Сказав: «Пускай лишил меня недуг

Движенья ног; но знай, на службу эту
Еще никто не приковал мне рук».

109 «Не так проворен ты казался свету,
Идя в огонь, — сказал Синон в ответ, —
Зато проворней выбивал монету».

112 А тот ему: «Ты прав, в том слова нет;
Но так ли прав ты был, когда Трояне
Тебя просиди им подать совет?»

115 «Я лгал в словах, а ты солгал в чекане, —
Сказал Синон, — один лишь грех на мне;
С тобой же вряд сравнится бес в обмане».

118 «Эй, вероломец! вспомни о коне!
Весь мир узнал обман твой пресловутый, —
Сказал брюхан, — кажнись за то вдвойне!»

121 Но грек: «А ты кажнися жаждой лютой,

Пока язык твой треснет и живот,
Водою тухлой как гора раздутый!»

124 Тогда монетчик: «Разорви ж ты рот
За злую речь! пуст я раздут водою,
Пусть жаждою томлюсь я круглый год, —

127 За то в жару с больной ты головою!
А чтоб лизнуть Нарциссова стекла
Вряд остановка будет за тобою».

130 Их злая брань весь ум мои завлекла;
Но тут поэт: «Смотри, еще немного —
И между нас посеется вражда».

133 И я, услышав глас поэта строгий,
Спешил к нему с таким в лице стыдом,
Что и досель смущаюсь дум тревогой.

136 Как человек, томимый страшным сном,
Во сне желает, чтобы сном остался

Внезапный страх, смутивший сердце в нем:

139 Так без речей в смущеньи я терялся,
Желая извиниться, и, того
Не замечая, молча извинялся.

142 Но вождь: «Проступок больший твоего
И меньшею стыдливостью смывают;
Смири ж тревогу сердца своего.

145 Но помни: всюду на тебя взирают
Глаза мои, когда придем туда,
Где спор подобный люди затевают:

148 Внимать ему не должно без стыда».

Песнь XXXI

Содержание. *Обозрев десятый, последний ров восьмого круга, поэты приближаются к краю глубокого колодезя, составляющего последний девятый круг ада. Страшный звук рога оглушает Данта: поэт смотрит в ту сторону, откуда несутся эти звуки, и думает видеть башни, возвышающиеся вдали; но Виргилий заранее говорит ему, что это великаны. Данте благодарит природу за истребление столь ужасных палачей брани. Между тем путники приближаются к одному из них — Немврод, виновнику смешения языков на земле; он в бешенстве обращается к странникам на непонятном наречии, но Виргилий укрощает его ярость. Далее поэты видят Эфиальта, пять раз опутанного цепями: потрясением своего тела он едва не колеблет земли. Наконец они подходят к третьему не скованному великану Антею, который, по просьбе Виргилия, схватывает поэтов, и, поспешно опустив их на дно колодезя, поднимается как мачта на корабле.*

1 Язык, меня так сильно уязвивший,
Что от стыда весь лик мой запылал,

Был мне и врач, боль сердца утоливший.

4 Так Ахилесс — я некогда слыхал —
Сперва разил копьем своим нещадно,
А после им же раны исцелял.

7 Расставшись с сей долиной безотрадной,
Мы в гробовом молчанье перешли
Лежавший вкруг нее оплот громадный.

10 Был сумрак здесь, ни день, ни ночь земли,
И взор не мог проникнуть в воздух сжатый;
Но слышал я столь громкий рог вдали,

13 Что перед ним ничто громов раскаты,
И я навстречу звуку поспешил
Направить очи, ужасом объятый.

16 По страшной битве, где не довершил
Великий Карл священного обета,
Не так ужасно в рог Орланд трубил.

19 Я вверх взглянул, и в воздухе без света,

Казалось, зрел высоких башен ряд

И рек: «Учитель, что за крепость эта?»

22 А он: «За то, что в адский мрак и смрад

Ты слишком вдаль глядишь, воображенье

Густою мглой твой обмануло взгляд.

25 Пришед туда, поймешь, как отдаленье

Обманчиво для ваших чувств порой;

Но несколько ускорь свое теченье».

28 И длань мою взяв ласково рукой,

Сказал: «Пока достигнем той стремнины,

Чтоб менее смущался разум твой,

31 Узнай: не башни то, но исполины

Над кладезем возносят грозный стан,

Погружены по пояс в глубь пучины».

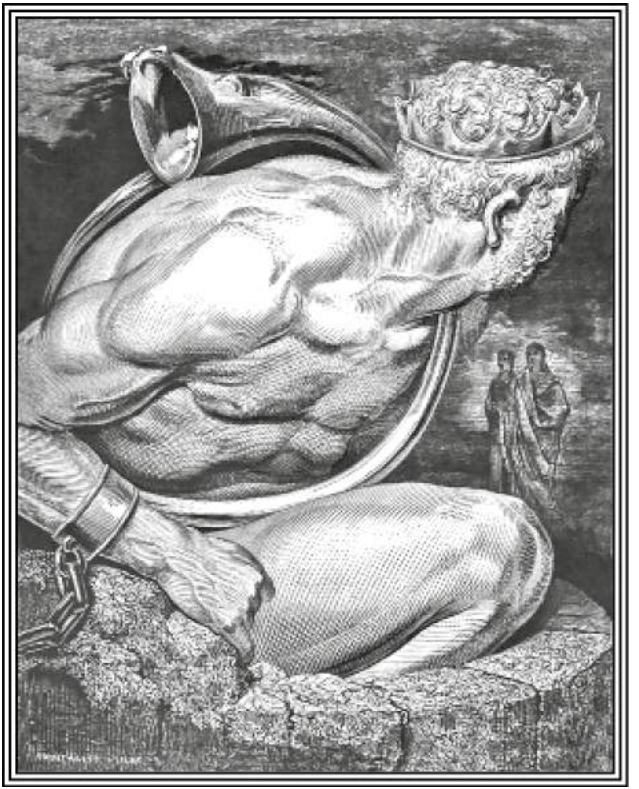
34 Как взор, когда рассеется туман,

Распознает предметы понемногу
Сквозь пар, которым воздух был за-
ткан, —

Так, подаваясь далее в дорогу
И взор вперяя в мрак густой, я вдруг
Прогнал мечту и в грудь вселил тре-
вогу.

Как на горе, занявши полный круг,
В венце бойниц стоит Монтереджи-
они:
Так высятся над кладезем вокруг,

Таясь до чресл в его глубоком лоне,
Гиганты, им же олимпийский бог
Еще грозит, когда гремит на троне.



Лик одного уж рассмотреть я мог,
Рамена, грудь, вдоль ребр висящи длани
И весь живот почти до самых ног

46 Лик одного уж рассмотреть я мог,
Рамена, грудь, вдоль ребр висящи длани
И весь живот почти до самых ног.

49 Пресекши род чудовищных созданий,
Природа, сколь была добра ты к нам,
Отняв столь лютых палачей у брани.

52 И если жизнь даруешь ты слонам
Или китам, то всяк с рассудком ясным
Поймет твою премудрость: ибо там,

55 Где злая воля связана с ужасным
Избытком сил, где разум зол и дик,
Там более защиты нет несчастным.

58 Огромен, толст казался страшный лик,
Как в Риме шар с гробницы Адриана,
И соразмерно с ним был рост велик.

61 От скал, служивших запоном[42] *для стана,*
На столько вверх вздымался призрак

---

[42] Примечания: 42
Запон *сущ. м. р.* — передник, фартук.

сей,

Что тщетно б три фригийца великана

64. Достичь пытались до его кудрей:

Пальм тридцать было до той части тела,

Где пряжкой плащ застегнут у людей.

67 «Mai amech zabi almi rafela!»

Тут завопила бешеная пасть,

Что никогда иных псалмов не пела.

70 Но вождь: «Глупец! твоя ничтожна власть;

Возмись за рог и речью непонятной

Излей свой гнев, или другую страсть.

73 Сыщи ремень у выи, дух развратный!

Помешанный! на нем твой рог висит;

Смотри, вот он у гру́ди необъятной».

76 И мне потом: «Он сам себя винит;

Он был причиной, он — Немврод ужасный,

Что мир наречьем разным говорит.

79 Оставь его; с ним говорить напрасно:
Как для него невнятна речь людей,
Так и его наречье всем неясно».

82 Тут мы пошли и встретили левей,
На перелет стрелы из самострела,
Другую тень огромней и страшней.
85 Не знаю, кто сковал ее так смело;
Но спереди на шуйцу ей легла,
А на руку десную сзади тела

88 Стальная цепь, которая была
Протянута от плеч до края бездны
И тень пять раз спиралью обвила.

91 «Надменный сей, потрясший своды звездны,
Дерзнул вступить с державным Зевсом в брань, —
Сказал поэт, — здесь суд ему возмездный.

94 То Эфиальт, с богов сбиравший дань,
Когда гиганты их смутили спором;

Теперь вовек его недвижна длань».

97 А я: «Скажи, где Бриарей, в котором
Такая мощь? желал бы я, поэт,
Громадный рост его измерить взором».

То Эфиальт, с богов сбиравший дань,
Когда гиганты их смутили спором;
Теперь вовек его недвижна длань

100 «Вблизи от нас Антей, — он мне в ответ. —
Он говорит и не закован в цепи;
Он впустит нас в пучину лютых бед.

103 Но Бриарей там далее в вертепе:
Он столь же дик и скован навсегда,
Но страшный вид его еще свирепей».

106 С подобным треском башню никогда
Не рушила землетрясенья сила,
С каким потрясся Эфиальт тогда.

109 О! никогда так смерть мне не грозила,
И если б я не зрел на нем цепей —
Одна боязнь меня бы умертвила.

112 Тогда пошли мы дальше, где Антей
Из пропасти поднял чело в гордыне,
До головы имея пять локтей.

115 «О ты, губитель львов на той долине,

Где Сципион такую честь стяжал,
А враг его бежал вослед дружине!

118 О! если б ты с гигантами бросал,
Как с братьями, на небо гром оружий,
То, верно б, рок победой вас венчал,

121 Сыны земли, воинственные му́жи!
В труд не вмени нас опустить в тот край,
Где весь Коцит оледенел от стужи.

124 Идти к Тифею нас не принуждай,
Тебе за все воздать мой спутник может;
О! наклонись и глаз не отвращай.

127 Твою он славу в мире том умножит:
Он жив и ждет жизнь долгую себе,
Коль ранний срок ей Благость не положит».

130 Так вождь молил и, вняв его мольбе,
Антей огромные раздвиг объятья,

Которых мощь Алкид познал в борьбе.

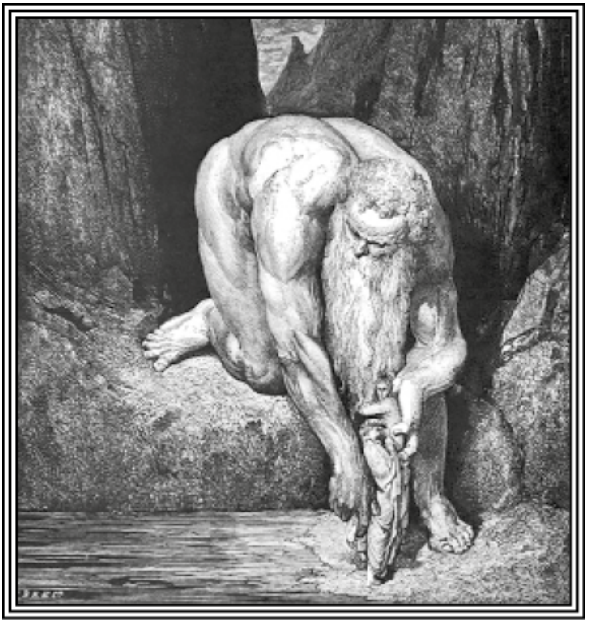
133 «Скорей ко мне, чтоб мог тебя обнять я!» —
Вскричал поэт, когда был схвачен им;
И мы друг друга обняли как братья.

136 Как Карисейда, — если взор вперим
На склон ее, когда над ней промчится
Тень облака, — склоняется пред ним,

139 Так он спешил всем телом наклониться,
И в ужасе в ту бездну в хлад и мрак
Иным путем желал бы я спуститься.

142 Он нас спустил туда, где вечный враг
С Иудой стынет в бездне подземельной,
И, наклонен, сам не остался так,

145 Но вдруг поднялся мачтой корабельной.



Он нас спустил туда, где вечный враг
С Иудой стынет в бездне подземельной

Песнь XXXII

Содержание. *Данте призывает муз на помощь, приступая к изображению средоточия вселенной, последнего девятого круга, этого краеугольного камня ада, где наказуется величайший грех — измены, и где в вечных льдах Коцита погружен Люцифер, родоначальник греха. Дно этой бездны представляет огромное замерзшее озеро, образованное рекою Коцитом; оно состоит из четырех отделений: Каины, где казнятся изменники родственникам; Антеноры, заключающей в себе изменников отечеству и граду; Птоломей — изменников друзьям и Джиудекки — изменников благодетелям и Богу. — Данте вступает в Каину и видит тени изменников, замерзшие до ланит, где зеркало стыда: все они поникли головами; они плачут, но слезы замерзают между веками. Тут видит он тени двух братьев из фамилии Альберти да Мангони: они погружены в озеро так близко один к другому, что волосы перепутались на их головах. Другой изменник, Камиччион де Падзи, предательски называет ему как этих, так и многих других грешников — своих товарищей и предсказывает скорое прибытие Карифио, еще*

живого во время замогильного странствования поэта. — Затем путники вступают во второе отделение этого круга — Антенору, проходя между головами грешников, Данте нечаянно ударяет ногою в лоб одного из них; грешник горько жалуется, но не хочет сказать своего имени: тогда Данте, выведенный из терпения его упорством, вырывает с головы его волосы. В это время, другой грешник выдает упорного изменника, назвав его по имени Боккой. Выданный изменник, в отмщение, называет Данту как этого, так и многих других предателей. — Наконец, на рубеже Антеноры и следующего отделения — Птоломей, Данте видит двух грешников, замерзших в одной яме: один из них грызет голову другого. Поэт вопрошает грызущего о причине такой ненависти, обещаясь в случае его правоты пересказать о нем на земле.

1 Будь стих мой груб, будь рифмы хриплы, дики,

Приличие проклятой бездне сей,

Всех прочих скал несущей гнет великий, —

4 Из дум моих я б выжал сок полней;

Но где стихи, чтоб выразить ту яму,

И кто без страха вымолвит о ней?

7 Да будет же тот вечно предам сраму,
Кто б вздумал дно вселенной описать
На языке, зовущем папу, маму.

10 Но да послужат девы мне опять,
Помогшие певцу воздвигнуть Фивы,
Чтоб истину мог стих мой передать!

13 О чернь! о род пред всеми злочестивый!
И вспомнить страшно, где гнездишься ты!
О лучше, если б родились зверьми вы!

16 Когда гигант вглубь вечной темноты
К ногам своим спустил нас из объятий
И я еще взирал на высоты, —

19 Вдруг, возле нас, раздался крик проклятий:
«Гляди же под ноги и так пятой
Не попирай голов несчастных братий!»

22 И, обратясь, узрел я пред собой
Дно озера, которое с кристаллом
Имело больше сходства, чем с водой.

И, обратясь, узрел я пред собой
Дно озера, которое с кристаллом
Имело больше сходства, чем с водой

25 Сам Танаис в стремленьи одичалом,
Иль в Австрии Дунай среди снегов
Не отягчен столь толстым покрывалом,

28 Как здесь Коцит; и пусть в сей мрачный ров
Вдруг с Пьетропаной Таверник свали́тся, —
Не затрещит под ними лед с краев.

31 И как лягушка, квакая, стремится
Из лужи мордой в те часы, когда
Колосьев сбор порой крестьянке снится:

34 Так до ланит, где зеркало стыда,
Замерзли тени, щелкая зубами,
Как аисты, и посинев средь льда,

37 Все грешники поникли головами;
Скорбь их сердец является в очах,
О холоде твердят они устами.

40 Я вниз взглянул и под собой в ногах
Увидел двух, которых льды так смяли,
Что кудри спутались на их главах.

43 «Скажите, вы, что грудь так с грудью сжали, —
Спросил я: — кто вы?» — И на мой во-

прос,

Закинув выи, взор они подняли.

46 Из глаз, когда-то влажных, капли слез

До самых губ они струили оба,

И новым льдом им губы сжал мороз:

49 Так плотно брусьев не скрепляет ско́ба!

Они же лбами грянулись сильней,

Чем два козла: так их объяла злоба.

52 И вот один, лишившийся ушей

От холода, лицом прильнувши к льдине,

Сказал: «Зачем глазеешь на теней?

55 Или хочешь знать, кто эти два? в долине,

Где с гор бежит Бизенцио ручьем,

Отец их, Альберт, с ними жил доныне.

58 Они два брата: обойди кругом

Каину всю, не встретишь пред собою,

Кто б с большим правом стынул подо

льдом:

61 Ни тот, чью грудь и тень своей рукою
Пронзил Артур, ни же́ Фокаччья сам,
Ни даже сей, который головою

64 Мешает вдаль смотреть моим очам, —
Предатель Сассоль: если ты Тосканец,
То ты о нем слыхал конечно там.

67 Но чтоб скорей нам кончить, чужестранец,
Узнай: я Падзи; я Карлино жду,
Пред чьим грехом мой грех утратит глянец».

70 Потом я зрел тьму песьих лиц во льду,
И я дрожал и ввек дрожать я буду,
Лишь вечный лед на память приведу.

73 Пока мы шли к средине, где отвсюду
Стремится тяжесть к центру своему,
И с трепетом я зрел льдяную груду, —

76 Судил ли рок, иль случай вел к тому,

Не знаю, но, идя меж черепами,

Ногой я в лоб ударил одному.

79 «За что ж ты бьешь? — вскричал он со слезами. —

Коль не пришел ты месть усугубить

За Монт Аперти, что гнетешь ногами?»

82 А я: «О вождь! позволь мне здесь побыть,

Чтоб выведать, кто этот грешник новый?

Потом веди, как хочешь, мне спешить».

85 Учитель стал; а я направил слово

К тому, которые мне еще грозил:

«Скажи, кто ты, хулитель мой суровый?»

88 «А кто ты сам? — мне грешник возразил. —

Ты в Антеноре так разишь нам лица,

Что и живой не так бы поразил».

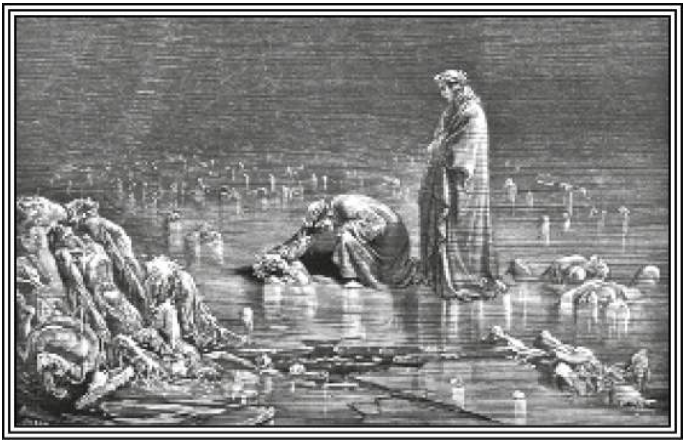
91 «Я жив и, выйдя из льдяной темницы, —
Был моя ответ, — я и тебя включу,
Коль славы ждешь, к другим в свои страницы».

94 А он на то: «Противного хочу;
Прочь от меня! не досаждай мне доле:
В сей пропасти за десть[43] *я не плачу».*

97 «О! если так, ответишь по неволе, —
Вскричал я, в выю уцепясь ногтьми, —
Иль волоска я не оставлю боле!»

[43] Примечания: 43

Десть (*от перс.* daste — рука, горсть) — русская единица счёта писчей бумаги, равная 24 листам бумаги. Использовалась до введения метрической системы.



«О! если так, ответишь по неволе», —
Вскричал я, в выю уцепясь ногтьми

100 А он: «Пожалуй, все себе возьми;
Но не скажу, кто я, я не открою,
Хоть бей меня, хоть череп проломи».

103 Уж в волосы вцепился я рукою
И много косм с изменника сорвал,
А он завыл с пониклой головою;

106 Вдруг слышу вопль: «Что, Бокка, закричал?
Аль челюстью стучать не надоело,

Что лаешь так? кой черт к тебе пристал?»

109 «Молчи ж, — я рек, — изменник закоснелый!

Тебе упорство не могло помочь:

Позор твой в мире возвещу я смело».

112 «Болтай, что хочешь, убираясь прочь,

Но и о том, что так язык торопит,

Не умолчи, покинув адску ночь.

115 О золоте французов здесь он во́пит;

Скажи: Дуеру видел я во рву

На холодке, где бес измену топит.

118 С ним и других тебе я назову:

Вот Беккерия близ тебя, сложивший

В Флоренции под топором главу.

121 Там, думаю, дель Сольданьер, застывший

С злым Ганнелоном; дале — Трибальдел,

В Фаэнцу ночью двери отворивший...»

124 Мы прочь пошли, и в яме я узрел
Двоих замерзших так, что покрывает
Глава главу — мучения предел!

127 И как голодный жадно хлеб съедает,
Так верхний зубы в нижнего вонзал
У выи там, где в череп мозг вступает.

И как голодный жадно хлеб съедает,
Так верхний зубы в нижнего вонзал

130 Как Меналипповы виски глодал
Тидей, безумным ослеплен раздором, —
Так этот грешник череп раздирал.

133 «О ты, который с столь свирепым взором
Грызешь главу соседу своему,
Скажи, за что, — спросил я, — с уговором,

136 Что если ты по праву мстишь ему,
То я, узнав о вас, о вашей доле,
Предам его позорному клейму,

139 Коль не отсохнет мой язык дотоле».

Песнь XXXIII

Содержание. *Подняв голову и отерев уста о волосы нагрызенной головы, грешник повествует Данту, что он, граф Уголино, вместе с детьми и внуками, предательски был схвачен архиепископом Руджиери, голову которого он теперь грызет, посажен в тюрьму и в ней уморен голодом. Данте, по окончании страшного рассказа изливается в сильной речи против Пизы, родины графа, и за тем, покинув грешника, вступает за Виргилием в третье отделение девятого круга — Птоломею, где совершается казнь над предателями друзей своих. Они обращены лицом кверху, вечно плачут, но слезы тотчас замерзают перед их глазами, и скорбь, не находя исхода из глаз, с удвоенным бременем упадает им на сердце. Один из этих предателей, монах Альбериго, умоляет Данте снять с него куски замерзших слез: поэт обещается и тем заставляет грешника открыть свое имя; при этом, грешник объявляет ему, что Птоломея имеет то преимущество перед другими местами ада, что души изменников упадают в нее прежде, чем кончится срок их жизни, и в пример приводит душу своего соседа по муке Бранки*

д'Ория. Не исполнив обещания, Данте удаляется от грешника, кончая песнь сильным порицанием жителей Генуи.

1 Уста подъял от мерзостного брашна[44]

Сей грешник, кровь отер с них по власам

Главы, им в тыл изгрызенной так страшно,

4 И начал он: «Ты хочешь, чтоб я сам

Раскрыл ту скорбь, что грудь томит как бремя,

Лишь вспомню то, о чем я передам.

7 Но коль слова мои должны быть семя,

Чтоб плод его злодею в срам возник, —

И речь, и плач услышишь в то же время.

10 Не знаю, кто ты, как сюда проник,

Но убежден, что слышу гражданина

Флоренции: так звучен твой язык!

---

[44] Примечания: 44

Бра́шно. *устар.* — еда, пища; угощение.

13 Ты должен знать, что граф я Уголино,
А он — архиепископ Руджиер,
И посему сосед мой, вот причина.

16 Не говорю, как в силу подлых мер
Доверчиво я вдался в обольщенье
И как сгубил меня он, лицемер.

19 Но, выслушав, рассей свое сомненье,
О том, как страшно я окончил дни;
Потом суди: то было ль оскорбленье!

22 Печальное отверстье западни —
По мне ей имя Башня Глада стало:
Погибли в муках в ней не мы одни!

25 Семь раз луны рожденье мне являло
Сквозь щель свою, как вдруг зловещий сон
С грядущего сорвал мне покрывало.

28 Приснилось мне: как вождь охоты, он
Гнал волка и волчат к горе, которой

Для Пизы вид на Лукку загражден.

31 Со стаей псиц, голодной, чуткой, скорой,
Гваланд, Сисмонди и Ланфранк неслись
Пред бешеным ловцом, в погони скорой.

34 По малой гонке — мне потом приснись —
Отец с детьми попал усталый в сети
И псы клыками в ребра им впились.

37 Проснулся я и слышу на рассвете:
Мучительным встревоженные сном,
Рыдая громко, просят хлеба дети.

40 Жесток же ты, когда уж мысль о том,
Что мне грозило, в скорбь тебя не вводит!
Не плачешь здесь — ты плакал ли о ком?

43 Уж мы проснулись; вот и час приходит,
Когда нам в башню приносили хлеб,
Но страшный сон в сомненье всех при-

водит.

46 Вдруг слышу: сверху забивают склеп
Ужасной башни! Я взглянул с тоскою
В лицо детей, безмолвен и свиреп.

49 Не плакал я, окаменев душою;
Они ж рыдали, и Ансельмий мой:
«Что смотришь так, отец мой? что с тобою?»

52 Я не рыдал, молчал я как немой
Весь день, всю ночь, доколе свет денницы[45]
Не проблеснул на тверди голубой.

55 Чуть слабый луч проник во мглу темницы, —
Свое лицо, ужасное от мук,
Я вмиг узнал, узрев их страшны лица,

58 И укусил я с горя пальцы рук;
Они ж, мечтав, что голода терзанье

---

[45] Примечания: 45

Денни́ца (*здесь*) — утренняя звезда, заря; в другом значении — люцифер, одно из имен дьявола.

Меня томит, сказали, вставши вдруг:

«Отец! насыться нами: тем страданье
Нам утолив; одев детей своих
В плоть бедную, сними с них одеянье.»

Я горе скрыл, чтоб вновь не мучить их;
Два дня молчали мы в темнице мертвой:
Что ж не разверзлась, мать-земля, в тот миг!

Но только день лишь наступил четвертый,
Мой Гаддо пал к ногам моим, стеня:
«Да помоги ж, отец мой!» — и, простертый,

Мой Гаддо пал к ногам моим, стеня:
«Да помоги ж, отец мой!»

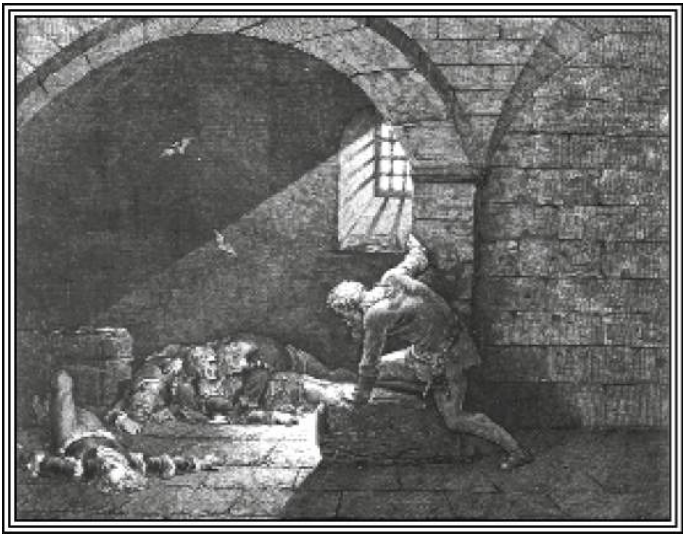
70 Тут умер он, и как ты зришь меня,
Так видел я: все друг за другом вскоре
От пятого и до шестого дня

73 Попадали. Ослепнув, на просторе
Бродил я три́ дни, мертвых звал детей…
Потом… но голод был сильней, чем горе!» —

Сказав, схватил с сверканием очей
Несчастный череп острыми зубами,
Что, как у пса окрепли для костей.

О Пиза! срам пред всеми племенами
Прекрасных стран, где сладко si звучит!
Когда сосед не мстит тебе громами,

То пусть Капрайя двинет свой гранит,
Чтоб устье Арно грудой скал заставить,
И всех граждáн волнами истребит!



Бродил я три́ дни, мертвых звал детей…

85 Коль Уголин себя мог обесславить
Позорной сдачей стен твоих врагам,
За что ж на казнь с ним и детей оставить?

88 Век новых Фив! уж по своим летам
Невинны были Угуччьон с Бригатой
И те, которых на́звал грешник вам.

91 Мы прочь пошли туда, где, весь объ-
ятый
Тяжелым льдом, лежит не вверх спи-
ной,
Но опрокинут навзничь род прокля-
тый.

94 У них слеза задержана слезой,
И скорбь, прегpаду встретив пред оча-
ми,
Стремится внутрь с удвоенной тос-
кой:

97 Затем, что слезы смерзлись в них
кусками
И, как забралом из кристалла, льдом
Наполнили глазницы под бровями.

100 Хотя в сей миг в вертепе ледяном
Все чувства холод истребил в мгнове-
нье,
Как бы в мозоли, на лице моем,

103 Однако ж я почуял дуновенье
И рек: «О вождь! кто ветр вздымает
к нам?

Не всякое ль тут стынет испаренье?»

106 А вождь в ответ: «Сейчас ты будешь там,
Где бури сей исток первоначальный:
Тогда вопрос твой разрешится сам».

109 И вот, один из мерзлых, дух печальный
Вскричал во льду: «О души злых теней, —
Столь злых, что край сужден вам самый дальний!

112 Снимите твердый мой покров с очей,
Чтоб мог излить из сердца я кручину,
Пока опять замерзнет слез ручей».

115 А я: «Коль хочешь, чтоб я сбросил льдину,
Скажи: кто ты? и пусть сойду в сей миг
К льдяному дну, коль уз с тебя не скину».

118 И он тогда: «Монах я Альбериг!

В глухом саду я прозябал в злом теле:
Здесь финики вкушаю вместо фиг».

121 «Как! — я вскричал. — Ты умер в самом деле?»
А он в ответ: «Что с плотию моей
Там на земле, не ведаю доселе.

124 Та выгода быть в Птоломее сей,
Что часто шлет к ней души рок суровый,
Хотя б им Парка не пресе́кла дней.

127 Но чтоб охотней сбросил ты оковы
Остекленевших слез с моих ланит,
Узнай: едва душа составит ковы,

130 Как сделал я, — уж в тело в ней спешит
Вселиться бес и телом управляет,
Доколь она срок жизни совершит.

133 Душа меж тем в сей кладезь упадает
И, может быть, жив телом и под-

несь[46]

Тот дух, что здесь за мною холодает.

136 Его ты знал, коль ты недавно здесь:

То Бранка д'Ориа; он в стране проклятья

Уж много лет, как льдом окован весь».

139 А я ему: «Могу ли доверять я?

Ведь д'Ориа еще не умирал:

Он ест и пьет и спит и носит платья».

142 «К Злым Лапам в ров, — монах мне отвечал, —

Где липкая смола вздымает пену,

Еще Микеле Цанке не бывал,

145. Как в тело Бранки бес вступил на смену

И в хитрого племянника его,

С которым вместе он свершил измену.

148 Простри ж персты и с лика моего

Сними кристалл». — Но я его оставил,

---

[46] Примечания: 46
Поднесь — по сей день, до сих пор.

Почтя за счастье обмануть его.

151 О Генуезцы, род без всяких правил!
Род полный лжи, предательский и злой, —
Когда б Господь ваш мир от вас избавил!

154 С подлейшею романскою душой
Я зрел из вас такого, что за дело,
Как дух, в Коците стынет под волной,

157 Хоть, кажется, и здравствует как тело.

Песнь XXXIV

Содержание. *Наконец поэты вступают в последний четвертый отдел девятого круга — в Джиудекку, названную так по имени Иуды Искариотского; здесь совершается казнь над величайшими грешниками — изменниками своим благодетелям и Богу. В различных положениях совершенно затертые льдом, они просвечивают как пузырьки в стекле. Виргилий указывает Данту на творение, имевшее когда-то прекрасный лик — на Люцифера, который в сумраке воздуха представляется поэту вдали как мельница, движущая крыльями. Сильный ветер заставляет Данта укрыться за Виргилием. Меж тем гигантский образ Люцифера становится явственнее: он до полугруди восстает над ледяной пещерой; на голове его три лица: красное, черное и бледно-желтое, и под каждым лицом по паре крыл бесперых как у нетопыря: из-под них дуют три ветра и замораживают Коцит. В каждой пасти у него по грешнику: в красной Иуда, в черной Брут, в бледно-желтой Кассий. — Наступает ночь, и поэты, обозрев преисподнюю, готовятся к выходу из ада. Данте обхватывает руками шею Виргилия*

и в ту минуту, когда распахнулись крылья Люцифера, Виргилий хватается за шерсть его тела: таким образом, он спускается сверху вниз до бедр чудовища. Достигнув этой точки, соответствующей центру земли и вселенной, Виргилий опрокидывается головою туда, где были его ноги, и отсюда как от центра тяжести начинает восходить снизу вверх к другому полушарию, хватаясь за клочья шерсти чудовища и идя по ним как по лестнице. Выйдя сквозь отверстие скал в цилиндрический узкий ход, ведущий на южное полушарие, Виргилий сажает ученика на уступ скалы; Данте поднимает очи и с изумлением видит ноги Люцифера, поднятые к верху. Виргилий объясняет ему это явление, а вместе с тем излагает космологию земного шара, замечая, что солнце уже взошло. Потом начинают они свое восхождение к южному полушарию по направлению потока, бегущего по цилиндрическому подземному ходу спирально в ад и оглушающего этот ход своим ропотом. Наконец, Данте видит сквозь круглое отверстие бездны прекрасные светила, украшающие небо, и пред рассветом выходит к подножию горы Чистилища и созерцает звезды.

1 «Vexilla regis prodeunt inferni

На встречу к нам! — сказал учитель мой, —

Направь же взор к сему сквозь мрак вечерний».

4 Как в час, когда ваш мир задернут мглой,

Являются в дали туманной взору

Размахи крыльев мельницы большой:

7 Такое зданье я узрел в ту пору.

Тогда я стал, от ветра, за вождем,

Затем, что в нем имел одну опору,

10 Страшусь сказать: я был уж там, где льдом

Со всех сторон затерты духи злые,

Как пузырьки мелькая под стеклом.

13 Лежат одни, приподняты другие;

Кто вниз ногами, кто главой поник;

Кто, согнут в лук, прижат ногами к вые.

16 Как скоро вождь в те области проник,

Где он желал мне указать творенье,

Имевшее когда-то дивный лик, —

19 Стать пред собой он дал мне повеленье,

Сказав: «Бог Дис[47] *и вот страна, где вновь*

Вооружись отвагой на мгновенье».

22 Как я немел, как леденела кровь,

Тебе, читатель, я сказать не в силах:

То выразить ни чьих не станет слов.

25 Не умер я, но жизнь застыла в жилах:

Вообрази ж, чем в ужасе я стал,

И жизнь, и смерть, утратив в сих могилах.

28 Владыка царства вечных слез возстал

До полугруди над льдяной пещерой,

И пред гигантом я не так был мал,

31 Как мал гигант пред дланью Люцифера:

---

[47] Примечания: 47
Дис — Люцифер (см. прим. А., VIII, 67–68)

Представь же сам, каков был рост его,

Коль члены в нем столь страшного размера.

Владыка царства вечных слез возстал
До полугруди над льдяной пещерой

34 И если он, восстав на своего

Творца, тем гнусен стал, как был прекрасен,

То он отец конечно зла всего.

37 О, дивный вид! как был мне Дис ужасен,
Когда узрел я три лица на нем:
Один передний — был как пламя красен;

40 Другие ж два сливались с тем лицом
В средине плеч и, сросшись у вершины,
Вздымались гребнем над его челом.

43 Был бледно-желт лик правой половины;
Но тот, что слева, цвет имел людей,
Живущих там, где Нил падет в долины.

46 Шесть грозных крыл, приличных птице сей,
Под каждым ликом по два выходили:
Таких ветрил не зрел я средь морей!

49 Бесперые, на крылья походили
Нетопыря: так ими он махал,
Что из-под них три ветра бурей выли,

52 Коцит же весь от стужи замерзал.

Шестью очами плакал он и током
Кровавых слез три груди орошал

55 Как мялами,[48] *он в каждом рте глубоком*
Дробил в зубах по грешнику, зараз
Казня троих в мучении жестоком.

58 Но мощь зубов переднему сто раз
Сноснее лап, которыми по коже
Снятой его он проводил подчас.

61 И вождь сказал: «Вон тот, казнимый строже,
С главой внутри, с ногами из зубов, —
Искариот на раскаленном ложе!

61 Из двух других висящих вниз духов —
Вот Брут торчит главой из пасти темной:
Смотри, как там крутится он, без слов!

67 А тот плечистый — Кассий веро-

---

[48] Примечания: 48
Мяла, от *гл.* мять — пест (для растирания пищевых продуктов)

ломный.

Но сходит ночь: уже пора нам в путь;
Все видели мы в бездне сей огромной».

70 Он мне велел припасть к нему на грудь
И, выждав миг, чтоб распахнулись крылья,
К косматым ребрам поспешил прильнуть.

73 И вслед за тем, усугубив усилья,
По клочьям шерсти и коре льдяной,
Как с лестницы, спускалась тень Вергилья.

76 Когда же мы достигли точки той,
Где толща чресл вращает бедр громаду, —
Вождь опрокинулся туда главой,

79 Где он стоял ногами, и по гаду,
За шерсть цепляясь, стал всходить в жерло́:
Я думал, вновь он возвращался к аду.

82 «Держись, мой сын! — сказал он,

тяжело
Переводя свой дух от утомленья. —
Вот путь, которым мы покинем зло».

85 Тут в щель скалы пролез он, на каменья
Меня ссадил у бездны и в виду
Стал предо мною полн благоволенья.

88 Я поднял взор и думал, что найду,
Как прежде, Диса; но увидел ноги,
Стопами вверх поднятые во льду.

91 Как изумился я тогда в тревоге,
Пусть судит чернь, которая не зрит,
Какую грань я миновал в дороге.

94 «Встань на ноги, — заговорил пиит, —
Наш дальний путь тяжел и дня светило
Уж третий час как на небе горит».

97 Не во дворце идти нам должно было,
Но под землей в естественной тюрьме,

Где рыхло дно, где солнце не светило».

100 «Пока в сей бездне мы идем во тьме, —
Сказал я, встав, — премудрыми речами
Свет истины разлей в моем уме.

103 Скажи, где лед? как погружен ногами
Вверх Люцифер? как к у́тру царь планет
В столь краткий срок достиг уже над нами?»

106 «Ты думаешь, — учитель мне в ответ, —
Что ты еще за центром, где вцепился
Я в шерсть червя, что точить целый свет?

109 Ты был за ним, пока я вниз стремился;
Когда ж всходил я, центр ты миновал,
Куда весь груз отсюда устремился.

112 И ты теперь под эмисферой стал,
Напротив той, что облеклась когда-то

Великой сушей, где на выси скал

115 Был ра́спят Тот, кто жил и умер свято.

Ты здесь стоишь на сфере небольшой —

Другим лицом Джудекки, льдом объ-

ятой.

118 В стране сей день, как скоро ночь на той;

А тот, чья шерсть нам лестницей слу-

жила,

Как я сперва, повергнут вниз главой.

121 Сюда он пал пред громом Михаила,

И та земля, что прежде здесь была,

От ужаса свой лик под морем скрыла

124 И к эмисфере нашей отошла;

А часть земли из бездны сокровенной

Над ним в испуге гору вознесла».

127 Есть ход в земле, настолько удаленный

От Вельзевула, сколько ад глубок.

Незримый, в нем журчит во мгле сгу-

щенной

Сквозь щель скалы бегущий ручеек:

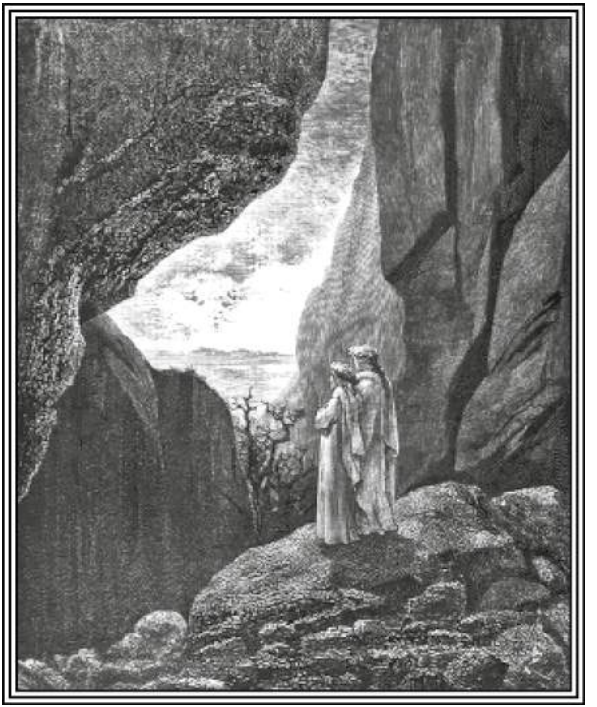
Прорыв скалу извивистой волною,

Он в бездну мчит по склону бурный ток.

Мой вождь и я сей тайною тропою

Спешили снова выйти в Божий свет

И, не предавшись ни на миг покою,



Пока узрел я в круглый выход бездны

136 Взбирались вверх: он первый, я вослед,

Пока узрел я в круглый выход бездны

Лазурь небес и дивный блеск планет.

139 И вышли мы, да у́зрим своды звездны.

Чистилище
(перевел с итальянского размером подлинника Дмитрий Мин)

Песнь I

Воззвание к музам. — Четыре звезды. — Катон.

1 Готовый плыть по волнам с меньшей смутой,
Поднял свой парус челн души моей,
Вдали покинув океан столь лютый,

4 И буду петь о той стране теней,
Где очищается душа чрез звуки,
Чтоб вознестись в небесный эмпирей.

7 Восстаньте же здесь, мертвой песни звуки:
Я ваш певец, о хор небесных дев!
Возьми цевницу,[49] *Каллиопа, в руки*

10 И слей с моею песнью тот напев,
Пред коим смолкла дев безумных лира,
В вас пробудившая бессмертный гнев! —

---

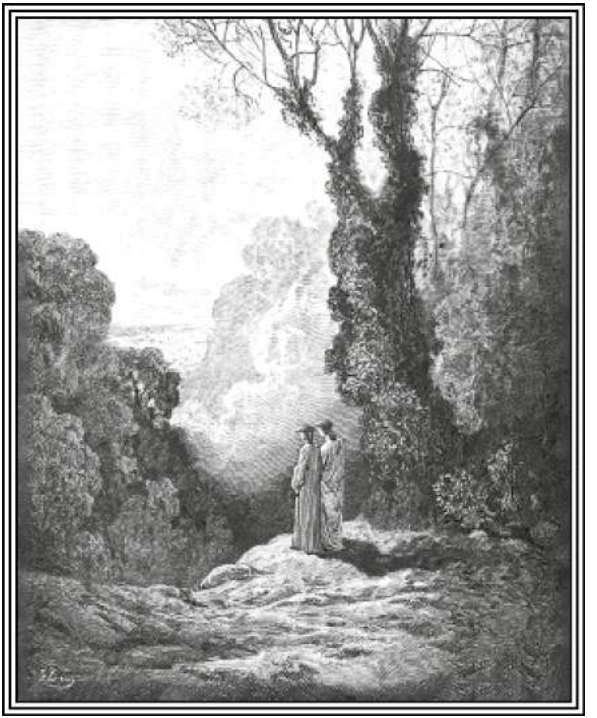
[49] Примечания: 49

Цевни́ца, *сущ. неод. ж. р.* (устар., поэт.) — старинный пастушеский многоствольный духовой музыкальный инструмент типа флейты Пана, а также любой другой инструмент этого типа.

13 Цвет сладостный восточного сапфира,
Разлившийся в воздушной стороне
До сферы первой чистого эфира,

16 Восторгом взор мой упоил вполне,
Лишь вышел я вслед по стопам поэта
Из адских бездн, так грудь стеснивших мне.

19 Звезда любви, прекрасная планета,
Во весь восток струила блеск с высот,
Созвездье Рыб затмив улыбкой света.



Взглянув направо, созерцал я свод
Иных небес…

22 Взглянув направо, созерцал я свод
Иных небес и видел в нем четыре
Звезды, чей блеск лишь первый видел

род.

25 Играл, казалось, пламень их в эфире.
О, как ты беден, север наш, с тех пор,
Как блеска их уж мы не видим в мире!

28 Едва от звезд отвел я жадный взор
И к северу опять направил очи,
Где уж исчез Медведиц звездный хор, —

31 Вот — одинокий старец в мраке ночи
С таким в лице величьем, что сыны
Не больше чтут священный образ отчий.

34 Брада до чресл, сребрясь от седины,
Подобилась кудрям его, спадавшим
С его главы на грудь, как две волны.

37 Так озарен был лик огнем пылавшим
Святых тех звезд, что для моих очей
Он показался солнцем просиявшим.

40 «Кто вы? и как чрез мертвый вы

ручей
Из тюрьм бежали вечной злой кручины? —
Он рек, колебля шелк своих кудрей. —

43 Кто вас привел? кто осветил пучины,
Когда вы шли из адской ночи вон,
Навек затмившей страшные долины?

46 Ужели ж так нарушен бездн закон?
Иль сам Господь решил в совете новом,
Чтоб шел в мой грот и тот, кто осужден?»

49 Тогда мой вождь и взорами, и словом
Мне подал знак потупить очи в дол,
Склонить колена пред лицом суровым,

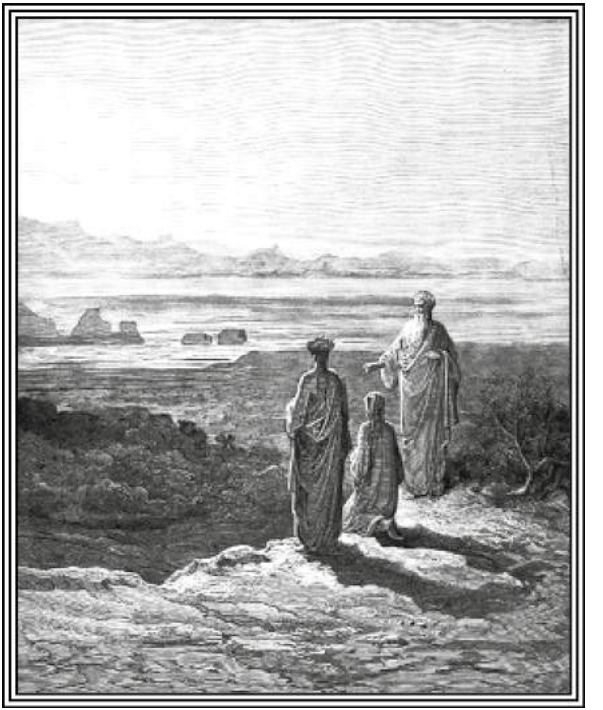
52 Сказав ему: «Неволей я пришел!
Жена с небес явилась мне в юдоли,
Моля спасти его в пучине зол.

55 Но если ты желаешь, чтоб я боле

Открыл тебе, что нам дано в удел, —
Я отказать твоей не властен воле.

58 Последней ночи он еще не зрел,
Но так к ней близок был своей виною,
Что обратиться вспять едва успел.

61 Как я сказал, был послан я Женою
Спасти его, и не было иных
Путей, как тот, где он идет за мною.



Тогда мой вождь и взорами, и словом
Мне подал знак потупить очи в дол,
Склонить колена пред лицом суровым

64 Я показал ему все казни злых
И показать теперь хочу то племя,

Что очищается в грехах своих.

67 Как шел я с ним, рассказывать не время;
Небесной силой осенен был я,
Тех подвигов мне облегчившей бремя.

70 Дозволь ему войти в твои края!
Свободы ищет он, которой цену
Лишь знает тот, кто умер за нее.

73 Ты знал ее, принявший ей в замену
Смерть в Утике, где сбросил прах одежд,
Чтоб просиять в день судный. Не из плену

76 Бежали мы! Смерть не смыкала вежд
Ему, и в ад Минос меня не гонит.
Я из страны, где в горе, без надежд,

79 Тень Марции твоей поныне стонет
Все по тебе; о, старец пресвятой!
Ее любовь пусть к нам тебя преклонит.

82 Семь царств твоих пройти нас удостой!
Весть о тебе я к ней снесу вглубь ада,
Коль ад достоин почести такой».

85 «Мне Марция была очей отрада,
И в жизни той, — он провещал в ответ, —
Моя душа была служить ей рада.

88 Но ведь она в юдоли адских бед,
И ей внимать мне не велят законы,
Сложённые, как я покинул свет.

91 И если вас ведет чрез все препоны
Жена с небес, то льстить мне для чего?
Довольно мне подобной обороны.

94 Иди ж скорей и препояшь его
Осокой чистой и, омыв ланиты,
Всю копоть ада удали с него,

97 Чтоб спутник твой, туманом бездн повитый,
Не встретился с божественным по-

слом,

У райских врат сидящим для защиты.

100 Весь остров наш, как видишь ты, кругом

Внизу, где волны хлещут в берег зыбкий,

Порос по мягкой тине тростником,

103 Затем что всякий злак, не столько гибкий,

Не мог бы там у бурных волн расти

И выдержать с волнами вечной сшибки.

106 Оттоль сюда не должно вам идти;

Смотри! уж солнце позлатило волны:

Оно укажет, где вам путь найти».

109 Тут он исчез. И, вставши, я, безмолвный,

Приблизился к учителю и там

Вперил в него мой взор, смиренья полный.

112 И он мне: «Шествуй по моим сто-

пам!

Пойдем назад, куда долина горя

Склоняется к отлогим берегам».

115 Уже заря, со мглою ночи споря,

Гнала ее с небес, и я вдали

Уж мог заметить трепетанье моря.

118 Как путники, что, наконец, нашли

Путь истинный меж пройденными даром, —

Так мы безлюдной той долиной шли.

121 И под горой, где спорит с днéвным жаром

Роса и, скрытая под тенью гор,

Не вдруг пред солнцем улетает паром, —

124 Там обе руки тихо распростер

Учитель мой над многотравным дерном.

И я в слезах, потупя долу[50] *взор,*

---

[50] Примечания: 50

Дóлу *нареч.* (трад. — поэт.) — вниз, книзу.

127 Поник пред ним в смирении покорном;
Тут сбросил он с меня покровы мглы,
Навеяны на лик мой адским горном.

130 Потом сошли мы к морю со скалы,
Не зревшей ввек, чтоб кто по воле рока
Здесь рассекал в обратный путь валы.

133 Тут препоясал он меня осокой,
И вот, — о чудо! — только лишь рукой
Коснулся злака, как в мгновенье ока

136 На том же месте вырос злак другой.

Песнь II

Преддверие чистилища. — Ангел кормчий. — Казелла. — Катон.

Уже склонилось солнце с небосклона
На горизонт, его ж полдневный круг
Зенитом кроет верх горы Сиона.

И, против солнца обращаясь вкруг,
Из волн Гангеса вышла ночь с Весами, —
Чтоб, став длинней, их выронить из рук, —

Так что Авроры светлый лик пред нами
Из белого стал алым и потом
Оранжевым, состарившись с часами.

А мы всё были на брегу морском,
Как тот, кто, путь утратя в мире этом,
Душой парит, а сам всё в месте том;

И вдруг, как Марс, пред самым дня

рассветом,

На западе, на лоне синих вод,

Сквозь пар густой сверкает красным цветом, —

16 Так мне блеснул (о, да блеснет с высот

Он мне опять!) над морем свет столь скорый,

Что с ним сравнить нельзя и птиц полет.

19 Чтоб вопросить о нем, на миг я взоры

Отвел к вождю; потом взглянул и — се![51] —

Уж он возрос и стал светлей Авроры.

22 Со всех сторон над ним во всей красе

Белело нечто; с белого ж покрова

Вниз падал блеск, подобный полосе.

25 Еще мне вождь не отвечал ни слова,

---

[51] Примечания: 51
Се (устар., книжн., церк., поэт.) — то же, что вот.

Как верхний блеск уж принял образ крыл.

Тогда поэт, познав пловца святого, —

28 «Склони, склони колена! — возопил. —

Здесь ангел Божий! К сердцу длань! Отселе

Ты будешь зреть лишь слуг небесных сил.

31 Без ваших средств, смотри, как мчится к цели!

Наперекор всем веслам, парусам,

Парит на крыльях в дальнем сем пределе.

34 Смотри, как он вознес их к небесам!

Как режет воздух махом крыл нетленных!

Им не седеть, как вашим волосам!»

Тогда поэт, познав пловца святого, —
«Склони, склони колена! — возопил

37 Приблизясь к нам от граней отдаленных,

Пернатый Божий лучезарней стал,
Так что я глаз, сияньем ослепленных,

Не мог поднять. И к брегу он пристал
С ладьей столь быстрой, легкой, что нимало
Кристалл волны ее не поглощал.

Стоял небесный кормчий у причала;
В лице читалась благодать сама,
В ладье ж сто душ и боле восседало.

«In exitù Israel от ярма
Егúптян злых!» — все пели стройным хором,
И всё, что писано в стихах псалма.

Стоял небесный кормчий у причала

49 Их осенил крестом он с светлым взором;

Затем все вышли на берег, а он,

Как прилетел, так скрылся в беге скором.

52 Сонм пришлецóв был местностью смущен;
Очами вкруг искал он, где дорога,
Как тот, кто чем-то новым удивлен.

55 Со всех сторон из Солнцева чертога
Струился день и тучей метких стрел
Со средины неба гнал уж Козерога.

58 И новый сонм, как скоро нас узрел,
Поднявши взор, сказал нам: «Укажите,
Коль можете, путь в горний тот предел».

61 На что Виргилий: «Может быть, вы мните,
Что край знаком нам? Уверяю вас, —
В нас путников себе подобных зрите.

64 Сюда привел пред вами лишь за час
Нас путь иной, столь пагубный и лютый,
Что в гору лезть — теперь игра для

нас».

67 По моему дыханью в те минуты
Заметивши, что я еще живой,
Весь сонм теней вдруг побледнел от смуты.

70 И как к гонцу с оливой вестовой
Народ теснится, чтоб услышать вести,
Топча один другого в давке той:

73 Блаженные так духи те все вместе
Уставили свой взор мне прямо в лик,
Почти забыв о времени и месте.

76 Один из них ко мне всех больше ник,
Обнять меня так пламенно желая,
Что сделать то ж он и меня подвиг.

79 О, видная лишь взором тень пустая!
Три раза к ней я руки простирал,
К себе на грудь их трижды возвращая.

82 От дива лик мой, видно, бледен

стал,

Затем что тень с улыбкой отступила,

А я, гонясь, за нею поспешал.

85 «Спокойней будь!» — мне кротко возразила,

Тогда, узнав ее, я стал молить,

Чтоб не спеша со мной поговорила.

88 И дух в ответ: «Как я привык любить

Тебя, быв в теле, так люблю без тела.

И я стою. Тебе ж зачем здесь быть?»

91 «Казелла мой! чтоб вновь достичь предела,

Где я живу, — иду на эту круть;

Где ж ты, — сказал я, — медлил так, Казелла?»

94 А он на то: «Его в том воля будь!

Тот, кто берет, кого и как рассудит,

Пусть возбранял не раз сюда мне путь, —

97 Все ж воля в нем по Вечной Правде судит.

И подлинно, три месяца, как всех
Приемлет он, кто с миром в челн прибудет.

Так вот и я, став у поморий тех,
Где воды Тибра стали солью полны,
Был благостно им принят в челн утех, —

На устье том, где он парит чрез волны.
Затем что там сбирается все то,
Что не падет за Ахерон безмолвный».

«О! если у тебя не отнято
Искусство петь любовь с ее тревогой,
В которой слез мной столько пролито, —

Утешь, — сказал я, — дух мой хоть немного,
Затем что он, одетый в плоть и кровь,
Так утомлен им пройденной дорогой».

«В душе со мной беседуя, любовь...» —

Так сладостно он начал петь в то время,

Что сладость звуков будто слышу вновь.

115 Мой вождь, и я, и все святое племя,

Здесь бывшее, так были пленены,

Что всех забот, казалось, спало бремя.

118 Не двигаясь, внимания полны,

Мы слушали; как вдруг наш старец честный

Вскричал: «Что это, праздности сыны?

121 Что стали там вы в лени неуместной?

К горе бегите — сбить с себя гранит,

Вам не дающий видеть Лик небесный».

124 Как голубки, которых корм манит,

Сбираются в полях без опасенья,

Сложив с себя обычный гордый вид,

127 Но чем-нибудь испуганы, — в мгновенье

Бросают корм, затем что всех забот
Сильней теперь забота о спасенье:

130 Так, видел я, недавний здесь народ,
Покинув песнь, бежать пустился в горы,
Как без оглядки мчится трус вперед.

131 За ним и мы пошли, не меньше скоры.

Песнь III

Преддверие чистилища. — Души умерших под церковным отлучением. — Манфред, король Сицилии.

Лишь только бег внезапный по до-
лине
Рассыпал сонм, велев ему бежать
К горе, куда сам разум звал их ныне, —

Я к верному вождю примкнул
опять.
Да и куда б я без него помчался?
Кто мог бы путь мне в гору указать?

Он за себя, казалось мне, терзался:
О, совесть чистая! Как малый грех
Тебе велик и горек показался!

Когда ж поэт шагов умерил спех,
Мешающий величию движений, —
Мой дух, сначала скованный во всех

Мечтах своих, расширил круг
стремлений,

И обратил я взоры к высота́м,
Взносившим к небу грозные ступени.

16 Свет красный солнца, в тыл сиявший нам,
Был раздроблен моим изображеньем,
Найдя во мне отпор своим лучам.

19 И вбок взглянул я, мучим опасеньем,
Что я покинут, видя в стороне,
Что тень лишь я бросаю по каменьям.

22 И спутник мой, весь обратясь ко мне,
Сказал: «Опять сомненья? Следуй смело!
Не веришь ли, что я с тобой везде?

25 Уж вечер там, где плоть моя истлела, —
Та плоть, за коей тень бросал я вслед;
Брундузий взял, Неаполь скрыл то тело.

28 И если тени предо мною нет,
Тому должно́, как сферам тем, дивить-

ся.

Где из одной в другую льется свет.

31 Способность стыть, гореть, от мук томиться,

Телам подобным разум дал Того,

Кто скрыл от нас, как это все творится.

34 Безумен тот, кто мнит, что ум его

Постигнет вечности стези святые,

Где шествует в трех лицах Божество.

37 Доволен будь, род смертных, знаньем quia:

Ведь если б мог ты зреть пути Творца,

То для чего б Тебе родить, Мария?

40 И не бесплодно б чаяли сердца,

Когда б сбывались упованья тщетны,

Которыми томятся без конца

43 Платон, и Аристотель, и несметный

Сонм мудрецов...» — И, полн душевных смут,

Поник челом и смолк он, безответный.

46 Мы подошли меж тем к горе. Но тут
Нашли утес такой крутой, упорный,
Что крепость ног пытать здесь — тщетный труд.

49 Пустыннейший, труднейший путь нагорный
Между Турби́ей и Леричи был,
В сравненьи с этим, лестницей просторной.

52 «Кто знает то, — мой вождь проговорил.
Сдержав шаги, — каким горы откосом
Всходить здесь легче без пособья крыл?»

55 И вот, пока, весь занят тем вопросом,
Он глаз своих не подымал с земли,
А я блуждал очами над утесом, —

58 Увидел влево я от нас вдали
Толпу теней, к нам подвигавших ноги,

Но тихо так, что, кажется, не шли.

61 «Взор подыми, учитель, без тревоги;

Вон те, — сказал я, — нам дадут совет,

Уж если сам не знаешь ты дороги».

64 И, светлый взор подняв ко мне, поэт

Сказал: «Пойдем к ними; шаг их тих безмерно;

А ты, мой сын, питай надежды свет».

Увидел влево я от нас вдали
Толпу теней, к нам подвигавших ноги

67 Мы тысячу шагов прошли примерно,

А все еще их сонм от нас стоял

На перелет пращи из длани верной.

70 Когда ж они, к громадам твердых скал
Прижавшись, стали неподвижно, тесно,
Как тот стоит, кто в изумленье впал:

73 «Род избранный, погибший благочестно! —
Сказал Виргилий, — Умоляю вас
Тем миром, что вас ждет в стране небесной, —

76 Куда, скажите, склоном подалась
Гора, где можно лезть на те громады?
Ведь всем узнавшим дорог каждый час».

79 Как по два, по три, агнцы из ограды
Идут за первым, прочие ж стоят,
Понуря робко головы и взгляды,

82 И где один, туда и все спешат,
Теснясь к нему, лишь станет он, и в кроткой
Покорности, не знают, что творят, —

85 Так, видел я, к нам подвигал не ходко

Счастливых стадо вождь в его челе,

С лицом стыдливым, с скромною походкой.

88 И первый строй, заметив на земле,

Что луч направо от меня разбился,

Так что я тень оставил на скале, —

91 Вспять отшатнувшись, вдруг остановился,

И сонм, за первым шедший по пятам,

Не зная сам — зачем, за ним столпился.

94 «Я без расспросов объявляю вам,

Что плоть на нем еще не знала смерти,

Вот почему он тень бросает там.

97 Не удивляйтесь этому; но верьте,

Что не без силы, свыше излитой,

По тем стенам он мнит дойти до тверди». —

100 Так мой учитель; их же честный

строй:

«Вернитесь же: вон там гора пока-
та», —

И тылом рук нам подал знак немой.

103 «Кто б ни был ты, в мир ищущий возврата, —

Мне тут один из них проговорил, —

Взгляни, не видел ли меня когда-то?»

106 Я, обернувшись, взор в него вперил:

Был белокур, красив с лица и стана,

Но бровь ему булат окровенил.

109 «Не знаю, кто ты», — прямо, без обмана

Сознался я. — «Смотри ж!» — он мне в ответ,

И указал: в груди зияла рана.

112 И продолжал с улыбкой: «Я Манфред;

Я внук Констанцы, царский скиптр носившей!

Сходи ж, молю, когда придешь на свет,

115 К прекрасной дочери моей, родив-

шей

Сицилии и Арагоны честь,

И ложь рассей, всю правду ей открывши.

118 Когда мне грудь пронзила вражья месть, —

Я предался Тому в слезах страданий,

Кто всем прощает. Невозможно счесть

121 Моих грехов! Но ра́змах мощных дланей

У Благости безмерной так велик,

Что всех берет, кто слез несет Ей дани.

124 И если б понял смысл священных книг

Козенцский пастырь, — тот, кого из злости

Климент на травлю вслед за мной подвиг, —

127 То и поднесь[52] мои почили б кости

У Беневенто, во главе моста,

Под грудой ка́мней на пустом погосте.

130 Теперь их моет дождь, во все места

Разносит ветр вдоль Верде, где истлеет

Мой бедный прах без звона и креста.

133 Но их проклятье силы не имеет

Пресечь нам путь к божественной любви,

Пока хоть луч надежды сердце греет.

136 Но, правда, всяк, кто кончил дни свои

Под гневом церкви, если и смирится,

Пребыть обязан вне святой семьи,

139 Доколе тридцать раз не совершится

Срок отлученья, если только он

---

[52] Примечания: 52

Днесь, *нареч.* (устар. церк. — слав.) — теперь, сегодня; поднесь — по сей день, до сих пор, поныне.

Молитвами по нем не сократится.

142 Так утоли ж, коль можешь, сердца стон,

Открой Констанце, возлюбившей Бога, —

Где зрел меня; а также тот закон:

145 Живые там помочь нам могут много».

Песнь IV

Преддверие чистилища. — Подъем на первый уступ. — Нерадивые. — Белаква.

Коль скоро скорбь, иль радость огневая
Охватят в нас одну из наших сил,
Тогда душа, с тем чувством вся слитая,

Как будто гасит всех движений пыл:
Вот тем в отпор, у коих мы читаем,
Что будто Бог нам душу в душу влил.

Вот потому-то, если мы внимаем
Иль видим то, что душу нам пленит, —
Бегут часы, а мы не замечаем:

Затем что в нас одна способность зрит,
Другая — душу в плен берет всецело;
Когда та бодрствует, в нас эта спит.

13 В сей истине я убедился зрело.
Пока внимал Манфредовым словам,
На пятьдесят уж градусов успело

16 Подняться солнце: я же только там
Приметил то, где хором душ тех стадо
Нам крикнуло: «Вот, вот, что нужно вам!»

19 Щель бóльшую заткнет в шпалере[53] *сада*
Одним сучком терновым селяни́н,
Когда буреют гроздья винограда, —
22 Чем та тропа, по коей лез один
Я за певцом, сердечной полон боли,
Когда исчез отряд теней с долин.

25 Восходят в Лео, и нисходят в Ноли,
На Бисмантову лезут на одних
Ногах; но тут потребны крылья во-

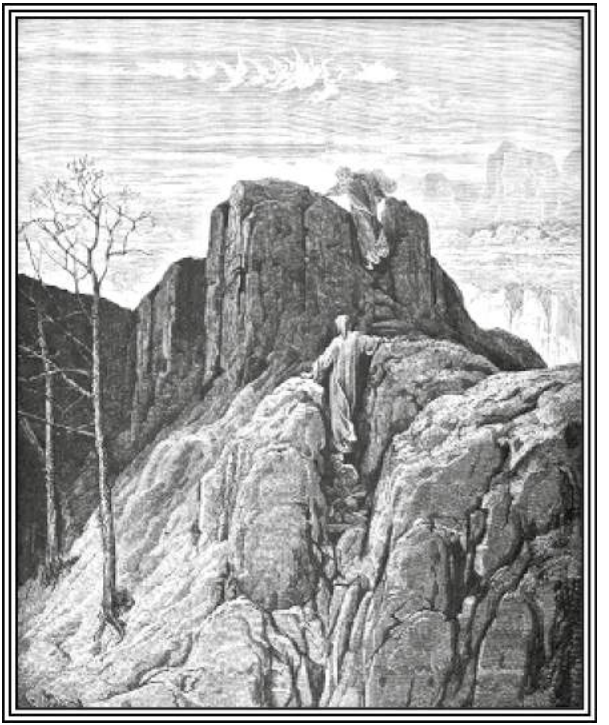
---

[53] Примечания: 53
Шпале́ра (от итал. *spalliera, из spalla — опора, плечо) — в садоводстве и виноградарстве* — конструкция, часто решетчатая, поддерживающая растения.

ли, —

28 Тут я летел на крыльях огневых
Желаний жарких вслед за тем вожатым,
Что мне светил надеждой в скорбях злых.

31 Мы лезли вверх ущельем, тесно сжатым
Со всех сторон утесами, где круть
Просила в помощь рук и ног по скатам.



Мы лезли вверх ущельем, тесно сжатым
Со всех сторон утесами

34 И вот, едва успел я досягнуть
До высшего скалы громадной края, —

«Куда, мой вождь, — спросил я, — держим путь?»

37 А он: «Вперед, вперед, не отступая!
Все вслед за мной стремись на верх хребта,
Пока найдем проводника из рая».

40 Гора была до неба поднята,
А склон ее был круче, чем с средины
Квадранта в центр идущая черта.

43 Я чуть дышал, когда сказал с вершины:
«О добрый отче! видишь? оглянись!
Я отстаю! Постой хоть миг единый».

46 А он: «О, сын! сюда хоть доберись». —
И указал мне на уступ над нами,
По этот бок горы торчавший вниз.

49 Так подстрекнут я был его словами,
Что лез ползком за ним до тех я пор,
Пока не встал на тот уступ ногами.

52 Тут сели мы, глядя с вершины гор
В ту сторону, откуда в путь пошли мы,
И радуя путем пройденным взор.

55 Сперва я вниз взглянул на брег, чуть зримый,
Потом взглянул на солнце, изумясь,
Что слева мы лучом его палимы.

58 Поэт вмиг понял, что я, весь смутясь,
Дивлюсь тому, что колесница света
Меж севером и нами в путь неслась,

61 И рек: «Сопутствуй ныне, как средь лета,
Кастор и Поллукс зеркалу тому,
Что вверх и вниз струят потоки света, —

64 То Зодиак вращался б вслед ему
Совсем вблизи к Медведицам блестящим —
По древнему теченью своему.

67 Чтоб то понять с сознаньем над-

лежащим, —
Весь сам в себе, вообрази Сион
С горою этой на земле стоящим,

70 Чтоб горизонт имели с двух сторон
Один, но два различных небосклона:
И ты поймешь, что путь, где Фаэтон

73 Так дурно шел, придется от Сиона
В ту сторону, и в эту здесь от нас,
Коль разум твой проникнул в смысл закона».

76 И я: «Учитель, верь, еще не раз
Рассудок мой, вначале столь смущенный,
Не понимал так ясно, как сейчас,

79 Что средний круг, в науке нареченный
Экватором, — тот круг, что ввек лежит
Меж льдом и солнцем, — здесь, по приведенной

82 Тобой причине, столько ж отсто-

ит
К полуночи, насколько там Еврею
Он, кажется, в палящем юге скрыт.

85 Но знать желал бы, коль спросить я смею,
Далек ли путь? Так к небу восстает
Гора, что взор не уследит за нею».

88 А он на то: «Горы такой уж род,
Что лишь вначале труден к восхожденью.
А там — чем выше, тем все легче всход.

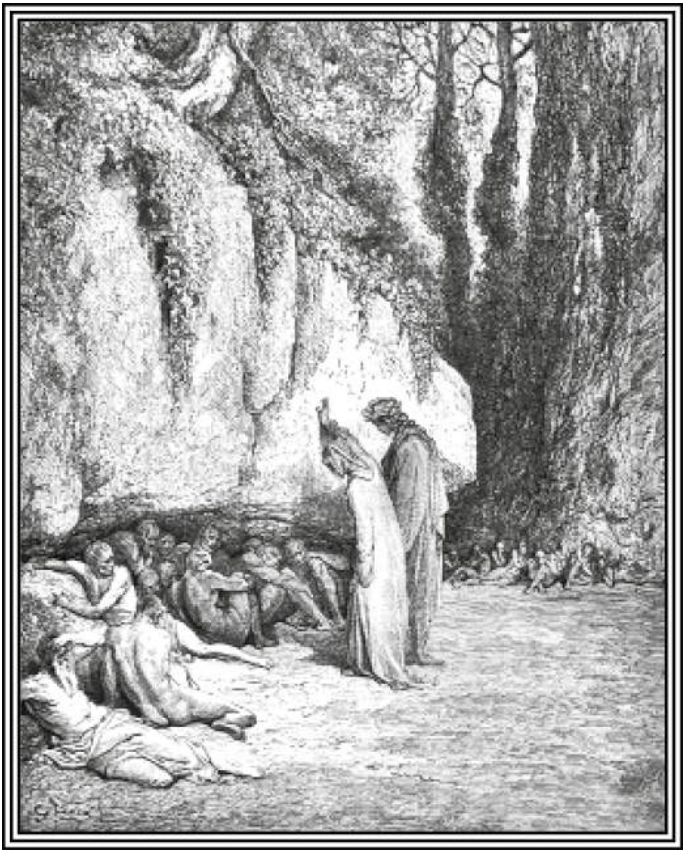
91 Итак, когда узнаешь по сравненью,
Что легче всё тебе свой делать шаг,
Как в судне плыть рекой вниз по теченью, —

94 Тогда конец пути в жилище благ;
Там облегчишь и грудь свою усталу.
Молчи ж теперь и верь, что это так».

97 Лишь вымолвил мой вождь, как из-за валу,

Вблизи от нас, послышались слова:
«Ну, до того и посидишь, пожалуй».

Мы обернулись оба и у рва
Увидели, налево, риф громадный:
Был не примечен нами он сперва.



Мы подошли, и вот в тени прохладной

Толпа духóв стоит при той скале

103 Мы подошли, и вот в тени прохладной
Толпа духóв стоит при той скале,
Как лишь стоит люд праздный, тунеядный.

106 Один из них, с истомой на челе,
Сидел, руками обхватив колени
И свесив голову меж них к земле.

109 «О, добрый вождь! Взгляни в лицо той тени!
Смотри, — сказал я, — как небрежно там
Сидит она, как бы сестрица лени».

112 Заметив нас, дух кинул взгляды к нам
И, по бедру лицо передвигая,
Сказал: «Вишь сильный! Полезай-ка сам».

115 Тут я узнал лицо того лентяя
И, хоть усталость мне давила грудь,
Я подошел к нему. И вот, когда я

118 Приблизился, он, приподняв чуть-чуть

Лицо, сказал: «Что? понял ли довольно,

Как солнце здесь налево держит путь?»

121 Во мне улыбку вызвал он невольно

Движений ленью, краткостью речей,

И начал я: «Белаква, мне не больно.

124 Теперь подумать о судьбе твоей!

Что ж, здесь сидишь? Вождя ли ждешь у грота?

Иль жалко лень отбросить прежних дней?»

127 А он: «О, брат! Кому тут лезть охота?

Ведь к мукам вверх тогда допустит нас

Господень страж, что там блюдет ворота,

130 Как надо мной здесь небо столько раз,

Как много лет я прожил, круг опишет.

Я ж о грехах вздохнул лишь в смертный час.

133 Так пусть же те, в ком скорбь по мертвым дышит.

Спешат мольбой в том мире нам помочь;

А наша что? Ее Господь не слышит».

136 Но тут поэт стал удаляться прочь,

Сказав: «Идем. Смотри, как уж высоко

На полдне солнце, и стопою ночь

139 У тех брегов покрыла уж Марокко».

Песнь V

Преддверие чистилища. — Нерадивые и погибшие насильственной смертью. — Якопо дель Кассеро. — Буонконте да Монтефельтро. — Пия де'Толомен.

Я повернул уж спину тем страдальцам
И по стопам вождя пошел, как вот —
За мною тень, указывая пальцем,

Вскричала: «Вон, смотрите! слева тот,
Что ниже, тенью свет дневной раздвинул.
И, как живой, мне кажется, идет».

На этот крик назад я взоры кинул
И вижу, — все вперили взгляд, дивясь,
В меня и в тень, где свет за мною сгинул.

«Чем мысль твоя так сильно развлеклась, —

Сказал учитель, — что мешает ходу?
Что в том тебе, что шепчутся о нас?

13 Иди за мной, и дай роптать народу;
Будь тверд, как башня, на которой шпиц
Не дрогнет ввек от ветров в непогоду.

16 В ком помыслы роятся без границ,
Тот человек далек от их свершенья:
В нем мысль одна гнетет другую ниц».

19 Что мог сказать я больше от смущенья,
Как лишь: «Иду». — И, покраснев, я стих,
За что порой мы стоим и прощенья.

22 Тут поперек наклона скал святых
Вблизи пред нами тени проходили
И пели Miserere — стих за стих.

25 Приметив же, что вовсе не светили
Лучи сквозь плоть мою, — свой хор певцы

В «О!» хриплое протяжно превратили.

28 И двое из толпы их, как гонцы,
Навстречу к нам помчались, восклицая:
«Откуда вы, скажите, пришлецы?»

31 И вождь: «Вернись назад, чета святая!
Тебя пославшим можешь ты донесть,
Что плоть на нем действительно живая.

34 Коль нужно им об этом слышать весть,
То вот ответ им; если ж стали в кучи
Там в честь ему, — он им воздаст за честь».

37 Пред полночью едва ли пар горючий
Броздит так быстро звездные среды,
Иль в августе с заходом солнца тучи, —

40 Как быстро те влетели душ в ряды
И, повернув, примчались к нам с дру-

гими,

Несясь, как строй, бегущий без узды.

43 И вождь: «Теснят толпами нас густыми

Они затем, чтоб к ним ты не был враг;

Но дальше в путь, и слушай, идя с ними».

46 «Душа, — ты, ищущая вечных благ,

Несущая те члены, где витаешь, —

Бежа кричали, — задержи свой шаг.

49 Взгляни! быть может, здесь иных узнаешь

И весть о них снесешь в свои страны́;

О, что ж спешишь? о, что ж ты не внимаешь?

52 Мы все насильством жизни лишены,

Вплоть до тех пор ходя путем греховным;

Когда же свет блеснул нам с вышины,

...И, повернув, примчались к нам с другими,
Несясь, как строй, бегущий без узды

55 Мы все, покаясь и простя виновным,
Ушли из жизни, примирившись с Тем,

Кого узреть горим огнем духовным».

58 И я: «Из вас я незнаком ни с кем!
Но чем могу служить я вашей тризне,
Скажите, души дорогие? Всем

61 Готов помочь, клянусь тем миром жизни,
Его ж искать вслед за таким вождем
Из мира в мир иду, стремясь к отчизне».

64 И мне один: «Мы все с надеждой ждем,
Что и без клятв ты сдержишь обещанье,
Была б лишь воля на сердце твоем.

67 И я, за всех молящий в сем собранье,
Прошу тебя: как будешь ты в стране
Меж Карлова владенья и Романьи —

70 Замолви в Фано слово обо мне:
Пусть вознесут там за меня молитвы,
И от грехов очищусь я вполне.

73 Оттоль я родом; эти ж знаки битвы,

Из коих с кровью вышла жизнь моя,

Мне антенорцы дали в час ловитвы.[54]

76 А им-то был так сильно предан я!

Им так велел злой Эсте, в коем пышет

Сверх всяких мер гнев злобы на меня.

79 Уйди ж я в Мирру, прежде чем я вышел

Из Ориако, схвачен ими был, —

Я б и поныне жил, где тварь вся дышит.

82 В осоке там, увязнув в топкий ил,

Среди болот я пал, и там из жилы

Всю кровь свою, как озеро, разлил».

85 Тогда другой: «Да даст Всевышний силы

Тебе достичь до горних тех вершин!

О, помоги, утешь мой дух унылый!

---

[54] Примечания: 54

Ловитва — ы, *сущ. ж.* (устар. и прост.): 1) ловля или охота; 2) сеть; 3) корысть, добыча или грабеж.

88 Я Буонконт, я Монтефельтро сын;
Джованна с прочими меня забыла:
Затем-то здесь всех жальче я один».

91 И я ему: «Какой же рок, иль сила
Так унесла твой с Кампальдино прах,
Что мир не знает, где твоя могила?»

94 «Под Казентином. — он сказал в слезах. —
Из Апеннин бежит Аркьян по воле,
Взяв свой исток над пу́стынью в горах.

97 Туда, где он уж не зовется боле,
Добрел я, ранен в горло тяжело,
И кровью ран обагрянил все поле.

100 Тут взор померк и слово замерло́
На имени Марии; тут и тело
Бездушное одно во прах легло.

103 Что я скажу — живым поведай смело!
Господень Ангел взял меня; но Враг:
«О, ты с небес! — вскричал, — правдиво ль дело?

106 Лишь за одну слезинку в ночь и мрак

Его часть вечную ты взял у ада:

Но уж с другой я поступлю не так!»

109 Ты знаешь сам, как воздух в тучи града

И в дождь сгущает влажный пар, когда

Он вступит в край, где стынет вдруг от хлада.

112 Злость дум своих, лишь алчущих вреда,

Слив с разумом и с силой злой природы,

Враг поднял ветр и двинул туч стада.

115 И день угас, и сумрак непогоды

Всю Протоманью до хребта горы

Закутал так, сгустив небесны своды,

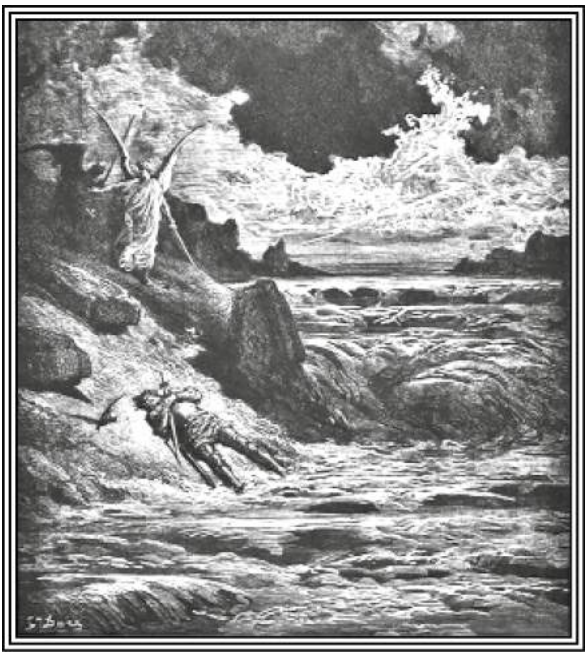
118 Что воздух в воду превратил пары:

И хлынул дождь, и то, что не проникло

Во глубь земли, наполнило все рвы,

121 И столько рек великих вдруг возникло,

И ток могучий к царственной реке
Так ринулся, что все пред ним поникло:



Остывший труп мой тут нашел в реке
Злой Аркиан

124 Остывший труп мой тут нашел в реке

Злой Аркиан и, бурный, в Арно ринул,
Расторгнув крест, в который я, в тоске

127 Раскаянья, на персях длани сдвинул;
Мой труп, крутя по дну и ночь и день,
Покрыл весь тиною и в море кинул».

130 «Когда назад придешь в родную сень
И отдохнешь, от странствия почия —
Так за второй сказала третья тень, —

133 О, не забудь ты и меня: я Пия!
Мне Сьена жизнь, Маремма смерть дала.
Как знает тот, из чьей руки впервые.

136 С ним обручась, я перстень приняла».

Песнь VI

Преддверье чистилища. — Другие души погибших насильственною смертью. — Сила молитвы об усопших. — Сорделло. — Воззвание к Италии.

Как скоро кончат состязанье в кости —
Кто проиграл, тот с места не встает
И учится, стуча костьми от злости.

Меж тем с другим валит гурьбой народ:
Кто спереди, кто сзади подступает.
Кто с стороны к счастливцу пристает;

А он идет и каждому внимает:
Кому подаст, тот отступает прочь, —
Так он себя от давки избавляет.

В густой толпе таков был я точь-в-точь,
Внимая всем при плаче их и стоне

И обещаясь в мире им помочь.

13 Тут аретинец был, погибший в лоне
Судилища от ярых Гина рук, —
И тот, кто в Арно утонул в погоне.

16 Простерши руки, тут стонал от мук
И Федериг, и тот, чьей смертью злою
Столь доблестным явил себя Марцук.

19 Тут был граф Орс и тот, чья плоть с душою
Разлучена чрез зависть и вражду
(Как уверял), а не его виною, —

22 Пьер де-ла-Бросс! Имей же то в виду,
Брабантинка, пока ты здесь с живыми,
Чтоб в стадо к худшим не попасть в аду! —

25 Лишь я расстался с сонмами густыми,
Просившими, чтоб я других просил
Мольбой помочь стать им скорей свя-

тыми,

28 «О свет! — я начал, — помнится, решил

Ты явственно в своей поэме где-то,

Что глас молитв пред Божеством без сил;

31 А сонм теней нас молит лишь за это?

Так неужель надежда их тщетна,

Иль, может быть, не вник я в речь поэта?»

34 А он на то: «И речь моя ясна,

И не тщетна надежда их, коль вникнет

Твой здравый разум в наши письмена.

37 Ведь суд чрез то вершиной не поникнет,

Коль жар любви ускорит мукам срок,

Сужденный всем, кто в этот мир проникнет.

40 Но там, в аду, где мысль я ту изрек,

Не исправляется вина моленьем, —
Господь от всех молений там далек.

43 Но, впрочем, ты под тяжким столь сомненьем
Не пребывай, доколь не встретишь ту,
Кто свет свой льет меж правдой и мышленьем.

46 Ты понял ли, что речь я здесь веду
О Беатриче? Там, на той вершине,
Узришь ее святую красоту».

49 И я: «Вождь добрый, поспешим! отныне
Уже во мне истомы прежней нет,
И вон легла уж тень горы в долине».

52 «На сколько можно, — он на то в ответ, —
Пройдем в сей день; но будет труд тяжеле,
Чем думаешь, идти за мной вослед.

55 И прежде чем взойдешь, узришь отселе
Возврат того, чей свет уж скрыт хол-

мом,

И луч его в твоем не гаснет теле.

58 Но видишь — тень вдали на камне том,

В нас взор вперив, сидит одна направо?

Пусть скажет нам, где легче путь найдем».

61 Мы к ней спешим. — О! как ты величаво,

Ломбардский дух, полн гордости святой,

Взор медленный водил, одéян славой!

64 И, не сказав ни слова, пред собой

Дал нам пройти, нас оком озирая,

Как грозный лев, возлегший на покой!

67 Тут подошел Виргилий, умоляя

Сказать, где легче всход на верх горы;

Но гордый дух, ответа не давая,

70 Спросил нас: кто мы? из какой страны?

И вот, лишь начал вождь свои заклятья:

«О, Мантуя!..» — как дух, до той поры

73 Весь замкнутый, вскричал, простря объятья:

«О, мантуанец! Я Сорделл! твоей

Страны я сын!» — И обнялись, как братья. —

76 Италия — раба, приют скорбей,

Корабль без кормщика средь бури дикой,

Разврата дом, не матерь областей!

79 С каким радушием тот муж великий

При сладком имени родной страны

Сородичу воздал почет толикий![55]

82 А у тебя — кто ныне без войны?

Не гложут ли друг друга в каждом стане,

За каждым рвом, в черте одной стены?

85 Вкруг осмотри, злосчастная, все

---

[55] Примечания: 55
Толикий (устар) — столь многочисленный, столь великий.

грани

Морей твоих; потом взгляни в среду

Самой себя: где край в тебе без брани?

88 Что пользы в том, что дал тебе узду

Юстиниан, наездника же не дал?

Ведь без нее б быть меньшему стыду!

91 Зачем, народ, коня во власть не предал

Ты Цезарю, чтоб правил им всегда,

Коль понял то, что Бог вам заповедал?

94 Смотри, — конь заупрямился, когда

Не стало шпор того, кто встарь им правил.

С тех пор, как взял ты в руки повода!

97 Зачем, Альберт Немецкий, ты оставил

И дал так сильно одичать, что мер

Уж над собой не знает конь, ни правил?

100 Да снидет же суд Божий с звездных сфер

На кровь твою — суд новый и открытый,

Чтоб был твоим преемникам в пример!

103 С отцом своим ты бросил без защиты

Италию и допустил, увы! —

Чтоб сад Империи заглох, забытый.

106 Приди ж взглянуть, беспечный, каковы

Мональди здесь, Монтекки, Капеллетти —

Те в горести, а эти — без главы!

109 Приди, жестокий, посмотри, как дети

Твои скорбят; приди к ним, чтоб помочь;

Приди взглянуть, как Сантофьор пал в сети!

112 Приди взглянуть на Рим твой! День и ночь

Он, как вдова, винит в слезах и горе:

«О, Цезарь мой, куда бежишь ты прочь?»

115 Приди взглянуть, в каком мы тут раздоре.

И, коль тебе не жаль твоих детей,

Приди краснеть хоть о твоем позоре!

118 О, да простит мне высший Царь царей,

За нас распятый здесь в земной долине —

Куда от нас отвел Ты взор очей?

121 Иль, может быть, безвестное в пучине

Предвечного совета Своего

Ты благо нам уготовляешь ныне?

124 Все города в стране до одного

Полны тиранов; каждый смерд ничтожный

Марцелом стать готов из ничего.

127 Но ты, моя Флоренция, тревожной

Быть не должна: народ твой ведь не

глуп
И не пойдет по той дороге ложной!

130 Иной народ чтит правду, но он скуп
На стрелы, зря не гнет он самострела;
А твой народ их тучей мечет с губ!

133 Иных страшит общественное дело;
А твой народ, и нéзваный никем,
Кричит: «Давай! за все берусь смело!»

136 Ликуй же, родина! и есть над чем:
Живешь ты в мире, ты умна, богата,
А что не лгу, конец докажет всем.

139 Афины, Спарта, где закон когда-то
Был так премудр и славен, и хорош,
Жить не могли, как ты, умно и свято.

142 Уставы ж ты так тонко создаешь,
Что к половине ноября без смены
Не длится то, что в октябре спрядешь.

145 Припомни лишь, как часто перемены

Ты делала в законах, должностях,

В монетах, нравах, и меняла члены.

148 И согласись, коль ум твой не зачах,

Что ты сходна с больной, чей сон так слабок,[56]

Что на пуху лежит, как на ножах,

151 И ищет сна, метаясь с боку на бок!

[56] Примечания: 56
Слабкий (устар.) — слабый, бессильный, чахлый, хлипкий.

Песнь VII

Преддверие чистилища. — Сорделло. — Долина государей, не радевших о спасении души своей. — Император Рудольф. — Оттокар. — Филипп Смелый. — Генрих Наваррский. — Петр Арагонский. — Генрих III Английский. — Гюльельм Монферратский.

Как скоро три, четыре раза новый,
Живой привет меж них обменен был, —
Вспять отступя, спросил Сорделло: «Кто вы?»

«Еще к горе священной не парил
Сонм душ, достойный к той взнестись вершине, —
Октавиан уж прах мой схоронил.

Виргилий я, и лишь по той причине
Лишен небес, что веровал в ничто». —
Так отвечал тогда мой вождь в кручине.

Как тот, кто вдруг увидел вещь,

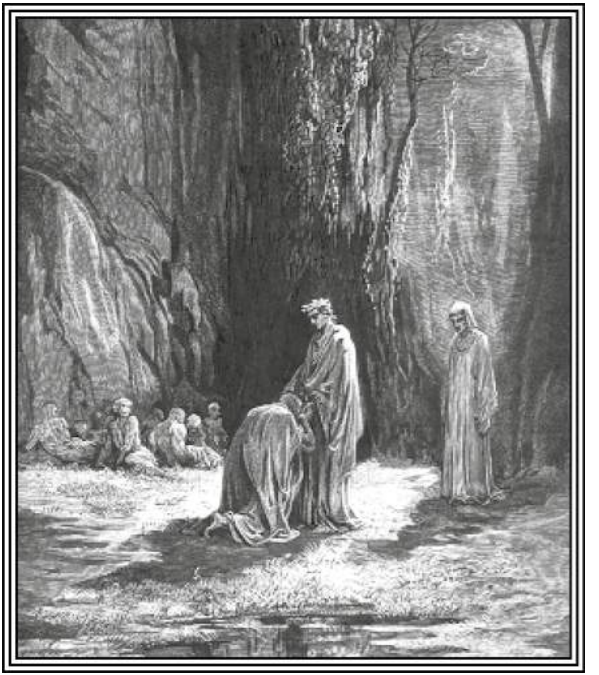
во что
И верит он, и нет, пока он вникнул,
И говорит с собою: то! не то! —

13 Так и Сорделл: сперва челом поник-
нул,
Потом, смиренно подойдя, ему,
Как раб, колена обнял и воскликнул:

16 «О, слава всех латинян, ты, кому
Дано явить, сколь мощно наше слово!
Честь вечная и граду моему!

19 Чем заслужил виденья я такого?
Скажи, коль стою я речей твоих,
Из адского ль ты круга и какого?»

22 «По всем кругам из царства скорбей
злых, —
Он отвечал, — прошел я, послан силой
Небесною и ей ведомый в них.



«По всем кругам из царства скорбей злых,
Он отвечал, — прошел я, послан силой
Небесною и ей ведомый в них

25 Бездействие — не действие — сокрыло

Мне Солнце то, к Нему ж парит твой

ум,
Чей свет познал я поздно за могилой.

28 Есть край внизу: он тьмой своей угрюм,
Не казнями, и оглашен не воем
От мук, но вздохами от тщетных дум.

31 Там я с младенцами — с невинным роем,
Попавшим в зубы Смерти, прежде чем
С них первый грех омыт пред аналоем.

34 Там я с толпой, что не познав совсем
Трех добродетелей святых, признала
Другие все и следовала всем.

37 Но, если можешь, объясни, хоть мало,
На тот уступ как восходить должно,
Где первое чистилища начало?»

40 И он: «Границ нам точных не дано:
Везде ходить я волен в этом бреге
И я твой вождь, насколь дозволено́.

43 Но посмотри, уж день почти на сбеге,

Нельзя стремиться ночью к вышине;

Подумай же и о благом ночлеге.

46 Есть души там направо в стороне;

Я к ним сведу тебя, коль ты согласен;

Тебе отраду могут дать оне».

49 «Как? — был ответ. — Мне твой совет неясен:

Другой ли кто претит на высоту

Всходить в ночи, иль самый труд напрасен?»

52 И по земле Сорделл провел черту

Перстом, сказав: «Смотри, лишь Солнце канет —

За линию не переступишь ту.

55 Всем вверх всходящим здесь в отпор восстанет

Ни кто иной, как мрак: ночная тень,

Лишая сил, и волю в нас туманит.

58 Но нисходить на низшую ступень

И вкруг горы блуждать и в мгле здесь можно.

Пока в плену у горизонта день».

61 Тогда владыка мой, почти тревожно:

«Веди ж, — сказал, — туда, где нам приют

Отраду даст, коль говоришь не ложно».

64 Мы недалёко отошли, как тут

Я выемку на склоне вдруг приметил.

Как здесь у нас долины гор идут.

67 «Пойдем туда, и там, — Сорделл заметил, —

Где из себя долину круть творит,

Дождемся дня — и станет мир весь светел».

70 Был путь меж гор и плоскостью прорыт;

Змеясь, привел он нас на край раздо-

ла,[57]

Где больше чем в полкруга он открыт.

73 Сребро и злато, пу́рпур, блеск с престола,

Гебен индийский с лоском дорогим,

Смарагд чистейший в миг его раскола, —

76 Пред блеском тем цветов и трав, каким

Сверкал тот дол, — все уступало в цвете,

Как меньшее перед своим большим.

79 И там природа не цветы лишь эти,

Но ароматов тысячи смешав,

Творила нечто, нет чего на свете.

82 «Salve, Regina!» — меж цветов и трав

Сидевшие там духи пели в хоре,

Не вознося наверх венчанных глав.

---

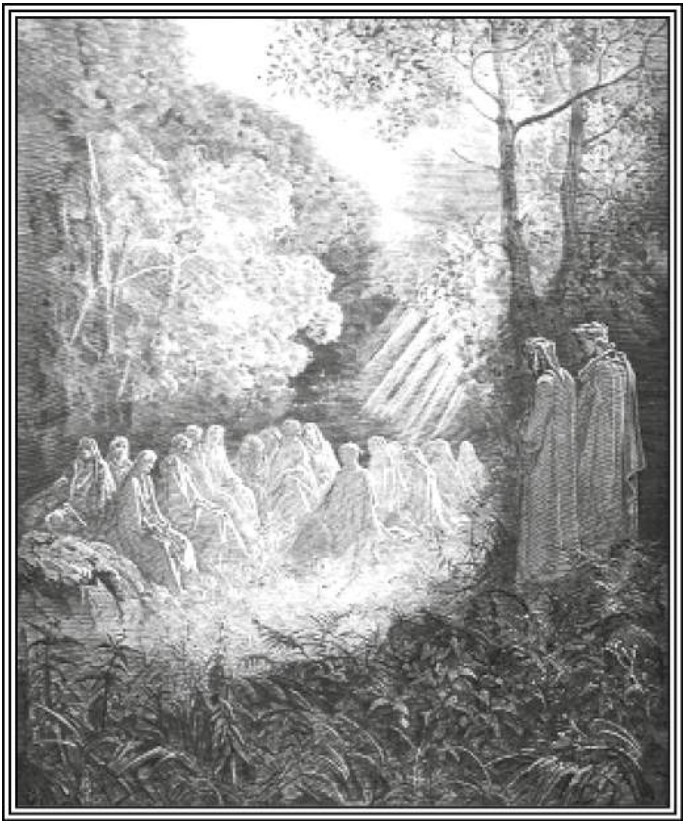
[57] Примечания: 57

Раздол *муж.* (*от* дол — низ) — долина, лог, дол, разлог, равнина в долу, меж гор.

85 «Пока не сел остаток солнца в море, —
Так мантуанский вождь наш начал нам, —
Не пожелайте быть в их общем сборе.

88 Отсель с горы удобней будет вам
Все лица их узнать и выраженья,
Чем в дол спустившись к ним. Сидящий там

91 Всех прочих выше, с видом сожаленья
О том, что в мире долгом пренебрег,
Не отверзающий и уст для пенья, —



...Меж цветов и трав
Сидевшие там духи пели в хоре

94 Был император Ру́дольф, — тот, кто мог
Спасти Италию, чьи раны вскоре
Не заживут, среди ее тревог.

97 А тот, что ищет утолить в нем горе,
Владел страной, откуда ток в горах
Молдава в Эльбу мчит, а Эльба в море:

100 То — Оттокар; он даже в пеленах
Разумней был, чем сын его брадатый.
Злой Венцеслав, что губит жизнь в пирах.

103 Курносый тот, беседою заня́тый
С своим соседом, чей так кроток лик,
В грязь затоптал цвет лилии измятый:

106 Смотрите, в грудь как бьет себя старик!
Другой же с ним, как видите, к ладони
Щекой, вздыхая, как на одр, поник:

109 Отец и тесть то сына беззаконий

Во Франции; он так им омерзел,

Что мысль о нем — причина их мучений.

112 А тот, который с виду так дебел,[58]

Поющий в лад вон с Клювом тем орлиным,

Был препоясан славой добрых дел.

115 И если б трон за ним был занят сыном,

Тем юношей, что сзади, — чести дух

Из чаши в чашу тек ручьем единым, —

118 Чего нельзя сказать о прочих двух:

Джьяком и Федериг имеют троны,

Но лучший жар наследья в них потух.

121 Людская честность редко без препоны

Восходит в ветви: воля такова

Всех Дателя, почтим Его законы.

---

[58] Примечания: 58

Дебел — ый — 1. (разг.) тучный, полный, упитанный; 2. (устар.) крепкий, сильный, дородный, прочный (о предметах).

124 Тот Клюв орлиный пусть мои слова,

И этот Пьéро, примут одинако,

Поправ Прованс и Пулии права!

127 Да! столько семя благородней злака,

Что Беатриче с Маргаритой вряд

С Констанцией сравнятся славой брака.

130 Но вот король, к ним не вошедший в ряд:

То Генрих Áнглийский, друг жизни стройной;

В ветвях своих он лучший видит сад.

133 Сидящий ниже всех и взор спокойный

На них подъемлющий — Гюльельм маркиз,

Из-за кого александрийцев войны

136 В скорбь ввергли Монферрат и Канавиз».

Песнь VIII

Преддверие чистилища. — Нерадивые. — Цветущая долина. — Ангелы-хранители. — Нино Висконти. — Змей. — Куррадо Маласпина.

1 Настал уж час, когда в немой печали
Летят мечтой пловцы к родной стране,
Где в этот день «прости» друзьям сказали;

4 Когда томится пилигрим вдвойне,
Услыша звон, вдали гудящий глухо,
Как будто плача об отшедшем дне.

7 И в этот час, как смолкло все для слуха,
Я зрел: одна восстала тень, рукой
Дав знак другим, чтоб к ней склонили ухо.

10 Воздевши длани, взор она с мольбой

Вперила на восток, как бы желая
Сказать: «Всегда я, Господи, с Тобой!

13 «Te lucis ante»» — песнь лилась святая
Из уст ее гармонией святой,
Мне позабыть себя повелевая.

16 И набожно и стройно, вторя ей,
Весь хор пропел тот гимн, стремя высоко
К кругам небесным взор своих очей.

19 Здесь в истину впери, читатель, око:
Теперь на ней так тонок стал покров,
Что уж легко проникнуть в смысл глубоко.

22 И, смолкнув, сонм тех царственных духóв,
Смиренно вверх смотрел со страхом в лицах,
Как будто ждал чего-то с облаков.

25 И видел я: с небес неслись в зарницах

Два ангела, вращая против сил
Меч пламенный с тупым концом в десницах.

28 Как лист, сейчас рожденный, зелен был
Цвет их одежд, и их покров клубился,
Волнуем взмахом их зеленых крыл.

31 Один из них вблизи от нас спустился,
Другой же стал на супротивный склон,
Так что сонм душ меж ними находился.

34 Цвет их волос я видеть мог, как лен,
Но взор слепили лица огневые:
Избытком чувств был орган побежден.

37 «Их ниспослала к нам с небес Мария, —
Сказал Сорделл, — да станут здесь в оплот
Долине сей: сейчас узрите Змия».

40 И я, не знав, откуда Змий придет,

Стал озираться и приникнул ближе
К раменам верным, холоден, как лед.

43 Тогда Сорделл: «Теперь сойдемте ниже
К великим в Сонм, чтоб с ним заговорить;
Тебя узнав, утешатся они же».

46 Вниз трех шагов я не успел ступить,
Как был уж там. И кто-то взоры смело
Вперял в меня, как бы хотел спросить.

49 Был час, когда уж в воздухе стемнело;
Но все ж не так, чтоб мрак мешал ему
И мне узнать, что в нем сперва чернело.

52 Ко мне он шел, и я пошел к нему. —
Как был я рад, о Нин, судья правдивый,
Что не попал ты с злыми в адску тьму!

55 Приветы шли у нас без перерыва,

И Нин спросил: «По дальним тем волнам

Давно ль пришел сюда, к горе счастливой?»

58 «О! — я сказал, — по адским злым местам

Сюда пришел я утром с жизнью тленной,

Чтоб, и́дя так, снискать другую там».

61 И, слыша то, Сорделл и Нин почтенный

Вдруг отступили от меня, смутясь,

Как те, кого объемлет страх мгновенный.

64 Сорделл к поэту, Нин же, обратясь

К сидевшему, вскричал: «Вставай, Куррад!

Взгляни, как мощь здесь Божья излилась».

67 И мне потом: «Той высшею наградой,

Что дал тебе Сокрывший в темноте

Первичное Свое зачем от взгляда, —

70 Молю: скажи, проплыв пучины те,
Моей Джьованне, — там да усугу́бит
Мольбы о нас, где внемлют правоте.

73 Но мать ее уж, видно, нас не любит,
Коль сбросила повязку, вдовий дар;
За это жизнь, злосчастная, погубит.

76 По ней судите, долго ль длится жар
Любви у женщин, если в них натуры
Не поджигать огнем любовных чар;

79 Но ей в гербе не скрасить арматуры
Гадюк, ведущих в бой Миланский дом,
Как скрасил бы его Петух Галлуры!»

82 Так говорил, и на лице своем
Отпечатлел тот гнев, каким, не свыше
Мер должного, пылало сердце в нем.

85 Я жадный взор стремил меж тем

все выше,
Туда, где звезды медленней текли,
Как ступица, у оси, ходит тише.

88 И вождь: «Мой сын, что видишь ты вдали?»
И я: «Три вижу светоча в эфире;
Они весь полюс пламенем зажгли».

91 И он на то: «Склонились уж четыре
Светила те, чей блеск ты утром зрел,
И вместо них явились эти в мире».

94 Но тут увлек к себе певца Сорделл,
Сказав: «Смотри: вон наш Противник скрытый!» —
И перст простер, чтоб вождь туда смотрел.

97 С той стороны, где дол лишен защиты,
Был Змий — такой, как, может быть, и та,
Что Еве плод вручила ядовитый.

100 В цветах тянулась адская черта;

Змий охорашивал себя, вздымая
Свою главу, лижа свой лоск хребта.

103 Я не видал, как вдруг взвилась святая
Чета двух коршунов небесных сил,
Но видел ясно их полет вдоль края.

106 Змий, слыша свист секущих воздух крыл,
Бежал; и, ровным лётом вспять пустившись,
Стал каждый страж в том месте, где он был.

109 Но тот, кто близ Судьи стоял, явившись
На зов его — покуда бой тот шел, —
Глаз не спускал с меня, очами впившись.

112 «Да даст тот Свет, что к нам тебя привел,
Тебе елея столько, чтоб — без лести
Сказать — ты мог взойти на высший дол. —

115 Так начал он. — Когда принес ты вести

Из Вальдемагры и соседних стран,

Открой мне их: я жил в большой там чести.

118 Куррадом Маласпина был я зван,

Не древний — нет, но из его я рода;

И здесь за то, что так любил граждáн».

121 «О! — я сказал, — средь вашего народа

Я не бывал; но далеко кругом

В Европе всем громкá его порода.

124 Так слава та, что ваш покрыла дом,

Гремит в честь принцев и гремит в честь края,

Что кто и не был там, уж с ней знаком.

Змий, слыша свист секущих воздух крыл,
Бежал, и, ровным лётом вспять пустившись,
Стал каждый страж в том месте, где он был

127 И я клянусь, как жду достигнуть рая,

Что в вашем роде не прошли, как дым,
Честь кошелька и честь меча былая.

130 Бог и обычай так блюдут над ним,
Что там, где мир сбит злым вождем с дороги, —
Лишь он один идет путем прямым».

133 «Иди ж, — он мне. — Семь раз в своем чертоге
Не снидет Солнце в ложе волн морских,
На коем ставит знак Овна все ноги. —

136 Как ласковый твой отзыв о моих
На лбе твоем за это пригвоздится
Гвоздьми покрепче, чем слова иных,

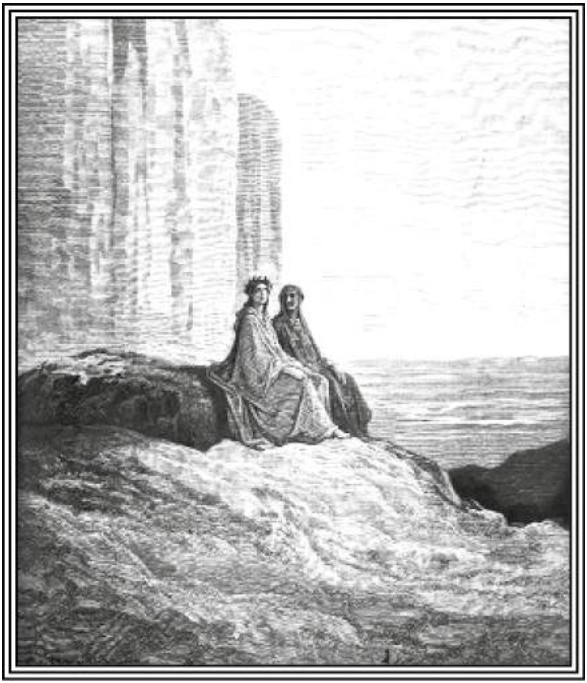
139 Коль суд небес не может измениться».

Песнь IX

Преддверие чистилища. — Цветущая долина. — Сон и сновиденья Данте. — Орел. — Лючия. — Врата чистилища. — Ангел-привратник. — Вход в первый круг.

1 Наложница древнейшего Тифона,
Бежав из нежных рук его, лила
Свой бледный свет с восточного балкона.

4 Из дорогих каменьев вкруг чела
Сверкал венец, принявший вид холодный,
Вид твари той, чей хвост так полон зла.



И, два шага свершив в стези восходной,
Склоняла Ночь на третьем крылья вниз,
Там, где сидел с семьей я благородной

7 И, два шага свершив в стези восход-ной,

Склоняла Ночь на третьем крылья

вниз,

Там, где сидел с семьей я благородной.

10 Адамовых еще не снявший риз,

Я тут поник, дремотой удрученный,

В траву, где все мы пятеро сошлись.

13 И в час, как петь начнет свои канцоны

Касаточка, пред утром, — может быть,

Еще твердя все прежней скорби стоны; —

16 Когда душа, порвав всех мыслей нить,

Из тела вон летит к пределам высшим,

Чтоб в сновиденьях вещий дар явить, —

19 В тот час во сне я зрел с небес повисшим

Орла с златыми перьями, как свет,

Готового упасть к пределам низшим.

22 Я был, казалось, там, где Ганимед,

Покинув братьев при их тщетном кли-

че,
Взлетел к богам в верховный их совет,

25 И я подумал: знать, его обычай
Быть только здесь, и, знать, в других местах
Гнушается спускаться за добычей;

28 И, покружась немного в небесах,
Как молния, в меня он громом грянул
И в мир огня умчал меня в когтях.

31 И, мнилось, в огнь, как в бездну, с ним я канул,
И жег меня так сильно мнимый пыл,
Что сон исчез, и я от сна воспрянул.

34 Не и́наче затрепетал Ахилл
И очи вкруг водил, открывши веки,
Не ведая, что с ним и где он был,

Как молния, в меня он громом грянул
И в мир огня умчал меня в когтях

37 Когда он, сонный, матерью, в те века,
Был на руках снесен с Хиоса в Скир,

Откуда в бой его умчали греки, —

40 Как я вздрогну́л, как скоро сонный мир

Рассеялся, и, ужасом подавлен,

Я бледен стал, беспомощен и сир.

43 Но не был я моим отцом оставлен.

Уж два часа, как в небе день пылал,

И вниз ко взморью взор мой был направлен.

46 «Не бойся! — мне владыка мой сказал. —

Мы в добром месте! Пусть в тебе не стынут.

Но крепнут силы здесь меж этих скал.

49 Уж ты в чистилище, и мной не кинут!

Смотри, утес стеной идет вокруг;

Смотри, вон вход, где тот утес раздвинут.

52 Пред самым днем, там на заре, твой дух

Предался сну, и ты заснул, почия
В лугу цветов. Тогда явилась вдруг

55 Жена с небес, сказав мне: «Я Лючия!
Дай мне поднять уснувшего и вам
Тем облегчить тревоги путевые.» —

58 Средь призраков Сорделл остался там;
Она ж, подняв тебя, наверх с рассветом
Пошла, и я — за нею попятам.

61 И здесь, сложив тебя и дивным светом
Очей сверкнув туда, где вход открыт,
Исчезла вдруг, прогнав твой сон при этом».

64 Как человек, кто верой заменит
Сомнения и миром — дум тревогу,
Как скоро в лик он истину узрит, —

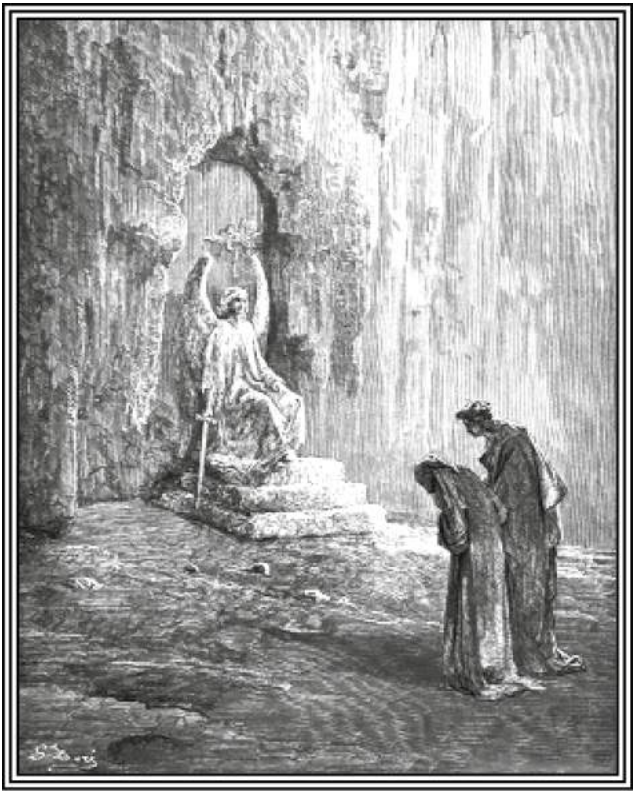
67 Так в душу мир сходил мне понемногу:
И вот, когда все страхи улеглись,

Пошел мой вождь, и я за ним, в дорогу.

70 Читатель! Видишь, на какую высь
Вознесся я: так, если здесь одену
В блеск вымысла предмет мой, — не дивись!

73 Мы, приближаясь, вышли на арену
Чистилища, где в том, что мы сочли
Сперва за щель, какая делит стену,

76 Увидели врата, к которым шли
Три вверх ступени, разного все цвета,
С привратником, являвшимся вдали.



Увидели врата, к которым шли
Три вверх ступени, разного все цвета,
С привратником, являвшимся вдали

79 Храня молчанье, грозный, без привета.
На верхней он ступени восседал,
С лицом столь светлым, что не снес я света;

82 В руке своей он голый меч держал,
Столь лучезарный, что при виде чуда
Я всякий раз взор книзу опускал.

85 «Что нужно вам? ответствуйте оттуда! —
Так начал он: — Кто вас привел сюда?
Подумайте, чтоб не было вам худа».

88 «Жена (известны ей с небес места!) —
Ответил вождь, — вселила в нас отвагу,
Сказав: «Туда идите, там врата»». —

91 «И да направит вас она ко благу! —
Вновь начал вра́тарь, радостный, как день, —

Идите же по ступеням ко прагу.[59]»

94 Мы подошли. И первая ступень
Был чистый мрамор, столь блестящий, белый,
Что я, как был, мою в нем видел тень.

97 Вторая — камень грубый, обгорелый,
Багрово-темный, вдоль и поперек
Надтреснувший в своей громаде целой.

100 Но третий камень, что над тем возлег,
Был красно-огненный порфир, похожий
На брызнувший из жилы алый ток.

103 На нем стопы поставил Ангел Божий,
Воссев на праг, что блеском походил
На адамант. По глыбам трех подножий

106 Меня по доброй воле возводил
Учитель мой, сказавши: «Умиленно

---

[59] Примечания: 59
Праг (церк. — книж.) — порог.

Моли его, чтоб двери отворил».

109 К святым стопам припал я униженно,
Крестом грудь трижды осенив себе,
И отворить нам дверь молил смиренно.

112 Концом меча он начертил семь Р
Мне на челе и: «Смой, — вещал мне свято, —
Семь этих ран на горной той тропе».

115 Как цвет золы, как прах, что взрыт лопатой,
Был цвет одежд на Ангеле. И вот,
Взяв два ключа — из серебра и злата —

118 Из-под одежд, вложил он наперед
Ключ белый, после желтый, и — по вере
Души моей — мне отпер двери вход.

121 «Когда один из них не в полной мере
Войдет в замок, не тронет всех пружин, —
Он нам сказал, — не отопрутся двери.

124 Один ценней; зато с другим почин
Трудней, и дверь им отпереть хитрее,
Узлы же снять лишь может он один.

127 Мне дал их Петр, сказав: «Впусти скорее
Чем ошибись впустить в мой вечный град,
Всех, кто припал к стопам твоим, робея.»»

130 Тут, сильно пнув во вход священных врат:
«Сюда! — сказал, — но знайте: тот в печали
Извергнется, кто кинет взор назад».

133 И вот, когда вдруг крючья завизжали
На вереях[60] *громадной двери той*
Из громозвучной, самой чистой стали, —

136 Не так взревел и меньший поднял вой

---

[60] Примечания: 60
Вереи (библ.) — столбы, на которых вешаются створки ворот.

Утес Тарпейский, быв лишен Метелла
И оскудев расхищенной казной.

139 И, слыша гром, душа во мне замлела,
И песнь «Te Deum», показалось мне,
Торжественно запелась и гремела.

142 Что слышал я, то можно бы вполне
Сравнить лишь с тем, когда хоралы пышно
Поют под гром органа в вышине,

145 При чем нам слов то слышно, то неслышно.

Песнь X

Первый круг. — Гордые. — Примеры смирения.

1 Лишь мы вошли в ту дверь, к ее ж порогу
Любовь ко злу не допускает нас,
Сводя с прямой на ложную дорогу, —

4 Как дверь, я слышал, с громом заперлась;
Но оглянись я чем, безумья полный,
Я б оправдал мой грех на этот раз?

7 В расселине скалы мы шли, безмолвны,
Где путь то вправо, то налево шел,
Как толчеёй колеблемые волны.

10 «Здесь, — начал вождь, — нельзя на произвол
Идти; но надо, чтобы применялся
Наш шаг к извилинам, где путь прошел».

13 Чрез то наш ход настолько замед-

лялся,
Что прежде стал на синие валы
Серп месяца, где в море погружался,

16 Чем мы прошли сквозь то ушко иглы.
Когда ж на волю вывели нас ноги
Туда, где сзади вновь слились скалы, —

19 Я, став без сил, и оба мы, в тревоге
Насчет пути, вступили в край пустой,
Безлюднейший, чем по степям дороги.

22 Он был от мест, где смежен с пустотой,
До стен из скал, скрывавших верх в эфире,
В три человечьих роста шириной.
25 И, сколько мог я видеть в этом мире,
Направо ли, налево ль взор летел,
Весь тот карниз, казалось, был не шире.

28 Там, прежде чем пошли мы, я узрел,

Что весь оплот стенных его окраин

(Знать, для того, чтоб взлезть никто не смел)

31 Был мраморный и дивно так изва́ян;

Что не тебе лишь труд сей, Поликлет,

Но и природе был бы чрезвычаен.

34 Там Ангел, в мир принесший нам декрет

О мире том, его ж в веках напрасно

Ждал человек, чтоб с неба снял запрет, —

37 Пред нами был, так с истиной согласно

Изваянный, столь благостный в очах,

Что предстоял, казалось, не безгласно.

40 Клянусь, имел он «Ave» на устах,

Направленных к той Деве благодати,

Что дверь любви отверзла в небесах.

43 Вложен в уста ей был глагол дитяти:

«Ecce Ancilla Domini», верней,

Чем в воск влагают оттиск от печати.

46 «Не устремляй в один предмет очей», —
Сказал Виргилий, близ меня стоявший
С той стороны, где сердце у людей.

49 И от Мадонны взор мой оторвавши,
За Ней узрел я в той же стороне,
Где был и вождь, меня к себе позвавший,

52 Другую быль на каменной стене.
И, обойдя поэта, к той картине
Я подошел, чтоб рассмотреть вполне.

55 На колеснице там влекла в долине
Чета волов божественный кивот,[61]
На ужас всем, не призванным к свя-

---

[61] Примечания: 61

Кио́т (от *греч.* κῖβωτός — кивóт — ящик, ковчег) *или* божница — особый украшенный шкафчик (обычно створчатый) или застеклённая полка для икон. Прообразом киота считается Ковчег Завета Иерусалимского храма. В церковнославянской Библии для его обозначения используется греческое слово кивот, чтобы, как и в оригинальном тексте, отличать его от Ноева ковчега (а также ковчежца-корзины, куда был положен младенец Моисей).

тыне.

58 Пред ним, в семь ликов разделен, народ,
Казалось, пел, и слух о гласе пенья
Твердил мне: «Нет!», — а взор мой: «Да, поёт!»

61 Так точно и о дыме всесожженья,
Там восходившем, ноздри и мой глаз
Меж да и нет вели друг с другом пренья.

64 Царь-псалмопевец, сердцем веселясь,
Скакал там пред кивотом, кроткий видом,
Быв и царем и не-царем зараз.

67 В окне дворца являлась пред Давидом
Жена его, Мелхола, вниз глядя,
Как женщина, что не простит обидам.

70 И от Мелхолы дальше отойдя,
Осматривать я стал другие лики,
Белевшие мне в очи близ вождя.

73 Увековечен подвиг там владыки,
Чьи доблести среди его римлян
Григория подвигли в бой великий:

76 То римский император был Траян,
И пред его конем, в слезах, вдовица
Рыдала в скорби от душевных ран.

79 Вкруг цезаря толпа, и ратных лица.
И всадники, и золотых орлов
Над ним по ветру веяла станица.

82 Злосчастная, казалось, средь полков
«О, государь! — молила, — мщенье! мщенье!
Мой сын убит; казни его врагов!»

85 И, мнилось, он в ответ: «Имей терпенье,
Пока вернусь!» — И та: «О цезарь мой!
(Как человек, в ком скорбь в живом волненье) —

88 Вернешься ль ты?» — А он: «Преемник мой

Исполнит долг!» — Но та: «К чему указан

Другому долг, когда забыл ты свой!»

«О, государь! — молила, — мщенье! мщенье!

Мой сын убит; казни его врагов!»

91 И он на то: «Утешься; я обязан
Свой долг исполнить, прежде чем пойти:
Суд ждет меня, и жалостью я связан»

94 Так Тот, Кому нет нового в пути,
Соделал зримыми все те вещанья,
И чуда нам такого не найти.

97 Пока мне взор пленяли изваянья
Тех образцов смирения живых,
Неоцененные Творца созданья,

100 «Смотри! Оттоль — но шаг их слишком тих, —
Шепнул мне вождь, — толпы́ теней явились;
Где путь наверх, узнаем мы от них».

103 Глаза мои, хоть все еще стремились
Обозревать диковин целый полк,
Не медля тут к поэту обратились.

106 Смотри, читатель, чтоб в тебе

не смолк

Глас доброго намеренья при мысли,

Как тяжко здесь выплачивают долг!

109 Забудь жестокость казней, и размысли,

Что в судный день все ж кончатся они;

Зато тех мук последствия исчисли!

112 «Поэт, — сказал я, — то, что в вышине

Там движется, мне кажутся — не тени,

Что ж именно — непостижимо мне».

115 И он на то: «Тяжелый образ пени[62],

Сужденный им, к земле их так гнетет,

Что был и я смущен сперва не мене.

118 Вглядись же в них, и взор твой разберет,

Что там за люд под грудой ка́мней в свалке:

---

[62] Примечания: 62

Пеня (*лат.* poena): 1) штраф, налог, подать; 2) неустойка;3) *здесь* — наказание.

Смотри, как в грудь себя там каждый бьет!»

121 О, христиан род гордый, бедный, жалкий!

Вы, у кого так слаб духовный зрак[63],

Что пятитесь назад стезею валкой!

124 Поймете ль вы, что человек — червяк,

Родившийся стать бабочкой небесной,

Когда на суд он прилетит сквозь мрак?

127 Чем разум ваш кичится в жизни тесной?

Чем лучше вы неразвитых червей.

Не получивших полный вид телесный?

130 Как для подпоры крыш и галерей,

С сведенными коленами у груди,

Кронштейном служат образы людей,

133 На что глядя, в скорбь истинную люди

От мнимой той приходят: так убит

---

[63] Примечания: 63

Зрак: 1. (*церк.*, *устар.*) взгляд, взор. 2. (*устар.*, *поэт.*) вид, образ.

Был сонм духóв, мной узнанных в той груде.

136 Кто больше был, кто меньше камнем скрыт,

Смотря, какой взвалён им груз на спину;

Но самый терпеливейший на вид

139 Твердил, казалось: «Большего не сдвину!»

Песнь XI

Первый круг. — Гордые. — Молитва. — Омберто Альдобрандески. — Одеризи д'Агуббио. — Провенцан Сальвани.

1 Ты, Отче наш, на небесах живущий,
Где царствуешь, но не описан в них,
Любя всех паче[64] *первый сонм, там сущий!*

4 Твое в нас имя, слава сил святых,
Век да святится, и вся тварь да видит,
Коль сладостно дыханье уст Твоих.

7 Мир Твоего к нам царствия да снидет,[65]
К нему ж, собрав усилья все свои,
Мы не придем, коль сам он к нам не при́дет.

10 Как доброй волей Ангелы Твои

---

[64] Примечания: 64
Паче (устар.) — больше, сильнее; более чем.

[65] Примечания: 65
Сни́дет (устар.) — *то же, что* сойдёт.

Приносят жертвы и поют: «осанна»,
Так да творят и люди на земли.

13 Хлеб наш насущный даждь нам днесь: то — манна,
Без ней же вспять отводят нас шаги,
Стремясь вперед, в пустыне сей туманной.

16 И так же, как друг другу все долги
Мы оставляем, так и нам остави,
И не суди нас по делам, Благий!

19 И наших сил, столь бренных в их составе,
Не дай прельстить невидимым врагам,
Но от лукавых помыслов избави.
22 Последний глас мольбы, уж лишний нам,
Не за себя, — за тех возносим, Боже,
Кого в грехах оставили мы там!

25 Так за себя и нас молитвы множа
И разные подъемля тяготы́,
Как тот кошмар, что давит нас на ложе,

28 По первому карнизу с высоты
Шли призраки, томясь, но тем упорней
Смывая копоть дольной[66] *суеты.*

31 Коль молят так за нас в стране той горней,
То что ж должны в сем мире делать те,
В чьей воле есть еще благие корни?

34 Должны помочь им смыть в их нищете
Грязь жизни сей, чтоб в чистом одеянье
Легко взнестись к надзвездной высоте!

37 «О, да ускорит суд иль состраданье
Срок ваших мук, чтоб крылья распахнуть
Могли вы в край, куда вас мчит желанье!

40 С какой руки, скажите, легче путь?
А если два здесь всхода или боле,

---

[66] Примечания: 66
Дольний — ый *прил.* (устар.; соотн. с *сущ.* дол — долина) — земной, человеческий; *ант.* (го́рний — возвышенный неземной).

То укажите, где отложе круть?

43 Затем что спутник мой здесь, в сей юдоли,
Одет во плоть Адама, почему
Всходить с трудом он должен против воли».

46 Кто дал ответ на эту речь тому,
За кем я шел, я не узнал средь грому;
Но так в толпе ответили ему:
49 «Направо здесь, по берегу крутому,
Идите с нами, и найдете ход,
Где вверх взойти возможно и живому.

52 И не мешай глядеть мне камень тот,
Что гордую мне выю так бесчестно
Пригнул к земле, что уж не зрю вперед,

55 Я б на того, чье имя мне безвестно,
Взглянул, чтоб вызнать: не знаком ли он
Со мной, несущим груз тяжеловесный.

58 Латинянин, в Тоскане я рожден;
Отец мой был Гюльельм Альдобрандеско:
То имя вам знакомо ль средь имен?

61 Кровь древняя, род предков, полный блеска,
Такую мне вселили в душу спесь,
Что общую забыл нам мать и дерзко

64 Стал презирать в душе народ я весь.
За что и пал, о чем все помнят в Сьене
И дети в Кампаньятико поднесь.

67 Я Омбертó, и гордостью не мене
Наказан здесь, как и моя родня,
Которая подверглась той же пене.

70 И этот груз я буду несть до дня,
Пока Господь простит мне, ибо ныне
Не средь живых, а между мертвых я».

73 Я, слушая, склонил лицо к стремени;
Но тут другой (не тот, кто говорил),

Весь скорчившись под камнем в злой кручине,

Узрел меня, узнал и возопил,
С усилием стараясь взор свой ближе
Вперить в меня, пока согбен я был.

«О! — я сказал. — Не ты ли, Одерижи?
Честь Губбио, искусства честь того,
Что прозвано enluminer в Париже?»

«О, брат! — сказал он. — Ярче моего
Смеются краски из-под кисти Франко:
Вся честь ему; мне ж часть ее всего!

Будь я живой, я б с гордою осанкой
Отверг ее, затем что вечно страсть
Первéнствовать была моей приманкой.

За спесь грозит нам всем возмездья власть,
И не смирись я сам — ведь до могилы,
Я б мог грешить, — сюда б мне не попасть.

91 О, суетность отличий, что нам милы!

Как быстро деревцо свой может верх скрони́ть,

Коль ряд годов ему не придал силы.

94 Мнил Чимабуэ в живописи быть

Из первых первым, а теперь уж Джотто

Явился — славу первого затмить.

97 Так Гвид лишен в поэзии почета

Другим был Гвидом; может быть, их двух

Спугнуть с их гнезд родился третий кто-то.

100 Изменчивей еще, чем ветра дух,

То дуновенье славы, что разносит

О наших именах по миру слух.

103 Что будет слава наша, пусть с нас сбросит

Хоть старость узы плоти, иль наш век

Под лепет: «папа», «мама» смерть подкосит

106 Чрез сто веков? А их короче бег
Пред вечностью, чем перед обращеньем
Небесных кру́гов — взмахи наших век.

109 Вон славою того, кто с затрудненьем
Бредет, — была Тоскана вся полна;
А ныне в Сьене он покрыт забвеньем,

112 Где был он вождь, когда сокрушена
Была спесь флорентинцев, что, столь славной
Считаясь встарь, теперь посрамлена.

115 Известность ваша вся — не злак ли травный?
Была — и нет! Кто к жизни вызвал злак
Из недр земли, тот губит с силой равной».

118 И я: «Смирение — ценнейшее из благ —
Живит мой дух, гордыне ставя грани.
Но кто же тот, о ком скорбишь ты

так?»

121 «То, — отвечал он, — Провенцан Сальвани!

И здесь за то, что в сердце мысль таил

Прибрать себе всю Сьену в мощны длани.

124 Без отдыха он ходит, как ходил

Со дня кончины: вот чем здесь искупит

Свою вину, кто слишком дерзок был!»

127 И я: «Но если всяк, в ком грех притупит

О Боге мысль до самого конца,

Внизу обязан, прежде чем к вам вступит

130 (Коль не помогут добрые сердца!),

Пробыть так долго, сколько жил на свете,

То как сюда впустили гордеца?»

133 И он: «Раз в Сьене, в славы полном цвете,

На площади коленопреклонен,

Преодолевши стыд, он стал, — в пред-

мете

136 Имея лишь одно, — чтоб был внесен
За друга выкуп Карлу, и, как скромный
Бедняк, дрожал всем телом он.

139 Я все сказал. Слова мои пусть тёмны,
Но близок день, в который объяснит
Их смысл тебе народ твой вероломный.

142 За этот подвиг путь ему открыт».

Песнь XII

Первый круг. — Гордые. — Примеры наказанной гордости. — Ангел смирения. — Подъем во второй круг.

1 Как под ярмом идут волы походкой
Тяжелою, шел с тенью я в тиши,
Доколь мне дозволял мой пе́стун[67] *кроткий.*

4 Когда ж он мне: «Оставь ее! спеши!
Здесь надлежит, чтоб всяк, подняв ветри́лы,[68]
На веслах гнал всей силой челн души!»

7 Я, выпрямя хребет свой, со́брал силы
Для шествия, хоть помыслы во мне
Удручены остались и унылы.

10 Я за вождем охотно в той стране
Последовал, и мы дивились сами,

---

[67] Примечания: 67
Пе́стун (устар.) — наставник, воспитатель (тот, кто пестует кого-либо)

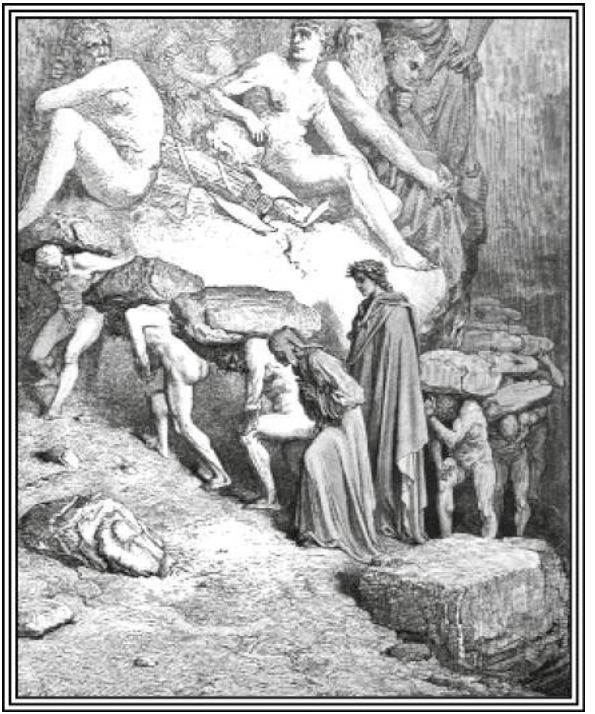
[68] Примечания: 68
Ветри́ло, — а, *ср.* (стар.) — *то же, что* парус.

Как стали мы легки на вышине.

13 Тогда поэт: «Склонись к земле очами!
Чтоб облегчить подъем твой к высотáм,
Не худо видеть почву под ногами».

16 Как на земле, на память временам,
Над мертвыми их плиты гробовые
Их прежний вид изображают нам.

19 И часто льются слезы там живые,
Лишь вспомнится их образ дорогой,
Пленяющий одни сердца благие, —



Как под ярмом идут волы походкой
Тяжелою, шел с тенью я в тиши

22 Так точно здесь, но с большей красотой

Я зрел изваянным рукой Господней

Весь тот карниз вокруг горы святой.

25 С одной руки я зрел, как благороднейней
Других существ всех созданный — быстрей,
Чем молния, спал с неба к преисподней.

28 Я зрел, с другой руки, как Бриарей,
Похолодев, пронзен стрелою неба,
Притиснул землю тяжестью своей.

31 Я зрел Палладу, Марса зрел и Феба:
Еще в оружье, смотрят вкруг отца,
Как падают гиганты в мрак Ереба.

34 Я зрел Нимврода: с ужасом лица
Он в Сеннааре, при столпе высоком,
Зрит на толпы́, забывшие Творца.

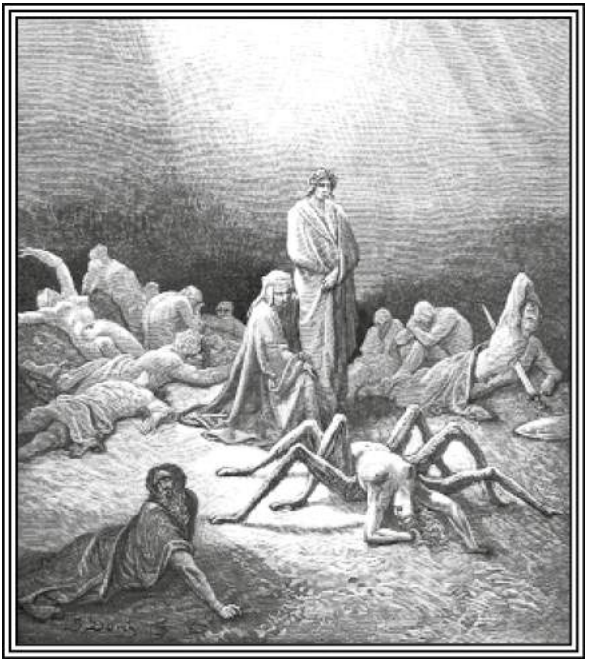
37 О мать Ниоба! в горе сколь глубоком
Представлена ты там, кидая взор
На две седмицы чад, убитых роком!

40 О царь Саул: как ты пронзен в упор
Там собственным мечом в горах Гель-

вуя,
Где дождь с росой не падают с тех пор!

43 О глупая Арахна! как, тоскуя,
Полу-паук, сидишь ты на клочках
Своей работы, начатой так всуе![69]

[69] Примечания: 69
Всу́е *нареч.* (церк.) — без необходимости, напрасно, попусту.



О глупая Арахна! как, тоскуя,
Полу-паук, сидишь ты на клочках
Своей работы…

46 О Ровоам! уж без грозы в очах,
Но в ужасе твой образ колесницей
Уносится, хотя не гонит враг.

49 Являл помост и то, как бледнолицей

Там матери Алкмеон заплатил

За роковой убор ее сторицей.

52 Являл и то, как сыновьями был

Убит мечом Сеннахерим во храме,

И как в крови он брошен там без сил.

55 Являл помост, как пред Томирой в сраме

Пал Кир, кому урок такой был дан:

Ты жаждал крови — пей же кровь здесь в яме!

58 Являл, как в бегство ассирийцев стан

Был обращен по смерти Олоферна,

И как простерт безжизненный тиран.

61 Я зрел там в Трое прах и мрак пещерный!

О Илион! как жалким и пустым

Являл тебя разгром твой беспримерный!

64 Кто кистью там, кто там резцом

живым

Так выразил черты и все отливы,

Что вкус тончайший удивился б им?

67 Там мертвый мертв, живые все там живы!

Кто видит вещи — видит их едва ль

Так хорошо, как видел я те дивы.

70 Кичись теперь, гляди надменно вдаль,

О Евин род! не дай увидеть взору,

В какую грех ведет тебя печаль!

73 Уж далее мы обогнули гору.

И солнце выше в небе уж взошло,

Чем думал я, весь занятый в ту пору,

76 Когда мне тот, кто так всегда светло

Глядит вперед, сказал: «Теперь мечтая

Нельзя идти: приподними ж чело.

79 Смотри: грядет уж Ангел, поспешая

Навстречу к нам! Смотри: уже, сме-

нясь,
Из стражи дня идет раба шестая.

82 Благоговеньем ум и взор укрась,
Чтоб мог возвесть нас Ангел с наслажденьем;
Уж этот день вновь не придет, промчась».

85 Я так привык внимать его внушеньям
Не тратить времени, что без труда
Согласовал себя с его хотеньем.

88 Прекрасный Дух явился нам тогда
В одежде белой, блеск в таком обилье
Струившей к нам, как ранняя звезда,

91 Раскрыв объятья, а потом и крылья.
«Идите, — рек, — ступени здесь вблизи;
Они наверх взведут вас без усилья.

94 Как редко здесь восходят по стези!
О род людской! зачем ты так беспечен?

При легком ветре ты уже в грязи!»

97 Нас приведя к скале, где путь просечен,
Он крыльями пахнул мне по челу,
Сказав: «Вам путь отныне обеспечен!»

100 Как вправо, там, для всхода на скалу,
Где храм над Рубаконте расположен,
Господствуя над Непричастной злу, —

103 Подъем чрезмерно трудный стал возможен
По ступеня́м, работе тех времен,
Как в книгах счет, был в бочках вес не ложен, —

106 Так точно здесь работой склон смягчен,
Спадавший круто с берега другого,
Но с двух сторон утесами стеснен.

109 Лишь повернули мы туда, как снова
«Beati pauperes spiritu» хор
Воспел так сладко, что не скажет сло-

во.

112 О! как различен вход в ущелья гор
В аду и здесь! Здесь нас встречают пеньем,
Там ярый вопль встречал нас и раздор.

115 Уж всходим мы по тем святым каменьям,
И, мнилось мне, что легче я несусь,
Чем прежде шел в долине с утомленьем.

118 И я: «Поэт, какой тяжелый груз
Упал с меня, что я почти без всякой
Усталости к вершинам тем стремлюсь?»

121 «Когда все P, — сказал он, — коих знаки
На лбу твоем (хоть блеск их и поблек),
Сойдут, как сей вот, с ними одинокий[70], —

124 Так овладеет воля силой ног,

---

[70] Примечания: 70
Одинакий, *прил.* — одинаковый, подобный, похожий, идентичный.

Что дух в тебе не только томность сбросит,

Но даже вверх с восторгом мчаться б мог».

127 Как человек, который нечто носит

На голове, не ведая, пока

Ему не намекнет кто, иль не спросит;

130 Но убедиться пособит рука:

Пощет и найдет, работу справив

Невыполнимую для глаз пока.

133 Так, пальцы правой я руки расправив,

Нашел на лбу всего шесть букв из тех,

Что врезал вра́тарь мне — ключей держатель.

136 То видя, вождь сдержал свой добрый смех.

Песнь XIII

Второй круг. — Завистливые. — Примеры любви к ближним. — Сапиа из Сиены.

1 Мы к ступеня́м прошли, вверху лежащим.
Вновь сузилась горы той высота
Где отпускаются грехи всходящим.

4 Гора карнизами такими ж обвита
Как первый; лишь черта их закруглений
Там менее, здесь более крута.

7 Здесь нет скульптуры, вовсе нет здесь те́ней,
Был ровен путь и гладок стен утес,
И всюду темно-желтых ряд камений.

10 «Дождаться ль тех, кто нам решит вопрос:
Куда идти? — сказал поэт. — Но дело
Замедлится, боюсь, через расспрос».

13 И взор очей вперив на солнце смело,

Движенья центром сделал правый бок
И повернул всей левой частью тело.

16 «О, сладкий свет, ему ж нас вверил рок! —
Он продолжал. — Веди нас в мире этом,
Где надлежит, средь новых мне дорог.

19 Ты греешь мир, живишь его ты светом,
И коль препон не встретим в чем-нибудь,
Пусть нас всегда твой луч ведет с приветом!»

22 Как длинен здесь, на свете, в милю путь,
Такую там в кратчайший миг дорогу
Мы сделали, вдохнувши волю в грудь.

25 И в воздухе услышал я тревогу
От прилетавших к нам незримых сил,
За трапезу любви всех звавших к Богу.

28 И грянул вдруг, в полете быстрых крыл:

«Vinum non habent» — первый глас громовый

И, пронесясь, те речи повторил.

30 И прежде чем вдали замолкло слово,

«Я, я Орест!» — вновь голос раздался́,

И, повторяясь, крик пронесся слова.

34 «Отец, — спросил я, — что за голоса?»

И лишь спросил, как вот уж голос третий:

«Врагов любите!» — грянул в небеса.

37 И добрый вождь: «Места бичуют эти

Грех Зависти — затем свиты́ и там

Рукой любви бичующие плети.

40 Смысл будет дан совсем иной словам,

Уздой служащим, — как и сам ты прежде

Узнаешь, чем придешь к прощения вратам,

43 Но вдаль впери внимательнее вежды
И против нас увидишь душ собор,
Вдоль той скалы сидящий в их одежде».

46 Тогда раскрыл очей я шире взор,
И лишь теперь мог рассмотреть впервые
Сонм в мантиях я, цвета камней гор.

49 Я слышал вопль: «О дева! о Мария,
Молись о нас! молитесь хором всем,
О Михаил! о Петр! о все святые!»

52 Не думаю, чтоб кто на свете сем
Был сердцем столько груб, чтоб не смутился,
Увидя то, что видел я затем.

55 И только я вблизи их очутился
Так, что черты мог рассмотреть их лиц,
От жалости слезами я залился;

58 Все в мантиях из грубых власяниц,
Все, прислонясь к утесу вековому,

Там каждый на плечо склонялся ниц

К соседу, — так слепцы, терпя истому,

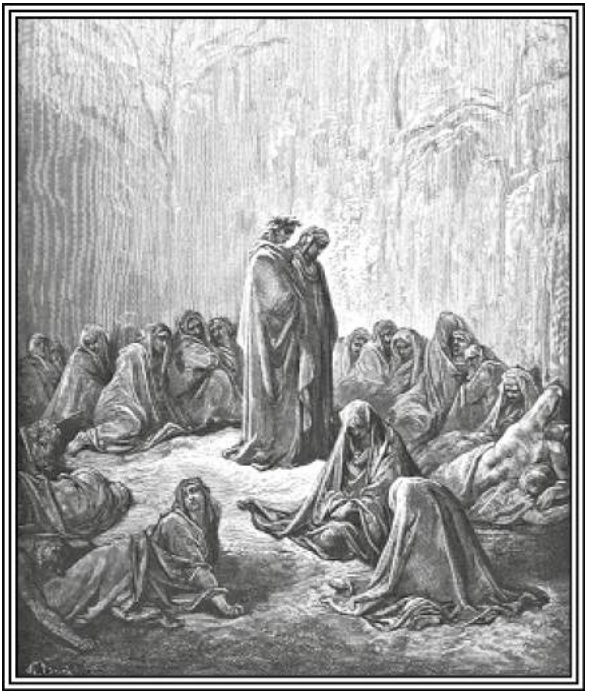
На паперти стоят в прощенья дни,

Склоняя головы один к другому, —

Так, что уже их образы одни,

Не только что мольбы их, в грусть приводят:

Столь жалостный имеют вид они!



К соседу, — так слепцы, терпя истому,
На паперти стоят в прощенья дни,
Склоняя головы один к другому

67 И как слепцы и днем лишь мрак находят,

Так и к теням, о коих слово тут,
Лучи с небес с усладой не доходят.

70 Был проволокой край их век проткнут
И так зашит, как делается это
С злым ястребом, чтоб не был слишком лют.

73 Я б оскорбил их, если б без привета
Прошел и, сам незрим, на них глядел, —
И вот взглянул на мужа я совета.

76 Он мысль мою без слов уразумел
И рек, не выждав моего вопроса:
«Спроси, но кратко; будь в сужденьях зрел».

79 Виргилий стал с той стороны утеса,
Где вниз упасть нетрудно, так как там
Ничем карниз не огражден с откоса.

82 С другой руки от нас являлся нам
Хор скорбных душ, чьи слезы, прорываясь

Сквозь страшный шов, лились по их щекам.

85 «О род! — я начал, к теням обращаясь. —

О род, достойный видеть Высший Свет,

К нему ж паришь всем помыслом, здесь каясь!

88 Да снимет с вас греховной пени след

Скорей Господь, чтоб чистый ток, как младость,

Смыл с вашей совести грех прежних лет.

91 Скажите мне (и было б то мне в сладость!),

Кому удел здесь из лати́нян дан?

Я б, может быть, ему и сам был в радость».

94 «Здесь Истинного Града лишь граждáн

Ты видишь, брат мой. Но ты хочешь встретить

Здесь странника из италийских стран?»

—

97 Так на вопрос спешил мне дух ответить,
Вдали от места бывший, где стоял
Я сам; к толпе приблизясь, мог заметить

100 Я, что один меня средь прочих ждал;
Но спросят: как узнал я? По обычью
Слепцов — отвечу — лик он приподнял.

103 «О дух, парящий к Божьему величью!
Коль ты, — я вопросил, — ответил мне,
То отзовись по месту иль отличью.

106 И тень: «Я, Сьенка, плачу о вине
Моей злой жизни и, поникнув выей,
Молюсь к Нему, да снидет к нам вполне.

109 Я не была Софией, хоть Сапией
И названа, и радость зреть других
В беде всегда была моей стихией.

112 И чтоб за ложь не счел ты слов таких,

Сам рассуди: жила я там умно ли?

Уж близилась я к склону дней моих,

115 Когда мои сограждане у Колли

Сошлись с врагом; молила я Творца

Пусть по своей Он все содеет воле.

118 Разбиты в пух, бежали от лица

Врагов сиенцы, видя ж строй их шаткий,

Я ощутила радость без конца;

120 И, дерзкий лик возвысив в злобе сладкой,

Вскричала к Богу: «Не боюсь Тебя!»

Как сделал дрозд при оттепели краткой.

123 В конце же дней, мольбы усугубя,

Я примирилась с Богом; но вины той

Раскаяньем не смыла б я с себя,

127 Когда б меня не вспомнил знаменитый

Пьер Петтиньян в святых мольбах, спеша

Из жалости ко мне с своей защитой.

130 Но кто же ты, чья добрая душа

Скорбит о нас? чьи очи, как мне мнится,

Не заперты? кто говорит, дыша?»

133 И я: «Здесь и моим очам затмиться

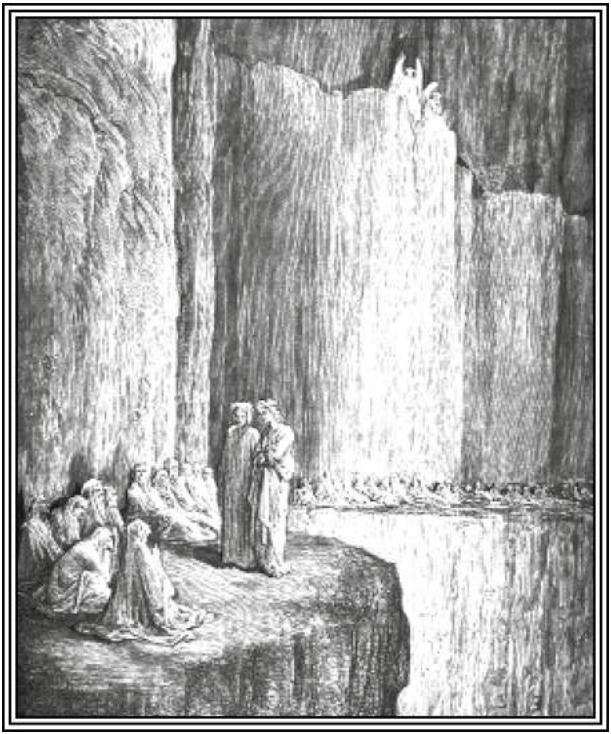
Удел, но ненадолго; сознаюсь,

Не любо им завистливо коситься.

136 Зато душой я более страшусь

Подпасть под казнь толпы нижележащей.

И казни той на мне уж виснет груз».



И мне она: «Кто ж был руководящий
Тобой средь нас, коль мнишь попасть домой?»

139 И мне она: «Кто ж был руково-
дящий

Тобой средь нас, коль мнишь попасть домой?»

И я: «Мой спутник, молча здесь стоящий.

142 Живой — пришел я к вам. Итак, не скрой,

Дух избранный! ты хочешь ли, чтоб встретил

В том мире тех я, кто любим тобой?»

145 «Что слышу я, так дивно, — дух ответил,

Что познаю, как Богом ты любим;

Да будет же твой путь счастлив и светел!

148 И я молю всем для тебя святым,

Восстанови, когда пойдешь Тосканой,

Там честь мою сородичам моим.

151 Там есть народ тщеславный, обуянный

Пустой надеждой: только Теламон

Обманет всех, как поиски Дианы;

154 Всего ж сильней потерпит флот

урон.»

Песнь XIV

Второй круг. — Завистливые. — Гвидо дель Дука. — Риньери да Кальболи. — Примеры наказания зависти.

1 «Кто это там обходит гору, прежде
Чем смерть дала ему полет, и сам
То открывает, то смыкает вежды?» —

4 «Не знаю, кто; но знаю: два их там;
Спроси его — к нему ты недалече —
И вежлив будь, чтоб он ответил нам». —

7 Так две души, склоня друг к другу плечи,
Вели направо слово обо мне;
Потом лицо приподняли для речи.

10 И тень одна: «О дух, что в пелене
Еще телесной мчишься к небу! буди
К ним милостив и нас утешь вполне,

13 Сказав: кто ты? из стран каких?

Все люди,
Познав, как благ к тебе Всевышний Бог,
Дивятся здесь о небывалом чуде».

16 И я: «Среди Тосканы есть поток,
Что в Фальтероне зачался и, смело
Сто миль промчась, в бегу не изнемог.

19 Оттуда к вам несу я это тело;
Мое ж вам имя открывать — к чему?
Оно еще не слишком прогремело».

22 «Коль речь твою я правильно пойму,
Ты говоришь об Арно здесь прекрасном». —
Так первый дух ответил, и ему

25 Сказал другой: «Что ж в слове том неясном
Скрыл имя он красы всех прочих рек,
Как бы сказав о чем-нибудь ужасном?»

28 И дух, который спрошен был, изрек:
«Зачем — не знаю; но, по правде, стоит,

Чтоб имя то изгладилось навек

31 С верховья вод, где столько речек роет
Грудь гор, от коих отделен Пелор,
Что вряд ли где вода так землю моет, —

34 Вплоть до тех мест, где вод могучий сбор
Вновь отдает взятóе небом с моря,
Чтоб тем питать потоки нив и гор.

37 Все от добра бегут, страну дозоря,
Как от змеи; — таков ли грунт страны,
Иль свычай[71] *злой влечет там к злу для горя, —*

40 Но только так в душе искажены
Все жители той бедственной юдоли,
Что, кажется, Цирцеей вскормлены

43 Меж грязных стад свиных, достойных боле

---

[71] Примечания: 71
Свычай (устар.) — привычка, обычай.

Жрать желуди, чем пищу есть людей;
Тот бедный ток сперва бежит по воле,

Потом встречает, становясь сильней,
Не столько сильных, сколько злобных, шавок,
И мчится прочь с презреньем с их полей. —

Спадая вниз и ширясь от прибавок
Побочных рек, к Волкам уж он течет,
В злосчастный ров, и проклятой вдобавок.

Стремя потом в пучины массу вод,
Находят Лис, так преданных обману,
Что их никто во лжи не превзойдет.

Пусть внемлет он, я клясть не перестану.
Да и ему ж то лучше, коль потом
Моих речей он вспомнят правду рьяну.

Вот, вижу я, твой внук идет ловцом
На тех Волков, и там, где льется мас-

са

Воды свирепой, им задаст разгром.

61 Живых, он их продаст, как груды мяса,

Как старый скот, зарежет всех на вес,

Лишит их жизни, чести сам лишася;

64 Обрызган кровью, бросит страшный лес,

И бросит уж таким, что и чрез годы

Лес все былых не соберет древес».

67 Как от предвестья будущей невзгоды

Смущается лицо того, кто внял,

Откуда грянут вскоре непогоды,

70 Так видел я, что, вдруг смутившись, стал

Печален дух, услышавший то слово,

Когда на свой он счет рассказ принял.

73 Мне речь того и грустный вид другого

Внушили мысль: кто эти духа два?

И я с мольбой к ним обратился снова.

76 Тогда тот дух, что говорил сперва,
Так начал вновь: «Твои мольбы — прилука[72]
Мне щедрым быть, как скуп ты на слова.

79 Твой к нам приход столь верная порука
В любви к тебе небес, что буду ль скуп
Я на слова? Так знай: Я Гвид дель Дука.

82 От зависти так сердцем я огруб,
Что если радость делали другому,
Я весь бледнел и зеленел, как труп.

85 Что сеял я — такую жну солому!
О род людской! зачем так любишь то,
В чем есть запрет сообществу чужому?

88 Сей дух — Риньер, честь Кальболи! Слито

---

[72] Примечания: 72

Прилука *сущ., неод., ж.*: 1. (*от* лука — изгиб, кривизна) — берег на изгибе реки; 2. приманка, прикормка; 3. *здесь*: повод

В нем все, чем славен этот дом: удела
С ним равного там не стяжал никто.

91 Но кровь его ль там ныне оскудела —
От Рено к взморью и от гор до По —
Всем тем, что нужно для забав и дела?

94 Нет, в тех пределах так все заросло
Зловредным терном, что уж благочинья
Там поздно ждать, где так окрепло зло.

97 Где добрый Лиций? Гвидо ди Карпинья?
Арриг Манарди? Пьер ди Траверсар?
О, Романьолы, выродки бесчинья!

100 Болонья даст ли вновь нам Фаббро в Дар?
Вновь явится ль в Фаэнце новобранец,
Как Бернардин, пахавший в поле пар?

103 О! не дивись, что плачу я, Тосканец!

Я вспоминаю Гвидо Прата, с кем
Жил Уголино д'Аццо, чужестранец,

И славного Тяньезо с домом всем,
Род Анастаджи с родом Траверсара
(Фамилии, что вымерли совсем). —

Дам, рыцарей, дела их, полны жара,
Вселявшие любезность и любовь
Там, где теперь в сердцах вражда и свара.

О Бреттинор! зачем в стране ты вновь,
Когда твой род, чтоб не погибнуть в сетях,
Со многими бежал, спасая кровь?

Ты прав, Баньякаваль, что вымер в детях!
Но худо, Кастрокар, а хуже ты
Живешь, о Коньо, множа графов этих!

Вы, коль падет ваш Дьявол с высоты, —
Воспрянете, Пагани! но исправить

Уж вам нельзя всей вашей черноты.

121 О Уголин де Фантоли! Прославить

Ты должен Бога, что не ждешь детей,

Чтоб честь твою развратом обеславить.

124 Иди ж, Тосканец! Слезы лить скорей

Пристойно мне, чем длить свое томленье:

Так давит грудь мне горе тех речей!»

127 Хор добрых душ услышал, без сомненья,

Шаги мои и молча подтвердил,

Что верное мы взяли направленье.

130 Когда ж с вождем один я проходил,

Как гром, когда твердь молния осветит, —

Навстречу нам вдруг глас проговорил:

133 «Всяк умертвит меня, кто в мире встретит!» —

И вдаль ушел, как гром в ущельях скал,
Когда ему гул эха с гор ответит.

136 Едва ушам он нашим отдых дал,
Как новый глас, как бы с вершины Тавра
За громом гром, загрохотав, сказал:

139 «Я в камень превращенная Аглавра!» —
И шаг назад я сделал, устрашен,
Чтоб стать под сень Виргилиева лавра.

142 Уж воздух вновь затих со всех сторон,
И вождь: «Узда то вашему порыву,
Чтоб из границ не порывался вон.

145 Но вы, хватая адскую наживу, —
Приманкой той враг древний манит вас —
Не внемлете узде той, по призыву:

148 Вас призывает небо и, кружась,
Бессмертные красы свои вам кажет;
Но в землю устремили вы ваш глаз,

151 Доколе вас Всевидец не накажет».

Песнь XV

Второй круг. — Завистливые. — Ангел братолюбия. — Подъем на третий уступ. — Третий круг. — Гневливые. — Примеры кротости в видениях.

1 Как много в небе между часом третьим
И дня началом видно сферы той,
Что век кружит, подобно резвым детям,

4 Пути так много в тверди голубой
Светилу дня пройти осталось к ночи;
Был вечер там, здесь полночь предо мной.

7 Лучи в лицо нам ударяли косо;
Мы направлялись прямо на закат,
Прошедши путь немалый от откоса.

10 Почуяв, что сильней лицо томят
Сиянья мне, чем прежде, я вопроса
Не разрешил, неведомым объят;

13 И руки поднял я броней к вершине,
Сложивши их в защиту пред челом,
Чтоб лишний блеск ослабить в их твердыне.

16 Как от воды иль зеркала скачком
Луч прядает в противном направленье,
Вверх восходя под самым тем углом,

19 Под коим пал, и в том же отдаленье
От линии, куда идет отвес
(Как учит нас в науке наблюденье), —

22 Так поражен я был лучом с небес,
Здесь преломившимся, как мне казалось,
И отклонил я тотчас взор очес.[73]

25 «Отец мой милый! Что такое сталось,
Что защитить очей не в силах я? —
Так я спросил: — Не солнце ль приближалось?»

---

[73] Примечания: 73
Очеса, *сущ. мн.* (устар.) — очи, глаза, вежды, зеницы.

28 И он: «Не диво, что небес семья
Твое слепит еще столь сильно зренье:
Посол грядет позвать нас в те края.

31 Уж близок час, узришь сии виденья
Не с тягостью, но с чувством огневым,
Сколь сил тебе дано от Провиденья».

34 Тут стали мы пред Ангелом святым,
И кротко рек он: «Шествуйте в обитель
По ступеня́м уж менее крутым».

37 Со мной взбираться стал по ним учитель,
И «Beati miseri Cordes» хор
Воспел в тылу, и «Слава, победитель!»

40 Мы оба шли одни по высям гор,
И я, и вождь, и пользу я задумал
Извлечь себе, вступя с ним в разговор.

43 И думал я: спрошу его, к чему, мол,
Романский дух упомянул запрет
Сообществу? И я спросил, что думал.

46 И он на то: «Познав, в чем высший вред

Его греха, он этим нас желает

Предостеречь от горших слез и бед.

49 Пока в вас душу только то прельщает,

Что обществом дробится вновь и вновь, —

Как мех, в вас зависть вздохи вызывает.

52 Но если б к миру высшему любовь

Всегда горе[74] *влекла желанье ваше, —*

Вам этот страх не мог бы портить кровь,

55 И чем вас больше там зовущих «наше»,

Тем больше каждому дается благ,

И тем сильней горит любовь в той чаше».

58 «Во мне мой глад не только не ис-

---

[74] Примечания: 74
Горé, *нареч.* (церк.) — вверх, к небу.

сяк,

Но стал, — я рек, — сильней, чем был дотоле,

И ум объял сомненья больший мрак.

61 Как может быть, что благо, чем в нем боле

Владетелей, сильней их богатит,

Чем если бы далось немногим в доли?»

64 И он: «За то, что лишь земное зрит

Рассудок твой, извлек ты мысль незрелу,

Что будто здесь свет правды мраком скрыт.

67 Но Благо то — Ему же нет пределу,

Ни имени, — к любви так точно льнет,

Как солнца луч к светящемуся телу.

70 В ком больший жар, тот больше обретет,

Так что чем шире в ком любовь — в заслугу

Над тем сильней и светлый луч растет.

73 Чем больше душ к тому стремятся кругу —
Тем боле там любви, и тем сильней
Льют жар любви, как зеркала друг другу.

76 Но коль твой глад не стих с моих речей —
Жди Беатриче, и в небесном взоре
У ней прочтешь ответ на все полней.

79 Заботься же, чтоб зажили здесь вскоре,
Как эти две, все прочие пять ран,
Что закрываются чрез скорбь и горе».

82 Сказать желая: «Ты во мне туман
Рассеял...» — смолк я, видя в то мгновенье,
Что мы вошли в круг новый чудных стран.

85 И мнилось, там я в некоем виденье
Восхи́щен был экстазом, как певец.

И вижу храм и в нем людей стеченье.

88 И входит в храм Жена и, как венец
Всех матерей, вещает кротко: «Чадо!
Что сделал с нами Ты? Вот Твой отец

91 И я с великой скорбию средь града
Тебя искали». — И лишь смолкнул глас,
Как все, что зрел я, скрылось вмиг от взгляда.

94 Потом я зрел другую, что из глаз
Струила дождь, какой родит досада
За оскорбленную гордыню в нас.

97 И говорит: «Коль ты владыка града,
За имя чье шел спор между богов,
Отколь блеснула всех наук отрада,

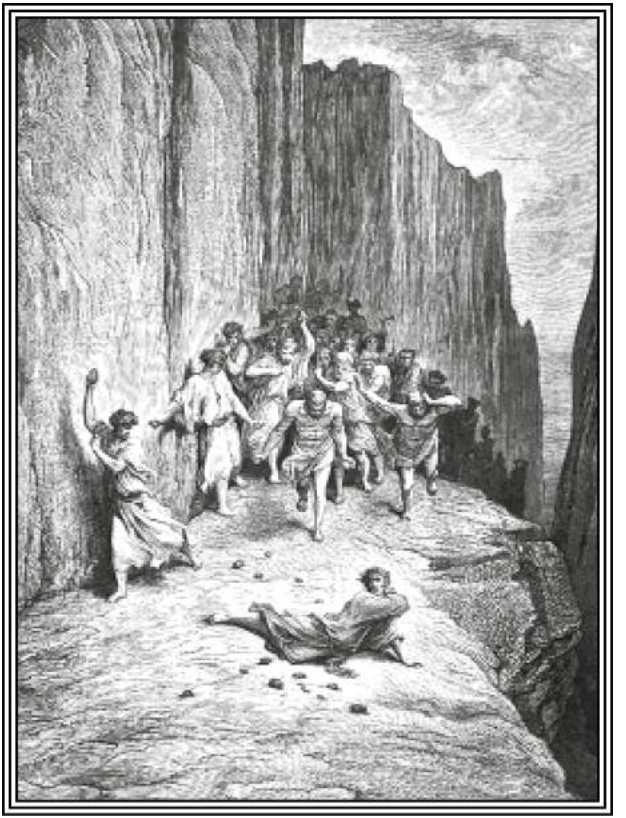
100 О Пизистрат! пролей злодея кровь,
Кто смел обнять дочь нашу без боязни!»
И, мнилось, он, весь кротость и любовь,

103 Ей отвечал, исполненный приязни:
«Что ж делать с тем, кто нам желает зла,
Коль тех, кто любит нас, подвергнем казни?»

106 Потом толпу я видел без числа,
Что каменьём Стефана побивала,
Крича: «Мучь, мучь!» исполненная зла.

109 И юноша, над кем уж смерть летала,
К земле поник и устремил врата
Очей своих вглубь райского портала.

112 И к Богу сил мольба им пролита,
Да не осудит Он его тиранов,
С таким лицом, что скорбь в нас отперта.



Потом толпу я видел без числа,
Что каменьём Стефана побивала

115 Когда мой дух вернулся из туманов

В действительность, к предметам в мире сем,

Я понял смысл нелживых тех обманов.

118 Мой вождь, кому я мог казаться тем,

На ком сейчас вериги сна разбили,

Рек: «Что с тобой? ты ослабел совсем?

121 И вот идешь уж боле чем полмили,

Закрыв глава и с путами у ног,

Как бы вино иль сон тебя томили».

124 «Отец ты мой! Когда б ты внять мне мог,

Я б рассказал, — сказал я, — ту причину,

По коей я в ходьбе так изнемог».

127 И он: «Носи ты не одну личину,

А сто личин, ты б от меня не скрыл

Из дум твоих малейших ни едину.

130 Ты зрел затем виденья, чтоб не

мнил
Не допустить тех мирных волн до груди,
Что льются к нам из тока вечных сил.

133 И не спросил я: «что с тобой?» — как люди,
Чей глаз не в силах в спящем отгадать
Хранится ль жизнь еще в своем сосуде;

136 Но я спросил, чтоб мощь тебе придать,
Как делают с ленивым, побуждая,
Его скорей дремоту разогнать».

139 Мы шли в вечернем сумраке, вперяя
Насколько можно взоры в даль и в высь,
Где поздний луч еще сверкал, пылая.

142 И клубы дыма издали неслись
Навстречу нам, темнее ночи мглистой,
И негде было от него спастись!

145 Наш взор затмив, он отнял воздух чистый.

Песнь XVI

Третий круг. — Гневливые. — Марко Ломбардо. — Свобода воли. — Порча мира. — Куррадо да Палаццо, Герардо да Каммино и Гвидо да Кастелло. — Гайя.

Тьма адская, мрак ночи непроглядный,
Лишенный звезд, где мглою облаков
Покрылся весь свод неба безотрадный, —

Не столь густой кладут для глаз покров,
Как этот дым, куда я путь направил,
И смрад его был до того суров,

Что вмиг глаза сомкнуть меня заставил.
Но мудрый вождь, заступник мой во всем,
Приблизился и мне плечо подставил.

И как слепой идет за вожаком,

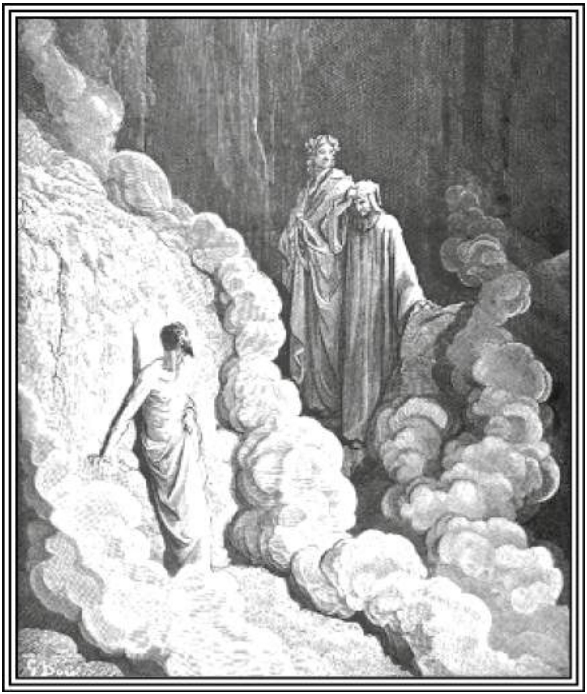
Боясь с дороги сбиться иль наткнуться
На что-нибудь и боль терпеть потом, —

13 Я шел, страшась в том смраде задохнуться
И слушая, как вождь мне повторял:
«Старайся от меня не отшатнуться».

16 Я слышал хор, где каждый глас взывал
С молитвою о мире к милосердью,
Чтоб все грехи с них Агнец Божий снял.

19 Лишь «Agnus Dei» все под дымной твердью
Там пели в голос; был один у всех
Напев, одно согласье по усердью.

22 «Не душ ли глас я слышу в хорах тех?» —
Так я; и вождь: «Ты верно понимаешь:
Гневливости с себя смывают грех».



«Но кто-ж ты сам, кто дым наш рассекаешь...»

25 «Но кто ж ты сам, кто дым наш рассекаешь,

Так говоря про нас, как будто ты

Свой год еще по месяцам считаешь?» —

28 Так речь лилась ко мне из темноты,

Причем поэт: «Ответствуй и разведай:

Отсюда ли подъем на высоты».

31 И я: «О дух, кто, над грехом победой

Очистясь, мнишь предстать к Творцу в красе!

Чтоб выслушать о диве, мне последуй».

34 «Последую, насколько можно мне, —

Ответил тот, — и пусть мы дымом скрыты,

Нам чуткий слух заменит взор вполне».

«Последую, насколько можно мне, —
Ответил тот, — и пусть мы дымом скрыты,
Нам чуткий слух заменит взор вполне.»

37 И начал я: «В те пелены повитый,
Что смерть одна лишь разовьет, сюда
Я прихожу, пройдя все адски скиты.

40 И коль Господь, ко мне благий всегда,
Свой двор святой узреть подал мне силы
Необычайным способом, — тогда

43 И ты не скрой, кто был ты до могилы?
Скажи: иду ль я прямо в те края?
И речь твоя да даст в пути нам кры́лы».

46 «Я был ломбардец; Марком звался я;
Знавал я свет, был чести чтитель строгий.
Хоть ныне лук не гнут уж для нея.

49 Чтоб вверх взойти, ты на прямой дороге». —
Ответив так, прибавил он: «Прошу,
Молись об нас, как будешь в том чер-

тоге».

52 И я: «Клянуся честью, что свершу
Мольбу твою. Но душу мне расстроил
Сомнений дух, и чем их разрешу?

55 Сперва простое, ты теперь удвоил
Во мне сомненье, подтверждая то,
Что там слыхал я, тем, что здесь усвоил.

58 Сказал ты правду, что теперь никто
Не чтит добра, что в мире нет помину
О доблестях, затоптанных в ничто.

61 Но укажи, прошу, тому причину:
На небе ли искать ее должно?
Иль на земле? и пусть я ложь низрину».

64 Глубокий вздох, сведенный скорбью в «О!»
Он испустил, и: «Врат! — сказал в волненье, —
Слеп, слеп твой мир, а в мире ты давно!

67 Вы, в нем живущие, во всем веленье
Лишь Неба видите, как бы всему
Необходимость лишь дает теченье.

70 Будь это так, то вам бы дан к чему
Свободный выбор? Был ли б суд правдивым,
Венчая добрых, злых ввергая в тьму?

73 С Небес почин лишь вашим дан порывам, —
Не всем, — но если бы и так, что ж в том?
Есть свет, чтоб меж прямым избрать иль лживым.

76 В вас воля есть; коль с Небом бой с трудом
Впервые выдержит, то не легко ли
Вскормленной победить ей уж во всем?

79 Склоняться к большей силе в вашей воле,
Или к природе лучшей; но, создав
В вас смысл, Они уж не блюдут вас бо-

ле.

82 Так если путь, где мир идет, не прав, —
Причина в вас, в себе ее ищите,
И я тебе сей разъясню устав.

85 Из рук Того, Кем, прежде чем ей быти,
Лелеется, как резвое дитя, —
Беспечная в Его святой защите,

88 Душа исходит и, в сей мир влетя
Невинная, без знаний, но вся радость,
К тому, что ей приятно, льнет шутя.

91 Ничтожных благ сперва вкусивши сладость,
Гонясь за ней, теряет путь тогда,
Пока узда иль вождь не сдержит младость.

94 На то закона и нужна узда,
Необходима и царя защита,
Чтоб башню Правды Града знать всегда.

97 Закон? Но кто хранит его открыто?

Никто! Затем что жвачку Пастырь ваш

Хоть и жует, но не двоит копыта;

100 Чрез то народ, приметя, что сам страж

Бьет лишь на то, к чему и сам он падок, —

Ест тот же корм и сам идет туда ж.

103 Теперь пойми, что если в беспорядок

Пришел весь мир, вина — в дурном вожде,

А не в природе, введшей вас в упадок.

106 Так Рим, державший целый мир в узде,

Имел два солнца, чтоб светили двое

В путях: мирских и божеских — везде.

109 Теперь одним погашено другое,

Меч слит с жезлом и два в одних руках,

Естественно, ведут лишь на дурное.

112 Слиясь, один убил к другому страх.

Коль мне не веришь — посмотри на семя:

По семени познаешь злак в полях.

115 Где льется По с Адижем — в прежне время

Повсюду честь встречали на пути,

Пока в раздор не ввел там Фридрих племя.

118 Теперь же может целый край пройти

Тот, кто стыдится к добрым в их отчизне

Не только речь начать, но подойти.

121 Три старца там остались — к укоризне

Новейших дней, и, древних арьергард,

Ждут, скоро ль Бог возьмет их к лучшей жизни,

124 Куррадо да Палаццо, и Герард,

И Гвидо да Кастель, тот, чье хранимо

У франков прозвище: простой Ломбард.

127 Всем объяви теперь, что церковь Рима,
Две власти разные в себе смешав,
Упала в грязь, а с ней — и диадема».

130 «О Марко мой! — воскликнул я, — ты прав!
И понял я теперь, зачем от веку
Род Левия лишен в наследье прав.

133 Кто ж тот Герард, кому, как человеку
Былых времен, дано служить судьбой
Живым укором варварскому веку?»

136. «Обман ли то, иль шутка надо мной! —
Вскричал он: — Как, тосканцу я внимаю,
А он не знает: Герард кто такой?

139 Под именем другим его не знаю;
Скажу лишь то, что Гайя дочь ему.
Бог с вами! дальше вас не провожаю.

142 Уже заря, сверкая там в дыму,
Белеется, и Ангел показался,
А я не смею подойти к нему». —

145 Так он сказал и слушать отказался.

Песнь XVII

Третий круг. — Гневливые. — Выход из дыма. — Примеры свирепого гнева в видениях. — Ангел мира. — Подъем в четвертый круг. — Ночь. — Любовь как корень всех добродетелей и всех пороков.

1 Читатель, если в Альпах в облак тонкий
Когда-нибудь вступал ты и сквозь пар
Смотрел, как крот глядит чрез перепонки, —

4 То помнишь ли, как тускло солнца шар
Во влажные вступает испаренья,
Когда их в небе разрежает жар?

7 И даст тебе полет воображенья
Представить то, как солнце в этот раз
Явилось мне в минуту захожденья.

10 Так, по стопам учителя стремясь,
Я шел из облака, облит лучами,

Которых блеск уж под горой угас.

13 Фантазия! ты с внешними вещами
Так ро́знишь нас, что уж не слышим мы,
Хоть тысяча б гремела труб пред нами.

16 Кто ж шлет тебя, коль чувства в нас немы?
Шлет свет тебя! Он сходит сам, иль сила
Небесная нам льет его в умы.

19 Злодейство той, кто вид свой изменила,
Став птицею, привыкшей распевать,
Фантазия! ты мне теперь явила.

22 И здесь мой дух замкнулся так опять
В самом себе, что ничего из мира,
Из внешнего, не мог уж воспринять.

25 Затем в мечты ниспал, как дождь с эфира,
Свиреп и дик, тот гордый изувер,

Кто на кресте был ра́спят после пира.

28 Вокруг него: великий Ассуер,
Эсфирь царица, Мардохей, друг блага,
В делах и в слове честности пример.

31 Едва сама собой исчезла сага,
Как дождевой пузырь, как скоро в нем
Создавшая его иссякнет влага, —

34 Лик девушки в видении моем
Предстал в слезах, с словами: «О родная!
Почто ничем во гневе ты своем

37 Решилась стать, Лавинию спасая?
Убив себя, теряешь дочь, и вот
Я с матерью теряю вольность края».

40 Как греза рушится, когда падет
Внезапный свет в закрытые нам очи,
Дрожа в обломках, прежде чем умрет —

43 Так этот призрак канул в сумрак ночи,
Лишь только свет лицо мне озарил

Сильней того, что вынесть в нашей мочи.

Я взор обвел, чтоб видеть, где я был;
Вдруг чей-то глас, сказав: «Здесь всходят в гору!» —
От всех иных предметов отвратил

Мне мысль, и так хотелось мне в ту пору
Узреть того, кто так вещает с гор,
Что я предстать в его не медлил взору.

Но, словно солнце, что слепя нам взор,
В избытке света образ свой скрывает, —
Он поразил глаза мои в упор.

«Божественный то дух! Он предлагает
Без наших просьб длань помощи тебе,
И сам себя во свет свой облекает;

Он нам дает, как каждый сам себе,
Затем что всяк, кто просьбы ждет от

брата,

Готов злорадно отказать в мольбе.

61 Спешим на зов! Коль не минуем ската

И не войдем, покамест длятся день,

Придется ожидать нам дня возврата». —

64 Так вождь сказал, и я за ним, как тень,

Направил шаг в обитель благодати,

И лишь вошел на первую ступень,

67 Как за собой услышал глас: «Beati

Pacifici», и ветр, как бы от крыл,

Пахнул в меня, чтоб снять с лица печати.

70 Так высоко над нами уж светил

Последний луч, за коим ночь приходит,

Что там и сям сверкнул уж блеск светил.

73 «О силы! Что ж вас в немощь ночь приводит?» —

В душе сказал я, чуя, как тяжел

Истомы гнет, что на меня нисходит.

76 Мы были там, где дальше уж не вел
Ход лестницы, и скрылись мы под кровом
Горы, как челн, который в порт вошел.

79 И чтоб узнать, что в этом круге новом, —
На миг свой слух напряг я у межи;
Потом к вождю так обратился с словом:

82 «Отец мой добрый, что за грех, скажи,
Здесь очищается в скалистом гроте?
Ты шаг сдержал, но слова не держи».

85 «Любовь к добру, ослабшую в полете, —
Он провещал, — вновь проявляют тут;
Отсталое весло тут вновь в работе.

88 Но чтоб понять тебе был легче труд, —
В час отдыха впери в меня мышленье;

Слова мои плод добрый принесут.

91 Ты знаешь, сын, не может быть творенье,
Ни сам Творец творенья, без любви
Природной иль духовной ни мгновенье.

94 В природе нет ошибки; но, увы!
Другая впасть в ошибку может — целью,
Избытком сил иль слабостью в крови.

97 Быв предана небесных благ веселью
И благ земных ища не без конца,
Она греху не станет колыбелью.

100 Но к злу склоняясь иль стремя сердца
Ко благу больше иль слабей, чем надо, —
Тварь восстает тем самым на Творца.

103 Любовь — отсюда сам поймешь ты, чадо, —
Дает посев делам, как полным благ,
Так полным зла, за них же казнь — награда.

106 А как любовь к самим себе никак
Не может выгоды своей не видеть,
То нет существ, кто б сам себе был враг.

109 И как нельзя представить, ни предвидеть,
Чтоб кто вне Бога сам собой быть мог,
То нет причин и Бога ненавидеть.

112 Итак осталась (коль мой вывод строг)
Любовь одна — любовь творить зло ближним,
И в теле вашем ей тройной исток.

115 Одни мечтают, взявши верх над ближним,
Чрез то возвыситься, и вот — спешат
С ступеней верхних свергнуть брата к нижним.

118 Другие славу, почесть, силу мнят
В себе утратить с повышеньем брата,
И потому, злорадствуя, скорбят.

121 А в третьих — злобой так душа

объята

От тяжкой им обиды, что грозу

Отмщенья мнят излить на супостата.

124 Грех тройственной любви сей здесь внизу

Казнится. Но внимай, как ложной жаждой

Любовь другая вас стремит ко злу.

127 Добро, хоть смутно, понимает каждый;

Всяк ищет в нем утех душе и мнит

Достичь его, чтоб мир найти однажды.

130 Всех тех, кого любовь не слишком мчит

Познать добро, снискать его со страстью,

Тех, с покаяньем, сей карниз казнит.

133 Добро иное вам дает напасти,

Нет блага в нем, — того, что всех важней —

Где плод и корень истинное счастье.

136 Любовь, стремящая к нему людей,
Казнится в трех кругах вверху над нами,
И состоит из трех она частей,

139 Но из каких — то мы увидим сами».

Песнь XVIII

Четвертый круг: грех уныния. — Любовь и свобода воли. — Примеры редкой деятельности. — Аббат из Сан-Зено. — Скалиджьери. — Примеры пагубного греха уныния. — Сон Данте.

С своей беседой тут остановился
Мудрейший муж, с вниманьем взор вперя
В мое лицо, — вполне ль я убедился.

И я, уж новой жаждою горя,
Наружно молчаливый, думал: «Может,
Вождя я утомлю, с ним говоря».

Но он, познав, что душу мне тревожит
Мысль робкая, как истинный отец,
Заговорил, да смелость в дух мой вложит.

И начал я: «Так свет твой, о мудрец,

Живит мой ум, что тайный и глубокий
Смысл слов твоих мне ясен наконец.

13 Но объясни: где той любви истоки,
К которой сводишь, добрый отче, ты
Все добродетели и все пороки?»

16 «Впери ж в меня все мысли и мечты, —
Он отвечал, — чтоб стал тебе понятным
Обман вождей среди их слепоты.

19 Дух, созданный к любви вполне податным,
Подвижен всем, что нравится ему,
Был вызван к акту чем-нибудь приятным.

22 Все сущее является уму
Лишь в образах; ум образ духу кажет
И преклоняет самый дух к нему;

25 Когда же в духе образ тот заляжет,
То склонность та и есть любовь, и в ней

Приятное природу снова вяжет.

28 И как огонь, по сущности своей,
Восходит вверх, родясь туда стремиться,
Где более он длится средь огней, —

31 Так пленный дух желанием томится
(Духовным актом) и не знает сна,
Покуда в нем желанье не свершится.

34 Теперь пойми, как истина темна
Для мыслящих (о, как их довод шаток!),
Что в вас любовь не может быть грешна.

37 Хоть, может быть, как суть, любви зачаток
Хорош всегда; но если воск хорош,
То не всегда хорош и отпечаток».

40 «Насколько свет ты мне в рассудок льешь, —
Я отвечал, — любовь я понял ясно;
Но к скольким вновь сомненьям ты ведешь?

43 Коль в нас любовь вступает самовластно
Извне, идти ж душе лишь сим путем,
То в выборе пути душа ль причастна?»

46 И он: «Скажу, насколько лишь умом
Мы видим здесь; но как то — дело веры,
То Беатриче допроси о том.

49 Субстанциальны формы вне их сферы
Вещественной, и те, что с ней слиты,
Наделены все силой разной меры.

52 Но силы те без действия мертвы
И познаются лишь из их явлений,
Как в древе жизнь — из зелени листвы;

55 Откуда же идет ряд постижений
Идей первичных, скрыто то во мгле,
Как и порыв всех первых похотений.

58 Они в вас скрыты, как инстинкт в пчеле
Готовить мед, и первая та доля

Не подлежит ни славе, ни хуле.

61 А так как всякая другая воля
Стремится к ней, то сила вам дана
Давать совет, храня границы поля.

64 Вот тот принци́п, по коему должна
Любовь к добру иль злу, смотря какую
Вы избрали, вас награждать сполна.

67 Мыслители, вникая в жизнь земную,
Свободы той познав вам данный дар,
Создали миру Этику святую.

70 Допустим же, что всякой страсти жар
Необходимостью в вас пламенеет,
Все ж сила в вас тушить ее пожар.

73 В свободе воли Биче разумеет
Мощь благородную; храни ж в уме,
Какой у ней то слово смысл имеет».

76 Луна, восстав из волн в полночной тьме,

Являла нам уж в небе звезд немного,
Раскалена, как бы котел в огне,

79 И против звезд неслася той дорогой,
Где меж Сардинией и Корсикой заход
Светила дня римлянин видит строгий.

82 И славный дух, чье имя в род и род
Над Мантуей возвысило Пьетолу,
С души моей так сбросил груз забот,

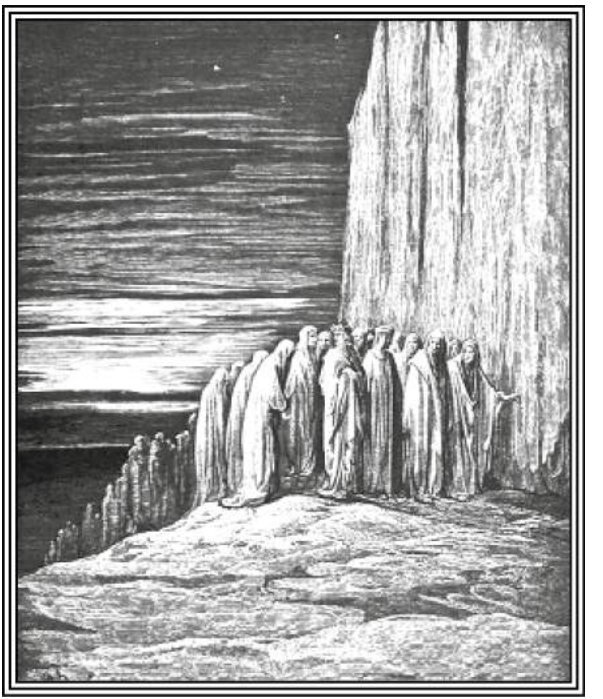
85 Что, мудрому внимая там глаголу
Учителя в ответ мне, я стоял,
Как тот, кого дремота клонит долу.

88 Но быстро ту дремоту разогнал
Во мне народ, что с быстротой потопа
За нашими плечами вслед бежал.

91 И как брега Исмена и Азопа
На праздник Вакха мчавшихся фивян
Нередко были ночью местом скопа:

94 Так душ пред нами несся целый

стан,
И был стремлён усердно круговое
Движение свершать он обуян.



Но быстро ту дремоту разогнал
Во мне народ, что с быстротой потопа

За нашими плечами вслед бежал

97 И быстро так-то скопище густое
Неслось вперед, что вмиг примчалось к нам,
И впереди кричали с плачем двое:

100 «С поспешностью шла в горы Мариам,
И Цезарь-вождь, чтоб овладеть Илердой,
Массилью взяв, бежал к испанцам сам».

103 «Скорей! скорей! чтоб с волею нетвердой
Не опоздать! — кричали вслед строи, —
Усердье к благу любит Милосердый!»

106 «О вы, в ком ныне острый жар любви
Восполнил лень, быть может, наказуя
За косность дел по вялости в крови!

109 Вот сей живой (и верьте, что не лгу я!),
Лишь день блеснет, хотел бы вверх

взойти;

Скажите ж мне, где щель в скале найду я?» —

112 Так вождь сказал бежавшим по пути.

И дух один: «Отбросив нерадивость,

Беги нам вслед, коль хочешь щель найти.

115 Нам воля так внушает торопливость,

Что стать не смеем! Извини ж мне, брат,

Коль нашу казнь ты счел за неучтивость.

118 В Вероне был в Сан-Зено я аббат

При Барбароссе добром, в век насилий,

О чем досель в Милане все скорбят.

121 Одной ногой уж Некто стал в могиле,

Аббатство вскоре вспомнит он, о том

Скорбя, зачем в то время был он в силе,

124 Когда, больного телом и умом,

Он сына незаконного наметил
Против закона к нам духовником».

127 Умолк ли он, иль что еще ответил, —
Не знаю: вихрем мчались души те;
Но эту речь я слышал и заметил.

130 И тот, кто был помощник мне в нужде, —
«Взгляни, — сказал, — две сзади души эти
Унынья грех преследуют везде,

133 Крича бегущим: «Прежде смертью в сети
Был взят тот род, что видел моря дно,
Чем Иордан его узрели дети.»

136 И тем бойцам, которым не дано
Отваги мчаться с отраслью Анхиза,
Бесславно жизнь покончить суждено!»

139 Как скоро сонм вдоль этого карниза
Настолько вдаль ушел, что скрылся с глаз, —

Мой ум одела дума, словно риза.

И с думой той толпа других сплелась,
И в думах тех блуждал я так мышленьем,
Что в неге чувств сомкнулись веки глаз,
И размышленье стало сновиденьем.

Песнь XIX

Четвертый круг: грех уныния. — Символический сон Данте. — Ангел любви к Богу. — Подъем в пятый круг сребролюбивых. — Папа Адриан V.

1 В тот час, как холода Луны в лазурном
Пространстве звезд не может превозмочь
Зной дня, ослабленный Землей с Сатурном, —

4 Когда встает для геомантов в ночь
Fortuna major, пред зарей, с обычной
Страны, где мгла бежит с востока прочь,

7 Мне снилась тень жены косноязычной,
С культями рук, хромой, косой на вид,
Имевшей лик лишь мертвецу приличный.

10 Я на нее глядел, и как живит

Остывшее под хладом ночи тело
Луч солнечный, так ей мой взгляд дарит

13 Свободу уст, и выпрямился смело
Весь рост ее, и тусклый, мертвый лик
Зарделся вдруг, как будто страсть в нем млела.

16 И вот, лишь в ней свободным стал язык, —
Запела так, что уберечь от плена
Едва я мой рассудок свой в тот миг.

19 «Я, — пела тень, — та чудная Сирена,
Что моряков влечет с морей на брег,
Так сладок голос мой, всех бед замена!

22 На песнь мою скитальческий свой бег
Сдержал Улисс, и кто со мной в общенье,
Тот редко прочь бежит от наших нег!»

25 Еще в устах у ней звучало пенье,
Как некая пречистая Жена

Явилась мне, чтоб ввесть ее в смущенье.

28 «Виргилий! О Виргилий! кто Она?» —

Воскликнул я, и вождь мой, полн надежды,

Потек к Жене пречистой. И, гневна,

31 Она с Сирены сорвала одежды,

Чтоб видел я, что было в них внутри,

И страшный смрад велел открыть мне вежды.

34 Я поднял взор, и вождь: «Уж раза три

Взываю я: вставай! отбрось тревогу, —

Нашли мы вход; он пред тобой, смотри».

37 Я встал. Уж солнце блеск свой по чертогу

Святой горы лило во все места,

Светя нам в тыл, и вождь пошел в дорогу.

40 Я ж, идя вслед, не выпрямлял хреб-

та,

Но шел, как тот, кого гнетет забота,

Чей стан согбен, как полусвод моста.

43 Вдруг слышу глас: «Войдите, здесь ворота!» —

Столь кроткий глас, что смертным на земле

Ввек не звучит столь сладостная нота.

46 Как белый лебедь, распростря крыле,

Нам говоривший нас повел в ущелье

Между двух стен в той каменной скале.

49 И он крылами мне пахнул в веселье,

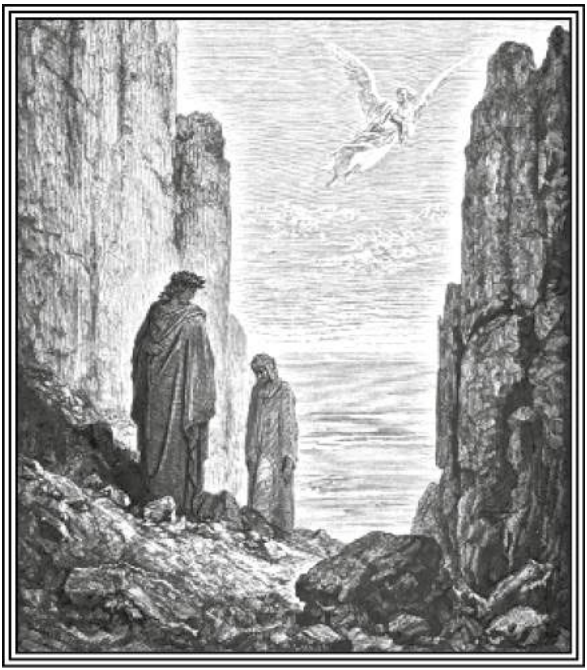
Блаженны плачущие, говоря, —

Утешатся в небесном новоселье.

52 «Что ты идешь, так в землю взор вперя?» —

Так начал вождь, лишь поднялся немного

Над Ангелом, сиявшим как заря.



«Что ты идешь, так в землю взор вперя?» —
Так начал вождь, лишь поднялся немного
Над Ангелом, сиявшим как заря

55 И я: «Велит идти мне так с тревогой

Недавний сон, и дум о нем вовек
Не истребит во мне рассудок строгий!»

58 «Ты древнюю зрел ведьму, — он изрек, —
Из-за нее ж льют слезы там, под нами;
Ты зрел, как с ней быть должен человек.

61 Довольно с нас! Топчи же прах пятами!
Гляди на ту приманку, что кружит
Сам вечный Царь широкими кругами».

64 Как сокол прежде под ноги глядит.
Потом, на крик знакомый устремяся,
Весь тянется туда, где корм манит, —

67 Так мчался я, и там, где раздалася
Скала горы, чтоб дать всходящим путь,
Я лез, пока мы не пошли, кружася.

70 Лишь в пятый круг ввела нас всхода круть,
Я сонм узрел, что, слез унять не смея,

Простерся ниц, к земле притиснув грудь.

73 «Adhaesit pavimento anima mea», —
Вопили все, подъемля шум такой,
Что я стоял, всех слов не разумея.

76 «Род, избранный Творцом, чью казнь с тоской
Надежды луч творит не столь тяжелой!
Направьте нас на верх горы святой». —

79 «Когда пришли не лечь на камень голый
И поскорей хотите вверх взойти, —
Ваш правый бок держите к бездне полой».

82 Так вождь просил, и так ему в пути
Вблизи от нас был дан ответ, в котором
Я тайный смысл удобно мог найти.

85 И взор учителя я встретил взором,
И вождь все то, о чем мой взор просил,

Мне разрешил безмолвным приговором.

88 И лишь на то я право получил,

Как я уж стал над тем, с кого все время,

Как говорил он, глаз я не сводил.

91 И я: «О, дух, в чьем плаче зреет семя,

Без коего к Творцу нельзя предстать!

Сбрось для меня на миг дум тяжких бремя.

94 Кто ты? зачем спиною вверх лежать

Вы здесь должны? Скажи мне, чтоб не всуе

Молил я там, куда вернусь опять».

97 И он: «Скажу, зачем, слепые, буи,

Повергнуты спиной мы вверх; сперва ж

Successor Petri — scias — quod ego fui:

100 Меж Сьестри и Кьявери горный кряж

Омыт рекой, чьим именем и слухом

Прославился фамильный титул наш.

103 Я месяц с малым сам изведал духом,

Как папский сан тяжел тому, кем в грязь

Не втоптан он: груз всякий чту я пухом.

106 К Творцу, увы мне! поздно обратясь,

Я лишь тогда, как пастырем стал Рима,

Постиг всю ложь, порвавши с миром связь.

109 Тут понял я, что все проходит мимо.

Тиары блеск уж в жизни мне не льстил,

Влекла ж меня сей жизни диадема.

112 До тех же пор я, дух злосчастный, жил

Вне Бога, жаждой лишь к сребру согретый,

И здесь, как видишь, муку заслужил.

115 За сребролюбье вот какой монетой

Здесь платим мы, свой очищая грех,

И на горе нет казни горше этой.

118 Как не искал божественных утех

Наш алчный взор, весь прилеплён к земному, —

Так в землю Суд упер здесь очи всех.

121 Как жар гасило ко всему благому

В нас сребролюбье, доблесть всю поправ, —

Так правый Суд поверг нас здесь в истому,

124 И по рукам, и по ногам сковав.

И будем мы лежать, недвижны тени,

Доколь свершит Царь правды Свой устав».

127 Желав ответить, стал я на колени

И уже начал, как услышал он,

Что я главой припал к его ступени.

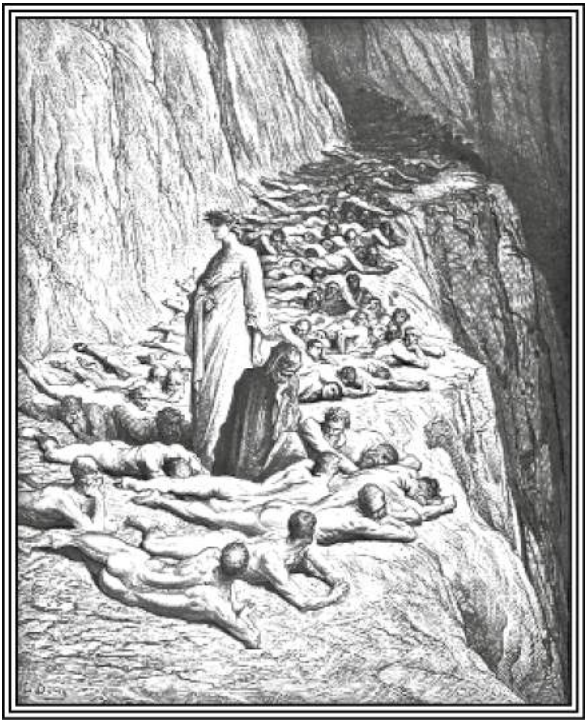
130 «Зачем, — спросил он, — долу ты

склонен?»

И я ему: «Пред вашим папским саном
Мне долг велит творить земной поклон».

133 И он: «Брат, встань! Ты увлечен обманом:
Теперь, как ты, как все, я лишь простой
Служитель здесь пред вечным Океаном.

136 И если вник в евангельский святой
Глагол ты: «Neque nubent», тотчас ясно
Поймешь, зачем так говорю с тобой.



И он: «Брат, встань! Ты увлечен обманом...»

139 Иди ж теперь; не медли здесь напрасно

И не мешай мне слезы лить из глаз,

Да зреет плод, как ты сказал прекрасно.

142 Племянница, Аладжья, есть у нас;
Она добра, лишь только б в злые сети
За нашими вослед не увлеклась;

145 Она одна осталась мне на свете».

Песнь XX

Пятый круг: сребролюбивые. — Примеры бедности и щедрости. — Гуго Капет. — Капетинги. — Примеры скаредной скупости. — Гора сотрясается при освобождении из чистилища очистившейся души.

Мы воле сильной делаем уступку:
Так, нехотя, в угоду тени той,
Не напитав водой, извлек я губку.

Подвигся я, и вождь подвигся мой,
Идя путем свободным вдоль утеса,
Как вдоль зубцов ограды крепостной,

Затем что сонм, из чьих очей лилося
По каплям зло, всемирная беда,
Простерт был ближе к стороне откоса.

Будь, древняя Волчица, проклята!
Твой зев бездонный боле, чем все звери,
Глотает жертв, а все ты не сыта.

13 О небеса, чей ход (по общей вере)
Меняет все условья на земли!
Придет ли тот, кто в мир запрет ей двери?

16 Мы редкими шагами тихо шли,
И я вникал в рыдания глухие
И в стон теней. Вдруг слышу невдали

19 От нас напев: «Сладчайшая Мария», —
Столь жалкий, будто плакалась жена,
Претерпевая муки родовые.

22 И далее: «Была Ты так бедна,
Что в яслях был Тобой, небес Царицей,
Положен плод, разверзший ложе сна!»

Мы редкими шагами тихо шли,
И я вникал в рыдания глухие
И в стон теней

25 И вслед за тем: «О доблестный Фабриций,

Ты лучшим счел быть честным в нищете,
Чем богачом порочным, как патриций».

28 Понравились мне столько речи те,
Что выступил вперед я, полн желанья
Узнать того, кем сказаны они.

31 Он напевал еще про те деянья,
Что Николай для бедных сделал дев,
Чтоб юность их спасти от поруганья.

34 И я: «О дух, как сладок твой напев!
Ответь: кто ты? и по какой причине
Один лишь ты похвал тех мечешь сев?

37 И знай, недаром мне ответишь ныне,
Коль возвращусь я к краткой той тропе,
Что каждого влечет к его кончине».

40 И он: «Скажу не с тем, чтоб ждать себе
Услады там, но ради предпочтенья,

С каким Господь благоволит к тебе.

43 Я корень был зловредного растенья,
Чья тень Христовой всей вредит семье,
Хоть редко плод дают его коренья.

46 Будь сильны Гент, Лилль, Брюгге и Дуэ, —
Они б отмстили срам свой, и об этом
Я шлю мольбы к святому Судие.

49 Там прозывался Гугом я Капетом;
Филиппов, Людвигов от нас возник
Там целый ряд, держащий край под гнетом.

52 Отцом моим парижский был мясник.
Когда король последний власяницу
Одел, и древний царский род поник,

55 Бразды правленья взять в свою десницу
Был призван я и сдвинул из друзей
Столь грозную вокруг себя станицу,

58 Что вдовственной короной королей

Мой сын венчался, чтоб начать отсюда

Капетов ряд помазанных костей.

61 Пока Прованс — не дар, а злая ссуда —

Не умертвил стыда в моей крови,

Мой род был слаб, зато не делал худа.

64 Но тут захваты начал он свои

Творить, как тать, и взял — чтоб зло поправить —

Нормандию, Гасконью и Поньи.

67 Карл вторгся к вам и, чтобы зло поправить,

Свел Конрадина в гроб, потом возвел

Фому на небо — чтобы зло поправить!

70 Я вижу день (и он почти пришел),

Как Карл другой свершит свой подвиг дикий.

Чтоб лучше мир уведал, как он зол, —

73 Свершит без войск, с одной лишь

тою пикой,

Какой разил Иуда, и, как вор,

Флоренцию пронзит бедой великой.

76 Не земли он, но грех лишь и укор

Приобретет тем больше гнусной мерой,

Чем легче сам глядит на свой позор.

79 Придет Карл новый: взятый в плен с галерой,

Продаст он дочь, как сводник, как корсар,

Торгующий невольницей-гетерой.

82 Какой еще мне, алчность, дашь удар.

Коль так люба моим сынам суровым,

Что плоть свою пускают уж в товар?

85 Чтоб блеск придать грехам былым и новым,

Я лилии в Аланью зрю приход

И плен Христа в наместнике Христовом.

88 Зрю, как над ним глумится вновь

народ;

Зрю оцет[75] *с желчью, подносимый снова,*
И средь живых злодеев смерти гнет.

91 Зрю нового Пилата, столько злого,
Что, алчные поднявши паруса,
Ворвется в храм без Божеского слова.
94 О, Господи! дождусь ли я часá
Отмщения, и долго ль ужас мести
Таить Твои нам будут небеса?

97 То, что я пел о пресвятой Невесте
Святого Духа и чем вызван ты
Мне предложить вопрос на этом месте, —

100 То входит нам в молитвы и мечты,
Покуда день; но песнь в ином мы тоне
Поем всегда с приходом темноты.

103 Тогда поем о том Пигмалионе,

---

[75] Примечания: 75

Оцет (устар.) — окисшее вино, уксус, которым, по евангельскому преданию, была смочена губка, поднесенная на конце копья к устам распятого Христа.

Кто стал убийцей, хищником зараз
По алчности ко злату и короне;

106 О том, как бедствовал скупой Мидас
Вслед за своим желанием безумным.
Став навсегда посмешищем для нас.

109 И помним об Ахане неразумном,
Похитившем добычу, так что всем
Нам страшен гнев Навинов в круге шумном.

112 Виним Сафиру с мужем вслед за тем,
И чтим удар копыт в Гелиодора,
И всей горе стал Полимнестор тем

115 Постыл, что предал смерти Полидора.
Крик, наконец, мы слышим: «Красс, скажи,
Каков на вкус прах золотого сора?»

118 Мы говорим то громко, то в тиши,
Согласно с тем, звучнее или глуше

Льют речь из нас волнения души.

121 Но днем поют здесь о добре все души;
Случилось же на этот раз, что пел
Один лишь я, пленив тебе так уши».

124 Расставшись с ним, мы шли в другой предел,
Преодолеть стараясь путь с охотой,
Насколько сил нам выдано в надел.

127 Вдруг дрогнула гора, как будто что-то
Обрушилось, и хлад меня объял,
Как тех, кого ведут для эшафота.

130 Нет, верно, так и Делос не дрожал
(Пока гнезда в нем не свила Латона),
Когда два ока неба он рождал.

133 Со всех сторон раздался гул от стона,
Так что мой вождь, приблизившись ко мне,
Сказал: «Слепой! тебе я оборона».

136 «Gloria in excelsis Deo», — все

Взывали там, насколько я по кликам,

Ближайшим к нам, расслушать мог вполне.

139 Недвижны, в страхе были мы великом,

Как пастыри, которым на земле

Тот гимн воспет впервые райским ликом.

142 Тут в путь святой пошли мы по скале,

Глядя на сонм, к земле приникший пыльной,

Вернувшийся к слезам своим о зле.

145 И никогда я жаждою столь сильной

Не пламенел до истины достичь,

Как здесь, когда источник дум обильный

148 Родил во мне таинственный тот клич;

Спеша, не смел я вопросить об этом,

А сам собой не в силах был постичь

151 И, робкий, шел я в думе за поэтом.

Песнь XXI

Пятый круг: сребролюбивые. — Стаций. — Причина сотрясения горы. — Встреча Стация с Виргилием.

1 Врожденной жаждой, только тою влагой
В нас утоляемой, которой дар
Был Самарянкой выпрошен, как благо, —

4 Томился я, и мчал усердья жар
Меня тропой, где всюду горесть дышит,
И я скорбел при виде Божьих кар.

7 И как в пути (о чем Лука нам пишет)
Христос явился двум ученикам,
Из гробовой уже пещеры вышел, —

10 Вот! — вслед нам шедший дух явился там,
Глядя на сонм, лежавший под закля-

тьем;

Но стал нам виден лишь тогда, как сам

13 Проговорил: «Да даст Господь мир братьям!» —

Мы оглянулись тотчас, и поэт,

Послав ему привет руки поднятьем,

16 Сказал ему: «В бессмертный свой совет

Тебя да примет с миром Суд безгрешный,

Как вверг меня в изгнанье вечных бед».

19 «Как? — дух сказал, меж тем как шли мы спешно; —

Вам Господом путь в гору возбранен?

Кто ж вас, теней, привел из тьмы кромешной?»

22 И вождь: «Коль вник ты в смысл на нем письмён,

Начертанных десницей, вход брегущей, —

Поймешь, что быть средь добрых дол-

жен он.

25 Но как ему и день и ночь Прядущей
Нить дней еще ведется с прялки той,
Где Клото вьет кудель всей твари сущей, —

28 То в нем душа, нам будучи сестрой,
Здесь странницей могла ль быть одинокой,
Глядя на все не так, как я с тобой?

31 Вот почему из пасти бездн широкой
Я взят в вожди и буду им ему,
Доколь вести здесь может ум высокий.

34 Но объясни, коль можешь, почему
Дрожит гора, и от вершин до моря
Что значит клик по Божьему холму?»

37 Вопрос в мои желания — им вторя, —
Как нить в ушко иглы попал: во мне
От жажды той уж часть отпала горя.

40 И дух: «Ничем здесь в Божьей вы-

шине

Не рушится религия святая,

И все всегда законно в сей стране.

43 От всех премен изъят здесь воздух края.

Все из себя берут здесь небеса,

Обычный строй в сем мире сохраняя.

46 Не падают ни иней, ни роса.

Ни дождь, ни снег здесь выше той поляны,

Где трон из трех ступеней поднялся.

49 Здесь нет и туч, безвестны здесь туманы;

Ни молнии, ни Тауманта дщерь,

Что ниже там меняет часто страны.

52 Восходит здесь и пар сухой, поверь,

Не выше тех трех сказанных ступеней,

Где Страж Петра оберегает дверь.

55 Там, может быть, дрожит сильней, иль меней

Гора по той вине, что ветр там скрыт

В земле; но выше — нет землетрясений.

58 Дрожит здесь край, как скоро дух свершит
Срок искуса, и встанет, иль почует
К полету мощь, и гимн тогда гремит.

61 Что срок свершен — то воля знаменует;
Она, парить всегда имея дар,
Объяв вдруг душу, крылья ей дарует.

64 Парить же ей сперва мешает жар
Желанья, им же, как влеклась вначале
К греху, так днесь — к перенесенью кар.

67 И я, лежавший пять веков в опале,
Лишь вот теперь, почуя волю; мчусь
В тот лучший мир, где боле нет печали.

70 Вот почему горы ты видел трус,
И на горе душ скорбных внял хваленьям
Творца, Его ж молю, чтоб снял с них груз».

73 Так он сказал, и, как мы с наслажденьем
Тем большим пьем, чем больше жажда в нас, —
Так был я полн безмерным упоеньем.

76 И вождь: «Так вот та сеть, что держит вас!
Теперь я вижу, что дает вам волю,
Чем вызван трус и чем — веселья глас.

79 Но кто ты был? спросить себе позволю;
И почему — скажи мне — пять веков
Томился ты, прикованный здесь к полю?»

82 «В те дни, как Тит, ведом Царем миров,
За язвы мстил, из коих лицемеры
Исторгли продану Иудой кровь,

85 Под званием, дающим честь без меры,
На свете том, — так дух сказал в ответ, —

Я славен был, но жил еще без веры.

88 Столь сладостным я духом был согрет,
Что мне, тулузцу, Рим открыл чертоги,
Где миртами венчался я, поэт.

91 Меня зовут там Стацием; тревоги
Воспел я Фив, воспет мной и Ахилл;
Но со второй я ношей пал в дороге.

94 Во мне посеял искру жара пыл
Божественный, где видим столько благ мы,
Что свет его миллионы озарил, —

97 Пыл Энеиды той, в ее ж стихах мы
Имели мать, и няньку иногда, —
Без них наш труд не весил бы и драхмы.

100 И для того, чтоб в веке жить, когда
Виргилий жил, я б лишний год согласен
Был здесь пробыть под узами суда!»

103 Виргилий тут вперил свой взор, безгласен,

В меня, мне знаком повелел молчать;

Но труд у нас над волею напрасен:

106 Смех и слеза умеют выступать

За вызовом их быстро так, что тщетны

Усилья прямодушных их сдержать.

109 Я улыбнулся, как бы в знак ответный,

И бросил взор мне Стаций, смолкший вмиг,

В глаза, где в нас все помыслы заметны.

112 «О если хочешь, чтоб ты в рай проник,

Зачем, скажи, так молнией улыбки, —

Он вопросил, — твой озарился лик?»

115 Молчать, иль нет? Борясь, как парус зыбкий

Меж двух противных ветров, я вздыхал,

И вздохов смысл был понят без ошибки

118 Вождем моим: «Не бойся! — он сказал. —
Открой ему все то, чего боишься
Открыть, чтоб он не тщетно вопрошал».

121 И я затем: «Быть может, ты дивишься,
О древний дух, улыбке уст моих;
Но ты сейчас и больше изумишься.

124 Тот, кто возвел мой взор до граней сих,
И есть Виргилий, у кого приял ты
Всю мощь воспеть небесных и земных!

127 Коль смысл другой моей улыбке дал ты, —
Рассей обман, и знай, что ей виной
Лишь только то, что здесь о нем сказал ты».

130 Уж он припал, чтоб обхватить рукой
Ему колена; но мой вождь: «Брат ми-

лый!

Оставь; ты тень, и тень перед тобой».

133 И он, вставая: «Здесь пойми все силы

Любви моей, коль до того забыл

Я нашу призрачность, что тень могилы

136 Обнять тебя, как тело, тщетно мнил».

Песнь XXII

Подъем в шестой круг. — Стаций, его грех и обращение в христианство. — Знаменитые люди древности в Лимбе. — Шестой круг: чревоугодники. — Мистическое дерево. — Примеры воздержания.

1 Уж Ангел Божий сзади нас остался —
Тот Ангел, что в шестую вводит высь,
И знак с меня еще при этом снялся.

4 И тех, что сердцем Правде предались,
Он на́звал нам: «Beati»; но глаголы
На sitiunt внезапно прервались.

7 И легче здесь, чем в пройденные долы,
Я восходил, и мне стремиться вслед
Тех легких душ уж не был труд тяжелый.

10 «Мы любим тех, — так начал мой

поэт, —

В ком к нам горит любовь без лицемерья,

Коль скоро жар их выказан на свет.

13 Так я — лишь в глубь геенского преддверья

Весть Ювенал принес мне о твоей

Любви ко мне, — предался, полн доверья,

16 Тебе душой: ведь можно нам людей

Заочно причислять к родному кругу…

И жалко мне, что путь здесь не длинней.

19 Но объясни и мне, прости, как другу,

Коль будет мной ослаблена узда

Речей, — и мне окажешь тем услугу:

22 Как мог впустить ты скупость без стыда

Во грудь свою, при мудрости толикой,

Так развитой при помощи труда?»

25 С улыбкой легкой Стаций светло-

ликий

Ответил так: «Глагол мне каждый твой —

Залог любви, о наш певец великий.

28 Как часто видим вещи пред собой,

Влекущие к сомненью ум тревожный

От истинных причин их, скрытых мглой!

31 Ты, видя круг, где был я, — вывод ложный,

Как кажется, из этого извлек,

Что будто я был злата раб ничтожный.

34 О, нет! поверь, я слишком был далек

От скупости; на много ж лунных сроков

За грех иной Господь меня обрек,

37 И не восстань я от святых уроков,

Тобой преподанных, когда, к стыду

Людей, взывал ты против их пороков,

40 Сказав: «В какую ты влечешь беду,

О, проклятая алчность смертных к злату!» —

Вращая камни, дрался б я в аду,

43 Лишь тут поняв, как тянет нас к разврату

Рук наших ненасытность, — много слез

Там пролил я за добрых чувств утрату.

46 О! сколько мертвых встанет без волос

На головах за то, что так упрямо

В том зле коснели вплоть до смертных гроз!

49 Коль грех какой противоречит прямо

Другому свойством, — знай, он рядом с ним

Здесь должен сохнуть в казни той же самой;

52 И коль мой грех был в том кругу казним,

Где род скупцов слезами платит дани,

То лишь затем, что так противен им».

55 «Но в том, что братьев двух жестоких брани
Двойную скорбь Иокасты ты воспел, —
Спросил творец пастушеских сказаний, —

58 И в том, что лирой Клио ты гремел,
Не видим мы, чтоб вера просветила
Твой ум, а без того нет добрых дел.

61 Какое ж солнце, или чьи светила
Так разогнали мрак твой, что развил
Ты вслед за Рыбарем свои ветрила?»

64 И он ему: «Ты первый мне открыл
К Парнасу путь, к священным Муз беседам;
Ты первый мне о Боге мысль внушил.

67 Ты поступал, как тот, кто в ночь, неведом,
Сам в мраке, — сзади светоч свой несет
И светит всем, за ним идущим следом,

70 Когда ты пел: «Век новый настает;
Вернулась правда, мир уж не туманен,
И с неба к нам нисходит юный род!» —

73 Тобой, поэт, тобой я христианин!
Но в краски окунуть я кисть горю
Желаньем, чтоб рассказ мой не был странен.

76 На целый мир уж разливал зарю
Свет чистой веры, сеемой послами,
Покорными их вечному Царю.

79 И новая их проповедь с словами
Твоими так была во всем сходна́,
Что тех послов я стал считать друзьями.

82 И были святы мне их имена;
Когда ж томил Домициан их в иге, —
Я не без слез сносил их бремена

85 И помогал им несть цепей вериги.
Покуда жил, их веры благодать
Превознося превыше всех религий.

88 И прежде чем ввел в Фивы греков

рать,

Крестился я; но, робкому поэту,

Мне страх велел религию скрывать,

91 Язычником на вид являясь свету.

И вот я больше четырех веков

В кругу четвертом был за слабость эту.

94 Теперь и ты, поднявший мне покров

Со сказанных тех благ, — скажи по чести,

Пока не весь прошли мы этот ров, —

97 Не знаешь ли: где друг Теренций вместе

С Цецилием? Где Плавт? Варрон? Страшусь, —

В аду они! но где? в каком там месте?»

100 «Они, и я, и Персий — весь союз

Певцов, — ответил вождь, — мы все вкруг Грека,

Что млеком вскормлен был рукою Муз, —

103 Все в первом круге тюрьм слепых

от века!
Там часто речь ведем мы о скале —
Обители кормилиц человека.

106 Там Еврипид и Антифон! В числе
Других там греков тени — Агатона
И Симонида с лавром на челе.

109 Из героинь твоих там Антигона,
Дейфила, Аргия и до сих пор
Печальная Исмена. Там — матрона,

112 Что указала ключ Лангийский с гор;
Там дщерь Терезия с Фетидой вкупе
И Дейдамия посреди сестер».

115 Уж два поэта, смолкнув на уступе,
Вкруг озирались, выведя меня
Ущельем к новой кающихся купе.

118 И отошли уж из прислужниц дня
Четыре вспять, и пятая предстала,
Подъемля кверху дышло из огня, —

121 Когда мой вождь: «Я думаю, сна-

чала
Плечом должно нам вправо повернуть
К окраине, как делали бывало».

124 И навык нас не мог уж обмануть —
Мы смело шли, тем боле без смущенья,
Что Стаций сам одобрил этот путь.

127 Они шли впереди и, полн смиренья,
Я вслед один под говор речи их,
Учась от них искусству песнопенья.

130 Но сладостный их голос вдруг притих
Пред деревом, стоявшим средь тропины, —
Все в яблоках душисто-золотых.

133 Как ель от ветви к ветви до вершины
Сужается, — сужалось это вниз,
Чтоб вверх не смел подняться ни единый.

136 С той стороны, где загражден

карниз,

Свергался с гор ключ чистый в блеске света,

И на листву струи́ его лились.

139 Лишь подошли ко древу два поэта,

Как чья-то речь из листьев раздалась:

«Нужна для вас впредь будет пища эта».

142 Потом: «Мария более пеклась

О честном брачном пире, чем о пище

Для уст своих, молящихся о вас.

145 И не было питья вкусней и чище

Воды для римлянок, и Даниил,

Гнушаясь яств, снискал небес жилище.

148 Блеск золота век первый всюду лил:

Вкус желудей не мнился злом толи-ким,

И каждый ключ, как не́ктар, сладок был.

151 Акридами пустынь и медом ди-ким

Креститель ваш питался, чтоб потом
Явиться в мир столь славным и великим, —

154 Как говорит Евангелье о том».

Песнь XXIII

Шестой круг: чревоугодники. — Форезе Донати. — Нелла. — Флорентинки.

1 Меж тем как взором я блуждал по кровле
Густой листвы, как любит делать тот,
Кто жизнь свою проводит в пташек ловле, —

4 Мне больший, чем отец, сказал: «Вперед!
Не трать, мой сын, без пользы ни мгновенья
Из данного нам срока на обход».

7 Я взор и шаг направил, полный рвенья,
К двум мудрецам, что разговор вели
Такой, что забывал я утомленье.

10 Вдруг слышу плач и пение вдали:
«La li a tea» — с тем унылым тоном,

Что слух в восторг и жалость привели.

13 «Кто там поет, отец мой, с тяжким стоном?» —

Так я; и вождь: «То тени там поют,

Быть может, долг платя перед законом».

16 Как путники задумчиво идут

И озирают, торопясь, в дороге

Обогнанный им незнакомый люд, —

19 Так молча сонм теней, в мечтах о Боге,

То обогнав, то нагоняя нас,

Нас озирал, но в большей лишь тревоге.

22 Темно и пусто было в ямах глаз,

А в лицах бледность с худобой столь страшной,

Что с черепом вся кожа их срослась.

25 Так, думаю, не высох бесшабашный

Эризихтон, став кожей лишь одной

От голода, когда он съел все браш-

но.[76]

28 «Вот, — думал я, — сгубившие свя-
той
Ерусалим, средь страшного разгрома
Где склеван был Марией сын родной!»

31 Без камней перстни — их глаза! Знакомой
Казалась бы в чертах их буква т
Тем, кто в лице людей читает «ото».

34 И кто б поверил, что в народе сем
Дух яблока и плеск воды прозрачной
Рождал томленье? И кто скажет: чем?

37 Еще дивился я толпе той мрачной,
В полнейшем быв неведенье причин
Их худобы и чахлости невзрачной,

40 Как вот, в меня уставя из глубин
Ям черепа недвижный взор печальный,
«Откуда милость мне!» — вскричал один.

---

[76] Примечания: 76
Брашно (устар.) — еда, пища, кушанье; угощение.

43 Кто б лик его узнал первоначальный?

Но тотчас я по голосу постиг,

Кого таил тот вид многострадальный.

46 Как будто искра мне зажгла в тот миг

О друге память, и признал я сразу

В немых чертах Форезе добрый лик.

49 «О! не гляди, — молил он, — на проказу,

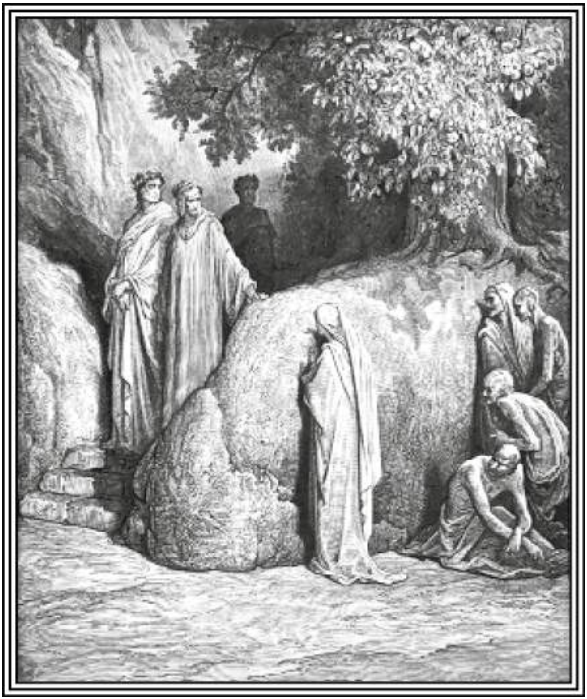
Покрывшую мне кожу, словно ржа,

Так плоть сожрав, что вид мой страшен глазу!

52 Но, о себе самом мне речь держа, —

Кто здесь вожди твои — те души обе,

Мне расскажи, лишь правдой дорожа».



«О! не гляди, — молил он, — на проказу,
Покрывшую мне кожу, словно ржа...»

55 «Твой лик, уж мной оплаканный во гробе,
До слез меня еще растрогал раз! —

Сказал я, чуя скорбь в его утробе. —

58 Молю ж Творцом, скажи, что сушит вас?

Пока дивлюсь, не жди себе ответа:

Полн дум иных, могу ль начать рассказ?»

61 И он в ответ: «Из вечного Совета

Мощь в древо то и в те потоки вод

Нисходит — и от них в нас чахлость эта.

64 И весь поющий тут в слезах народ,

Грех очищая в жажде, в муках глада, —

Грех сластолюбья — святость познает.

67 Алкать и жаждать мы должны от взгляда

На яблоки, на блеск потоков тех,

Что льются сверху с шумом водопада.

70 И каждый раз, как наш свершится бег,

Мы к новому стремимся мук условью:

Мук — я сказал; сказать бы мне —

утех!

73 И к дереву спешим мы с той любовью,

С какой Христос шел возопить: «Или!»[77]

Когда Своей Он искупил нас кровью».

76 И я: «Со дня, Форезе, как с земли

Ты перешел в мир лучший — к сим чертогам,

Досель не все еще пять лет прошли.

79 И если там по грешным бресть дорогам

Ты кончил прежде, чем пришла чреда

Благой той скорби, что мирит нас с Богом, —

82 То как проник так скоро ты сюда?

Я мнил тебя там встретить, где годами

Мы платим за греховные года».

85 И он: «Взнесен над прочими кру-

---

[77] Примечания: 77
Или́! — по-еврейски: «Боже мой!»

гами

Испить мучений сладкую полынь

Я горькими моей вдовы слезами:

88 Молитвой Неллы, полной благостынь,

Быв взят с брегов, где души ждут в томленье,

Я мук избег всех остальных твердынь.

91 И тем щедрей Господь в благоволенье

К моей вдовице, радости моей,

Чем реже зрим мы жен в благотворенье.

94 В Барбаджии Сардинской ведь скромней,

Стыдливее наряд на женском поле,

Чем в той Барбаджье, где мы жили с ней!

97 О, милый брат мой! Что ж сказать мне боле?

Уже в виду передо мною час

(И ждать уже недалеко дотоле),

100 Когда в церквах дадут с кафе́др приказ,

Чтоб запретить бесстыжим флорентинкам

Везде ходить с грудями напоказ.

103 Каким дикаркам или сарацинкам

Закон потребен, светский иль иной,

Чтоб не таскались нагишом по рынкам?

106 Но если б знал бесстыдниц легкий рой,

Какие рок им приготовит шутки, —

Давно б они подняли страшный вой.

109 И скорбь придет — коль мы предвидеть чутки,

Скорей, чем пух покроет щеки тем,

Кому на сон поют там прибаутки.

112 Но брат, не будь к моленьям доле нем:

Не я один, но вот — все наше племя

Глядит туда, где свет погас совсем».

115 И я ему: «Припоминая время,

Чем я тебе, чем ты мне был, — в груди
Ты мук своих лишь тем умножишь бремя.

118 Из жизни той вот тем, что впереди,
Я выведен, когда вам круглолицей
Являлась здесь сестра того — гляди…

121 (Я солнце указал). Меня темницей
Средь истинных провел он мертвецов
С сей плотью истинной, грехов должницей.

124 Исшел оттуда, он мне был покров,
Всходя, кружась здесь по горе, что правит
Вас, сгорбленных в том мире от грехов.

127 Но в сем пути меня он лишь направит
До Беатриче, где, как мне сказал,
Расстанется и с ней меня оставит.

130 Виргилий то — мой вождь (и указал

Я на него). А эта тень другая —
Тот, для кого все царство ваших скал

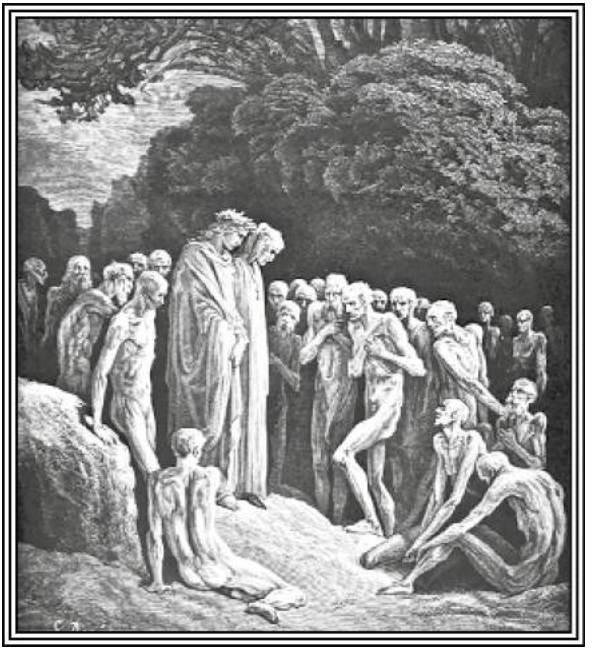
133 Днесь потряслось, родив его для рая».

Песнь XXIV

Шестой круг: чревоугодники. — Форезе Донати. — Пиккарда. — Бонаджиюнта Урбачьяни. — Папа Мартин IV — Убальдин делла Пила. — Бонифацио. — Мессер Маркезе. — Джентукка. — Корсо Донати. — Второе мистическое дерево. — Примеры неумеренности. — Ангел воздержания.

1 Беседа наша не мешала ходу,
Ни ход — беседе; быстро на обрыв
Мы шли, как челн в хорошую погоду.

4 И, взор в меня из впадин глаз вперив,
Сонм мертвецов, умерших как бы снова,
Дивился мне, приметя, что я жив.



И, взор в меня из впадин глаз вперив,
Сонм мертвецов, умерших как бы снова,
Дивился мне, приметя, что я жив

7 И я сказал, не прерывая слова:
«Она, быть может, тише, чем должна,
Стремится вверх, в угоду для другого.

10 Но что Пиккарда? где теперь она?
И чье, скажи, здесь имя всех отличней
В густой толпе, что мной так смуще-
на?»

13 «Сестра — не знаю, что мне в ней приличней
Хвалить: красу иль кротость — на свя-
том
Олимпе днесь в обители Владычней». —

16 Так он сперва сказал мне, а потом:
«Дать имена здесь можно всем ски-
тальцам,
Так образ наш здесь искажен постом!

19 Вот этот дух, — и указал он паль-
цем, —
Бонаджиюнт из Лукки. Вон, смотри:
Вот тот, что смотрит больше всех страдальцем,

22 Держал святую церковь на земли.
Из Тура он, и здесь постится в горе
За вас, в вине больсенские угри».

25 Он указал мне и других в том сбо-

ре,

Чем были все довольны; ни один

Не выказал угрюмости во взоре.

28 Здесь скрежетал голодный Убальдин

С тем Бонифацием, что пас однажды

Жезлом духовным множество общин.

31 Здесь был мессер Маркезе, что день каждый

Был пьян в Форли; но так неутолим

Был жар его, что всё страдал от жажды.

34 Но как, глядя на многих, лишь к одним

Мы сердцем льнем, — так я к певцу из Лукки

Льнул, быв ему знакомей, чем другим.

37 Он мне шептал, и там, где Божьей муки

Терпел он скорбь, чтоб телом изнывать,

Мне имя слышалось как бы Джентук-

ки.

40 И я: «О дух! коль хочешь ты начать
Со мною речь, то пусть язык твой бросит
Шептать слова, чтоб мог я их понять».

43 И он: «Есть дева и еще не носит
Повязки жен! полюбишь за нее
Ты город мой, хоть всяк его поносит.

46 В нем вспомнишь ты пророчество мое;
А коль уста мои темно шептали,
То все поймешь, увидевши ее.

49 Но объясни: я вижу не творца ли
Новейших рифм? не ты ли пел: «Спрошу,
О донны, вас, что жар любви познали!»»

52 И я ему: «Я тот, что лишь пишу
По вдохновенью страсти, и что скажет

Душе любовь, то в стих я заношу».

55 И он: «О брат! вот узел, что так вяжет
Нотария, Гвиттона и меня;
Вот то, что нежным новый стиль нам кажет.

58 Перо у вас, лишь истину ценя,
Покорствует одной любви внушеньям;
Но мы бежали от ее огня.

61 А кто идет не этим направленьем,
Не видит тот прекрасного границ».
И он замолк с заметным наслажденьем.

64 Как на зимовье к Нилу, стаи птиц
Сперва сбираются в большое стадо,
Потом несутся в виде верениц, —

67 Так бывшие со мною Божьи чада,
Вдруг повернув, пустились снова в путь,
Став легкими по воле и от глада.

70 И как иной, бежать измучен в круть,

Со спутниками шествует не кряду,
А сзади, чтоб дать легким отдохнуть, —

73 Так, дав пройти тому святому стаду,
Со мной Форезе Содди шел и рек:
«Когда ж узрю тебя, мою отраду?»

76 И я: «Не знаю, краток ли мой век;
Но, как бы ни был краток он, — а все же
Еще б скорей я к вам бежал на брег!

79 Затем что град, где жребий дал мне ложе,
Что день, то больше гасит правды свет,
И обречен Тобой на гибель, Боже!»

82 И дух: «Утешься! злой виновник бед
Уж на хвосте коня стремглав влечется
К долине той, где отпущенья нет.

85 И с каждым скоком все быстрей несется

Свирепый зверь, чтоб свергнуть в адский дол

Того, чей труп бесславно там простретсся.

88 Круг этих сфер (и вверх он взор возвел)

Не весь свершится, как поймешь (коль зорок!)

Все, что сказать возможным я не счел.

91 Прощай! В сем царстве каждый миг нам дорог;

Идя ж с тобой, я слишком отстаю,

И должно мне бежать без отговорок».

94 Как конь выносит во всю прыть свою

Наездника из скачущего строя,

Чтоб честь ему дать первым быть в бою, —

97 Так с нами он расстался, бег удвоя,

И я в пути остался подле двух.

Прославивших весь мир, как два героя.

100 Когда ж от нас бежал настолько

дух,

Что мог следить за ним я лишь глазами.

Как речь его пред тем следил мой слух,

—

103 Вдруг вижу я: стоит, полна плодами.

Другая яблонь — подле, ибо к ней

Глаза мои тут повернулись сами.

106 Поднявши руки, множество теней,

Прося о чем-то, к дереву взывает:

Так молит рой несмысленных детей;

109 Но тот, кого толпа их умоляет,

Молчит, держа высоко цель их грез,

И этим их лишь пуще разжигает.

112 Потом, в слезах, собранье разошлось,

И подошли к громадному мы древу,

Отвергшему так много просьб и слёз.

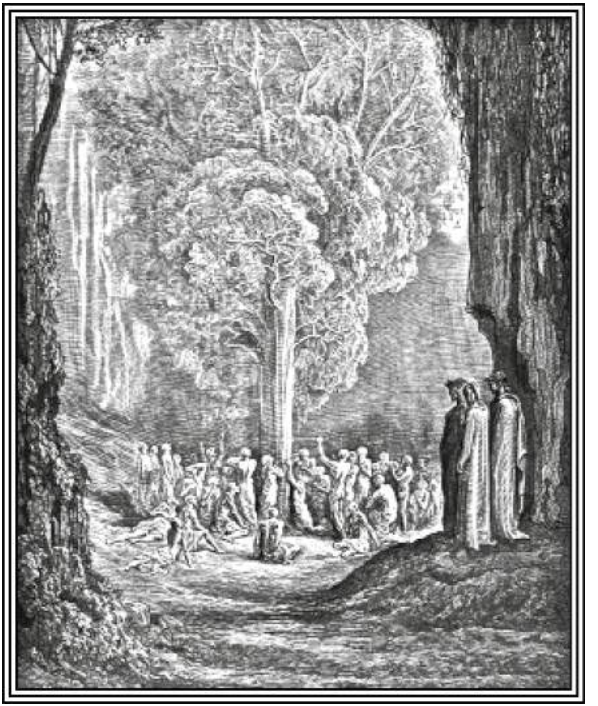
115 «Идите дальше! Древо то, что Еву

Прельстило, — выше к небу поднято,
А здесь его лишь отпрыск». — Так на-
певу

118 Внимали мы, не зная, пел нам кто
В листве, и у скалы мы шли все трое?
Виргилий, я и Стаций, слыша то.

121 «Припомните, — рек голос, — про-
клятое
Исчадье туч, что с грудью нелюдской
Вступило в спор с Тезеем в пьяном строе,

124 И тех евреев, коих не́ взял в бой
С собою Гедеон на мадиа́млян
За то, что так рвались на водопой».



И подошли к громадному мы древу,
Отвергшему так много просьб и слёз

127 Так краем, им же сей карниз обра́млен,
Мы шли, внимая повестям о том,

Как сластолюбцев грех бывал посра́млен.

130 На путь пустынный выступя потом,
Мы с тысячу шагов прошли в угрюмом
Молчании и в помысле святом.

133 «Куда идете; так предавшись думам?» —
Раздался голос. Весь я задрожал,
Как конь, испуганный внезапным шумом.

136 Я поднял взор к тому, кто так вещал,
И никогда в горну́ столь ярко-красным
Не может быть стекло или металл.

139 Как тот, кто рек нам: «Если к высям ясным
Спешите вы, то надо здесь свернуть;
Идите ж с миром тут к страна́м прекрасным».

142 Он так сиял, что я не мог взглянуть,

И взор отвел я свой к моим вожатым,
Как тот, кто ищет лишь по слуху путь.

145 И как, зари предвестник, пред возвратом
К нам солнца майский шелестит зефир,
Цветов и трав упитан ароматом, —

148 Так на чело струился мне эфир,
И я почувствовал, как крылья взмахом
Наполнили амброзией весь мир.

151 И глас вещал: «Блажен, кто Божьим страхом
Так озарен, что сладостью земной
Отборных яств гнушается, как прахом,

154 И алчет сердцем Правды лишь одной».

Песнь XXV

Подъем в седьмой круг. — Теория зарождения человека. — Наделение тела душою. — Бесплотные тела по смерти. — Седьмой круг: сладострастные. — Примеры целомудрия.

1 Час требовал не медлить по наклону
Горы: уж солнцем был полдневный круг
Отдан Тельцу, а полночь — Скорпиону.

4 И потому как те, кто во весь дух
Спешат, бояться, не давая взору
(Так побуждает в путь их недосуг), —

7 Мы чрез ущелье поднимались в гору
Друг другу вслед по лестнице крутой,
Где в ряд идти нам не было простору;

10 И как для взлета аист молодой
Подъемлет крылья, но, с гнезда родного
Боясь слететь, садится на покой, —

13 Так вспыхивал во мне и гаснул сно-

ва

Порыв желания спросить певца.

Я делал вид, как бы ищу я слова.

16 Мы быстро шли; но скрыться от отца

Не мог мой вид. «Спусти лук слова, если

Уж дотянул стрелу до копейца!» —

19 Так он. И речи вдруг во мне воскресли.

И начал я: «Зачем тут им худеть?

На пищу зов замолкнул здесь не весь ли?»

22 И он: «Припомни то, как мог истлеть

Царь Мелеагр, лишь плаха догорела.

И горькою не будет эта снедь.

25 И вдумайся, как все движенья тела

Передаются в зеркале стеклом.

И для тебя смягчится твердость дела.

28 Но, чтоб ясней ты понял то умом,

Вот Стаций здесь, и я к нему взываю,
Моля его быть ран твоих врачом».

31 И Стаций: «Если пред тобой дерзаю
Я здесь раскрыть суд вечный, то затем,
Что отказать тебе я не желаю».

34 И начал так: «Когда мышленьем всем
Ты вникнешь, сын, в слова мои, прольется
Великий свет на твой вопрос: зачем?

37 Кровь лучшая, что в вены не всосется,
Став лишнею, нейдущею в обмен,
Как пища та, что со стола берется, —

40 Приемлет в сердце силу, каждый член
Творящую, — подобно той, какую
Несет, питая члены, кровь из вен,

43 И в органы (я их не именую)
Нисшед потом, очищенная вновь,

В сосуд природный каплет в кровь чужую.

46 Когда в одну слились два тока кровь.

Один — страдать, другой — творит готовый

(Так важен ключ, отколь их мчит любовь!), —

49 Кровь приступает к делу с силой новой.

Сперва сгущает, после же собой

Животворит материал суровый.

52 Активная тут сила, став душой,

Отличной в том лишь от души растенья,

Что та в пути, а этой дан покой, —

55 Приобретает чувства и движенья,

Как гриб морской, и силам, бывшим в ней

В зародыше, дает приспособленья.

58 Теперь то, сын мой, и творит сильней

Мощь, данная рождающего сердцем,

Где скрыт природой план и смысл частей.

61 Но, как зародыш может стать младенцем

Еще неясно: уж таков предмет!

Тут бывший и умней, чем ты, безверцем,

64 Блуждал, уча в том смысле целый свет,

Что нет в душе разумности возможной,

Затем что в ней к тому орудья нет.

67 Но ум открой ты правде непреложной

И знай: едва в зародыше свершит

Свое развитье мозг для цели сложной, —

70 Уж Первый Двигатель к нему спешит.

Как к торжеству природы, и вдыхает

Дух новый. Дух же все, что он ни зрит

73 Активного в душе, воспринимает
В свою субстанцию и, слив в одно,
Живет полн чувств, себя в себе вращает.

76 А чтоб тебе то было не темно,
Взгляни, мой сын, как солнца жар, слиянный
Со влагой гроздий, создает вино.

79 Когда ж спрядет Лахезис лен, ей данный,
Дух, с телом разлучась, уносит прочь
В зародыше земной дар и небесный.

82 Другие силы все объемлет ночь;
Зато рассудок с памятию воля
Еще сильней свою являют мочь.

85 Спешит душа, сама себя неволя,
Чудесно пасть на тот иль этот брег,
Где и поймет, какой избрать круг поля.

88 Как скоро местом ей очерчен бег,
Из ней лучи исходят в месте этом,
Как из живого тела в прежний век.

91 И словно воздух в день дождливый летом
От преломленья чуждых в нем лучей
Изукрашается различным цветом,

94 Так здесь приемлет воздух ближний к ней
Тот вид, в каком духовно отразится
Душа, достигнув области своей.

97 И сходно с тем, как пламя всюду мчится
За светочем, пока он не потух, —
Так новый призрак за душой стремится.

100 Став через это видимым, уж дух
Зовется тенью; это ж образует
И чувства в нем, как зрение и слух.

103 Вот потому-то вздох нам грудь волнует;
Вот потому мы плачем, говорим,
Как здесь гора повсюду показует.

106 Смотря каким желанием горим,

Такой и образ мы приемлем, тени;
И вот ответ сомнениям твоим».

109 Уж мы пришли в последний круг мучений
И, повернув направо, занялись
Заботою иной на той ступени.

112 Здесь полымем с утеса пышет вниз,
С карниза ж ветер дует вверх, склоняя
Огонь назад, чтоб защитить карниз;

«Тут надлежит, — сказал учитель, — нам
Держать глаза всегда в узде закона;
Малейший промах здесь ведет к беда́м.»

115 Так что мы шли, друг другу вслед ступая,
Окраиной, и я страшился: там

Попасть в огонь, а здесь — сорваться с края.

118 «Тут надлежит, — сказал учитель, — нам

Держать глаза всегда в узде закона;

Малейший промах здесь ведет к бедáм».

121 «Summae Deus clementine» — из лона

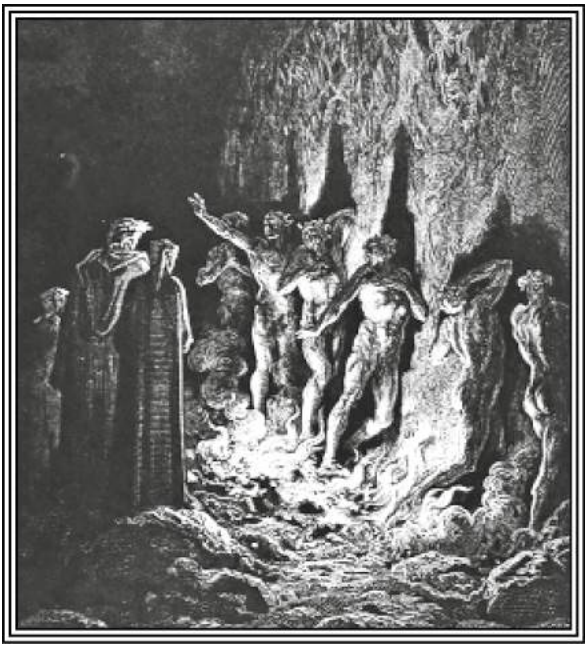
Великого пожара грянул хор,

Велевший мне взглянуть во пламя оно.

124 И зрел я в нем ходивших душ собор,

И проходил я узкою полоской,

То под ноги, то к ним бросая взор.



И зрел я в нем ходивших душ собор,
И проходил я узкою полоской,
То под ноги, то к ним бросая взор

127 Смолк первый гимн, и: «Virum non cognosco» —

Раздался крик, и снова голоса

Воспели гимн, но в виде отголоска.

130 И кончив петь, воскликнули: «В леса
Бежит Диана, чтоб изгнать Каллисто,
В чьи помыслы Венерин яд влился́».

133 И в честь супругов, сохранивших чисто
Свой брачный долг, как требует закон,
За гимном вслед запели голосисто.

136 Так, думаю, терзаться осужден
Сонм душ, пока палит их пламень рьяный:
Таким лечением в ходу времен,

139 Закроются в них, наконец, и раны.

Песнь XXVI

Седьмой круг: сладострастные и содомиты. — Примеры сладострастия. — Гвидо Гвиничелли. — Арнольдо Даньелло.

1 Пока мы шли так друг за другом краем,
Мой добрый вождь мне повторял не раз:
«Смотри, не будь мной тщетно предваряем».

4 Мой правый бок палило солнце в час,
Когда весь запад, залит ярким светом,
Из голубого белым стал для глаз.

7 И падала на пламень темным цветом
Тень от меня, — на диво там всему
Собранью душ, ходивших в пекле этом.

10 И признак сей был поводом к тому,
Что обо мне там все заговорило:
«Не призрак тот, кто так бросает

тьму!»

13 И многие, насколько можно было,
К нам подошли с условьем лишь одним —
Не стать туда, где пламя не палило.

16 «О, ты, что сзади двух, подолгу к ним,
А не по лени, пролагаешь тро́пу,
Ответствуй мне: мы жаждем и горим!

19 Не только мне, но и всему здесь скопу,
Ответ твой жажду утолит полней,
Чем свежий ключ в пустынях Эфиопу.

22 Скажи: что значит, что ты свет лучей
Загородил собой, как бы ни разу
Еще не зрел злой смерти ты сетей?»

25 Так мне сказал один из них, и сразу
Я б все открыл, не увлеки меня
В то время то, что тут явилось глазу.

28 Шел посреди пылавшего огня
Навстречу к этим сонм, подъемля пени,
И я стоял, к идущим взор склоня.

31 И видел я, как с двух сторон все тени
Сошлись, и как лобзались их семьи,
И разошлись от кратких наслаждений.

34 Так рыльцем к рыльцу, встретясь, муравьи
В ватаге черной сходятся средь луга.
Как бы справляясь про дела свои.

37 И расходясь из братского их круга.
Пред тем, как в путь пошел пришедший сонм,
Перекричать все силились друг друга;

40 Пришедшие: «Гоморра и Содом!»
А эти: «В телку входит Пазифая,
Чтоб насладиться похотью с быком!»

43 Как журавли летят: одна их стая
К пескам, другая — в край Рифейских

гор,
То холода, то солнца избегая, —

46 Так приходил и уходил здесь хор.
Подъемля с плачем те же восклицанья
И ту же песнь, что пели до сих пор.

49 И подошли ко мне из их собранья
Те, коими вопрос мне первый дан,
И полон был их образ ожиданья.

52 Я, видевший уж дважды скорбь их ран,
«О, души, — начал, — вам же обеспечен
Когда-нибудь вход в царство мирных стран;

55 Не бросил я, незрел иль долговечен,
Там членов тела, но несу с собой
И кровь, и плоть, судьбой моей отмечен.

58 Иду ж я вверх, да про́зрит взор слепой!
Жена есть там: ее благоволеньем
Вношу в ваш мир я смертный груз плот-

ско́й.

61 Но да свершится быстрым исполненьем
Цель ваших дум — в том крае обитать,
Где мир любви, где круг быстрей вращеньем!

64 Имен своих, чтоб мог я их вписать,
Не скройте мне, и почему уходит,
Поведайте, тот сонм за вами вспять?»

67 С каким тупым смущеньем взором бродит
Тот житель гор, который, груб и дик,
Весь онемев, впервые в город входит, —

70 Таким у всех теней смутился лик,
Когда ж замолк в них ужас изумленья
(С высоких душ оно спадает вмиг), —

73 «Блажен, о ты, кто, к нам вступив в владенья, —
Вновь начал тот, что первый говорил, —

Чтоб лучше жить, здесь копишь наблюденья!

76 Народ, нейдущий с нами, согрешил
На том, за что в триумфе Цезарь хором
Насмешников Царицей назван был.

79 Он прочь пошел, крича «Содом с Гоморром»,
Как слышал ты, и тем себя винит
И множит жар огня своим позором.

82 Был собственный наш грех — гермафродит!
Законов человеческих чуждаясь,
По-скотски жили мы, забывши стыд.

85 Зато народ сей, с нами расставаясь,
В бесчестье нам, кричит нам имя той,
Что осквернилась, под скотом скрываясь.

88 Так вот кто мы! вот в чем наш грех плотскóй!
Коль хочешь все узнать не мимолет-

но —

Нет времени для повести такой.

91 Что до меня — откроюсь я охотно;

Я Гвиничелли, очищаюсь здесь,

Заране там покаявшись несчетно».

94 Отдался чувству сыновей я весь,

Узревших мать в тот час, как приключилась

Ликурга скорбь (сравнюсь ли с ними днесь?),

97 Когда того мне имя вдруг открылось,

Отец кто мне, и тем, кто лучше нас,

В ком петь любовь искусство возродилось.

100 Глухой, безмолвный, в думу погрузясь,

Я долго шел, в него глаза вперивши,

Но подойти не смел, огня страшась.

103 Взор наконец виденьем усладивши,

Я отдался к его услугам весь,

Приветствием его к себе склонивши.

106 И он: «Все то, что ныне слышу здесь,
Кладет в меня столь сильный след, что Лета
Не смоет, все смывавшая поднесь.

109 Но коль не ложь — речь твоего привета,
Скажи мне: что причиной, что в твоих
Словах и взорах дышит страсть к нам эта?»

112 И я: «Звук сладких ваших слов живых,
Покуда длится говор человечий, —
Нам ни забыть чернил, писавших их!»

115 И он: «Тот дух, что ждет с тобою встречи,
(И указал мне), лучше на земли
Ковал язык свой, мать родной нам речи.

118 Как в прозе фабул, так в стихах любви

Он выше всех, и свет пусть крик подъемлет
Лиможцу в честь, — ты крику не внемли́!

121 Под шум молвы суд правды в свете дремлет
И ложное составив мненье, он
Ни разуму, ни вкусу уж не внемлет.

124 Так некогда прославился Гвиттон,
Из рода в род хвалим молвой беспечной,
Пока над ним суд не был изречен.

127 Но если так взнесен ты бесконечно,
Что путь открыт в обитель, в те места,
Где сам Христос — аббат над братьей вечной, —

130 То «Отче наш» прочти ты у Христа!
Насколько здесь, где кончилась ошибка
Греха, для нас нужна молитва та».

133 Чтоб место дать той тени, что так шибко
Стремилась к нам, он тут исчез в огне,
Как в лоне вод ко дну уходит рыбка.

136 Я, подошел к указанному мне,
Сказал, что я в моем душевном мире
Почет ему готовлю в тишине.

139 И сладостью запел он, как на лире:
«Tan m'abellis vostre cortes deman[78],
Qu'ieu no-m puesc, ni-in vueil a vos cobrire:

142 Je sui Arnaut, que plor et vai cantan;
Consiros vei la passada folor,
E vei jauzen la ioi qu'esper, denan.

---

[78] Примечания: 78

Так нравится мне милый ваш вопрос,
Что грудь мою я вам открою шире.

Я тот Арно, что здесь пою от слез
О прошлой пошлости при мысли горькой,
И жду, чтоб Суд мне вечный мир принес.

И я молю вас силой той высокой,
Что вас ведет на верх горы, о нас
Попомните в судьбе такой жестокой.

145 Ara vos prec per aquella valor,
Que vos guida al som de l'escalina
Sovenha vos a teinps de ma dolor».

148 Тут поглотила тень огня пучина.

Песнь XXVII

Седьмой круг: сладострастные. — Ангел Чистоты. — Переход через пламя. — Подъем в земной рай. — Последние слова Виргилия.

1 Как в час, когда луч первый солнце мещет[79]

Туда, где кровь Творца его лилась

(Меж тем как знак Весов над Эбро блещет,

4 Над Гангом же горит девятый час), —

Так солнце здесь стояло, день кончая,

Когда Господень Ангел встретил нас.

7 Вне пламени, он, возвышаясь с края,

Пропел «Beati mundo Corde» нам,

Как не звучит на свете песнь живая.

10 Потом: «Проникнуть можно к тем местам

---

[79] Примечания: 79

Мещет, *глаг.* (славянизм; устар. форма слова «мечет») — метать, бросать, кидать.

Не иначе, как сквозь огонь: войди же?
О, род святой, чтоб внять поющим там!» —

13 Так он сказал, лишь подошли мы ближе;
И, слыша то, я обмер, как злодей,
Кого спускают в ров все ниже, ниже.

16 И вспомнил я, глядя на пламень сей,
Всем телом вытянут, простерши руки,
Казнь виданных мной на костре людей.

19 И подошли вожди ко мне, и звуки
Я слышал слов Виргилия: «Мой сын,
Здесь смерти нет, но могут быть лишь муки!
22 О! вспомни, вспомни… Если я один
Тебя сберег, подъятый Герионом,
То здесь, близ Бога, кину ль без причин?

25 И верь ты мне, что если б, скрытый лоном
Сего огня, в нем пробыл сто веков, —

И волоска ты б не утратил в оном.

28 И чтоб за ложь не счел моих ты слов,
Приблизься сам и, взяв конец одежды,
Вложи в огонь смелей: он не суров.

31 Так брось же, брось боязнь и, полн надежды,
Вернись ко мне и — смело в огнь за мной».
Но я стоял упорнее невежды.

34 И, видя, что я твердой стал скалой,
Слегка смутясь, сказал он: «От царицы
Ты отделен, мой сын, лишь сей стеной!»

37 Как, слыша имя Фисбы, вдруг зеницы
Открыл Пирам в миг смерти и взглянул, —
И алым стал цвет ягод шелковицы,

40 Так дух во мне вождь мудрый пошатнул

Тем именем, что каждый раз так звонко

Звучит душе, будя в ней страсти гул.

43 И, покачав челом, с усмешкой тонкой:

«Что ж, остаемся здесь?» — спросил, меня

Дразня, как манят яблоком ребенка.

46 Тут предо мной вошел он в пыл огня,

И Стация, что шел меж нас вначале,

Просил идти вослед мне, тыл храня.

49 Вхожу. Но, ах! в клокочущем металле

Или стекле прохладней было б мне,

Чем в пекле том, пылавшем в страшном шквале.

52 Чтоб ободри́ть мне сердце в том огне,

Он говорил о Беатриче с жаром:

«Уж взор ее мне виден в вышине!»

55 И чей-то глас, нам певший за по-

жаром,

Нас вел в пути, и внемля песне сей,

Туда, где всход, мы шли в огне том яром.

58 «Venite benedicti patris mei», —

Звучало нам во свете столь блестящем,

Что я, смущен, не смел возвесть очей.

61 «Уж сходит ночь за солнцем заходящим, —

Он продолжал. — Вперед! ускорьте шаг,

Пока нет мглы на западе горящем».

64 Так прямо путь вел вверх нас чрез овраг,

Что пред собой последний отблеск света

Я рассекал, бросая тени мрак.

67 Ступени три прошли мы, как и эта

Исчезла тень; о погруженном в сон

Светиле дня узнали два поэта.

70 И прежде чем безмерный небосклон

Угас совсем, повсюду мрак умножа,
И развернулся всюду ночи фон, —

73 Уж всяк из нас избрал ступень для ложа.
Вверх возбранял всходить закон горы,
Не волю в нас, а силы уничтожа.

76 Как козочки и резвы, и бодры,
Пока не сыты, лазят на утесах,
И утолив свой голод, в час жары

79 Лежат в тени на каменных откосах.
Пастух же там, как истинный отец,
Их сторожит, склонясь на длинный посох,

82 И как овчар, открытых гор жилец,
Всю напролет проводит ночь у стада,
Чтоб хищный зверь не растащил овец, —

85 Так мы втроем там были, где прохлада:
Я — как овца, певцы — как стражи гор.

Вокруг же нас отвсюду скал громада.

88 Был мал над нами неба кругозор;
Но я и в малом небе зрел светила
Крупней и ярче, чем до этих пор.

91 Пока я созерцал их, охватила
Меня дремá — дремá, что нам порой
Вещает то, что будущность нам скрыла.

94 В час, думаю, когда уж над горой
С восточных стран сверкает Цитерея,
Горящая огнем любви живой, —

97 Приснилась мне, прекрасна, как лилея,
На луг пришедшая цветки срывать
Младая дева, певшая, как фея.

100 «Кто хочет знать, кто я, тот должен знать:
Я — Лия, та, чьи руки не ленятся
Прелестные венки мои сплетать,

103 Чтоб ими в зеркале мне любоваться;

Сестра ж моя Рахиль от своего
Зерцала ввек не может оторваться.

106 Очей своих ей блеск милей всего,
Я ж украшаюсь рук трудами в неге;
Мне — в действии, ей — в зренье тор-
жество».

109 Уж в небе первые зари набеги,
Блеск коих пилигриму тем милей,
Чем ближе к родине его ночлеги,

Приснилась мне, прекрасна, как лилея,
На луг пришедшая цветки срывать
Младая дева, певшая, как фея

112 От всюду гнали ночи иглу, а с ней —

И сладкий сон; и я, открывши очи,

Восставшими уж славных зрел вождей.

115 «Тот сладкий плод, к нему ж изо всей мочи,
По всем ветвям стремится род людской,
Твой голод утолит еще до ночи». —

118 Так мне сказал Виргилий. О! какой
Подарок в мире с словом тем Виргилья
Сравнился бы отрадой неземной!

121 И так во мне удвоились усилья
Стремиться вверх, что с каждым шагом ввысь
Во мне росли, казалось, воли крылья.

124 По лестнице мы вихрем пронеслись.
И лишь пришли к ступени той конечной,
Как уж в меня глаза его впились.

127 И он сказал: «Огнь временный и вечный
Ты зрел, мой сын, и вот! — пришел туда,

Где разум мой бессилен быстротечный.

130 Мой ум с искусством ввел тебя сюда,

Руководись теперь уж сам собою:

Не крут, не узок путь, нет в нем труда.

133 Смотри, как солнце блещет пред тобою,

Смотри, как травки, кустики, цветы

Рождает здесь земля сама собою!

136 Пока придут те очи красоты,

Что мне в слезах явились в злой юдоли, —

Здесь можешь сесть, ходить здесь можешь ты.

139 Не жди речей, моих советов боле, —

Творить свободно, здраво выбор дан

Тебе, своей покорствуя лишь воле, —

142 И мной венцом и митрой ты венча́н.

Песнь XXVIII

Земной рай. — Река Лета. — Матильда. — Происхождение воды и ветра в земном раю. — Природа божественного леса.

1 Желаний полн скорей проникнуть в недра
Божественных густых лесов, где тень
Свет умеряла, так струимый щедро

4 Тем новым днем, — покинул я ступень
И тихо-тихо лугом подвигаясь,
Вступил в благоухающую сень.

7 И тиховейный воздух, не меняясь
Вовеки здесь, мне веял вкруг чела,
Как ветерок, едва его касаясь,

10 И шелестя листами без числа,
Гнул их туда, где от горы священной
Тень первая в долине той легла;

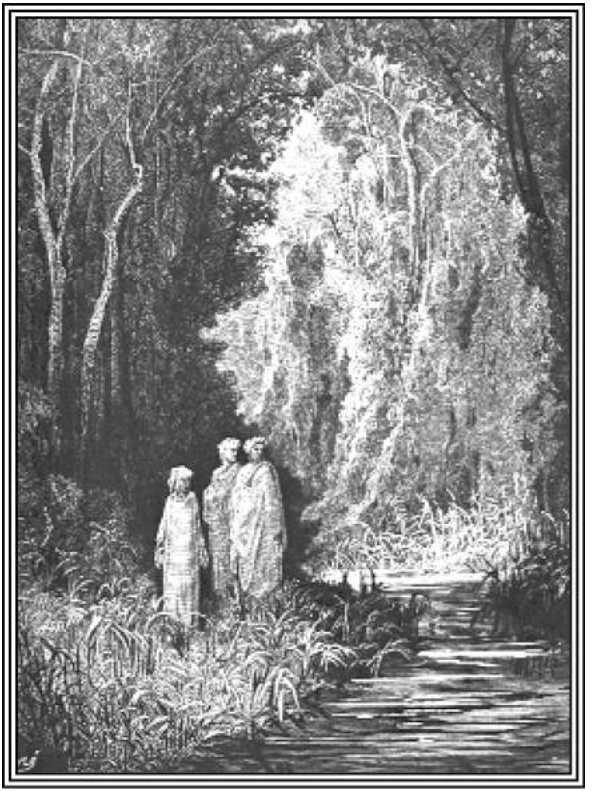
13 Но не настолько гнул, чтоб сокровенный

В листве хор птичек проявлять не смел
Свой дивный дар в музы́ке несравненной:

16 Напротив, хор торжественно гремел,
Полн радости в том раннем утра часе,
И вторя хору, целый лес гудел.

19 Так, слив в одно все звуки сладкогласий
(Когда велит сирокко дуть Эол),
Гудит лес пиний на брегу Киасси.

22 Шаг, хоть и тихий, так меня завел
В тот древний лес, что я не мог бы оком
Заметить место то, где я вошел, —



Шаг, хоть и тихий, так меня завел
В тот древний лес, что я не мог бы оком
Заметить место то, где я вошел

Как вдруг мне путь был прегражден потоком;

Он мелкой рябью влево наклонял

Всю мураву на берегу широком.

Всех самых чистых вод земных кристалл

В сравненьи с ним не так еще прозрачен,

Чтоб ничего от взоров не скрывал,

Хоть там течет поток тот мрачен-мрачен,

Где вечно тень, где каждый солнца луч

И луч луны навеки был утрачен.

Сдержав мой шаг, не мог сдержать мне ключ

Очей, и я дивился несказанно,

Как юный Май здесь роскошью могуч.

И я узрел (так мы порой нежданно

Вдруг видим то, что изумляет нас,

Все помыслы в нас извращая странно) —

Узрел жену: она в тот ранний час

Шла с песнями, срывая цвет за цветом,
Которыми весь путь пестрел для глаз.

43 «О, дивная, сияющая светом
Любви святой, коль говорят не ложь
Черты твои; свидетели мне в этом!

46 Благоволи с дороги, где идешь, —
Я ей сказал, — приблизиться к пучине,
Чтоб мог понять я то, о чем поешь.

49 Напомнил мне твой вид о Прозерпине,
Когда она рассталася с весной,
А мать ее утратила в пустыне».

52 Как движется медлительно порой
Средь пляски дева, чуть касаясь полу,
И ногу чуть заносит пред ногой, —

55 Так по пестревшему цветами долу
Прекрасная жена, в угоду мне,
Девически склонив взор чистый долу,

58 Вдруг повернулась, подошла к волне,
Запев так близко, что сперва мне труд-

ный

Смысл сладких звуков ясен стал вполне,

61 И там, где луг цветисто-изумрудный,

Весь в брызгах волн, к реке прекрасной льнул, —

Подняв глаза, дарит мне взор свой чудный.

64 Не думаю, чтоб блеск такой сверкнул

Из глаз Венеры в миг, когда без гнева,

Случайно сын стрелой ей грудь кольнул.

67 На том брегу мне улыбалась дева,

Неся в руках все краски, что луга

Горы дают цветам здесь без посева.

70 Хоть в ширину был ключ лишь три шага,

Но Геллеспонт, где мост свой перекинул

Ксеркс (вот урок для гордости врага!),

73 Не так гневил Леандра тем, что хлынул

Меж Сестом и Абидом силой вод,

Как ключ — меня, за то, что путь раздвинул.

76 И дева: «Здесь вы странники, и вот —

Вы, может быть, в сей стороне, избра́нной

В ту колыбель, где создан первый род,

79 Дивитеся моей улыбке странной?

Но даст псалом «Me delectasti» свет,

Чтоб озарить рассудок ваш туманный.

81 И первый ты, кто мне послал привет,

Скажи: о чем желаешь знать? Готовой

На многое, пришла я дать ответ».

85 «Вода, — сказал я, — с шумною дубровой,

Противореча слышанному мной,

Во мне враждуют с тою верой новой».

88 И та: «Чтоб ум не так смущался

твой,
Страны святой открою я уставы
И разгоню весь сумрак пред тобой.

91 Тот Всеблагий, пред Кем лишь Он есть правый,
Адаму дал, благим его создав,
Сей край благий в задаток вечной славы.

94 Своим грехом рай скоро потеряв,
Он обратил грехом и в плач, и в кару
Невинный смех и сладости забав.

97 Чтоб силы бурь, что по земному шару
Родятся от паров, из вод, с земли
Встающих соразмерно солнца жару, —

100 Здесь с человеком браней не вели;
Гора взнеслась так к небу, что изъята
От бурь с тех мест, где дверью вы вошли.

103 Но как вослед движенью коловрата

Первичного кружит и воздух весь,
Коль в нем нигде окружность не разъята,

106 То в высоте, в живом эфире здесь,
Движенье то деревья потрясает,
В шум приводя растущий густо лес.

109 В древах же потрясаемых витает
Такая жизнь, что насыщает ветр,
И ветр, кружась, ее рассеевает, —

112 Чрез что ваш край, смотря насколько щедр
В нем грунт и климат, разных свойств растенья
Выводит в свет из плод приявших недр.

115 Услыша то, поймешь без удивленья,
Как могут там, не сеяны никем,
Являться новые произрастенья.

118 А воздух здесь, где ты вступил в Эдем,
Рой всех семян разносит легкокрылый,

Родя плоды, что вам безвестны всем.

121 Воды ж сей ток струится не из жилы,

Что пар питает; холодом сгущён,

Как ток земной, то сильный, то без силы,

124 Из вечного истока льется он

И, волей Бога, столько вод приемлет,

Насколько льет, открытый с двух сторон:

127 С одной сходя, он свойство воспримлет —

Смывать грехи; с другой — живит в душе

О добром память так, что ввек не дремлет.

130 Здесь Летою, там током Эвноэ

Зовется он, врачуя всех, кто дважды,

И там и здесь, изведал вкус в питье,

133 А вкусом он затмит напиток каждый!

И хоть теперь, без объяснений, сам

Ты утолить уж можешь муку жажды, —

136 Все ж я, как милость, короллари́й[80] дам,

И думаю, что если дальше цели

Зайду теперь, ты будешь рад речам.

139 Быть может, те, что в древности вам пели

Про век златой, про счастье первых дней,

О месте сем на Пинде сон имели.

142 Невинен был здесь первый род людей,

Зрел всякий плод под вечно пышным летом,

Вода ж здесь — не́ктар с сладостью своей».

145 Тут обернулся я назад к поэтам,

И видел я, с какой улыбкой те

Внимали ей, услыша весть об этом.

---

[80] Примечания: 80

Короллари́й — заключение, следствие, неизбежное следствие.

148 Я взор свой вновь направил к Красоте.

Песнь XXIX

Земной рай. — Данте и Матильда. — Мистическая процессия, или триумф церкви.

1 Как донна, пламенем любви объята,
За речью той она воспела вслед:
«Beati, quorum tecta sunt peccata».

4 И как скитались нимфы древних лет
В тени лесов — кто с мыслью о ночлеге,
От солнца прячась, кто стремясь на свет, —

7 Так против волн она, держась при бреге,
Пошла; я следовал за нею невдали
Шагами малыми в ее небыстром беге.

10 Мы ста шагов с ней вместе не прошли,
Как оба берега, свой ход приемля
К востоку дня, туда нас повели.

13 И лишь вошли мы в те святые земли,

Как вдруг, совсем оборотясь ко мне,

Сказала донна: «Брат, смотри и внемли!»

16 И вот! разлился в той лесной стране

Внезапный блеск и ввел меня в сомненье,

Не молния ль сверкает в вышине?

19 Но как блеск молний гаснет в то ж мгновенье,

А тут, чем дале, тем сильней сиял,

То думал я: «Что это за явленье?»

22 И в воздухе сиявшем пробежал

Аккорд мелодии, и тут мне стало

Так горестно, что грех я Евы клял

25 За то, что там, где все Творцу внимало —

Земля и небо, — женщина одна,

Едва создавшись, свергла покрывало,

28 Под ним же если б пребыла она

Покорная, то благ тех несказанных
Душа моя давно б была полна.

31 Пока я шел меж стольких первозданных
Небесных первенцев, к ним взор склоня,
И новых ждал еще блаженств желанных,

34 Пред нами вдруг, как заревом огня,
Зарделся воздух в том зеленом саде,
И долетел глас пенья до меня.

37 О, Пресвятые Девы! если в гладе
И в холоде, лишенный сна, исчах
Я ради вас, — молю днесь о награде!

40 Дай, Геликон, мне пить в твоих ключах!
Пошли, Урания, мне мощь стихами
Сказать о трудномыслимых вещах!

43 Семь золотых древес перед очами
Явилось мне в обманчивой дали
Пространств, лежащих между них и нами.

46 Когда ж так близко к ним мы подошли,

Что облик их уж не скрывал от взора

Всех черт своих, неясных мне вдали, —

49 Тот дар души, что разуму — опора,

Светильники явил мне в пнях древес

И пение Осанна — в звуках хора.

52 И ярче лил сосуд тот дивный в лес

Свой блеск, чем светит полный месяц в волны

В час полночи с безоблачных небес.

55 Я обратился, изумленья полный,

К Виргилию; но тот, от дива нем,

Ответил мне, лишь бросив взор безмолвный.

58 И вновь возвел я взгляд к святыням тем,

К нам подходившим медленней невесты,

Идущей тихо к жениху: «Зачем, —

61 Вскричала донна, — страстно так отверсты

Глаза твои к огням сим, а на тех,
Что вслед идут, не обратишь очес ты?»

64 И зрел я сонм, идущий сзади всех
Светильников, в одежде чистой, белой,
Как только что на землю павший снег.

67 Сверкал поток налево Леты целой
И отразить меня б он слева мог,
Как зеркало, брось в воды взор я смелый.

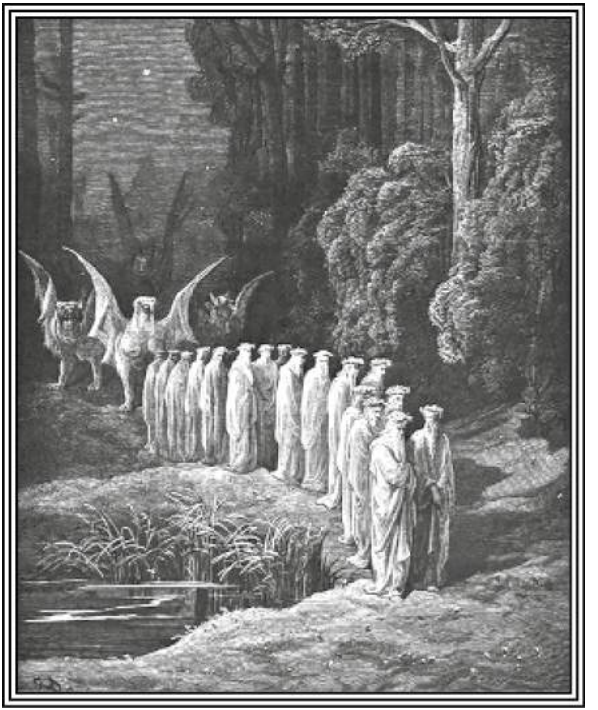
70 Лишь стал на берегу я, где поток
Один лежал преградой между нами, —
Чтоб лучше зреть, сдержал я спешность ног.

73 И видел я, как следом за огнями,
Подобно длинным стягам, с вышины
Тянулся свет по воздуху чертами,

76 Так что, казалось, в нем проведены
Семь лент из тех цветов, из коих ткется
Дуга для солнца, пояс для луны.

79 И каждое то знамя дальше вьется,
Чем сколько взор мог видеть, и между́
Двух крайних десять лишь шагов придется.

82 Под чудным небом, предо мной в виду,
Двадцать четыре старца шли степенно,
В венках из лилий, по два, в том саду.



Под чудным небом, предо мной в виду,
Двадцать четыре старца шли степенно,
В венках из лилий, по два, в том саду

85 Все пели хором: «Будь благословенна

В Адамовых ты дщерях! о красе
Твоей вовек да хвалится вселенна!»

88 Когда ж прошли те и́збранники все,
Насупротив меня в том дивном мире
Среди цветов и трав душистых, — се![81]

91 Как за звездой звезда блестит в эфире,
Четыре вслед животных подошло:
В венках зеленых были все четыре;
94 Шесть крыл на каждом; каждое крыло
Полно очей, и очи те подобны
Аргусовым, и то же их число.

97 Но тут стихи, читатель, неудобны
Для описанья; предписует мне
Другой предмет пресечь рассказ подробный.

100 Иезекиель видел их, зане

---

[81] Примечания: 81
Се (устар., книжн., церк., поэт.) — *то же, что* вот.

Он зрел их, шедших в облаке туманном
От севера, и в буре и в огне.

103 Прочти ж его, и в образе, им данном,
Найдешь их образ; в отношеньи ж крыл
Согласен я не с ним, а с Иоанном.

106 Простор между животных занят был
Победной колесницей двухколесной,
И влек ее Грифон, исполнен сил.

109 И два крыла вздымал он в поднебесной
Меж трех и трех полос за средней вслед,
Но взмахом крыл не рушил строй совместный.

112 Подъятых крыл терялся в небе след;
Был злата блеск на всем, что в Грифе птичье,
На прочем всем — слит с белым алый цвет.

115 Ни Африкан, ни Август, в их величье
Не зрели в Риме колесниц таких;
Пред ней теряет все свое отличье

118 И колесница Феба в самый миг,
Как, вняв Земле молящей, правосудный
Юпитер сжег ее в путях кривых.

121 У колеса, что справа, в пляске чудной
Я зрел трех жен, — столь алая одна,
Что в пламени ее б заметить трудно.

У колеса, что справа, в пляске чудной
Я зрел трех жен...

124 Другая цветом — словно создана
Вся из смарагда: кости, кровь и тело;
Был третьей цвет — как снега белизна.

127 Казалось, был их хор ведом то белой,
То алой девой; под ее напев
Хор двигался то медленно, то смело.

130 Налево, пурпур на себя надев,
Вслед той, на чьем челе три были ока,
Плясали две четы небесных дев.

133 За чудным хороводом вдоль потока
Два старца шли, несходные ни в чем,
Лишь сходственные видом без упрека.

136 Один, казалось, был учеником
Гиппóкрата, рожденного природой
ее любимцам высшим быть врачом.

139 Другой, казалось, воин был породой,
С мечом столь острым, что и за рекой
Я трепетал пред грозным воеводой.

142 Вослед шли четверо, смиренен строй
Их был, а сзади старец без усилий;

Он, хоть и спал, был видом огневой.

145 И эти семь все так одеты были,
Как первый сонм; но на главах в венки
Вплетался им не цвет сребристых лилий,

148 А розаны и алые цветки;
Поклялся б всяк, вдали узрев их лица,
Что вкруг чела их реют огоньки.

151 Вдруг предо мной тут стала колесница,
И грянул гром, и здесь положена́
Была, казалось, шествию граница.

154 И стали все, лишь стали знамена.

Песнь XXX

Земной рай. — Появление Беатриче и исчезновение Виргилия. — Упреки Беатриче Данте.

1 Лишь только стал Септентрион верховный
(Ему ж заката, ни восхода нет,
Его же блеск лишь гасит мрак духовный —

4 Тот блеск, который за собою вслед
Ведет весь рай, как к пристани с эфира
Хор низших звезд льет мореходцам свет) —

7 Как взор вперили все пророки мира,
Что шли меж ним и Грифом пресвятым,
На колесницу, как на пристань мира.

10 Один из них, как с неба херувим,
«Veni, sponsa, de Libano», — ликуя,
Воскликнул трижды, и весь хор за ним.

13 Как из могил, призыв трубы почуя,

Воспрянут все блаженные, и всяк,
Облекшись в плоть, воскликнет: аллилуя, —

16 Над пресвятою колесницей так
Воздвиглись сто, ad vocem tanti senis,
Послов и слуг той жизни, полной благ.

19 И пели все: «Benedictus, qui veniste»,
И дождь цветов струили, говоря:
«Manibus o date lilia plenis!»

22 Видал я утром, как дает заря
Цвет розовый всей стороне востока,
Всему же небу ясность янтаря,

25 И как лик солнца, встав из волн потока,
Смягчает блеск свой дымкою паров,
Так что он долго выносим для ока, —

28 Так в недрах облака живых цветов,
Кропимых сонмом ангелов несметным
И в колесницу, и на злак лугов, —

31 В зеленой мантии, в венке заветном

На голове сверх белых покрывал,
Я донну зрел в хитоне огнецветном.

34 И дух во мне, хоть он и перестал
Так много лет быть в трепете жестоком
При виде той, кто выше всех похвал, —

В зеленой мантии, в венке заветном
На голове сверх белых покрывал,
Я донну зрел в хитоне огнецветном

37 Теперь, без созерцанья даже оком,
Лишь тайной силой, что из ней лилась,

Был увлечен былой любви потоком.

40 И лишь очам моим передалась
Та мощь любви, от чьей могучей воли
Во мне, ребенке, грудь уже рвалась, —

43 Я, как младенец, что при каждой боли
Бежит к родной, чтоб помогла любовь, —
Направил взор налево поневоле

46 К Виргилию, чтоб высказать: «Вся кровь
Во мне кипит, трепещет каждый атом!
След прежней страсти познаю я вновь!»

49 Но, ах! исчез Виргилий навсегда там;
Виргилий — он отец сладчайший мой, —
Виргилий, кем я был спасен, как братом!

52 Все радости, что первою женой

Утрачены, мой лик не защитили,
Чтоб он не омрачился вдруг слезой.

55 «О Данте, слез о том, что прочь Виргилий
Ушел, не лей — увидим скоро мы,
Как от других заплачешь ты насилий!»

58 Как адмирал то с носа, то с кормы
Глядит, как действуют людей станицы
В других судах, и в них бодрит умы,

61 Так с левого обвода колесницы,
При имени моем, его же звук
Я по нужде вношу в мои страницы.

64 Я зрел, как та, которую вокруг
Сперва скрывал хор ангелов, взор первый
Через поток в меня метнула вдруг.

67 И хоть покров, из-под венка Минервы
С главы ее спадавший, ей к лицу
Мне возбранял очей направить нер-

вы, —

70 С величьем, сродным царскому лицу,
Она рекла, как тот, в ком есть обычай —
Сильнейшее беречь в речах к концу:

73 «Вглядись в меня, вглядись: я — Беатриче!
Взойти сюда как в ум тебе вошло?
Как о моем ты вспомнил давнем кличе?»

76 Мой взор упал тут в чистых вод стекло;
В нем увидал я вид свой столь убогий,
Что взор отвел, так стыд мне жег чело!

79 Не кажется и сыну мать столь строгой,
Как мне она, так сладкий мед любви
ее ко мне был полон желчи многой!

82 Едва лишь смолкла — ангелы вдали:

«In te speravi, Domine» воспели,
Но дальше «pedes meos» не пошли.

85 Как стынет снег у мачт живых на теле,
Навеянный в вершинах Апеннин
С Словенских гор в холодные метели,

88 Едва ж из стран без тени до вершин
Коснется жар — закованный дотоле
Весь снег плывет, как воск, огнем палим, —

91 Так я без слез и вздохов был, доколе
Гимн не воспел хор Божий в вышине, —
Хор горних сфер, покорный высшей воле.

94 И вот, когда он состраданье мне
Сильнее выразил, чем если б прямо
«Что так строга?» — проговорил жене, —

97 Растаял лед вкруг сердца в миг тот самый
И вышел влагой в очи, а в уста

Потоком вздохов из груди упрямой.

100 Она ж, все там же стоя, в небеса
Так с колесницы к существам предвечным
Направила святые словеса:

103 «От вечности вы в свете бесконечном;
Ничто — ни ночь, ни сон — не скроют вам
Того, как век идет путем беспечным.

106 Я ж смысл такой желаю дать словам,
Чтоб тот, кто плачет там, познал о тесных
Соотношеньях горести к грехам.

109 Не только силой тех кругов чудесных,
Что всем посевам свой дают покров
По положению светил небесных,

112 Но и обильем Божеских даров,
В мир льющихся, как дождь, всегда готовый,

Из недоступных для ума паров —

115 Он таковым в своей был жизни новой,

Вернее — мог бы быть, что добрый нрав

Принес бы в нем плод сладкий и здоровый.

118 Но тем полней бывает сорных трав

Та почва, что прияла злое семя,

Чем лучше был земной ее состав!

121 Моей красой он сдержан был на время,

И следуя младым очам моим,

Он прямо шел, грехов отбросив бремя.

124 Но лишь чреда настала дням вторым,

Едва лишь в жизнь вступила я иную, —

Меня забыв, он предался другим.

127 Когда ж на дух сменила плоть земную

И возросла в красе и чистоте —

Он перестал ценить меня, святую.

130 И ложный путь он и́збрал в слепоте,
Вслед призракам пустого идеала,
Поверивши несбыточной мечте;

133 Наитье свыше уж не помогало,
Каким не раз к себе в виденьях сна
Звала его, — так чтил меня он мало!

136 И так он пал, что мне уже одна
Спасти его дорога оставалась:
Явить ему погибших племена.

139 Затем-то я и к мертвым в сень спускалась
И там пред тем, который в этот край
Привел его, слезами заливалась.

142 Нарушится суд Божий, если в рай
Он перейдет чрез Лету, у́зрит розы
Небесных стран и не уплатит пай

145 Раскаянья, пролив здесь горьки слезы».

Песнь XXXI

Земной рай. — Новые упреки Беатриче и новое покаяние Данте. — Переход через Лету. — Пляска четырех прекрасных жен. — Беатриче без покрывала.

«О ты, стоящий за рекой священной! —
Так, слов своих мне в грудь направив меч,
И без того уж слишком изощренный,

Она вела без перерыва речь. —
Скажи, скажи: права ль я с обвиненьем?
Сознайся же и дай мне суд изречь».

Но я таким взволнован был смущеньем,
Что голос мой, возникнув, смолк скорей,
Чем орган речи издал звук с волненьем.

Она ж, помедлив: «Что с душой

твоей?

Ответствуй мне! Еще в реке твой разум

Не потерял всю память прежних дней».

13 Смущение и страх, смешавшись разом,

Столь тихое из уст исторгли «да»,

Что заключить о нем лишь можно б глазом.

16 Как арбалет ломается, когда

Лук с тетивой сверх мер натянут длани

И пустят в цель стрелу уж без вреда,

19 Так сломлен был я тяжестью страданий.

Я залился слезами, голос стих,

Подавлен вздохами в моей гортани.

22 И мне она: «В желаниях моих,

Чтоб ты любил и думал лишь о Благе,

Вне коего нет радостей земных.

25 Скажи, какие встретил ты овраги

Иль чем был скован, что идти вперед
За Благом тем лишился всей отваги?

28 И что за прелести, что за расчет
В челе других нашел ты, что их крыльям
Осмелился поверить свой полет?»

31 Вздохнув глубоко, залит слез обильем,
Едва собрал я голос на ответ,
Сложившийся в устах моих с усильем.

34 «Ценя, — сказал я с плачем, — ложный свет
Лишь благ земных, я вслед за ним увлекся,
Когда юдоль покинули вы бед».

37 И та: «Хотя б смолчал ты иль отрекся,
В чем ты сознался, — все ж твой Судия
Зрит грех твой, сколько б мглой он ни облекся.

40 Но кто излил в слезах, не утая,
Грех добровольно, — для того колеса

Наш суд вращает против острия.

43 Однако, чтоб больней отозвалося
Тебе паденье, чтоб в другой ты раз
На зов Сирен недвижней был утеса, —

46 Уйми источник слез и слушай нас.
И я скажу: куда б тебя, казалось,
Был должен весть моей кончины час.

49 В природе ли, в искусстве ль, что встречалось
Прекраснее тех членов, где витал
Мой дух, хоть тело в прах уже распалось?

52 И если ты с их смертью потерял
Все высшее, в ком на земле в замену
Ты мог найти столь дивный идеал?

55 С стрелою первой, видя благ тех цену,
Не должен ли ты был в святой предел
Лететь за мной, уж вышедшей из плену?

58 Так как могла под выстрел новых

стрел

Склонить полет твой женских глаз зараза,

Вся суетность житейских тщетных дел?

61 Младой птенец прельстится два-три раза;

Когда ж он оперится — птицелов

Не обольстит ему уж сетью глаза».

64 Как, покраснев, потупя взор, без слов,

Стоит и внемлет наставленьям в школе,

В вине сознавшись, ученик — таков

67 Был я. Но та: «Мне внемля, поневоле

Тоскуешь ты; но бороду на нас

Приподыми, и ты встоскуешь боле».

70 Ах, с меньшим затрудненьем вырвут вяз

С корнями вон порывы бурь с полночи,

Иль вихрь из стран, где царствовал

Ярбас,

73 Чем то, с каким свои я поднял очи;
Я в слове борода свой лик узнал,
И яд насмешки понял я жесточе.

76 Когда ж чело я наконец подъял,
То увидал, что на нее цветами
Уж рой существ первичных не кидал.

79 И смутными я зрел ее очами,
Глядевшую туда, где птица-лев
Двумя в одно сливались естествами.

82 На том брегу, в покрове меж дерев,
Она себя былую превышала,
Насколько здесь была всех краше дев.

85 Так жгло меня раскаяния жало,
Что от всего, к чему так льнул мой слух,
Душа моя, как от врага, бежала.

88 Самосознанье так мне грызло дух,
Что тут я пал, и чем тогда мог стать я, —
Лишь знает та, пред кем мой ум по-

тух.

91 Когда ж стал вновь мир внешний сознавать я, —

Та донна, кем я встречен у ключа,

Сказала мне: «Ко мне, ко мне в объятья!»

94 И погрузив до шеи и влача

Меня в волнах, по водному разбегу

Она скользнула, как челнок ткача.

97 И хор воспел, лишь близок был я к брегу,

«Asperges me» — так звучно, что нет сил

Ни описать, ни вспомнить звуков негу.

100 И дланями прекрасной схвачен был

Я за главу и весь опущен в волны,

При чем воды невольно я испил.

103 И к четырем тем девам я, безмолвный,

Стал в хоровод, омыт от грешной тьмы,

И принят в их объятья, счастья полный.

106 «Мы нимфы здесь, а в небе звезды мы!
Мы, до явленья Беатриче в мире
Её рабы, уж лили свет в умы.

109 К ее очам тебя представим в мире;
Дадут же мощь тебе их вынесть свет
Те три жены, что глубже зрят в эфире».

112 Так начали петь хором и, вослед
Им шествуя, предстал я пред Грифона;
С него ж на нас был взор ее воздет.

И дланями прекрасной схвачен был
Я за главу и весь опущен в волны

«Здесь не щади очей, — сказали жены, —
Ты приведен к смарагдам тех очей,

От коих стрел ты пал во время оно».

118 Миллионы дум, огня все горячей,
Влекли мой взор к очам ее лучистым,
Прикованным лишь к Грифу без речей.

121 Как солнце в зеркале, во взоре чистом
Гриф отражался, образ свой двоя
То тем, то этим веществом огнистым.

124 Представь, читатель, как дивился я,
Когда, не движась, Гриф без перерыва
Менял свой образ в мгле очей ея!

127 Пока мой дух, полн радости и дива,
Вкушал ту снедь, что насыщая нас,
В нас возбуждает больше к ней призыва, —

130 Приблизились другие три, явясь
Мне существами высшего порядка,
И с пляской райской слили пенья глас.

133 «Склони, склони взор светлый, — пели сладко, —

О Беатриче, к другу твоему!

Чтоб зреть тебя, он путь свершил не краткий.

136 Будь благостна, благоволи ему

Открыть уста, да видит без покрова

Второй твой блеск, незримый никому!»

139 О вечный свет от света пресвятого!

Кто так бледнел в тени густых древес

Парнаса, кто испил ключа живого,

142 Чтоб гений в нем внезапно не исчез,

Когда б дерзнул воспеть, как ты предстала,

Осенена гармонией небес,

145 О Беатриче, мне без покрывала!

Песнь XXXII

Земной рай. — Таинственные судьбы священной колесницы. — Символическое дерево. — Превращение колесницы в чудовище. — Блудница и Гигант.

1 Так приковал я взоры к ней, чтоб жажды
Десятилетней жар унять в крови,
Что вмиг во мне угаснул помысл каждый.

4 Все скрылось с глаз, как будто из земли
Воздвиглись стены; так я изловился
Святой улыбкой в сеть былой любви!

7 Но вдруг мой взор насильственно склонился
На тех богинь налево, лишь достиг
Ко мне их возглас: «Как он углубился!»

10 И свойство глаз — лишаться зренья вмиг.
Как скоро солнце вдруг их поразило,

Оставило меня слепым на миг.

13 Когда же свет вновь зренье ощутило
(Лишь малый свет в сравненье с тем большим,
От коего я был оторван силой) —

16 Я увидал, что воинством святым
Взято в пути направо направленье
К светильникам и к солнцу перед ним.

19 Как под покровом из щитов в сраженье
Полк кружит с знаменем, пока опять
Не встанет в строй, спасаясь в отступленье, —

22 Так Божьих сил передовая рать
Уж вся прошла, а дышлу вслед дружинам
Еще все медлил Гриф движенье дать.

25 Когда ж к колесам стали жены чином,
Гриф тронул с места пресвятой ковчег,
Причем в пере не дрогнул ни едином.

28 И донна, коей я взведен на брег
Из волн, пошла со Стацием и мною
За колесом, свершавшим меньший бег.

31 Так, в лес войдя (теперь пустой — виною
Поверившей когда-то Змию зла),
Мы шли под лад с музы́кой неземною.

34 На сколько в три полета вдаль стрела
Проносится, такое расстоянье
Пройдя, на землю дивная сошла.

37 «Адам, Адам!» — я внял в толпе роптанье,
И к дереву — без листьев и цветов
На всех ветвях — столпилось все собранье.

40 Раскидывал там шире свой покров,
Чем выше рос, ствол дерева — громада,
Какой не зрел и и́ндус средь лесов.

43 «Хвала, о Гриф! Твой клюв не тронул яда

Ветвей на древе, сладкого в устах,
Но гибельного чреву мукой ада».

46 Так возле древа крепкого в толпáх
Раздался клик, и существо двойное:
«Так да блюдется правда в семенах!»

49 И колесницы дышло пресвятое
Повлек Грифон и с древом-сиротой
Связал его, как от него взятóе.

52 Как наши злаки здесь (порою той,
Когда мешается с великим светом
Тот, что идет за Рыбами весной)

55 Вздуваются, чтоб обновиться цветом,
Всяк злак своим, покуда Феб коней
К другим созвездьям не направит с летом, —

58 Так, полное сперва сухих ветвей,
Вдруг оживясь, то древо цветом стало
Темнее роз, фиалки же светлей.

61 Чей ум поймет? Чье ухо здесь внимало

Тем гимнам, кои делись там? Но сил
Имел я вынесть только их начало.

64 Имей я кисть представить, как смежил
Зеницы Аргус под напев свирели,
За что ценой он жизни заплатил, —

67 Я б, как художник, пишущий с модели,
Изобразил, как сну я предался;
Но где мне красок взять для этой цели?

70 Итак, скажу, как сон мой прервался.
Как сна покров расторгся блеском света
И возгласом: «Проснись! ты заспался».

73 Как на гору (да у́зрят роскошь цвета
Той яблони, чьи яблоки даны
В снедь ангелам предвечного совета)

76 Иоанн, Иаков, Петр возведены
И как их сны расторг глагол надежды,

Что расторгал и гробовые сны,

79 Причем уже не видели их вежды
Ни Моисея, ни Ильи, и сам
Учитель их уж изменил одежды, —

82 Так, пробудившись, я увидел там
Благочестивую — ту, что в красе девичьей
Вдоль вод казала путь моим стопам.

85 И в страхе я спросил: «Где Беатриче?»
И та: «У корня древа восседит
Под новою листвой, полна величий.

88 Взгляни: вот сонм подруг ее стоит;
Другие ж все взнеслися за Грифоном.
Чу! как их песнь там в глубине гремит».

91 И что еще сказала мне об оном,
Не ведаю: мне зрелась лишь она,
Замкнувшая мой слух всем прочим тонам.

94 На почве чистой там воссев, одна,
Как страж, блюла ту колесницу мира,
Что существом двувидным спасена.

97 Вокруг нее слились, как вкруг кумира,
Семь нимф, держа в светильниках огни,
Хранимые от Норда и Зефира.

100 «Недолго быть тебе в лесной тени:
В великий Рим взнесешься силой чуда,
Где сам Христос — римлянин искони![82]

103 На благо миру, что живет так худо,
Зри колесницу; что увидишь здесь,
Все запиши, когда придешь отсюда». —

106 Так Беатриче. И, склоненный весь
К стопам ее велений, ум и очи,
Как повелела, устремил я днесь.

---

[82] Примечания: 82

Искони, *нареч.* — издавна, с незапамятных времен; с самого начала, всегда.

109 Стремительно так никогда в мгле ночи

Из туч не сходит молния, когда

Из высших сфер дождь хлынет из всей мочи,

112 Как птица Зевса ринулась тогда

По дереву, сорвав с него с корою

И лист и цвет — и пала, как беда,

115 На колесницу с яростью такою,

Что та накре́нилась, как бот средь волн,

С бортов разимый в море бурей злою.

118 И в колесницу, зыбкую как челн,

Голодная Лисица ворвалася,

Которой зев был всякой скверны полн.

121 Но укоризн мадонны устрашася,

От мерзких дел она пустилась в бег,

Насколько мог бежать скелет без мяса.

124 И вот, из стран, отколь сперва притек,

В ковчег опять Орел спустился бурно

И пухом крыл осыпал весь ковчег.

127 И в высоте, в обители лазурной,
Раздавшись, скорби голос произнес:
«О мой челнок! как нагружён ты дурно!»

130 И видел я: вот! между двух колес
Земля разверзлась, и Дракон выходит —
Пронзить ковчег хвостом своим насквозь.

133 И как оса из тела вновь выводит
Иглу — так Змий, в себя вобрав хвост свой,
Отторг часть дна и, радостный, уходит.

136 Как глохнет поле сорною травой,
Так, что осталось, в пух Орла (забытый,
Быть может, с целью чистой и благой)

139 Оделося, и были быстро скрыты
Колеса с дышлом — им уста без слов,
Чтоб вздох издать, не долее открыты.

142 Преобразившись так, чертог Христов

Главы изводит из своих гнездилищ,

На дышле три и по одной с углов;

145 Рога быков — у первых трех чудилищ,

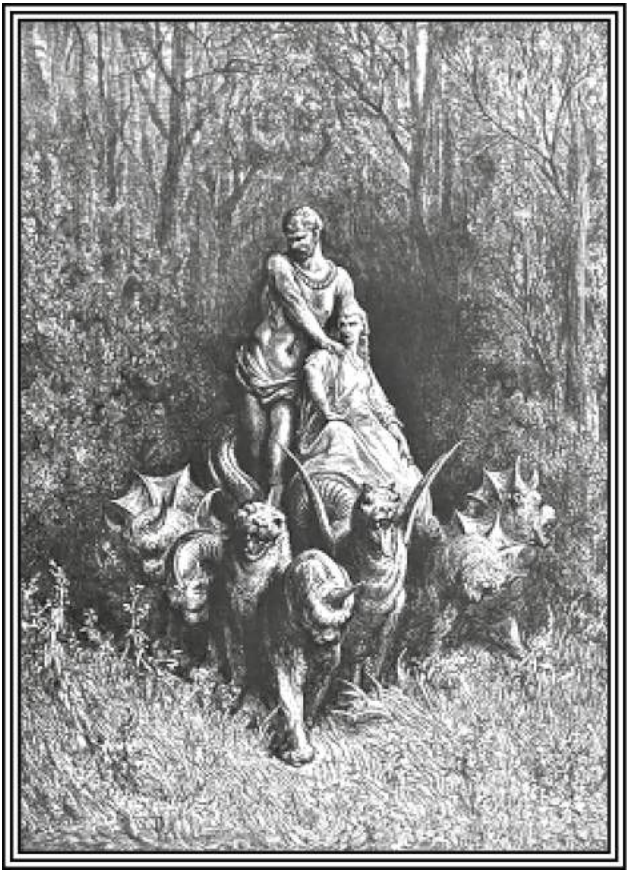
У всех других — по рогу на челе;

Век я не зрел столь мерзостных страшилищ.

148 Тверда, как крепость на крутой скале,

Сидит на нем Блудница на свободе

И наглый взор вкруг водит по земле.



...Сидит на нем Блудница на свободе

И наглый взор вкруг водит по земле

151 И чтоб ее не потерять (невзгоде,
Кто был бы рад?), Гигант стоит с ней в ряд,
Ее целует он при всем народе.

154 Когда ж в меня свой похотливый взгляд
Та кинула, — бичом любовник строгий
Ее избил от головы до пят.

157 И волю дал, полн гнева и тревоги,
Он чудищу, и так далеко в лес
Увлек ее, что гад сей многорогий

160 С Блудницею из глаз моих исчез.

Песнь XXXIII

Земной рай. — Прорицание Беатриче. — Пятьсот и Пять и Десять. — Данте и Беатриче. — Река Эвноэ.

«Deus venerunt gentes»... в сокрушенье,
То только трех, то четырех дев хор
Так, чередуясь, начал псалмопенье.

И воздыхая — скорбная с тех пор, —
Внимала Беатриче; лишь Мария
Имела у креста печальней взор;

Когда же дали девы пресвятые
Ей говорить, — с лицом как бы в огне,
Она восстав, рекла слова такие:

«Modicum, et non videbitis me
Et iterum, — о милые подруги, —
Modicum, et vos videbitis me».

Когда ж семь жен пошли пред ней, как слуги,

Она, дав знак за нею вслед идти
Мне, донне и поэту в нашем круге,

Подвиглась в путь и, верно, десяти
Еще шагов в пути не совершила,
Как взором мне пронзила взор в пути

И с видом ясным так проговорила:
«Спеши; хочу беседовать с тобой:
Понять меня в тебе уже есть сила».

Лишь я предстал, как долг велит, к святой —
Она рекла: «О! брат мой, что ж о многом
Не спросишь ты, пока идешь со мной?»

Что с тем бывает, кто в чрезмерно строгом
Почтении, со страхом говоря,
Едва сквозь зубы тянет слог за слогом, —

То было и со мной, и начал я
Неявственно: «Вам ведомо, мадонна,
Что нужно мне, в чем благо для меня».

31 И мне она: «Хочу, чтоб непреклонно

Мужался ты, отбросив лишний стыд,

И говорил отныне не как сонный.

34 Знай: тот сосуд, что Змием здесь разбит, —

Он бе и несть![83] Но Божеской десницы

Виновник зла — скупой не отвратит.

37 И явится в свой час наследник птицы,

Рассыпавшей на колеснице пух,

Чтоб чудище родить из колесницы.

40 Уж ясно вижу (и скажу то вслух):

Низводят день уж звезды в зодиаке,

Когда прорвет все грани некий дух.

43 Пятьсот и Пять и Десять — будут знаки

Послу с небес: пред ним падет та тварь

---

[83] Примечания: 83
Бе и несть (церк.) — был и нет.

И тот Гигант, кто с ней грешит во мраке.

46 И коль слова мои темны, как встарь
Фемиды речь иль Сфинкса, если смысла
Их не поймешь, как Сфинкса понял царь, —

49 Наядами тебе пусть будут числа,
Пусть той загадки так рассеет мрак,
Чтоб на стадах и нивах смерть не висла.
52 Заметь же их и, как их слышал, так
Всем передай свои влачащим лета
В той жизни, где все к смерти есть лишь шаг.

55 И, записав их, не укрой от света.
Как два раза́ пред взором у тебя
Расхищено здесь было древо это.

58 Кто ж расхищает древо не любя —
Тот хульным делом оскорбляет Бога,
Что освятил то древо для Себя.

61 За этот грех дух первый, мучась строго,

Пять тысяч лет и боле ждал Того,

Кто искупил сей грех, страдав так много.

64 Спит разум твой, коль не поймет, с чего

Так вознеслось то древо без границы,

И почему так дивен верх его?

67 Увы! не будь дум тщетных вереницы

Волнами Эльсы для души твоей,

И ложь их — тем, чем был для шелковицы

70 Встарь Пи́рам, ты б уже из сих вещей

Мог нравственно понять, как правосудно

Бог воспретил касаться сих ветвей.

73 Но, убедясь, что твой рассудок скудный

Окаменел и темен стал в грехах,

И снесть не может свет сей речи трудной, —

76 Хочу, чтоб ты носил его в мечтах,
Коль не в чертах, так в красках, как приносит
Паломник жезл свой в пальмовых ветвях».

79 И я: «Как воск уже навеки носит
Все то, что в нем изобразит печать, —
Так ваших слов мой мозг с себя не сбросит.

82 Но для чего так должно возлетать
Глаголу вашему превыше долу,
Что ум за ним не в силах поспевать?»

85 «Затем, чтоб ты, — сказала, — понял школу,
За коей шел, чтоб знал, как не следит
ее ученье моему глаголу.

88 И как ваш путь настолько ж отстоит
От Божеских, насколько выше меты

Земной тот круг, что выше всех парит».

91 И я: «Не помню, чтоб в былые леты
Когда-нибудь я в чем чуждался вас,
И совести не страшны мне изветы».

94 «И если все забыл на этот раз, —
С улыбкой мне она, — тому виною,
Что ты испил из Леты лишь сейчас.

97 Как дым пожар являет нам порою,
Так в сем забвенье, ясно вижу я,
Иной предмет был в мыслях пред тобою.

100 Аминь, аминь, отныне речь моя
Откроется, насколько грубым зреньем
Ты в силах снесть глубокий смысл ея».

103 Уж пламенней и с большим замедленьем
Вступало солнце в полдень средь высот,
Лежащий розно с каждым положеньем,

106 Как вдруг семь дев замедлили (как тот,

Кто, шествуя перед толпой народной,

Пред чем-нибудь вдруг замедляет ход), —

109 У бледной тени рощи, с тою сходной,

Какую в Альпах видим средь прохлад

Листвы и сосен у воды холодной;

112 Лились пред нами — мнилось мне — Евфрат

И Тигр, струясь из одного исхода

И расходясь, как с братом нежный брат.

115 «О свет! о честь всего земного рода!

Что за вода? Зачем один исток

Себя здесь делит в два водопровода?»

118 И та: «Спроси, что это за поток,

Матильду, брат». — И ей, спеша с ответом,

Как бы затем, чтоб снять с себя упрек,

121 Прекрасная: «Он слышал уж об этом
И о другом, и Леты он в волнах
Едва ль утратил память к сим предметам».

124 И Беатриче: «Об иных делах
Заботой часто думы в нас покрыты,
Они затмили свет в его очах.

127 Но вот струится Эвноэ! Веди ты
Его к нему и, по обычью, в нем
Восстанови всю мощь и дух убитый».

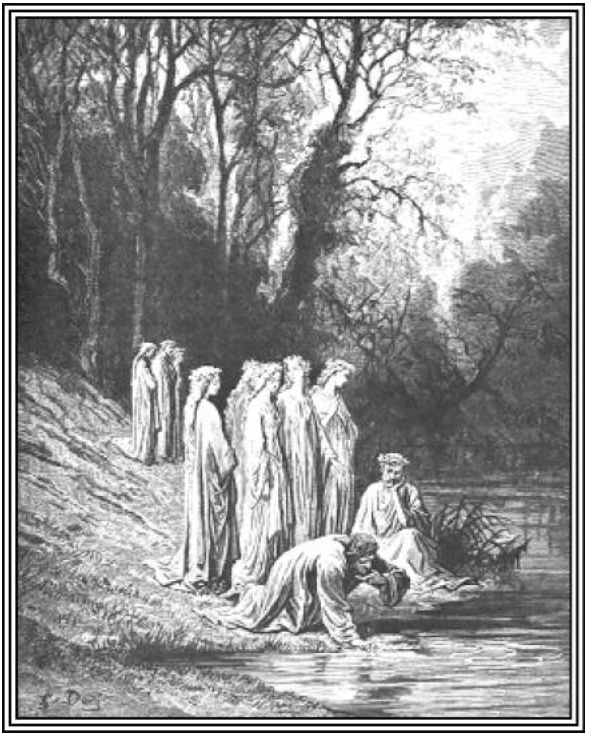
130 Как кроткая, послушная во всем,
Как та, кому чужая власть законом,
Коль скоро ей дают намек о том, —

133 Прекрасная, подав мне длань, по склонам
Пошла к реке, и Стацию: «Иди
За ним!» — рекла, как подобает донам.

136 Имей я места боле впереди,
Воспел бы я, читатель, хоть отчасти,

Вкус вод, восторг рождающих в груди.

139 Но, как уже полны теперь все части
Второй канцоны, то закончив лист,
Не выйду я из-под искусства власти.



Имей я места боле впереди,
Воспел бы я, читатель, хоть отчасти,
Вкус вод, восторг рождающих в груди

142 Как в новую листву одет, душист

И свеж, встает злак новый — так от бездны

Святейших волн я возвратился чист

И весь готов вознестьсяв страны звездны.

Рай
(перевел с итальянского размером подлинника (терцинами) Николай Голованов)

Песнь I

Вступление. — Седьмое утро пути. — Вознесение к небесам. — Беатриче говорит о вселенной.

1 Лучи Того, в Ком сила всех движений,
Все проникают, хоть в неравной доле:
Здесь ярче и светлее, там же меней.

4 Я в небе был, где слава та всех боле,
И видел, что ни передать понятно
Ни рассказать вернувшимся оттоле;

7 Зане сознанье, к цели благодатной
Приблизясь, так спешит упиться светом,
Что память уж нейдет оттоль обратно.

10 Но те красоты, из явленных мне там,
Что будто клад сознанье сохранило,
Для песен ныне будут мне предметом.

13 Да буду я твоей сосудом силы,

О Аполлон, в труде последнем ныне,
Чтоб мне твой лавр приять достойно было!

16 До сих пор я доволен был единой
Главой Парнасса; ныне ж непременно
Нужны мне обе той горы вершины!

19 Вселись в меня могуче, вдохновенно,
Каким ты был, когда в кровавом ложе
Ты Марсия распутал мощно члены!

22 Обвей меня могуществом, Дух Божий,
Чтоб область Твоей твари первозданной
Изобразить я мог хоть тенью схожей,

25 Да к древу Твоему я невозбранно
Приближусь, за величие предмета
Листвой, какой достоин я, венчанный!

28 О заблужденье! О позор для света!
Как редко лист срывается лавровый
К триумфу цезаря или поэта!

31 Восторгов бог восторга любит слово,

Коль скоро за пенейскими листами

Стремиться люди хоть слегка готовы.

34 От искр великое родится пламя;

Быть может, люди, жаждя гласов в Кирре,

Молиться станут лучшими словами! —

37 Чрез много окон свет рассеян в мире,

Но больше всех ему отверстье мило,

Где в три креста сошлось кругов четыре.

40 Сильней его теченье, и светила

Ясней; на воске праха в большей мере

Кладут печати дух его и сила.

43 День поднимался в небе с этой двери,

А с этой ночь; свет с этой половины,

А в той темно казалось эмисфере.

46 Стояла слева Беатриче, в длины

Небес вперяя взгляд, как не глядится
В сверкающее солнце взор орлиный.

49 Как луч другой от первого родится
И блещет вверх, стремясь туда обратно,
Как путник в край родимый, возвратиться,

52 Так взор ее, проникнув благодатно
В меня, зажег такую же алчбу[84] *там —*
И стало в солнце мне смотреть приятно.

55 Там места нет чувств наших внешних путам
И взоры наши там светлей и чище,
В краях, что сделал Бог для нас приютом!

58 Не долго я глядел, но видел: прыща,[85]

---

[84] Примечания: 84
Алчба (книжн., устар.): 1. алчность; жадность. 2. *то же, что* голод.

[85] Примечания: 85
Прыщать [прыскать] *гл.* — стремительно, внезапно прорываться; выскакивать, будто брызгом.

Как сталь в горниле, искр снопом багровым,

Сверкало солнца яркое огнище;

61 И мнилось мне, что днем зажегся новым

День, уж сиявший; и что солнцу брата

Воздвиг Всевышний всемогущим словом.

64 К вращенью неба взоры без возврата

Вперила Беатриче; и в нее же

Вонзил я взор, от горних сфер отъятый.

67 Глядясь в нее, я делался похоже

На Главка, что, от некого растенья

Вкусивши, вдруг семье стал равен божьей.

70 В словах сказать про то перерожденье

Нельзя, но и тому примера нету;

Лишь благодать дарует разуменье!

73 Был ли я духом? Ты лишь знаешь

это,
Любовь творящая, своей рукою
Подъявшая меня в то царство света!

Когда твое движенье вековое
Опять мое вниманье пробудило
К гармонии, уставленной тобою, —

Я видел: столько неба охватило
То пламя, что поток иль дождь ужасный
Едва ль бы разлились с подобной силой.

И звуков новость и тот свет прекрасный
Зажгли мне в сердце жажду знать такую,
Что век не ощущал я боле страстной!

Но та, кто зрит меня, как сам не зрю я,
Ко мне успокоительное слово
Вещала ранее, чем попрошу я:

«Ты призраком пленен фальшивым снова,

Того не видя, в чем сам убедиться
Ты б мог, с себя стряхнувши лжи оковы.

91 Тебе, что на земле мы, верно, мнится;
Но ты несешься к высоте безбрежной,
Как молньи луч чрез небеса стремится».

94 Но чуть свободен от ошибки прежней,
Я вновь повергнут был в туман сомненья
От слов, мне сказанных с улыбкой нежной,

97 И молвил: «От большого удивленья
Свободен я; но все ж меня пугает
Мое над всем легчайшим возношенье».

100 Тогда она, вздохнувши, направляет
Взгляд на меня, с тем кротким взглядом схожий,
С которым мать сыновний бред вни-

мает, —

103 И начала: «Людских законов строже
Законы есть и в небе; и вселенной
Законы те даруют образ Божий;

106 И виден в них семье духов блаженной
След вышней силы — цели той конечной,
Для коей создан строй тот неизменный.

109 И весь тот ряд сознаний бесконечный
Имеет склонности, в различной мере
Его ведущие к той цели вечной.

112 Чрез море бытия к единой двери
И пристани, различными путями
Плывет всяк, своему инстинкту веря,

115 И тот инстинкт луне приносит пламя;
Другой сцепляет шар земли совместно;
Людскими третий властвует умами.

118 Тот лук не только твари бессловесной
Шлет стрелы, но и первенцам творенья
Чарует ум любовию небесной.

121 Слив части все в едино, Провиденье
Сбирает их, покой им давши в крае
Быстрейшего и первого движенья.

124 И нас мчит сила именно такая,
Все в мире к цели общей и прекрасной,
Единственной неся и направляя.

127 Хоть часто форма твари несогласна
С намереньем Творца, и для идеи
Материя бесчувственно безгласна,

130 Или, бороться силы не имея,
Нередко тварь на ложный путь вступает,
Коль скоро правда скроется пред нею, —

133 И лживой красотой ее прельщает

Земля и, изменивши путь первичный,
Она во прах и долу ниспадает.

136 Но как воде стремиться вниз обычно,
Презрев преграды гор и камней груды, —
Так духу к небесам взлетать прилично.

139 Когда б ты не взлетал, то было б чудо,
Как если б, на земле пылая, пламя
Не рвалось всею силой вверх оттуда». —

142 И в небо вновь она впилась очами.

Песнь II

Первый отдел: сферы семи планет. — На Луне. — Конец рассказа Беатриче.

1 О вы, чей утлый челн, хоть мал и тесен,
Вслед одинокому стремится бегу,
Каким корабль моих несется песен!

4 Домой вернитесь, к верному ночлегу:
Лишь я из виду скроюсь — бесполезно
Заблудитесь в пучинах вы без брегу.

7 Мне путь в еще не пройденные бездны.
Минерва — ветр мой; Феб мой руль; имею
Я новых Муз вождями в край надзвездный!

10 Немногие ж, кто протянули шею,
Стремясь за пищей Ангелов святою,
Чтоб жить, вовек не насыщаясь ею, —

13 Плывите смело в океан за мною,
Пока в глазах у вас я там предъиду;
Но след мой вмиг сотрется вновь волною.

16 Дивиться будете, как не дивились виду
Пастушьему великого Язона
Герои, что отправились в Колхиду!

19 Мы возносились жаждою врожденной
Зреть царство то, что носит образ Божий, —
Со скоростью вращения вселенной.

22 Глядела Беатриче вверх; я тоже
Все на нее глядел; и сроком меней,
Чем в луке бы стрела слетела с ложа, —

25 Примчался в область я, где в восхищенье
Стал нем я. Та ж, пред коею напрасно
Скрывать я стал бы смену ощущений, —

28 Рекла, столь радостна, как и прекрасна:

«Стремись к Творцу душою благодарной!

До первых звезд взнесен ты силой властной».

31 Мы, мнилось, были скрыты пленкой парной,

Блестящей, толстой, словно грань алмаза,

Средь коей пал луч солнца светозарный.

34 В сей вечный перл мы погрузились сразу, —

Как света луч проходит в бездне водной,

Хоть гладь осталась ровною для глазу.

37 Пусть склонен думать разум земнородный,

Что равные несовместимы длины,

И что для тела тело непроходно.

40 Тем боле потому узнать причину

Должны мы быть желанием влекомы,
Что с Божеством сливает нас в едино!

43 Должны без доказательств верить в то мы,
Как, в мир вступая, разум наш наглядно
Первичные приемлет аксиомы.

46 Я ей в ответ: «Мадонна, сердцем жадно
Стремлюся я к той Мощи животворной,
Меня несущей к высоте отрадной.

49 Но молви мне: что порождает черный
Мрак пятен, что в земной убогой сфере
О Каине рассказ рождает вздорный?»

52 Она в ответ с улыбкою: «Я верю:
Ключ внешних чувств, опора вашим мненьям,
В духовный мир вскрывает плохо двери.

55 Не будь врасплох застигнут удивленьем,

Затем, что каждый орган чувств животный

Ваш, разум лишь приводит к заблужденьям.

58 Но молви, как ты мыслишь сам?» — Охотно

Я отвечал: «Причина, без сомненья,

Что вещество то жидко там, то плотно».

61 Она ж в ответ: «В подробном объясненьи

Когда бы правду я тебе открыла —

В своем ты убедился б заблужденьи.

64 В восьмой из сфер небесных есть светила,

И в многочисленной семье их славной

Они различны свойствами и силой.

67 Будь вещество тому причиной главной —

Оно б разлилось во вселенной целой

Иль в густоте различной или в равной.

70 Различие в достоинстве есть дело

Начал, дающих форму; те ж начала
Ты исключил догадкой неумелой.

73 Когда бы плотность пятна те рождала,
Там вещество должно в зерно бы слиться,
А там совсем оно б оскудевало.

76 Иль как в зверях: там толще жир сгустится,
А там спадет, — так книга сей планеты
Имела бы различные страницы.

79 Конечно, обнаружилось бы это
Немедленно при солнечном затменьи,
Являя для лучей его просветы.

82 Но не бывает так. Предположенье
Поэтому такое неудачно.
Рассмотрим же твое второе мненье.

85 Коль скоро тело не было б прозрачно,
Тогда предел найдется, до какого

Дойдя, луч поглотится в массе мрачной.

88 И он воротится обратно снова,
Как от стекла он должен возвратиться,
За коим сзади лист лежит свинцовый.

91 Конечно, можешь ты отговориться
Еще предположением возможным,
Что в большей глубине он отразится.

94 Но мненье то ты вновь признал бы ложным,
Коль опыты тебе б то доказали, —
Родник всем вашим знаньям ненадежным.

97 Три зеркала — два ближе, третье дале
Поставив, — так стань сам, чтоб этом ряде
Твои глаза меж первых двух стояли.

100 Пускай на них свет упадает сзади —

И всеми зеркалами отраженный

Луч, возвратясь, в твоем сольется взгляде;

То отблеск в нем, настолько ж напряженный

Родится (хоть совсем не столь пространный),

Поверхностию самой отдаленной.

Но как луч солнца воскресит багряный

Первичный цвет в цветах, что мрак полночный

Успел одеть в покров холодный льдяный,

Так истиною просвещенный точной

Блести теперь, и пусть ее зарею

Растопятся твои сомненья мощно!

Есть тело в небе вечного покоя,

Что жизнь в себе как свойство заключает

И бытие кружась родит. Второе

115 Небес пространство, что на нас взирает
Столь многими очами, сей первичный
Источник бытия распределяет.

118 Другие сферы с силою различной,
Жизнь в ряд причин и целей неизменный
Связав, ведут в вселенной строй обычный.

121 Ты видишь, эти органы вселенной
Несут все сверху принятое ниже,
Его распределяя постепенно.

124 Заметь, как ныне подошла я ближе
К ядру причин, тебе столь непонятных,
Да истину сам впредь отыщешь ты же!

127 Мощь и движенье сфер сих необъятных,
Точь-в-точь от кузнеца удар кузнечный, —
Все от Вождей исходит благодатных.

130 То небо, что блестит в красе предвечной

Столь многих звезд, сияет отпечатком

И мудрости подобьем бесконечной.

133 Как в вашем прахе жизненным порядком

Дух разовьется, с телом слитый тесно,

Способностей различных став началом, —

136 Так мудрость развивается в небесной

Семье светил, чтоб вновь неразделимой

Сойтись с их совокупности совместной.

139 Различье сил с камнями дорогими

Сливается, им жизни дав основу

И словно жизнь, срастаясь крепко с ними.

142 Рождаясь от источника святого,

В звездáх сияньем силы те сияют,

Как радостию блеск зрачка живого.

145 И силой их лучи не совпадают
Не от различной плотности; начала,
Дарующие форму, освещают

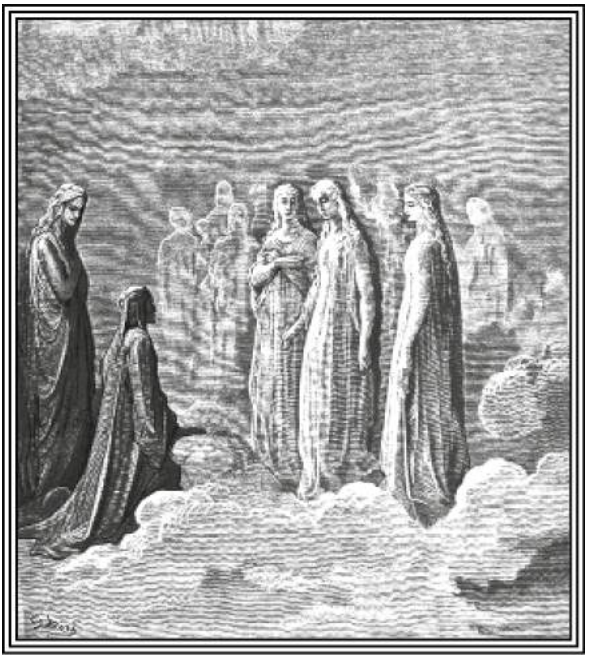
148 По мере сил их, — много или мало».

Песнь III

На Луне (продолжение). — Обитательницы Луны. — Пинккарда. — Констанца. — Рассуждение о степенях блаженства.

1 То солнце, коим страстию любовной
Зажжен я в детстве был, лучами спора
Открыло мне лик правды безусловной.

4 Разбитым ею, побежденным скоро
Признав себя — как сделать было надо, —
Я поднял голову для разговора.



Вдруг мне явилось зрелище, для взгляда
Столь сладкое, что даже угасало
Сознание пред этою отрадой!

7 Вдруг мне явилось зрелище, для взгляда

Столь сладкое, что даже угасало

Сознание пред этою отрадой!

10 Точь-в-точь сквозь грани чистые кристалла,
Иль сквозь струю прозрачного потока,
(Чтоб только дна она не затемняла),

13 Черты лица бледнеют, так что око
Жемчужную на белой шее нить
Едва лишь различает издалёка, —

16 Я видел лица с жаждой говорить —
И был в ошибке противоположной
Той, что могла Нарцисса погубить.

19 За отраженья в зеркале их ложно
Принявши, повернулся я назад,
Чтоб мне лик к лику зреть их было можно,

22 И — никого не встретив, был объ-ят
Я удивленьем; но подобно мати
Она улыбкой встретила мой взгляд.

25 «Не подивись, что на шаги дитяти

Я улыбаюсь; но пока для ног
Твоих непрочна почва благодати,

28 И стоит каждый шаг тебе тревог.
То — истинные сущности и лица
Тех, кто обет свой выполнить не мог.

31 Так говори ж и слушай, чтоб дивиться;
И верь: свет, всех животворящий, оный
От истины не даст им уклониться».

34 Тогда к душе, всех боле к речи склонной,
Я подошел, к беседе столь приятной
Излишне пылкой жаждою смущенный.

37 «Дух, что рожден для доли благодатной,
Вкушающий ту сладость и красоты,
Что всем, их невкушавшим, непонятны!

40 Прошу тебя, открой и молви, кто ты,
И назови живущих здесь над твердью».

Тогда душа ответила с охотой:

43 «Вскрыть жажде правой дверь в нас есть усердье,
Зане всю свиту милостью Богатый
Себе уподобляет в милосердьи.

46 Я инокинею была когда-то, —
И хоть теперь прекрасней я, — но взоры
Вперив острей, узнать бы мог меня ты.

49 Пиккарда я, причисленная к хору
Блаженных, и блаженства пью струи я,
Витая в сфере, хоть всех мене скорой.

52 Но Дух Святой, что наши симпати́и
Один возжег, внушил нам — сферы эти
Любить, Его уставы чтя святые.

55 Удел наш, столь завидный в вашем свете,
Нам дан за то, что мы обеты наши

Не соблюли, небрегши[86] *об обете».*

58 Я молвил: «Лик ваш просветляет краше —
Не знаю я — божественное что-то,
Преобразив черты земные ваши;

61 В узнаньи был я медлен оттого-то.
Но речь твоя ко мне — была подмогой,
Чтоб ум восстановил твои красоты.
64 Но молви: вы, кто счастливы столь много,
Желаете ль себе вы места выше,
Чтобы полней любить и видеть Бога?»

67 Она переглянулась, это слыша,
С другими и ответила с такою
Улыбкой, как любовью первой пыша:

70 «Брат! Добродетель милости в покое
Нас ублажает; мы не хочем боле
Того, что есть; нас не влечет другое.

---

[86] Примечания: 86

Небрегши (*от* небречь — *гл.* устар.; *то же, что* пренебрегать) — 1. оставить без внимания, презирать, ставить ни во что; 2. позабыть.

73 Когда б вздыхали мы о лучшей доле,

Желанье наше не было в согласьи

С верховной, здесь нас водворившей волей,

76 Что невозможно в этих сферах счастья,

Суть коего любовь; необходимо

Жить в ней, чтоб в радости приять участье.

79 Вся суть блаженства, коим здесь горим мы, —

Чтоб волею Божественной единой

Желанья наши были разрешимы.

82 Здесь лествицей поставлены мы длинной, —

Как будет царству и Царю желанным,

Чья воля нашей быть должна причиной.

85 В ней — мир наш; и она-то океаном

Струит мир без предела и без края

Всем, ею и природою созданным».

88 Я понял: всюду в небе — сладость рая,
Хоть и неравномерно в нем разлита
Любовь, блаженство льющая, святая.

91 Как блюдом мы одним бываем сыты,
А потому хотим и ждем другого,
К тому уж не имея аппетита, —

94 Явил я — чрез движенье и чрез слово —
Желание узнать об этой ткани,
Которая осталась неготовой.

97 «Здесь покрывало девственниц желанней, —
Она рекла, — высоким сим заслугам
Здесь в небе выше степень воздаяний.

100 Как те, кто жить по смерть хотят с Супругом,
Что принимает всякие обеты,
Согласные с Его желаний кругом, —

103 Я в молодости отреклась от света

И избегала лжи его прелестной,
В покровы иноче́ские одета.

106 Но человек, привыкший к злу, бесчестно
Меня увлек из моего приюта.
Что было дале — Богу лишь известно.

109 Сиянье то блестящее, как будто
Весь свет родился из его утробы,
Которое там видишь, в том краю ты, —

112 То ж о себе, как я, сказать могло бы,
Лишенное покрытия святого
И не соблюдши тень его до гроба.

115 Но против воли в мир вернувшись снова,
Средь мира и его неправды дикой,
Она с души все ж не сняла покрова.

118 То блещет свет Констанции великой;
Родившей гром последний Швабской славе

Грозе второй от Швабского язы́ка».

121 Пиккарда смолкла и — запевши «Ave» —

Исчезла, как, попав в поток глубокий,

В кристалле струй исчезнет камень въяве.

124 Мой взор следил за нею так далёко,

Как только мог; и вновь мной овладела

Отрады жажда, более высокой.

127 Я в Беатриче взор вперил всецело.

Ее лицо еще ясней зажглося;

Сперва поник я взглядами несмело,

130 А после — был подвигнут на вопросы.

Песнь IV

Продолжение рассуждения Беатриче о степенях блаженства и свободе воли.

1 Меж двух равно далеких вкусных блюд —
Граница для решительности всякой;
Ослу между двух копен выбор в труд.

4 Меж двух ягнят остался б одинако,
За кем погнаться, не решившись, волк,
А меж двух серн — охотничья собака.

7 И я так в нерешительности смолк;
Свою Владычицу спросить не смея,
Мои сомненья взять не мог я в толк.

10 Я был безмолвен; лик мой тем яснее
Мое недоумение явил,
Как если б речь о том я вел пред нею.

13 И Беатриче — словно Даниил
Сон угадал Навуходоносо́ра,

И ярость тем неправую смирил, —

16 Сказала мне: «В тебе подъемлют споры
Два рода мучащих тебя сомнений;
Ты их страшишься вверить разговору.

19 Ты молвишь: чем заслуга малоценней,
Коль скоро, при насилии свершенном,
Пребудет воля чистой тем не меней?

22 Другой вопрос: ты в мнении с Платоном
О преселении на звезды схож,
Коль скоро дух с земным простится лоном;

25 И как обоими равно гнетёшь
Ты разум свой, то раньше уясним мы
Сомненье то, в котором боле ложь.

28 Обожествясь всех боле, серафимы,
Два Иоанна и сама Мария,
И Моисей, и кто всех выше чтимы, —

31 Витают в том же небе все святые,

Не долговечней в счастье и не кратче,
Чем ведшие с тобою речь другие.

34 Но в круге высшем все ж, различно знача,
Они располагаются различно,
Дух вечный меней чувствуя иль паче.

37 В тех, что объемлет этот круг первичный,
Тебе нижайший их отдел показан,
Их меньшей добродетели приличный.

40 Зане ваш дух вещественностью связан,
И путь один, доступный пониманью,
Вам чрез посредство внешних чувств указан.

43 Вот почему, к вам снисходя, Писанье
Вам кажет правящую Божью силу
Десницей Вышнего, — в иносказанье.

46 Вот почему оно изобразило
В подобье плотском спасшего Товита,

И Михаила тож, и Гавриила.

49 Так видишь в рассуждении души ты,
Что мысль Тимеева другого рода
(Когда иного смысла в ней не скрыто),

52 Коль он в возможность верует восхода
Души в тот мир, где ранее витала,
Чем с формой сопрягла ее природа.

55 Но если речь его недосказала
Всего, и смысл сокрытый в ней остался, —
Насмешек не достоин он нимало.

58 Сказав: след их влиянья возвращался
К светилам тем иль честью иль позором,
До цели правды лук его касался.

61 И заблужденьем стало то, которым
Мир приведен был скоро к поклоненью
Юпитеру, Венере, звездным хорам.

64 Не вредно столь второе заблужденье:

Ты от меня, твоим сомненьям вверясь,

Не станешь в столь пространном отдаленье.

67 Что наша правда, вашей правдой мерясь,

Для ваших взглядов кажется вам лживой,

Ученье веры то, не злая ересь.

70 Но так как эту б истину могли вы

Понять — исполню я твое желанье,

И станет ясно все тебе на диво.

73 Коль кто насильем принужден к деянью,

Страдательно покорствуя, то все же

Ему насилье то — не оправданье.

76 Не гасит волю сила, уничтожа;

Зане с огнем, назло ветрам и вьюгам,

Несущимся горé, в нас воля схожа.

79 Такая воля век не будет другом

Насилью! Но так сделать не умела
Чета, что первым сим объята кругом.

82 Когда бы воля их осталась целой,
Как до конца пребыли тве́рды строго
Лаврентий на решетке, Муций смелый, —

85 То, чуть освободившись, на дорогу
След этой волей был бы им указан;
Но смертных с волею такой — немного.

88 Коль принял ты, как сделать ты обязан,
Мои слова — то, верно, устранили
Они всю ложь, и узел твой развязан.

91 Но эти объясненья послужили
В тебе к недоумению такому,
С каким бороться ты не будешь в силе.

94 Вложила я в твой ум, как аксиому,
Что дух блаженный быть не может лживым,
Всегда первичной истиной влекомый.

97 И перед разумом твоим пытливым
Могла любовь Констанцы к покрывалу
Моим речам быть противоречивым.

100 Нередко и с тобою, брат, бывало:
Опасности бояся малодушно,
Чего не надо, делал ты, пожалуй.

103 И Алкмеон так сделал благодушный,
И нечестивым стал из благочестья,
И мать убил свою, отцу послушный.

106 И вот к чему твой ум хочу привесть я:
Коль сила с волей заодно — верховной
Такой проступок не оправдан местью.

109 Назло согласья в воле безусловной
Нет: но она согласна, быть отказом
Своим бояся более греховной.

112 О воле безусловной так рассказом
Пиккарда говорит, я ж про другую
Речь повела; мы обе правы разом».

115 Так, мир неся и душу мне чаруя,
Текли того источника струи,
Что правду зарождает в нас любую.

118 «Любовь Первоисточника любви!
Тобой душа моя воспламенилась
И силы обновляются мои!

121 Моя любовь не столько укрепилась,
Чтобы воздать тебе; пусть все Могущий
И зрящий все воздаст тебе за милость.

124 Наш ум не сыт ничем иным, как сущей
Во веки истиной, пред коей ложным
Предстанет всякий призрак, нас влекущий.

127 Как зверь в берлоге, так умом тревожным
Почием[87] *в ней мы, и успокоенье*

---

[87] Примечания: 87
Почить, почивать (устар.) — 1. спать, предаться сну, отойти ко сну; 2. отдыхать, праздновать от трудов; 3. покоиться, пребывать в покое, в косности, бездействии; 4. умереть, упокоиться телом; скончаться и лежать в могиле.

Вне этой правды, станет невозможным.

130 Так, у подножья истины сомненье
Родится и дарует смертным силы
Вздыматься на ступень вслед за ступенью.

133 Вот что меня зажгло и окрылило
Вас вопросить, Мадонна, да ответом
Я уясню все, что темно мне было.

136 Хочу я знать: нарушенным обетам
Возможно ль возмещение какое
Делами, что столь ценны в царстве этом?»

139 Она взглянула на меня с такою
Любовью, в искрах глаз ее открытой,
Что, побежденный, пристыже́нный вдвое,

142 Поник я взглядом в землю, как убитый.

Песнь V

Заключение предыдущего рассуждения об обете. — Вознесение на Меркурий.

«Коль скоро я огнем любви блистаю
Сильней, чем вынесть можно оком тленным,
И светом твое зренье затемняю, —

То не дивися: в зренье совершенном
Окрепнув, обсужденье поспешает
Сравняться с восприятием мгновенным.

Уж отблеск и в твоих глазах блистает
Того, что свет зажег тебя незримый,
Что всяким веяньем любовь рождает.

И коль в другом добро какое чтим мы,
То, значит, этот отблеск, нам невнятный,
Нам тайно осенил предмет любимый.

13 Ты хочешь знать: пред правдой благодатной
Какой ценой возможно искупленье,
Когда обет нарушен святотатно?»

16 Так искрами святого поученья
Владычица мне просветляла очи,
Не прерывая слов своих теченья:

19 «Дар высший, данный Божьей дланью отчей,
Гласящий про любовь Его всех боле,
Им выше ценится, чем всякий прочий.

22 Тот дар великий есть свобода воли,
Что им дана разумному творенью,
Хотя всему, но никакому боле.

25 Отсель — обета важное значенье:
Приносишь волю в жертву ты, коль скоро
Господь твое приемлет приношенье.

28 Представ пред Богом с жертвою, с которой
Ничто другое в мире не сравнится,

Ты с Богом связан силой договора.

31 Как или чем той жертве заменить-ся?

Как милостыня краденым преступна,

Преступно так обетом поступиться.

34 Но с этим мысль поставив совокупно:

Дар церкви разрешать обеты ведом!

Душа твоя сомненьям вновь доступна.

37 Пребудь еще покуда за обедом,

И если тяжело варима пища,

За ней лекарство дам тебе я следом, —

40 Да будешь высшей мудрости жилище:

Ведь слышать мало, надобно усвоить;

Усвой мои слова полней и чище!

43 Два пункта в жертве могут мысли стоить,

И первый пункт — какой избрать предмет;

Второй — как крепкий договор устроить.

46 Последнему замены в мире нет:
Как свят он, объяснила уж тебе я,
И научил тебя в том мой ответ.

49 Но допускали в жертвах Иудеи,
Как сам ты знаешь, иногда замену,
В законе разрешение имея

52 Заменою, обету равноценной, —
Без совести упреков и утраты
Пред Богом, — искупать обет священный.

55 Но лишь ключом из серебра и злата —
И никакою прочей волей в мире —
Быть может ноша прежняя отнята.

58 Обет же новый тяжелей и шире
Быть должен по сравненью с тем, что сложен:
Будь новый шесть, коль прежний был четыре!

61 Дабы он, на весы суда возложен,
Перетянул на вечном коромысле,

И выкуп новый не был пуст и ложен.

64 О смертный, не шути с обетом! В мысли
Всегда имей поступок Иеффая
И наперед последствия исчисли;

67 Но помни: зло, что сделал сознавая,
Ты прекратить скорей всегда обязан,
Чем продолжать, обет свой соблюдая.

70 Тому пример в истории указан,
Как был за Ифигению сонм целый
Вождей стыдом и горестью наказан.

73 Не будь, христианин, столь скор до дела,
Как пух, по ветру двигаться готовый:
Не всякой влагой моешься добе́ла!

76 Дарован Ветхий вам Завет и Новый;
Блистают церкви пастыри пред вами, —
Вам полно для спасенья Божья слова.

79 А вы, страстям дурным покорны, сами
Бессмысленно влечетесь вы, как стадо,
На срам перед соседями жидами!

82 Вам на ягнят похожим быть не надо,
Что покидают мать высокомерно
И убегают дерзко за ограду».

85 Она рекла, вперивши взгляд усердно
В сиянье боле светлое, в стремленье
К иным ступеням жизни сей бессмертной.

88 Молчанье, перемена в выражении
Лица у ней — мне замолчать велели
И прекратить вопросов предложенье,

91 И быстро — как стрела подходит к цели,
Не истощивши быстроты досыта, —
Мы во второе царство прилетели.

94 Была Мадонна радостью облита:
Та радость в новом блеске ярком света

И новом рдении была открыта.

97 Кто б видеть мог — так как я видел это,

По всем путям прошедший мир, — улыбки

И измененье в смехе сей планеты!

100 И как, при появленьи корма, рыбки

Зеркальную струю пруда встревожат,

Сбираясь стаею, легки и гибки, —

103 Огни отвсюду мчались так, быть может,

Меня увидевши и восклицая:

«Вот кто любовь, нас жгущую, умножит!»

106 Когда же к нам приблизилась их стая,

Я видел, как блаженство в них кипело,

Их переполнив счастьем свыше края.

109 Читатель! Сам представить опыт сделай, —

В то время как все видел и молчал я,

Какая жажда знать во мне кипела!

112 И ты поймешь, как жаждой той сгорал я,

Про жребий их узнать стремясь сердечно, —

И оком жадным блеск их созерцал я.

Когда же к нам приблизилась их стая,
Я видел, как блаженство в них кипело,
Их переполнив счастьем свыше края

115 «Блаженный дух, ты, кто узреть предвечный

Престол триумфа призван, ты, о воин,

Еще борьбы не ведавший конечной!

118 Мы зажжены тем светом, что удвоен

И приумножен дале; мы готовы

Сказать все, чем твой будет глад спокоен». —

121 Так дух один промолвил мне, и снова

Мадонна мне сказала: «Говори же

И верь той речи словно Божью слову!»

124 «Дух, кого в свете собственном я вижу,

И этот свет в твоем сказался взгляде,

Когда с улыбкой ты подходишь ближе!

127 Кто был ты и каких деяний ради

На этот светоч ты вселен, который

Для смертных в скромном кажется наряде?» —

130 Так с духом тем вступил я в раз-

говоры,

Что речь со мной повел — и глядь! волнами

Свет загустел, блистая ярче взору.

133 Так солнца блеск, закутан облаками

В тот миг, когда рассеются туманы,

Себя скрывает в собственное пламя.

136 Беседою обрадован желанной,

Сей свет в огней сокрылся веренице,

И речь со мною он повел пространно,

139 О чем в грядущей песни говорится.

Песнь VI

На Меркурии. — Речь Юстиниана об орле империи. — Политическая система Данта. — Обитатели Меркурия.

1 «После того, когда полет орлиный,
Что вслед Энею так привык стремиться,
Перевернули руки Константина, —

2 Сто и сто лет и боле Зевса птица
В соседстве гор, где древле обитала,
На Европейской жизнь вела границе.

7 Так крыл ее священных покрывало,
Храня державу всех окрестных стран,
Ту власть из длани в длань передавало.

10 Я цезарь был, я был Юстиниан.
И мне любовь первичная велела,
Чтоб мной закон очищенный был дан.

13 Но прежде чем свершил я это дело,
Я в вере был слепым монофизитом;

Такая вера мне вполне довлела;

16 Но пастырем великим Агапитом
Наставлен был, его высокой речью
О таинстве, в учении том сокрытом.

19 Не видит так мышленье человечье,
Как вижу я мои ошибки ясно, —
Ложь с истиной в любом противоречье!

22 Чуть стал я верить с церковью согласно,
Мне Божья милость стала велика,
На славный труд меня подвигнув властно.

25 Вручил я Велизарию войска, —
И знаком, что приятно Богу это,
С ним Божия являлася рука.

28 Но к первому вернемся мы предмету
Беседы; замечаньями однако
Я должен пояснить свои ответы,

31 Чтоб видел ты и смысл святого

знака,

И прав ли, кто, себе его присвоя,

С ним борется, в противность правде всякой.

34 Теперь мы взглянем, доблестью какою

Он вознесен с минуты знаменитой,

Как пал Паллант за его славу в бое.

37 Ты знаешь, что на Альбе было свито

Гнездо орла по день, когда три брата

Тремя другими братьями побиты.

40 Ты знаешь то ж, — с сабинского захвата

До слез Лукреции его держава

Семью царей правлением поднята.

43 Ты знаешь, он предшествовал со славой

Войскам в сраженьях с Бренном или с Пирром,

Руковождая ход их величаво;

46 Потом ему достали власть над

миром

Торкват, власатый Квинтий, Деций, Фабий, —

И славу, мне служившую кумиром,

49 Предел поставив гордости арабьей

В то время, как прошли сквозь Альпы Пуни

Чрез кормящие По ключи и хляби.

52 И Сципион возвысился им юный;

Помпей увенчан славою военной,

Горе, где ты родился, шля перуны.[88]

55 Но небо восхотело дать вселенной

Мир, коего в нем образ; цели эти

Счел Цезарь Рима волею священной.

58 Его деянья стали славны в свете.

Их зрели Рейн, Изера, Сена, Сона

И Роны дол, цветущий в счастья цвете;

61 И что по переходе Рубикона

---

[88] Примечания: 88

Перун — ы, *м.* — 1. в славянской мифологии: бог грозы (дождя, молнии и грома), главное божество древнеславянского пантеона; 2. (книжн. поэт. устар.) — символ грозы, беды, несчастья.

Так быстро эта птица совершила,
Перо иль речь не передаст поденно.

64 В Испанью и в Дураццо устремила
Она войска, так поразив Фарсалу,
Что стало больно пламенному Нилу.

67 Антандр и Симоис, где ей начало,
Узрела вновь и прах детей Гекубы;
Потом на Птоломея вновь напала;

70 Там разразилась, словно гром, на Юбу
Она — и вновь ее пути свернýты
На запад ваш, Помпея слыша трубы,

73 Встал знаменосец следующий — Бруту
И Кассию скорбь суждена доныне;
С Перузою Модена в скорбь замкнуты,

76 И Клеопатре искупить кручиной
Пришлося, от орла скрываясь в горе,
Миг, как укус был избран ей змеиный.

79 На Красное орел помчался море,
Всеобщий мир в краю упрочив всяком,

И Януса храм заперт был ей вскоре.

82 Но все, что свершено святым сим знаком,
Иль будет свершено на этом свете,
Ему покорном, — пустяком и мраком

85 Покажется, когда деянья эти
Глаз просветленный наш рассмотрит здраво.
В сравненье с тем, что сделал Цезарь третий;

88 И чрез меня вещающее право
Верховною его почтило честью,
За Божий гнев ему отмстить дав славу!

91 Дивись, к чему тебя стремлюсь привесть я:
Потом орел при Тите местью грянет
Над древнею греха людского местью.

94 Ломбардский зуб святую Церковь ранит —
И под ее крылами в блеске власти
Великий Карл на помощь ей предста-

нет!

97 Суди же тех, кого я в первой части
Беседы обвинял; недаром то мы
Считаем корнем наших всех несчастий!

100 Противоставил знаку мировому
Тот лилии — а этот — кто повинней? —
Так своему его присвоил дому!

103 Пусть гибеллины действуют отныне
Под новым знаком, чтобы прежний лживый
Уж отклика не встретил в гибеллине!

106 Знай, Карл, над ним смеющийся кичливо
Путем своих захватов и покупок:
Те когти льву сильней сорвали гриву!

109 Оплачет сын отеческий проступок!
Свое оружье Бог не переменит!
В Его руках меч с лилиями хрупок. —

112 Сиянье сей звезды всех тех оденет,
Чьи от добра не уклонялись ноги,
Но кто заслуги в мире со славой ценит.

115 Когда желанья, отдалясь с дороги,
Нас к славе и к заслугам отвлекают,
Лучи любви уже не столь в нас строги.

118 Заслуги те нас частью насыщают;
Вот почему не меней и не боле
Блаженства наши души ощущают.

121 Насытить Божья правда нас дотоле,
Сердца у нас любовию покоя,
Что к злу дороги нету нашей воле.

124 Различье звуков разрешится в строе
Приятном, и различие удела
Гармонией становится святою.

127 А вот блистает в этой искре белой

Ромео, чье не знало воздаянья
Великое и доблестное дело;

130 Но не гордится пусть его изгнаньем
Прованс, зане тот дурен нестерпимо,
Кто злоупотребит благодеяньем!

133 Когда на тронах королевских чтимы
Раймонда Беранже четыре дщери —
Заслуга то Ромео пилигримма.

136 Когда ж Раймонд, злым языкам поверя,
Изгнал его, обидев злобой ярой,
Семь за́ пять получил он — не потери!

139 И тот ушел, беспомощный и старый.
Но если б мир проведал, как ходил он,
Куска вслед за куском моля, как дара,

142 Его бы еще боле восхвалил он!»

Песнь VII

Беатриче говорит о грехе и искуплении, о творении посредственном и непосредственном.

1 «Осанна Богу истины и силы,
Которого сиянье сих блаженных
Духóв огни сугубо просветлило!» —

3 Так снова к миру песен вдохновенных
Вернулась сущность та, блестя в повязке
Удвоенной красой лучей нетленных.

7 С другими свет умчался в стройной пляске,
Сверкая, как на синем небосклоне
Блестящих искр во тьме сверкают глазки.

10 «Скажи скорей, скажи своей Мадонне;
Скажи ей все, — мне сердце говорило. —
Где ты вождя отыщешь благосклон-

ней?

13 Все ж то почтенье, что мне сродно было

При буквах В и ИЧЕ, — мощной властью

Как сонному мне голову клонило.

16 Но Беатриче молвила, участье

Являя мне улыбкою столь сладкой,

Что дать могла сжигаемому счастье:

19 «Как верно мне гласит моя догадка, —

В возмездье должном справедливым карам

Не видишь ты законного порядка.

22 Но положив конец сомненьям старым,

Тебя терзать я не желаю доле

И подарю великих истин даром.

25 Не потерпев узды полезной воле,

Муж не рождённый получил проклятье,

И проклят род, что произшёл отто-

ле, —

28 И род его погиб бы без изъятья,
Не будь тот праотец людскому роду
Всевышнею избавлен благодатью.

31 И со Творцом далекую природу
Любви предвечной действом слило Слово,
Решению предвечному в угоду.

34 Внимательней меня ты слушай снова:
Природа вся в начале, возникая,
Была к общению с Творцом готова,

37 Хотя сама себя лишила рая,
От жизни и от истины небесной
Свой путь по произволу отвращая.

40 Венец терновый с тяжкой мукой крестной
Природе, что приял за нас Распятый,
Был справедливой карою возмездной.

43 Несправедлива ж кара та стократы,

Когда мы личность примем в счет, какою

Мучения те были все подъяты.

46 Та смерть рождает следствие двойное:

Она приятна Богу и евреям;

Рай чрез нее открылся пред землею.

49 Еще ты помни: суд над Назореем

Свершал единый судия законный,

Которого мы на земле имеем.

52 Твой ум, от мысли к мысли увлеченный,

Теперь, я вижу, в новом соплетенье

Запутался в сети неразрешенной.

55 Ты говоришь: «Мне эти рассужденья

Понятны; но зачем путь столь жестокий

Был надобен для нашего спасенья?»

58 Брат, тайна та темна земному оку

И не вместится в разуме убогом,

Что не согрет лучом любви глубокой;

61 Но ты поймешь, по размышленье строгом,
Что путь, который вам столь ненавистен,
Достойнее всех прочих признан Богом.

64 Есть благость, пламень коей бескорыстен,
И самобытным светом он сияет,
Первоисточник всех красот и истин.

67 Что без посредства благость та рождает,
То бесконечно, ибо неизменна
Ее печать вовеки пребывает.

70 Что без посредства, от нее рожденной, —
И не зависит и вполне свободно
От силы всяческой второстепенной.

73 Чем существо с ней будет ближе сродно —
Тем рвенья в нем священного начаток
Сильней, и тем оно с ней боле сходно.

76 В природе человека отпечаток
Ее полней, чем в прочем всем; но вредно
Хотя б один иметь ей недостаток.

79 Тем недостатком служит грех наследный;
Затем-то полнота ее сиянья
На человеке и́скрится столь бледно.

82 И человек в первоначальном сане
Мог возблистать лишь только очищая
Грязь похотей святым огнем страданий.

85 Но праотца грехом природа злая
Была обречена на зло и бедства
И навсегда отторгнута от рая.

88 И чтобы то печальное наследство
На прежний сан переменить, лишь было
Возможно для Всевышнего два средства:

91 Иль чтобы милость Божья грех простила,

Иль чтоб свои грехи Адама чадо
Страданьем добровольным искупило.

94 Так, углубив в совет предвечный взгляды,
Ты мне теперь внимай, чтоб убедиться,
Зачем нам искупленье было надо.

97 Ведь человек в естественной границе
Грех возместить свой быть не мог способен,
Бессильный к послушанью возвратиться.

100 Зане непослушаньем был он злобен
И до конца испорчен был душою;
Путь первый, значит, был бы неудобен.

103 II нужно было, чтоб Своей рукою
Бог совершил деянье искупленья
Одним из этих средств — иль чрез обои.

106 Но чем дороже для Творца тво-

ренье,
Чем сердца создающего благого
Полней оно являет отраженье;

109 И благость вечная сама готова,
Свое спасая в мире отблистанье,
Пустить все средства, чтоб поднять нас снова.

112 Величественней не было деянья
(И не могло произойти иначе)
Меж первым и последним днем создания!

115 Зане, спася его самоотдачей,
Не просто даровав ему прощенье, —
Великодушнее Господь тем паче.

118 Иные средства были малоценней
Пред вечной правдой, если бы Сын Божий
Сам не унизился до воплощенья.

121 Но я и прочие сомненья тоже
Тебе рассею, чтобы понимая
Твои глаза с моими были схожи.

124 Ты говоришь: «На воздух я взираю
И на огонь, как это быстротечно
Все погибает, в порче исчезая,

127 А будь они субстанцией — конечно,
Они б тогда не делались негодны,
Не портилися, существуя вечно.»

130 Брат! Ангелы с той областью свободной,
Что зрим мы, пребывают лишь такие,
Как созданы в их цельности природной;

133 А названные мной сейчас стихии
Со всем из них возникшим, — породило
Воздействие одних сил на другие.

136 Лишь вещество их создано, и сила,
Дающая им образ, в поднебесье
Витает, где вращаются светила.

139 Из вещества живого звезд, под смесью
Влияний, жизни низменной животной
Родится бытие и равновесье.

142 А дух наш без посредства от бесплотной

Субстанции рожден, что зажигает

Любовью негасимо доброхотной.

145 Отсель и воскресенье истекает,

Коль скоро размышлять о том ты станешь,

Как тело человека возникает,

148 Или про прародителей вспомянешь».

Песнь VIII

На Венере. — Карл Мартелл. — Рассуждение о воздействии Божественного Провидения на человеческое общество и государство.

1 Рискуя благом, верил мир когда-то
В то, что Кипридой, в третьем эпицикле
Вращающейся, страсть любви зачата;

4 И жертвы в честь нее тогда возникли,
И гимны, — так как в древнем заблужденье
Все не ее лишь древле чтить привыкли,

7 Но воздавали матери почтенье,
Дионе; почитали и Эрота,
Возжегшего Дидоны увлеченье.

10 С той, с коей начинаю песнь, — с нее-то
Звезду зовут, что кроет солнцу двери,
Сопутствуя ему с такой охотой.

13 Не слышал я, как я взошел к сей сфере,
Но знал я то, увидев, что прекрасней
Еще Мадонна стала в высшей мере.

16 И как в огне нам искры видны ясно,
И как мы голос различаем в речи,
Что преходящ иль постоянен властно, —

19 Так в свете зрел сиянье я далече —
То ярче то бледнее, — как в зерцале
Свет вечный отразив, его предтечу.

22 Из хладных туч вовек не вылетали
Столь быстро ветры, зримо иль незримо,
И были столь стремительны едва ли,

25 Как к нам огни сошлись неисчислимо,
От той великой радости призванны,
Где хороводы водят Серафимы.

28 Из уст их изливалося Осанна
Столь сладко, что звук пения такого

Навеки пребывает мне желанный.

31 Один из них, приблизясь, молвил слово:

«Во всем, что можно нашему стремленью,

Мы быть тебе приятными готовы.

34 В одном кругу, полете и движенье

Мы здесь живем, покорствуя как дети

Вождям небес, о коих есть реченье:

Один из них, приблизясь, молвил слово.

37 «Voi ch'intendento il terzo Ciel movete.»

Мы так полны любви, что, коль угодно,
Готовы мы оставить пляски эти».

40 Возведши взоры к той, что путеводной
Звездой была мне, я ответ безмолвный
Приял на то от дамы благородной;

43 И молвил к светочу, что так любовно
Себя мне предложил, ответив: «Кто ты?» —
Большим участием проникнут словно.

46 О, как внезапно в новые красоты
Его возвысил радости начаток,
Что я к беседе изъявил охоту!

49 Он отвечал: «Мой путь был в мире краток;
А будь он доле, горькая обида
Печальных следствий верно б не дала так.

52 В сем свете моего не зришь ты вида:
Я радостью одет, какой горю я, —

Точь в точь закрыта шелком хризалида.

55 Меня любил ты — за любовь такую,
Не кинь так скоро я земное лоно,
Я дал бы боле, чем листву простую.

58 А левому всему прибрежью Роны
От устья Сорги, — всей округе этой
Я в жизни был властитель прирожденный,

61 И вместе всей Авзонии, с Гаэтой,
Кротоном, Бари, где текут кончая
Свой путь и Троит и Верде; надета

64 Была корона на меня в том крае,
Где, чрез немецкие проникнув горы,
Спокойно катятся валы Дуная.

67 Прекрасная Тринакрия, что скоро
Темнеет вновь, от Эвра дуновенья
В заливе меж Пакино и Пелоро, —

70 Не от Тифея, а от испаренья
Подземной серы, — ждать могла бы

мною
Рожденного Рудольфа поколенья,

73 Когда бы в ней правление дурное,
Каким всегда восстания подъяты,
К восстанью не подвигнуло и к бою.

76 И будь у моего прозренье брата,
Бежал бы он их нищенства скупого,
Чтобы избегнуть плена и захвата.

79 Коль не свой ум, хотя б чужое слово,
Друзей увет ему быть должен громок:
От груза барка-де[89] *тонуть готова!*

82 Скупой отца столь щедрого потомок,
Хоть щедрым он доверился бы слугам,
Чтоб не был так сундук сокровищ ломок».

85 «Как рад я, государь, твоим словам,

---

[89] Примечания: 89

— де *част. неизм.* (разг. — сниж.) — *употребляется при передаче чужой речи, соответствуя по значению словам*: говорит, говорят, дескать, мол.

Мне для тебя рассказывать не надо:
То видишь ты, как я не вижу сам,

88 Глядя́ туда, где всякая отрада
Родится и умрет; и знать мне сладко
Что зришь ее ты, нежа в Боге взгляды.

91 Но просвети меня хотя бы кратко —
Зане мой ум в сомнения отраве —
Про горький плод от сладкого зачатка».
94 И он в ответ: «Когда рассудишь здравей,
Как ты спиной повернут в правде, зренью
Так твоему она предстанет въяве.

97 Благо, родящее во всем движенье
И мир — к нему ж стремление твое, —
В вождя телам сим да́ло провиденье.

100 Вся тварь найдет не только бытие
В объятьях его мысли совершенной,
Но и благополучие свое.

103 Все, что спускает лук сей, неизменно

Все к цели направляется единой,

Заранее и строго предреченной.

106 Не будь того — не следствия с причиной

Живую цепь твое узрело б око, —

А лишь бессмыслиц жалкие руины.

109 Но быть того не может — без порока

Вождя звездам сим, зорко столь водимым,

Создал, сам беспорочный, Дух высокий.

112 Желаешь ли, путем яснее зримым

Чтоб вывод был тебе оттоль указан?» —

«Нет, верно естество в необходимом».

115 А дух: «Добро ли то, что быть обязан

Всяк на земле гражданственности членом?» —

«Да, — я сказал, — тот вывод уж дока-

зан». —

118 «Коль так, — промолвил дух, — то быть сплетенным
Из звеньев разных обществу прилично?
Учитель ваш счел это непременным».

121 И рассужденья поведя обычно,
Дух заключил: «Так следствия от века,
Различные причинами, различны.

124 И мы встречаем в том Мельхиседека,
Солона, Ксеркса в том — вождя народа, —
В том ловкого в науках человека.

127 Печать на смертный воск кладя, природа
Сих сфер небесных поступает здраво,
Не отличая друг от друга рода.

130 Иаков с детства ра́зен от Исава,
И Ромул, чье рожденье не известно,
Все ж Марса сыном быть приемлет славу.

133 Природа рождих[90] с плодом слита тесно,

Но все ж тесней была б, когда б так сильно

На сих двух Промысл не влиял небесный.

136 Теперь, приявши правды дар обильный,

Богат твой ум, но мне еще угодно

Тебе добавить аргумент посыльный:

139 Всегда природа быть должна бесплодна,

Когда она с Фортуной не согласна,

Как семя, в почве брошено негодной.

142 Когда б мир следовал — началам, ясно

Природою в нем вложенным так строго, —

То люди не были бы столь несчастны, —

---

[90] Примечания: 90

Рождих (устар.) — урождённых, т. е. обладающим к.-л. званием, статусом, свойством, по рождению.

145 Что часто нарушается и много:
Кому бы меч лишь по руке годился,
У нас нередко тот служитель Бога.

148 От этого с пути давно мир сбил-
ся».

Песнь IX

Продолжение: Куницца, Фолько. — Предсказание обновления церкви.

1 Еще твой Карл, прекрасная Клеменца,
Повел про тяжкие измены речь
Его потомкам от одноплеменца,

4 Окончив так: «Оставим время течь!»
И понял я, услышав это слово,
Что грозных кар измене не избечь.

7 И к Солнцу жизнь сияния святого,
Как к благу, в чем довольным всем быть можно,
Его наполнившему, — обратилась снова.

10 О семя нечестивых! Род безбожный,
Отрекшийся тех благ святых напрасно
И по дороге заблудивший ложной!..

13 И се! еще один огонь прекрасный
Свою охоту дать мне утоленье
Явил мне, близясь, силой света ясной.

16 И мне дала Мадонна разрешенье
Ко мне, как прежде, устремленным взглядом —
Беседой утолить мое томленье.

19 «О, дух, причастный неземным отрадам!
Когда в тебе, что мыслю, отразилось, —
Яви мне то!» — я рек к сиянью рядом.

22 И дух, из глуби коего струилась
Сначала песнь, еще незримый въяве,
Сказал, как тот, кто рад, сотво́рив милость:

25 «Средь той земли, которой нет лукавей
Между Риальто с краем, где истоки
И Бренты зарождаются и Пьяви, —

28 Есть замок на холме, хоть не высокий,

Но факел в нем зажжен, могуч и жёсток;
Пожар зажег он страшный и далекий.

31 Вот от какого корня я отросток.
Куницца я; и на сию планету
Привлечена красою ее блесток.

34 Без грусти я довольна долей этой,
И я судьбе покорна неизменно,
Хоть вашему понять то трудно свету.

37 Но сей рубин, столь редкий и столь ценный,
Что рядом, в нашем же кругу, свети́тся,
Славней меня был славою нетленной.

40 Пять раз еще столетье обновится,
Пока от жизни, может быть, первичной,
Другая жизнь подобная родится.

43 Увы! О том подумать непривычна
Толпа на Тальяменте и на Эче, —
И карой не исправлена приличной,

46 И рвы, Виченцы крепостей предтечи,

За долг почтет наполнить кровью, в пыле

Жестокости своей нечеловечьей.

49 И там, где Каньян единится с Силе,

Державит некто с гордостью надменной,

Уже попав в свою же сеть насилий.

52 Я вижу: Фельтро плачет за измену

Его же пастыря — и грех подобный

На Мальте не являлся сокровенный!

55 Сосуда в мире нет — вместить всю, злобно

Пролитую кровь жителей Феррары,

И унц за унцом свешать неспособно!

58 Он явит тем, какой сторонник ярый

Он партии своей; но люд тяжелый

Привычен к столь погибельному жару!

61 Через зеркала, зовомые Престолы

Сияет свыше Бог нам правосудный,
Да отразится справедливость долу!» —

64 Она рекла и обратилась к чудной
Сияний цепи, где ее для глазу,
Что впечатлений полн, заметить трудно.

67 Другое счастье, рдея ярче, сразу
Тогда в моем преобразилось взгляде,
Как перед солнышком игра алмаза.

70 Здесь суждено блеск прибавлять отраде,
Точь-в-точь в лице улыбке; а страданье
Мрачит лицо и на земле и в аде.

73 «Все зрит Господь, а взор твой с ним в слияньи, —
Сказал я, — погрузясь в Него, конечно,
Вся Его воля у тебя в сознанье.

76 Что ж медлишь гласом, песнею сердечной
С хвалою пламенников шестикрылых
Горé-горé сплетающимся вечно,

79 Мне жажду утолить в ответах милых?

Быстрей тебя я был бы на ответы,

Будь я тобой стать, как ты мною, в силах!» —

82 «Есть дол, меж всяких водоемов света

Он мне сказал, — наиболее пространный,

Меж двух враждебных берегов продетый

85 Столь длинно (исключая океана),

Что горизонт одной его границы

Брегам противным — путь меридиана.

88 Меж Магрой и землей, где Эбро длится,

У брега суждено мне быть зачатым,

Где от Тосканы Генуя дели́тся.

91 Единочасны всходом и закатом

Буджея и мой град, который грел

Свой порт той кровью, что в ручьях текла там.

94 При жизни Фолько имя я имел.
Звезда, чей луч, любовью сердце грея,
Светил мне, — ныне мне дана в удел.

97 Сравню ли с тем Дидоны страсть к Сихею
Иль страсть Креузы, взросшую в обиде,
Как пламенел я юностью моею?

100 Любовь ли Демофона к той Филиде,
Что после он покинул столь беспечно,
Иль страсть, что Йолой зажжена в Алкиде?

103 Но боли мы не чувствуем сердечной,
Омытые от памяти греховной,
И видя лишь порядок мира вечный

106 Да силу, что миры с любовью ровной
И красит и приводит к лучшей цели,
Жизнь низшую светля другой — верховной.

109 Но я не кончу речь, чтобы имели

Покой желанья те, которых ради
До этих сфер вошел ты, в самом деле!

112 Взгляни, сей огнь в твоем блестящем взгляде
Так отразившийся, как отразится
Луч солнышка в блестящей водной глади;

115 Знай — это блещет так Рахав блудница,
Приятая в наш круг со славой равной,
И всем огнем планеты сей свети́тся.

118 Искуплена Христа победой славной,
Она вознесена к звезде прелестной,
К которой всходит тень земли лукавой.

121 В борьбе быв в обе руки ранен крестной,
Из ада вынес Он сию трофею
Себе на честь во всей стране небесной;

124 Зане Навин впервой введен был ею
В едва ль, по мненью папскому, достой-

ный

Забот от пап, святой край Иудеи.

127 И город твой, сын первой злобы знойной

И зависти, от Бога отводящей,

С алчбою злата, вечно неспокойной, —

130 Есть сеятель алчбы той вредной вящий;

И пастыря он превращает в волка,

Овец столкнув с дороги настоящей.

133 О Библии меж вас уже нет толку.

За то по пятнам книг заметно стало,

Что декреталии[91] *— в чтенье без умолку!*

136 Читает папа их и кардиналы:

До Назарета ж, града благовестья,

И прочих мест святых, им дела мало.

139 Но Ватикан с священным храмом вместе,

---

[91] Примечания: 91

Декреталии — постановления, регулирующие каноническое право, из которых духовенство старается извлечь возможно больше выгод.

Где Петр убит и мучеников гробы,
От изменивших Божией невесте

142 Избавится — от их алчбы и злобы!»

Песнь X

На солнце. — Святые познания, образующие два колеса. — Богословы: Фома Аквинский, Альбрехт Кельнский, Петр Ломбардец, Соломон, Боэций, Бэда, Исидор и другие.

1 С любовью вечной созерцая Сына
(Ея ж и в Нем и в Ней живут начатки), —
Первичная и вечная Причина.

4 Мир, зримый нам, ведет в таком порядке,
Что всякий, созерцающий созданье,
Восторг, в нем углубись, вкушает сладкий.

7 Возвысь, читатель, взор и пониманье
Со мной в мир, где в движении двояком
Скрестилося небесных сфер вращанье, —

10 Да будешь к Зодчего искусству ла-

ком,

Зане Он сам, в нем утешая взгляды,

Блестит в нем отраженья светлым знаком!

13 Оттоль, в различных степенях по ряду

Круг, косо правящий светил движенье,

В мир жаждущий чрез них лиет отраду.

16 Будь скошена его дорога меней —

Небес без толку тратилась бы сила

И корень умер бы земных творений.

19 Едва ж его движенье б уклонило

От прямизны свой путь и криво стало, —

То в беспорядке б на земле все было.

22 Теперь останься здесь, читатель, мало —

Обдумать цену истине добытой;

Всласть насладись, покуда не усталый!

25 Я взнес тебя к ней — пей же сам досыта,

Зане мои усилья и подходы
Вели к тому, что у́зришь впереди ты.

28 Служительницу высшую природы, —
Мощь неба делящую в звездном хоре,
Времен и лет собою меря ходы, —

31 Перед очами я увидел вскоре,
В таком спиральном шедшую вращенье,
Когда она быстрей сменяет зори.

34 Я в Солнце был, но местонахожденье
Мое лишь было чаяньем понятно,
Как мысль, не осветившись в разуменье.

37 Мадонне лучше ведомо и внятно,
Как в благе блага высшие возникнут,
На рост не тратя мига, благодатно!

40 Предстал мне некто, солнцем весь проникнут,
Не красками, но светом так сияя,

Что очи к распознанью не привыкнут.

43 Искусство, дух и ум я напрягаю,
Чтоб в слове то понятье отразилось,
Но — только верить мне предоставляю.

46 И если сил фантазия лишилась,
То высоту предмета помнить надо;
Как в солнце взор, в ней песня утомилась.

49 В четвертый круг там были слиты чада
Всевышнего, открывшегося им,
Век их питая брашнами отрады.

52 Мадонна молвила: «Как херувим,
Стремись ты, видимое солнце зрячий,
Душой к огню, что только духом зрим!»

55 Едва ли сердце человека паче
Когда стремилось к высоте верховной
В столь полной внутренней самоотдаче,

58 Как я, порыв познав к Творцу любовный,
Горе взлетел душой, что было мочи,
И — Беатриче позабыл я, словно.

61 Она не осердилася; но очи
Зажглись сильней улыбкою небесной —
И, их увидя, мир я вспомнил прочий.

64 А души, в круг поющий свившись тесно,
Избрали центром нас, огней короной
Обвивши нас и песнею прелестной.

67 Таким венцом обвита дочь Латоны
В час, как покровом облачась туманным,
В нем кроет лик, сияньем окруженный.

70 При сем дворе, богатом и пространном,
Нет счета драгоценнейшим алмазам,
Которых вынести оттоль нельзя нам.

73 Такой алмаз была та песнь; чей разум

Не знает сей полет широкопарный, —
Тот от немых доволен будь рассказом!

76 Точь-в-точь рой звезд столб окружит полярный,
Обвив нас трижды, вправо взяв и влево, —
Остановился хор сей лучезарный.

79 Так к музыке прислушаются девы
И станут вмиг, не прерывая пляски,
Чтоб такт поймать и новые напевы.

82 «Коль благодати зажигают ласки,
Любовию зажженные истомной,
В тебе любовь, — из светлой опояски

85 Мне дух изрек, — ты, милостью огромной
Взнесенный в высь, куда попав однажды
Назад никто не спустит мост подъемный!

88 Как дождь, не властный пасть на море, каждый
Из нас лишен бы столь же был свободы,

Своим вином твою не встретив жажду!

91 Узнай же, из цветов какого рода
Венок, что песней радостного лика
К дальнейшему вас побуждает всходу

94 В благословенном стаде Доминика
Я был; кто верен был трудам подъятым —
Для тех руководитель он великий.

97 И звался я Фомою Аквинатом;
Здесь радуюсь я с вместе помещенным
Альбрехтом Кельнским — и вождем и братом.

100 Коль хочешь, исчисленьем поименным
Всем имена сейчас давать я буду
Цветам, в венке блестящем сем сплетенным.

103 Вот Грациан, согласье давший суду
Церковному с гражданским; и в столицу

Небес за то он преселен оттуда.

106 А вот и славный лептою вдовицы —

Сокровищем для церкви, — в нашем клире,

Ломбардец Петр отрадою свети́тся.

109 Сей пятый светоч — в царственной порфире

Мир удивлял премудростию целый,

И, если только правда — правда, в мире

112 Еще та мудрость равных не имела.

Досель о его месте настоящем

Вопрос решить не может разум смелый.

115 В том светоче, лучистом и блестящем,

Витает, кто про ангельские чины

Понятие нам дал в прозренье вящем.

118 Сей малый пламень, в скромности единый, —

Защитник христианства и начальный

Ключ многому в писаньях Августина.

121 Но не покинь мой перечень похвальный,
И напряги взор духа! Там видна нам
Еще звезда большая блесткой дальной.

124 В свой разум углубленьем постоянным
Она нам в жизни многое открыла,
Разоблаченье дав мирским обманам.

127 Сей дух отторгнут был от плоти силой
В Сьельдоре, и, покинув скорбь и беды,
Здесь жизнь его в блаженстве опочила.

130 Исидор там сияет вместе с Бэдой
И Ричард с ними: он по созерцанью
Был выше человеческих мер, ведай!

133 С другого края вслед за мной сиянье —
Дух, угнетенный жизнею убогой,
К покою смерти правивший желанье.

136 Сигьери то, чей взор и разум стро-

гий

На стыд глупцам, под крышей из соломы,

Открыл для мира гадких истин много».

139 Как звуками курантов Божья дома

Невеста Божья, сон прогнав спокойный,

Песнь утра жениху воспеть влекома,

142 Чтобы любви Его пребыть достойной, —

И дух ее возносит вдохновенно

«Динь-динь», их бой ласкающий и стройный, —

145 Так зазвенела песней переменной

Сих благородных светочей корона

Столь сладко, что понятно лишь блаженной

148 Семье святых духов у Божья трона.

Песнь XI

Рассказ св. Фомы Аквинского о жизни св. Франциска.

1 О, смертных безрассудные усилья!
Как унизительны те силлогизмы,
Что долу ваши направляют крылья.

4 Тот право изучал, тот афоризмы,
А тот в духовном сане ищет счастье,
Тот в ход пускает силу и софизмы;

7 Тот кражей, тот общественною властью
Прельщался, этот — леностью негодной,
А этот пил утехи сладострастья.

10 А я, от этого всего свободный,
С Мадонной к небу возлетал далече,
Где ждал меня прием столь превосходный.

13 Когда все возвратились к месту встречи,

И всяк там был, где прежде находился,
Все стали — словно на шандалах[92] свечи.

16 И улыбнулся мне — меж тем как лился
Звук из него — свет, молвивший в начале,
И — от улыбки чище становился.

19 «В твоем уме, — мне звуки те вещали, —
Как он мне ясно виден в свете вечном, —
Уже сомненья некие восстали,

22 Прикрытые желанием сердечным,
Чтоб ясным их рассеял я язы́ком
Перед твоим понятьем человечным.

25 О руководстве я сказал великом
И мудрости, всех выше вознесенной, —
И пред твоим явлю то ясно ликом.

---

[92] Примечания: 92
Шанда́л *сущ., м.* (устар.) — тяжёлый подсвечник, обычно на несколько свечей.

28 Знай, Промысл руководствует вселенной
С такой наукой, что уж в предисловье
Ум смертный поникает побежденный.

31 Чтобы невесту сочетать с любовью
Того, Кто в смертном тягостном боренье
С ней обручился собственною кровью,

34 Для верности ее и укрепленья,
Дал двух вождей он, чтоб руководима
Она была в двояком направленье.

37 Один по рвенью — образ серафима,
Другой — с своей наукой светоч велий[93] —
Был отблеском сиянья херувима.

40 Я об одном скажу: зане на деле,
Того ль нам иль другого взять угодно,
К одной они нас руково́дят цели.

43 Между Тупиною и лентой водной,

---

[93] Примечания: 93
Велий (книжн. устар.) — *то же, что* великий.

С Убальдова сбегающей приюта,
С горы наклон нисходит плодородный,

46 Где зной и хлад Перуджа пьет в минуты,
Как горы плачут, Гвальдо же с Ночерой
Под игом ледяным еще согнуты.

49 Там, где тот спуск уже не крут чрез меру,
Как светоч сей, рождающийся в ризе
Блестящей с Ганга, встало солнце веры.

52 И пусть то место не зовут Ассизи —
Его достойно именем востока
Назвать, его значенье не принизя.

55 И это солнце, не успев высоко
Еще взойти, уж разлило под твердью
Свет добродетели своей широкой.

58 Вступивши в распрю с родшим[94] *— по усердью*
Любовному к жене, пред коей двери

---

[94] Примечания: 94
Родший — родитель, отец.

Все закрывают, словно как пред смертью,

61 В нее день ото дня все боле веря,
Решил он браком с нею съединиться
Пред алтарем, ей предан в высшей мере.

64 Покинутая ото всех вдовица
Была по смерти первого супруга
Одиннадцать веков должна томиться.

67 Не помогло ей то, что без испуга
Она с Амиклом ужас повсеместный
Снесла с презреньем; ни ее заслуга

70 В том, что она подверглась муке крестной,
Которой не вкусила и Мария, —
Как распят был ее жених небесный.

73 Но прочь иносказания такие!
Франциск и Бедность — вот кто эти двое,
Чьи рассказать хочу тебе судьбы я.

76 Их радостные лица, их святое

Согласие, их единенье в Боге
Все побеждали в мире пред собою.

79 Бернард почтенный обнажает ноги
Бежать им вслед, да срящет[95] *мир надежный*
И, быстрый, мнит, что медлен он в дороге!

82 О вечное богатство! блеск неложный!
Эгид, соревнованьем беспокоясь
С Сильвестром, вслед ему бежит тревожно.

85 Отец же и учитель, удостоясь
Союза их, с супругой и с семьею
Приходит в Рим, сменив веревкой пояс.

88 Свое презрев рождение простое,
И жизнь, мирской избавленную славы,
Не дрогнул он испуганной душою

91 И перед папой царски величаво —

---

[95] Примечания: 95
Срящет *гл.* (церк. устар.); срящ — *от слова* сретение — встреча.

Да братству тот дарует одобренье —
Подробно изложил свои уставы.

94 И при дальнейшем стад увеличеньи
У пастыря, чья жизнь столь знамени-та,
Что ангелов заслуживает пенья,

97 Через Гонория вторым обвитый,
Венцом, вновь папой подтвержден был каждый
Святой устав сего архимандрита.

100 И мученичества зажженный жаждой,
Перед султаном гордым возвестил он
Христа и церкви славу не однажды.
103 Но как неверных тем не обратил он,
Пожать тот плод, что сеял он когда-то,
В Италию оттуда поспешил он.

106 Холм, между Тибром с Арно ввысь подъятый,
Был местом, где до смерти за два года

Он получил последние стигматы.

109 Когда ж изволил Тот, Кому в угоду
Подъял он подвиг доблестный, награду
Ему воздать за боли и невзгоды,

112 Свою супругу избранному стаду —
Наследникам законным — поручая,
Он завещал им в ней искать отраду.

115 Но в царство с лона бедности вступая,
Не пожелал себе сей Божий воин
Иного гроба, как земля сырая.

118 Подумай же, кто был вести достоин
Петров корабль в открытом океане,
Который бурен так и неспокоен!

121 То патриарх наш был, и знай заране,
Что добрым обеспечены товаром
Хранители его всех приказаний.

124 Но стадо, пренебрегши кормом

старым,

Рассеялось по пастбищам различно

И пропадает зачастую даром.

127 Чем более блуждать оно привычно,

Тем выдоенным и в пустыне чаще

Овец его встречаем мы обычно.

130 Коль есть еще, кто бдит в усердье вящем,

То им сукна на рясы надо мало:

Немного их при водчем, руль держащем!

133 Когда твое вниманье не устало,

Когда мои слова тебе все ясны

И твоя память все их удержала, —

136 Пей утоленье твоей жажде страстной:

Ты видишь то, где без листвы растенье;

И оговорку понял ты прекрасно —

139 Про руководство, коль не заблужденье».

Песнь XII

На Солнце (продолжение). — Св. Бонавентура рассказывает жизнь св. Доминика и негодует на порчу францисканцев. — Богословы Гуго, Златоуст, Ансельм, Гоахим, и другие.

Едва еще успел ли разлететься
Последний речи звук в дали окружной —
Небесный жернов начал вдруг вертеться,

Но круг еще не кончил он, как дружно
И в пляске тот же такт поймав и в песни,
Иных огней явился круг жемчужный.

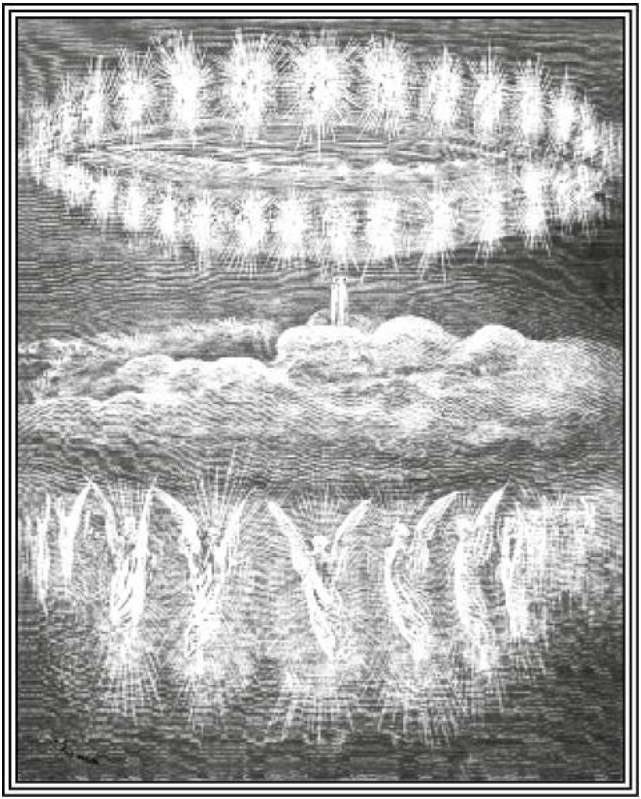
Настолько ж было пенье то прелестней
Сирен и муз земных, как отраженный
Луч меркнет пред лучом звезды небесной.

10 Как радугой двойной одновременно,
И по цветам и по окружи ровной,
Свод неба красит иногда Юнона,

13 Одна с другою столь же схожей, словно
Речь с той, кого, как рóсу полдень жаркий,
Так некогда истаял жар любовный;

16 И как на память людям о подарке
Господней снисходительности к Ною
Возникли в мире обе эти арки, —

19 Так вокруг нас вращалось в равном строе
Двойное вечных алых роз сплетенье,
Во всем одно копируя другое.



Так вокруг нас вращалось в равном строе
Двойное вечных, алых роз сплетенье,
Во всем одно копируя другое

22 Когда ж затихло пляски их кружень,

И песен хор, и светочей блестницы,

И в друге друг взаимоотраженье, —

25 Раз в раз потщились все остановиться,

Точь-в-точь в одно мгновение закрыты

Или открыты двух очей зеницы;

28 И глас исшел из цепи, внове слитой,

К нему ж всем существом я был направлен,

Как к полюсу глядит игла магнита:

31 Подвинут я примером, что мне явлен,

Второго пастыря представить в яве,

Чьим сыном мой учитель так прославлен.

34 Хвалясь одним, хвалить другого вправе

Всяк, ибо к цели доблестной единой

Единый дух привел их в равной славе.

37 Искупленные Господом дружины

Влачилися, усталы и несчастны,
Ослабши от невзгоды и кручины,

40 Как Кесарь, в вечном, как и в бренном властный
(Из милости, не по заслугам чести),
Призвал их поддержать в борьбе опасной

43 И чем помочь Своей святой невесте
Двух рыцарей, чье слово, как и дело,
Распуганных овец собрало вместе.

46 В том крае, из которого предела
Зефир струится, вешних дней начало
И новый лист неся Европе целой,

49 Невдалеке от волн морских привала,
Где, совершив длиннейшую дорогу,
Спешит укрыться солнца лик усталый,

52 Стоит счастливый город Калларога
Под кровом многомощной той монеты,

Где подчинен лев — подчинитель строгий.

55 Подруге верной Бог борца-атлета
Там возрастил в приюте одиноком.
Врагам он грозен, присным — полн привета.

58 Едва создан, отмечен он в высоком
Пареньи духа даром благодати,
И не рожденный он уж был пророком.

61 И воссиял от дивного дитяти,
Чуть обрученного крещенья бане,
И на востоке свет и на закате;

64 И восприемнице его заране
Открыл во сне чудесном Вседержитель
Про плод ее учений и стараний.

67 Ему дал имя светлый небожитель
И с ангельского назван он язы́ка,
Да явится всем, кто его властитель.

70 Так получил он имя Доминика,
Как вертоградарь быв в саду Христовом

К работе призван важной и великой.

73 Глашатаем и трудником Христовым
Пребыл он и любовью просветился,
Первейшим повелением Христовым.

76 На спрос, зачем так долго он молился
На землю пав во прахе и в молчанье,
Он отвечал: «На это я родился.»

79 О, как прилично Феликса прозванье
Его отцу! А матери Иоанны
По истине дано именование!

82 Не пищи, для сынов земли желанной
В писаньях Остиензе иль Фаддея, —
Искал везде он лишь небесной манны.

85 Великий доктор, Божье семя сея,
Всем сердцем он старался плевел вредных
В сад Божий не пустить виной своею.

88 Престол, в былые дни приют для

бедных,
Теперь чрез заместительские вины
От подвигов отрекшийся наследных,

91 Он не просил о даче десятины
Иль льготе от повинности платежной
За взятое неправдою бесчинной, —

94 Он испросил, для битв с доктриной ложной,
Посев, как видишь ты, произрастивший
В дважды двенадцать раз свой плод надежный,

97 Апостольскому долгу посвятивши
Всю силу, все познания, всю волю,
Весь чувств родник, ключом обильным бивший.

100 Его струи победно побороли
Мощь ереси на смерть в бою жестоком,
С сопротивленьем рос наплыв их боле,

103 И многих рек он сделался истоком,

Чтоб плодоносье церкви вознеслось
Прекрасной зеленью пред Божьим оком.

106 Широким кругом он вступил в колеса
Для боевой за церковь колесницы,
Когда междоусобье в ней велось.

109 С его вращеньем призванном сравниться
О колесе другом теперь размысли,
О ком в предшедшей речи говорится.

112 Но ныне руки чуждые нависли
Над тех колес возвышенным полетом,
И в кислый уксус Божьи вина вскисли.

115 Иным они отдалися заботам,
Простря персты туда, где были пяты;
Назад движенье видно оттого там.

118 Как сгнили эти семена, стократы
При жатве будет видно, — и сравненья
Потребует с пшеницей злак проклятый!

121 Согласен я, лист за листом при чтеньи

Средь нашей книги лист ты сыщешь вмале,

Гласящий: «Вот я, вот мое значенье!» —

124 Но лишь не в Акваспарте иль Казале:

Сей наших уз ослабил слишком снуры[96],

При том — они излишне туги стали!

127 Знай: пред тобою жизнь Бонавентуры,

В ком, пред святым призванием, когда-то

Умолк любой другой позыв натуры.

130 Там Августин, там зришь Иллюмината, —

Из нас, что нищетою Богу служим

---

[96] Примечания: 96
Снур (устар.) — *то же, что* шнур.

И вервием,[97] *два первозванных брата.*

133 А там сияет с Гуго, славным мужем,
Петр, светом чьих двенадцати писаний
Блеск ложный мира ясно обнаружим.

136 Еще о Златоусте Иоанне
Упомяну и о Донате, славном
Искусством, что в ряду других всех ране.

139 Раван, Ансельм, Нафан — провидец равным
Сиянием блестит с Иоахимом,
Провидцем из Калабрии недавним.

142 А рыцарь церкви славный — мной хвалимым
Быть должен, ибо похвалой Фомы
Растроганный, молчать я сил не иму,

145 Как тронуты и все ей были мы».

---

[97] Примечания: 97

Вервие — верёвка, шнур. Вервие символизирует собой путы, которыми был связан Христос, ведомый на суд, и Божественную силу, которая держит собою всю Вселенную.

Песнь XIII

На Солнце (продолжение). — Два круга («колеса») богословов вращаются в круговом движении. — Св. Фома говорит о Соломоне, Адаме и Христе.

Желающий, что зрел я в то мгновенье,
Себе представить ясно и понятно,
Окамени в своем воображенье

Пятнадцать звезд, чьи световые пятна,
Светя сквозь мглу, обходят столб полярный
В местах различных сини необъятной;

Созвездье Колесницы лучезарной,
Чье дышло, чтоб и день и ночь кружиться,
Объемлет небо в ход свой быстропарный,

И то, куда отверстьем Рог глядится,

Коснувшись острием той оси хладной,
Вкруг коей сфера первая вертится;

13 Пусть все те звезды в выси неоглядной
Венцом двойным совьет (подобно свитым
На небе в память смерти Ариадны),

16 Лучом друг друга взáимно облитым,
Причем, коли вперед вращенье правит
Один, обратно вертят позади там.

19 Подобие он тем себе представит
Того огня, что, двойственно венчáнный,
Всегдашней пляской свет центральный славит,

22 Пред чьим познаньем наше — тож, что Кьяны
Ленивый вал пред самым отдаленным
Вращеньем сферы, боле всех пространной.

25 Не пели так в честь Вакха с Апол-

лоном,
Как в Трех Единому и Богу-Слову
Воспето было хором упоенным!

28 Когда ж угасли пляс и песнь святого
Огня, он обратился в вечном счастье
К нам, от отрад стремясь к отраде новой;

31 И сих богов, исполненных согласья,
Прервав молчанье, речь повел к другому
Свет, мне Франциска славивший бесстрастье.

34 Он молвил: «Я опустошил солому,
Дабы зерно оттуда ты извлек;
Но молотить ее должны еще мы.

37 Ты думаешь о той груди, чей бок
Господня власть в жену преобразила,
Чье нёбо мир весь искупить не мог;

40 Как и о той, что копи́е пронзило,
Такую давши жертву правосудью,

Что тяжесть всю греха нам облегчило;

43 Они всех выше в общем многолюдьи;
Свет всякий, человечеству возможный
Вдохнут ему то той, то этой грудью.

46 Ты думаешь: я не сказал ли ложно,
Столь мудрым называя светоч пятый,
Что перед ним другие все ничтожны?

49 Открой же очи и пойми меня ты,
Да будем оба истиной всесильной
Мы, словно центр окружностью, объяты.

52 Все — и бессмертное и прах могильный, —
Все есть лишь отблеск творческой идеи,
Чем мыслит наш Господь любвеобильный.

55 Но этот жизни свет, исток имея
От изначальной творческой причины,
Не разлучась (как и с любовью) с нею, —

58 Свой отражает в цепи тварей длинной

Чрез девять сфер небесных отпечаток,

В союз сливая бытие единый.

61 Спускаясь вниз, сей жизненный начаток

Лишь преходящей твари, слившись с нею,

Дарует жизнь, и блеск его в ней краток;

64 Под преходящей же я разумею

То, что ход неба создает обычный

Или бессемянно иль семя сея.

67 В них как различен воск, печать различна;

Там сла́бей, там же ярче переходы

И отблеск силы творческой первичной, —

70 Точь-в-точь растения того же рода

Плодом то сладким, то дурным и жестким

Дарить земная вздумает природа.

73 Имея дело с совершенным воском,
Ясней бывает оттиск первородный,
А если нет, — тварь будет недоноском.

76 Но нету безупречности природной,
И как художник склонный к погреше-
ньям,
Природа от ошибок не свободна.

79 Одной перволюбови дуновеньем
Дается бытие в верховной мере
Прекрасным, совершеннейшим творе-
ньям.

82 Ком глины естество превысив зве-
ря,
Стал бытия славнейшего предтеча,
Как и прошедший славно девства двери.

85 Согласны в том мы оба: человечий
Дух выше не был век, чем оба эти,
И о ступени высшей в нем нет речи.

88 Мое согласие с тобой заметя,
Ты при вопросе мог бы усомниться:

Как вне сравненья мог еще быть третий?

91 Но чтоб открыть все, что во тьме таится,
Подумай то, — на разрешение Божье
Проси! о чем он восхотел молиться.

94 Ты из моих же слов узнать мог тоже —
О том, что может быть царю полезно
И что для управленья царством гоже.

97 Он не хотел знать ни о сфере звездной,
Ни сущности с случайным разделенья,
Ни логики прославленные бездны,

100 Ни тайный ключ первичного движенья,
Ни то, что треугольник в полокружной
Дуге прямоуголен, без сомненья.

103 И равных ему не было; наружно
Смысл моей речи выведешь сейчас ты:
В том, что царю для управленья нуж-

но,

Нет равных, — лишь царей касалось касты,

Что, как сознаться опыт в том принудить,

Разумны редко, неразумны часто.

Пусть ясно это разум твой рассудит,

Да вера, что Отец благой дарует,

И наше стадо в споре с ним не будет.

Пусть то твои стопы как цепью ску́ет

Чтоб тихо подходил ты, как усталый,

К «да» или к «нет», — коль правды ум не чует.

Между глупцов ты бы видеть мог, пожалуй,

В презренье тех, кто да иль нет в безвластье

Решают быстро без раздумки малой,

На ваше мнение еще, к несчастью,

Ошибки и условья жизни давят,

И к лжи оно ведомо часто страстью.

121 Те ж, кто свой разум к истине направят

Без логики — те не придут обратно,

Отплывши, и себя лишь обесславят,

124 Что на Меллиссе с Бриссом нам понятно

И Парменида, не достигших цели

Искания святой и благодатной.

127 В безумье ж впали Арий и Савеллий

И как кривые шпаги, слово Божье

Кося собою, сами раскосели.

130 Судя поспешно, не пленяйтесь ложью,

Подобные купившим хлеб на корне,

Испортившийся в гниль от многодождья

133 Зане нередко я видал: на тёрне

Зимой холодной розы расцветали;

Как знать нам, кто готовит промысл горний?

135 И корабли видал я, что вначале
Отправившись столь гордые в дорогу,
У пристани почти что погибали.

139 Как и не придавай значенья много
Мартина или Берты благочестью
И ревности; знай, что по слову Бога

142 Погибнут те, а эти встанут с честью!»

Песнь XIV

На Солнце (окончание). — Голос (вероятно, Соломона) говорит о просветлении тела после Страшного суда. — Восход на Марс, где души борцов за веру (мучеников и крестоносцев) образуют крест.

От центра с краю круглого сосуда
Вода стремится иль с краев к средине,
Смотря, извне ль толчок или оттуда.

Вот что внезапно в ум пришло мне ныне,
Когда жизнь славная Фомы скончала
Свои слова о попранной святыне.

Сравненью, приведенному сначала,
Подобно, чуть он кончил речь, Мадонна,
Возвыся голос к ним, опять сказала:

«Еще в нем ищет дух неутоленный
(Хоть словом не сказал, умом не сметил)

Иного знанья корень отдаленный.

13 Тот свет, что ныне ярко вас расцветил,
Останется ль навек, дабы могли вы
Сиять так ликом, как он ныне светел?

16 И если да, то молвите нелживо,
Когда в телесной будете природе,
Не ослепит ли это вас огниво?»

19 Как на земле танцоры в хороводе
Восторг являют, мчася в пляске новой,
Во взгляде и движеньях и в подходе —

22 Излился так восторг венца двойного,
Вертящегося в пляске перекрестной,
И в поступь и в движение, и в слово.

25 Кто плачется на жребий смертноносный,
Знай то, что смерть приносит впереди нам
Немало счастья в пажити сей росной!

28 Пред Троинственным, Двояким и

Единим,

Кто, в Троице двойствен и в единстве вечен,

Сам не объемлем, грань всем ставит длинам.

31 Сей миг хвалой был тройственной отмечен, —

И высший подвиг этих звуков честью

Мог награжден быть и увековечен!

34 В круг меньший слух и взор спешил вознесть я.

Где лился голос, скромностью прелестной

Не уступая гласу благовестья:

37 «Как долго длится праздник сей небесный,

Дотоль любовь живет в нас, сообщая

Нам свет, каким извне она известна.

40 Тот свет есть ясность зрения, какая

В нас множиться все боле не устанет,

Нас в благодати умиротворяя.

Когда ж из праха славно плоть воспрянет, —
Полнее свет зажжется наш и доле
Затем, что совершенней строй наш станет.

И напряженней будет пламень воли,
Зане причастней ближе будем благу —
Верховный свет приять и видеть боле;

И новую получит взор отвагу,
И жарче огнь любви воспламенится,
И ярче свет наш будет шаг от шагу.

Как уголь темный, в коем жар таится,
Соприкасаясь с пламенем, зардеет,
И все, что в нем сокрыто, обнажится, —

Так жар любви, что в нашем духе тлеет,
Воскреснет, вновь плотской одевшись грудью,
Едва над прахом жизни дух повеет.

58 Зане угодно Божью правосудью,
Чтоб для блаженства было в нашей плоти
Довольно сильно каждое орудье».

61 «Аминь!» — враз грянуло в круговороте
Духóв, свидетельствуя в говоривших
Об их к приятию телес охоте, —

64 И не одних своих, в могилах сгнивших,
Но всех, кто прежде дороги и милы
До прохожденья их чрез пламень бывших.

67 И се! наш светоч новым блеском пыла —
Тому подобным, коим солнца стрелы
Денницу зажигают, — осенило.

70 Как в час вечерний свод небесный целый
Мерцает блестками, чей свет столь нежен,
Что чуть их видишь в выси посине-

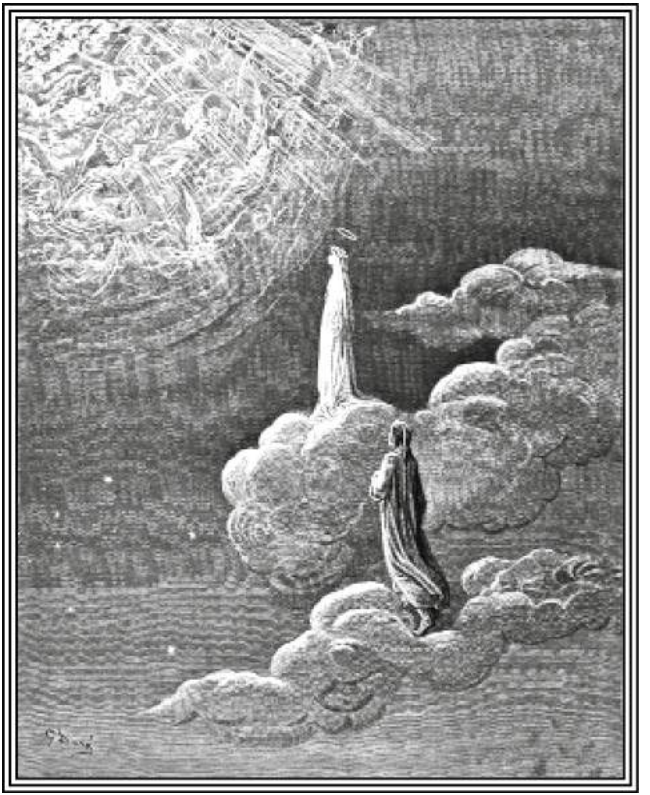
лой, —

73 Явился, столь бесчисленно-безбрежен,
Огней ряд новый за двумя кругами,
Что глазом он едва мог быть услежен.

76 О блеск святой, что возжигает пламя
Святого Духа! Ты воспламенился —
И я ослеп поникшими очами.

79 Когда ж я к Беатриче обратился,
То не сказать, как взор ее прекрасный
Таким огнем и радостью светился,

82 Что новой силой им зажжен был властно
Мой дух; а что летим мы к новым странам
По возбужденью сил мне было ясно,



Когда ж я к Беатриче обратился,
То не сказать, как взор ее прекрасный
Таким огнем и радостью светился…

И впрямь, в полете том, издалека нам
Уж улыбалось новое светило
Огнем до непривычности багряным.

Наречием, что вечно сердцу мило
И что всегда и всем равно понятно,
Моя душа восторг Творцу излила;

И жертвы пламень не угас, — обратно
Меня почтили Небеса подарком
В знак, что мольба моя для них приятна:

В огне со мной уж рдели столь же жарком
Блаженных хоры и воззвал я сладко:
«Как, Гелиос, их жжешь ты в блеске ярком!»

Как от сияний многих отпечатка
Путь Галаксии с севера до юга —
Для мудрых вековечная загадка, —

Две ленты, пересекшие друг друга,

На Марсе знак являли, что четыре

Квадранта, образуют середь круга.[98]

103 Здесь моя память слов ничтожных шире:

Чтоб описать на том кресте Иисуса —

Какое слово отыщу я в мире?

106 Кто, взявши крест, идет вослед Иисуса,

Простит, что не даю я описаний

Сиявшего на древе Иисуса!

109 От верху к низу, и от длани к длани

В кресте летал рой искр огненноносный

И, сталкиваясь, вспыхивал в сиянье.

112 Так на земле луч солнца перекрестный

Прорежет тьму, и виден каждый атом,

---

[98] Примечания: 98

…четыре / Квадранта, образуют середь круга. — Грани соприкасающихся квадрантов (четвертей) круга образуют знак креста.

Вращающийся быстро или косно

115 В пространстве, тем сиянием объятом,

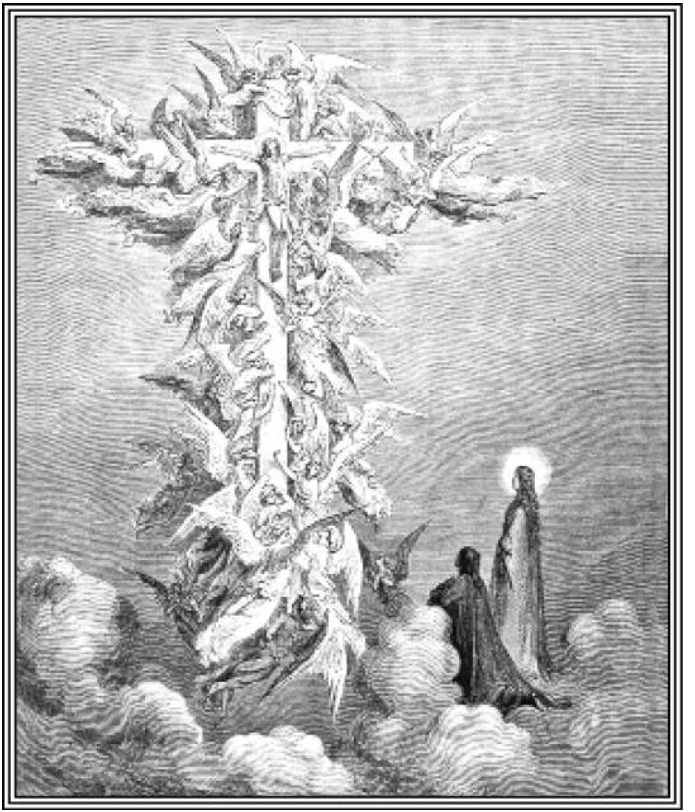
Тот сумрак просветляющим попутно,

Что человек устроил для себя там.

118 Как в арфе совокупность струн иль в лютне,

Восторг подъемлет часто музыкальный

И в тех, кто звуки порознь слышит смутно, —



Чтоб описать на том кресте Иисуса
Какое слово отыщу я в мире?

121 Так из сиявших мне первоначально
Огней лилася песнь, и в восхищенье
Пришел я, не усвоив гимн похвальный;

124 Но было в нем высокое хваленье,
Зане (хоть мне не ясное) «Воскресни
И победи»! — я слышал выраженье.

127 В таком восторге я от этой песни
Что вещи во вселенной я не знаю,
Чьи узы были б слаще и прелестней.

130 Быть может, смело я предпочитаю
Отраде звуков этих светоч сладкий
Прекрасных глаз, где я покой вкушаю,

133 Хоть в нем красот блестящей отпечатки
Становятся по мере возвышенья,
Но в них теперь смотрел я без оглядки.

136 Пусть извинят, что в самообвиненье

Себя я извиняю, это слыша:

Зане ее красе нет объясненья,

139 И тем полней она, чем всходит выше.

Песнь XV

На Марсе. — Предок Данта Качьягвида говорит о прошлом Флоренции.

1 Доброжелательство, в каком всех боле
Является порыв любови честной
(Как жадность обнажает злую волю),

4 Молчанье в лире разлило прелестной,
На струнах чьих рождаются слова
Лишь только под перстом руки небесной.

7 Могли ль быть глухи эти существа
К мольбе моей, столь страстной и сердечной,
Возжегши жажду знать во мне сперва?

10 Как в жалобе прав смертный бесконечной,
Утрату и лишение терпящий
В своей к тому приязни, что не вечно!

13 Тому подобно, как в лазури спящей
Порой внезапный огонек блистает
И привлекает блеском взор блудящий,

16 Явясь звездой, что место изменяет
(Хоть призрак нас обманывает ложью,
И в крае том ничто не погасает), —

19 Так справа, вплоть до крестного подножья
Сошла звезда от сих светил соитья,
Что сочетала в небе сила Божья;

22 Но этот жемчуг не расстался с нитью,
Лишь молнией скользнул по злату ризы,
Как светоч в алебастровом прикрытье.

25 Столь доблестной явилась тень Анхиза,
Как наша славная гласит нам муза,
Узрев Энея над землею низу.

28 «O sanguis meus, o super infusa

Gratia Dei, sicut tibi, cui
Bis unquam coeli janua reclusa?»[99]

31 Так пламенник промолвил; потому я
Направить взгляды поспешаю к Даме
И столбенею, увидав такую

34 Улыбку и в очах такое пламя,
Что, мнилось, счастие поры далекой
Моего рая вижу я очами.

37 А дух, и слуху сладостный и оку,
Еще к той речи сделал прибавленье,
Но я не понял смысл его глубокий,

40 Хоть не по умыслу ее значенье
В своих словах он выразил неясно:
Мысль не вмещалась в смертном разуменье.

43 Когда же лук ослабнул жажды страстной
И слово к цели снизошло, доходной

---

[99] Примечания: 99

O sanguis meus… (лат.). — «О кровь моя, о свыше меры / излитая милость божия, кому, / как тебе, была когда-либо / дважды открыта дверь неба?»

До пониманья смертных, — громогласно

46 «Благословен!» — воззвал он, верховодный

Вожатый, что до этого предела

Путь в небо указал душе мне сродной.

49 И продолжал: «Желанье, что горело

Во мне при чтенье книги той громадной,

Где вечно все, что черно и что бело,

52 Насыщено тобой, в той страсти жадной,

И благодарность я хочу вознесть

Тебя вознесшей в этот край отрадный.

54 Источник моего познанья есть

Тот, из чьего единства истекает

Необходимо три и пять и шесть.

58 Без слов узнал бы я, что побуждает

Меня к сильнейшей радости и кто я,

Кто всех приветливей тебя встречает.

61 Здесь все — и малое, как и большое, —

Глядится в Зеркало,[100] *где отразится*

Мысль прежде, чем сложилась головою.

64 Но да любовь святая утолится

(В ней бодрствую я, созерцатель вечный,

И все мое стремленье в ней гнездится).

67 Пусть голос твой уверенный, сердечной

Суть жажды явит, да ее уважу

Ответом я, — готовым уж, конечно!»

70 На Беатриче я взглянул; она же

Так улыбнулась, слыша спрос безмолвный,

Что мой порыв вспорхнул мгновенно даже!

73 «Любовь, — сказал я, — с силою верховной,

---

[100] Примечания: 100
Зеркало — *здесь*: Божество.

Вас приобщив первичных равенств чарам,

Вас тяжестью отяготили ровной.

76 В том солнце, что своим вас греет жаром

И светом вас светлит, — они столь равны,

Что все сравненья пропадают даром.

79 Но воля с силой смертных, как издáвна

Вам хорошо понятно и знакомо,

Не вечно рядом шествуют исправно.

82 Я, смертный, сим неравенством гнетомый,

Словами не небесными, земными

За ласку вас благодарю приема!

85 Но ты, живой топаз, меж дорогими

Камнями Бога в этой низке горней,

Молю тебя, открой свое мне имя».

88 «Потомок мой, от моего ты корня,

И долгое тебя я ждал здесь время,
Обрадован теперь тем непритворней.

91 Тот, от кого прозвалось ваше племя,
Столетие проведший напоследок,
На горное всходя под гнетом темя, —

94 Он был мой сын и твой далекий предок.
Его усталость сократи делами,
Чтоб слезный ток ему был меней едок.

97 Флоренция, обвитая стенами,
Что третий час ей били и девятый,
Мирна, трезва и нравственна сынами

100 Жила при мне. Ни диадем из злата,
Ни поясов еще она не знала
Ценней, чем грудь, что поясом объята.

103 Рождаясь, дочь отца не устрашала
Грозой расходов свадебных несметной,
И время свадьбы срок не преступало.

106 Но не было зато семьи бездетной;
Явивших вам, на что годны покои,
Сарданапалов не было заметно.

109 Пред Монтемалою Учелатойя
Не уступала в низости ей тоже,
Как ей не уступает высотою.

112 Был опоясан старый Берти кожей;
Лицо свое пред зеркалом не мажа,
Его супруга покидала ложе.

115 Простою шкурой прикрывались даже
Веккьо и Нерли с женами, примерно
Лишь веретена знавшими да пряжу.

118 Счастливицы! В родимой достоверно
Земле лежать надеялись, постелей
Пустых не ждя из-за французской скверны,

121 Одни сидели ночь близ колыбели
И песни, ведомые в нашем быте,

Столь сладкие отцу и детям, пели;

124 А те, с веретена свивая нити,
Рассказ вели внимательным ребятам
Из римских иль отеческих событий.

127 Чьянгелла б необычна столь была там,
Как необычна ныне — слава Рима —
Корнелия была бы с Цинциннатом!

130 В гражданственности сей невозмутимой,
В сей жизни мирной, в сей отраде честной
Родился я на свет, руководимый

133 Зовомой в криках Девою небесной, —
Качиагвидой и христианином
В крестильне назван древней и известной.

136 Того ж отца был Элизео сыном;
С долины По жену я взял, и надо
Вести оттуда прозвище семьи нам

139 В войсках у императора Конрада
Я бился и за подвиги был даже
Я удостоен рыцарства наградой,

142 За собственности наших братьев кражу
(Как пастыри в том наши виноваты)
Преследуя народ неверный вражий.

145 Там я, оружьем той орды проклятой
От всех сует освобожденный, к коим
Привязанностью столько душ объято,

148 За смерть в бою увенчан сим покоем».

Песнь XVI

На Марсе — Речь Качьявиды о современной Данту Флоренции.

1 О, жалкое дворянство нашей крови!
Коль человек тобою так гордится
Здесь на земле — пустыне для любови, —

4 Теперь уже не стану я дивиться;
Зане и там, где страсть не извращает
Наш путь, — и там тобой я мог хвалиться!

7 Ты — плащ, из коего всяк вырастает,
Каймы к нему не прибавлявший новой,
Затем, что время вкруг его кромсает.

10 С тем вы, какое древле Рим суровый,
Не дав его потомкам, ввел в обычай,
Приветное к нему я молвил слово.

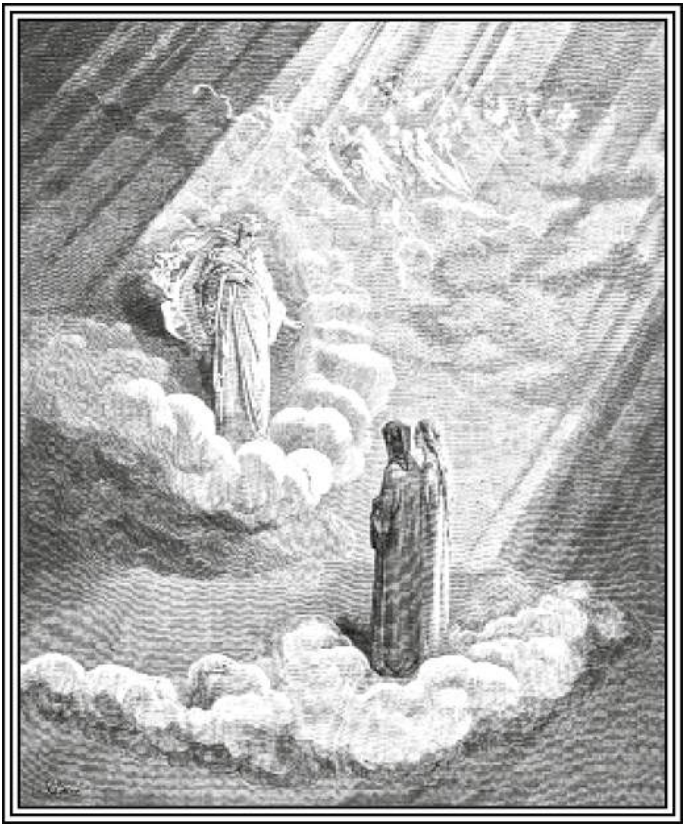
13 Став одаль улыбнулась Беатриче

(Как про Джинервы первое паденье,
Нам говорит о Лапчелоте притча).

16 «Отец! Меня, — я молвил, — позволенье
Беседу с вами весть — так возвышает,
Что больше я, чем есть, в сие мгновенье.

19 Моя душа в один исток сливает
Теперь все струйки радости и ветки —
И не разбитой радость отражает.

22 Скажите ж мне, кто были ваши предки;
Исчислите, о стебель мой желанный,
При вас событья, что в обычных редки;



«Отец! Меня, — я молвил, — позволенье
Беседу с вами весть — так возвышает...»

25 Скажите про овчарню Иоанна
И назовите мне, какие му́жи
При вас верховной почестью венча́ны».

28 Как бурный вихрь, в пространстве вольном кружа
Огонь раздует в углях, — благодатный
Сей блеск, на ласку ласку обнаружа,

31 Прекрасней стал и ярче многократно;
И нежный глас, в лучей отверстых зеве,
Еще нежней ответ мне дал обратный:

34 «С тех пор, как «Ave» ангел молвил Деве,
До мига, как — ликующая в свете
Небес — мать зачала меня во чреве,

37 Пятьсот и восемьдесят раз планете
Сей было надобно воспламениться,
Под Львом в созвездия вступая эти.

40 Моим отцам и мне пришлось родиться

В последнем града вашего сестире,

Где бег ваш ежегодно повторится.[101]

43 Кто были мои предки в этом мире, —

Поверь мне, прекратить удобней речи

Об этом, чем распространяться шире.

46 Все те, кто вплоть от Марса до Предтечи

Вооружались, — пятой части ныне

Живущих не достигнули б далече.

49 Но кровь граждáн, роднящихся с Фиггине

И Кампи, — в совокупности их целой

Была чиста в последнем мещанине.

52 Пусть лучше б их Флоренция имела

Соседями, чем, как теперь, надменно

До Треспиано расширять пределы,

---

[101] Примечания: 101

В последнем града вашего сестире… — Имеется в виду Porta San Piero — последний из шести округов (сестиров) Флоренции, где на ежегодных скачках всадники заканчивали состязание. В этой старейшей части города проживали исконные флорентийские роды.

55 Но принимать в свои мерзавцев стены
И нюхать вонь крестьян из Агульона,
Для коих совесть потеряла цену!

58 Когда бы люд, всех боле развращенный,
Не мачехой для цезаря явился,
Но словно мать его приял бы в лоно, —
61 Любой меняла, что у вас прижился,
С позором вновь зажил бы в Симифонте,
Где попрошайкой нищим он родился,

64 И в Монтемурло б оставались Конти,
И из Аконы Черки б не бывало,
И в Вальдигреве жили б Бондельмонти;

67 Для государства — бедствия начало
При первом к смеси всех сословий шаге,
Точь-в-точь как к порче тела шаг — завалы.

70 Погибнет вол слепой скорей в овраге,
Чем агнец, и одною ранят сталью
Больнее, тем десятком лезвий шпаги.

73 Когда б ты видел Луни, Урбисалья,
Их процветание и их паденье,
И Кьюзи после них и Синигалья, —

76 Для твоего не стало б новым зренья
То зрелище, как исчезают роды,
Точь-в-точь как городов исчезновенье.

79 Все ваши вещи — гибнущей природы;
Коль что вам вечным кажется — то юно
И долголетно, ваши ж кратки годы.

82 Как брег морской затоплен силой лунной
И ей быть может вновь осушен сразу —
Так делает с Флоренцией Фортуна.

85 Не удивляйся ж моему рассказу

О флорентийцах древних, живших ране,
Чьи имена в былом не видны глазу!

88 Я видел роды Уги и Ормани,
Филиппи, Кателлини, Альберики,
О коих нет теперь воспоминаний;

91 Я видел, — столь же древни, столь велики,
Сияли роды Арка и Сапелла,
Ардинги, Сальданьери и Бостики.

94 Дверь, что изменой столь отяготела
И над погибелью теперь на склоне, —
А, наклонясь, корабль утопит целый, —

97 Нуждалась в Равиньяни к обороне
И в Гвиде вместе с теми, кто зовомы
Великим именем Беллинчионе.

100 Державство было Прессе уж знакомо;
Ефес и ручку шпаги Галигайа
И прочие позолотили домы.

103 Росла колонка Шапки, расцветая

С Саккетти, Джокки, Галли и Баруччи,

С тем, кто краснел, про гарнец[102] *вспоминая;*

Был славен стебель доблестный Кальфуччи;

Курульных кресел уж для дел державных

Достигли Сидзи вместе с Арригуччи.

Но погибал гордец, не знавший равных!

Шар золотой был семенем расцвета

Флоренции во всех деяньях славных.

Подумай, что отцы свершали это

Тех самых, кто всегда толсты и жирны,

Когда епископа на месте нету!

Кичливый род, что притаится смирно

Пред тем, кто кажет зубы им, но вместе

---

[102] Примечания: 102

Гарнец — русская дометрическая единица измерения объёма сыпучих тел (ржи, крупы, муки и т. п.), равная 1/8 четверика (3,2798 литра).

Кусает всех, кто кротки или мирны, —

118 Столь не имел достоинства и чести
И столь был низок, что еще Донато
Родства с ним не хотел дозволить тестю.

121 Переселяется как раз тогда-то
Уж с Фьезоле на рынок Капонсакко
И процветают Джуда с Инфангато.

124 Скажу я диво, верное, однако:
Был вход в стене, вкруг града обнесенной,
От роду Пера прозванный; и всякий,

127 Кто носит герб великого барона,
Чье имя и чья слава ежегодно
На день Фомы бывают обновлены,

130 И рыцарство и герб свой благородный
Приял оттоль; хоть раз тот герб доставший
Примкнул по воле к партии народной.

133 Цвел Гвальтеротти, доблестью сиявший,

И Борго было бы миролюбиво,

К себе соседей новых не призвавши.

136 Дом, где себе погибель всю нашли вы,

Что ваше погубил навеки имя

И разлучил вас с жизнию счастливой, —

139 Сиял со всеми присными своими.

О, Бальдемонт! Какой ты сделал промах,

Наученный бежать союза с ними!

142 Сияла б радость в многих скорбных до́мах,

Когда б Господь оставил в Эме скрытым

Тебя от нас, покуда не знакомых!

145 Но надо, чтоб на камне том разбитом,

Что на мосту Флоренции остался,

В последний мира день ты был уби-

тым!

148 Вот, с этими родами наслаждался

Наш город в столь незыблемом покое,

Что мир в нем повседневный продолжался;

151 Чрез них я видел родину такою

Могучей, что ее не обесславить

Лилеей на копье вниз головою,

154 Как и нельзя раздорам окровавить!»

Песнь XVII

На Марсе. — Качьягвида предсказывает Данту изгнание и возлагает на него обязанность рассказать о всем виденном людям.

Того, чье безрассудство к детям строже
Отцов творит, кто у Климены слову
Насмешки жаждал объясненья, — тоже

Я представлял для пламени святого,
Что из креста сияющих объятий
Навстречу мне подвигнуться готово.

Мадонна молвила: «Здесь будет кстати
Излить все то, что так тебя тревожит,
Будь лишь на воске чище след печати.

Хоть твой рассказ нам знанье не умножит,

Яви ту жажду, коей ты невольник,
Да утолить ее другой возможет».

13 «Мой стебель дорогой и сердобольник!
Ты, зрящий так, как зрим мы невозможность,
Чтоб два прямых вместились в треугольник,

16 Земных судеб случайность всю и ложность,
Все созерцая в светлом том зерцале,
Где вечность в миг сбирает непреложность!

19 Когда еще с Виргилием вначале
Я обходил мир мертвых или гору,
Где грех искуплен, духи провещали

22 Мне то, что ждет меня в грядущем скоро.
Хоть твердостью окреп я крепче башен,
Противящихся грозных бурь напору,

25 Но все ж пусть будет голод мой

угашен,

И станет мне судьба моя известна:

Удар стрелы известной менее страшен!» —

28 Огню, со мной мелодией прелестной

Речь ведшему, по воле Беатриче,

Так откровенно молвил я и честно.

31 И не иносказанием иль притчей,

Как до явленья Агнца в человечьей

Природе Бог вещать имел обычай, —

34 Нет! Прямо и в латинской ясной речи

Сказал, светясь улыбкой чрезвычайной

Мой прародитель в мире и предтеча:

37 «Что на земле вам кажется случайно,

Все в вечном предусмотрено прозренье;

Оно в себе все отражает тайны.

40 Хотя свободна тварь притом не менее,

Как наблюдаемый на водной глади
Свободен челн в избрании движений.

43 Как звук органа в ухе, все, что сзади
Грядущих лет таят судьбины недра,
В моем все отразилось вещем взгляде.

46 Как изгнан Ипполит изменой Федры,
Из родины — так будешь ты сурово
Извергнут, клеветой облитый щедро.

49 Того хотят, затем и строят ковы,
Того добиться тем безбожным надо,
Кто каждый день Христа продать готовы.

52 Изгнанью клевета прибавит яду;
Но правду Божья месть объявит мукой
Гонителям и карой без пощады.

55 Со всем, что мило, ждет тебя разлука,
И будет эта боль тебе знакома
От первых стрел карающего лука.

58 Ты будешь к хлебу привыкать чу-

жому,

Узнаешь то, как горек он и солон,

Как лестница крута к чужому дому.

61 Чтоб жребий был изгнанический полон —

Сброд обществом тебе быть предназначен;

И будет горше всех тебе тяжел он!

64 Им всякий след пристойности утрачен;

Но их — не твой лоб оттого краснее

Печатью срама будет всё ж означен!

67 И явится их глупость тем яснее,

И все твои усилия направит,

Чтоб сам ты стал всей партией своею.

70 Гостеприимством пред тобой прославит

Себя Ломбардца щедрого десница,

Что лестнице своей орла доставит.

73 Так благосклонен он к тебе явится,

Что до тебя его благодеянье
Дойдет скорей, чем просьба народится.

76 И ты узнай — планеты сей сиянье
Его рожденье ярко освещает,
Свой отпечаток дав ему заране.

79 Еще покуда мир его не знает,
Так как с его рождения девятый
Свой круг движенье солнца совершает.

82 С дня, как обманет Генриха проклятый
Гасконец, — впредь уж эту добродетель
Ни труд не в силах устрашать, ни траты.

85 Отыщется ему подобный в свете ль
По щедрости — покажет само дело,
А доблести — его же враг свидетель.

88 В изгнании ему доверься смело!
Взводя и низлагая правосудно,
Изменит многих смертных он уделы.

91 Знай будущее — но лишь ты!» И чудный

О будущем рассказ он вел поряду,

Во что и очевидцам верить трудно,

94 Прибавив: «Сын мой! Вот что ведать надо:

Да, путь свой пред тобою обознача,

Тебе не строит будущность засады.

97 Но не завидуй ты врагов удаче,

Зане поверь, тебя еще живого

Достигнет весть о горе их и плаче».

100 На том прервал блаженный светоч слово,

Явив безмолвьем, что покончил с тканью,

Которой подал я ему основу.

103 И я, как обратившийся в незнанье

К тому, кто доброхотный и совестный,

Разумно помогает в обстоянье:

106 «Отец! — сказал, — мне видно и заметно,

Как время даст коню несчастья шпоры,
Что бьет тем резче тех, кто безответны.

109 Но осторожность я возьму в опору.
Да, изгнан с родины, стихом беспечно
Других приютов не лишусь в ту пору;

112 Зане в краю, печальном бесконечно,
И на горе, отколь был уготован
Восход мой в небо, и в стране, ей вечной

115 Не раз был мне то там то здесь дарован
Извет,[103] *приятный далеко не всюду*
Для тех, чей вкус лишь сладким избалован.

118 А коль я правде робким другом буду,
Меж тех, кому наш век уж станет

[103] Примечания: 103
Извет, *м.* (устар.) — донос; наговор, клевета. Извет без подписи назывался подметным письмом.

старым,

Боюся я за то приять остуду.[104]»

121 Так я сказал, и светлость новым жаром,

Как зеркало пред солнца ясным взором,

На те слова зарделася недаром

124 И молвила в ответ мне: «Те, которым

Свой тяжек срам или чужого срама

След, — уязвятся те твоим укором.

127 Но все что видишь, расскажи все прямо;

Тем, у кого свербит, — оставь чесаться,

И без утайки все являй упрямо.

130 Пускай на пробу горькими явя́тся

Твои слова, — но смысл их сладок станет,

Когда в уме они переварятся.

---

[104] Примечания: 104

Остуда, *ж.* (устар.) — охлаждение в отношениях между людьми; размолвка, ссора.

133 Пусть песнь твоя подобно буре грянет,

На потрясение во всем высоком,

Да вновь оно тем жизненней воспрянет!

136 Знай, что перед твоим открыты оком

В пути чрез Ад и Гору в эти сферы

Лишь души славные — не ненароком.

139 Затем, что ум внимание и веру

Достачно и долго не дарует

Из темного источника примеру.

142 Лишь то, что славно, — то людей волнует!»

Песнь XVIII

На Марсе (окончание). — Качьяивида называет обитателей Марса: Иисуса Навина, Маккавея, Карла Великого, Роланда, Готфрида Бульонского, Гискара и др. — Восхождение на Юпитер, планету справедливых судей. — Негодование поэта на пап.

1 Блаженный дух уж радовался речи
Своей один, и я остался, меря
Блаженством Рая бедствия предтечи;

4 Но мне открывшая блаженства двери
Сказала: «Прочь тоску! Приидет вскоре
Вознаградящий щедро все потери!»

7 И столько я нашел любви во взоре,
Что так меня небесной лаской манит,
Что не сказать в обычном разговоре!

10 Не только слов на это не достанет,
Но память, столь высоко возлетая,
Над тем, что выше смысла, не воспря-

нет.

13 Одно могу сказать лишь про себя я,
Что все забыл я, что душа желала,
Владычицы красоты созерцая,

16 Пока блаженство вышнее сначала,
Что без посредства зреть в ней стало мочи,
Меня, в ней отражаясь, освещало.

19 Она ж рекла, блестнув улыбкой в очи:
«Рай не во мне одной лишь безусловно;
Внимай и слушай все, — весь мир сей прочий».

22 Как на земле улыбкою любовной
Страсть, сердце зажигающая, ярко
Всю душу на лицо выводит словно, —

25 Так предка дух, горя в сияньи жарко,
Своих речей хотел умножить цену
Ценой еще слов нескольких подарка:

28 «Святого древа пятое колено,

Берущего свои с вершины соки
И плод дарующего неизменно, —

31 Тех душ святых являет сонм высокий,
Дела которых в мире славой грозной
Произвели поэзии потоки.

34 Гляди ж теперь: они на перекрёстной
Черте креста, при их упоминаньи,
Себя объявят вспышкой молньеносной».

37 И се! мгновенною вспышкою сиянья
При имени Навин, воспламенился.
Я свет воспринял разом и прозванье.

43 И Маккавей, как шар вертясь, явился
И, радости веревкою тянуть,
Как кубарь, под кнутом ее, кружился.

46 Вильгельм и Ревуард сверкнул еще там,
И Роберта Гискара призрак грозный;

Готфрид, что для Сиона был оплотом.

49 Потом, как бы соскучив реять розно,
Блаженный дух исчезнул в блеске славы,
Слиясь с хвалебной песней виртуозной.

52 И, к Беатриче обратясь направо,
Я вновь мой долг прочесть в глазах старался
И в жестах моей дамы величавой.

55 И вот, такой восторг в ней отражался,
Как ни в каком ином небес созданьи
Мне до сих пор ни разу не являлся.

58 И как, коль наше доброе влиянье
На что-либо другое нам известно,
В нас доблести мы чуем возрастанье;

61 Я зрел: при перемене той чудесной
Полет мой вправо ширился и влево,
И ярче мне сверкал простор небесный.

64 И как волнение стыда иль гнева

На белизне ланитной полотняной
Багрец рождает у невинной девы, —

67 Точь-в-точь и я, увидев свет багряный
На фоне ослепительно сребристом,
Познал, что в новыя взнесен я страны.

70 Огни планеты Зевса, в строе чистом,
На нашем языке изобразиться
Приветствием старалися лучистым.

73 Как с берега поднявшиеся птицы
На ветлы новые несутся дале —
То кольцами, то длинной вереницей, —

76 Так с пением вокруг меня порхали,
Горя, святым огнем, блаженных стаи
И «D» да «I» да «L» изображали,

79 В такт песни опускаясь и взлетая
И умолкая с буквой — шрифтом равным
Влекли за словом слово вплоть до края.

82 О Каллиопа! ты, что пеньем слав-

ным

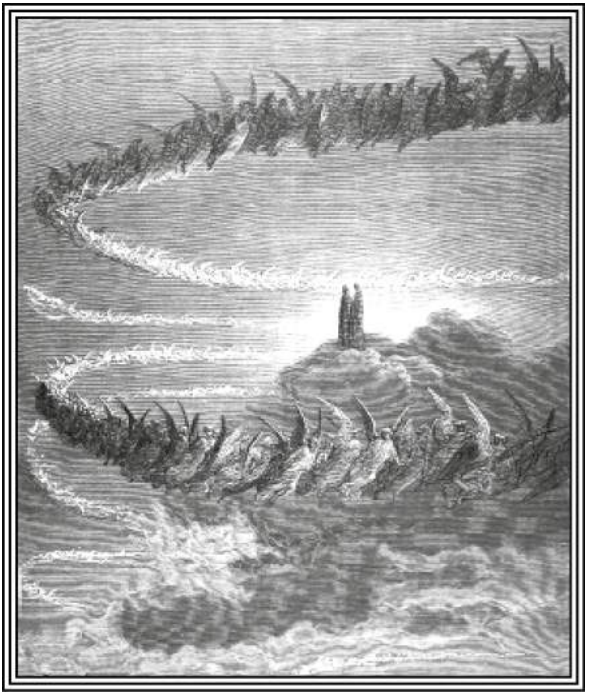
Чаруешь нас, даруя песней сладкой

Бессмертие самим царям державным, —

85 Даруй мне мощь дать в слове отпечатки

Тому, что зрел я, лад сих слов прекрасных

И прелесть сообщая рифме краткой.



Так с пением вокруг меня порхали,
Горя, святым огнем, блаженных стаи

88 Счел пятью семь я гласных и согласных;

Их сочетанье в память мне запало

В пять слов латинских, разуменьем ясных:

91 Diligite justitiam — сначала;
Сказуемое ж первое затем
Qui judicatis terrain дополняло.

94 А после все слилось в единый «М»;
Сей буквою заканчивая фразу,
Весь хор духóв недвижен стал и нем.

97 И чудо новое явилось глазу:
На крышу «М» посыпались струею
Огни еще, к ней прилипая сразу.

100 Как головню колотят головнею,
Чтоб так, как искры, сыпались червонцы,
Кто научён в том глупостью людскою, —

103 Так сверху «М», как крыша или донце
Нависши, пополам себя согнуло
Духóв собрание, блестя как солнце.

106 Когда ж умолкло рокотанье гула,

На месте стало все — и, пламенея,
Подобие орла из «М» блеснуло.

109 Художник неба, сам себе довлея,
Творит и образцов не знает силе,
Рождая в гнездах формы вместе с нею.

Художник неба, сам себе довлея,
Творит и образцов не знает силе,
Рождая в гнездах формы вместе с нею

112 Еще огни, что, мнилося, почили,
Вкруг подлетели слева, как и справа,
Украсивши орла венцом из лилий.

115 Так видел я звезду, что семя права
Внедряет в нас и дух наш к правде манит, —
Великую на небе честь и славу.

118 О, пусть ее ведущий гений взглянет
На этот чад удушливый и черный,
Что на земле ее лучи туманит!

121 Пусть вострепещет перед ним позорный
Земной блюститель правды, кем скверн-
нится
Храм, созданный ей в честь столь чудотворно!

124 О светлый сонм, не уставай молиться

За бедных, кто, влача покров телесный,
Должны дурным примером уклониться!

127 Оружьем прежде мучили; бесчестно
Теперь нам хлеба не дают святого,
Который даровал нам Царь небесный!

130 Ты, пишущий, чтобы стереть все снова!
Для попранного вами винограда
Петр с Павлом пали, — но их живо слово!

133 Ты ж думаешь: «Когда мне только надо
Того, кто жизнь провел один в пустыне
И умер пляски мерзостной наградой, —

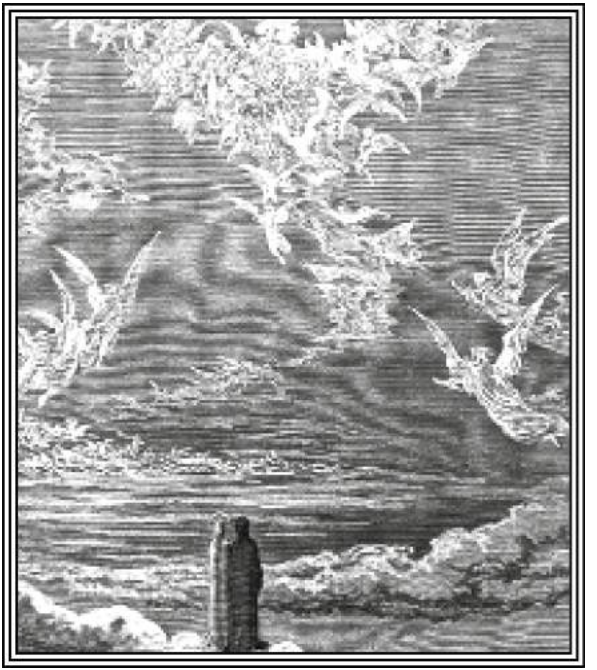
136 То что мне до Петра и Павла ныне?»

Песнь XIX

На Юпитере (продолжение). — Орель говорит о предопределении и Божьем предызбрании и о опасении нехристиан. — Филиппика против современных Данту государей.

1 Являлся мне с четою крыл открытой
Прекрасный образ, где в отраде мирной
Венцом благие духи были слиты.

4 Всяк в нем являл рубина цвет порфирный,
На солнце рдея так, что в смертном глазе
Весь солнца блеск воспроизвел всемирный.



Являлся мне с четою крыл открытой
Прекрасный образ...

7 Что надо мне отпечатлеть в рассказе,
Чье мне перо опишет то, и чья же
Речь оперит полет моих фантазий?

10 Я зрел орла, его я слышал даже;
И хоть я ухом слышал «я» и «мой»,
Но смысл воспринимал в том «мы» и «наше».

13 Он говорил: «За милость с правотой
Меня Всевышний славно так прославил,
Что все желанья низки предо мной.

16 Такую память в мире я оставил,
Что и порочным слава та понятна,
Хотя моих не исполняют правил».

19 Как много углей теплотой приятной
Одною греют, так в одно сказанье
Любви излился отзвук многократной.

22 «О цвет невянущего ликованья, —
Я молвил, — в ком отдельный запах каждый
Сливается в одно благоуханье!

25 Да усладит ваш аромат ту жажду,

Которая доселе не узнала
Еще себе услады ни однажды.

28 Я знаю: Божья правда — есть зерцало
Не этой сферы лишь, но в вашей сфере
Она вам ведома без покрывала.

31 Вам ведомо самим, в коли́кой[105] *мере*
Алкаю[106] *я, — пусть голос ваш излечит*
Мне голода столь долгого потери».

34 Точь-в-точь, как, колпака лишившись, кречет
Вдруг охорашиваясь, встрепенется,
Бьет крыльями и взгляды в небо мечет,

37 То ж было и с орлом, что создается,

---

[105] Примечания: 105
Коли́кой — сколькой, какой, которой.

[106] Примечания: 106
Алкать, *гл.*: 1. (устар.) — чувствовать голод. 2. (перен., устар., книжн.) — страстно желать чего-либо, испытывать непреодолимое стремление к чему-либо.

Из хвал Творцу; а внятны лишь те хва́лы
Тем, кем та песнь хвалебная поется.

40 «До граней мира циркуль изначала
Раздвинувший, внедрив между рогаток
И тайного и явного не мало,

43 Не сообщил вселенной отпечаток,
Столь полный, коего не превзошло бы
Его же Слово, твари всей начаток;

46 Что первый доказал гордец тот злобный,
Рассвета не дождавшийся, ни шагу
Дозреть еще верховней неспособный.

49 Для меньших тварей тщетнее отвага
Попыток дерзостных — обнять пучину
Само себя лишь мерящего Блага;

52 И что есть слабый разум персти сына?
Лишь луч и отблеск Существа, в Котором

Материал и первая причина.

55 Ему ли вглубь смотреть, когда с позором
Он, своего ж источника не зная,
Стремится в большее проникнуть взором?

58 В пределы вечной правды проникая,
Не дале видит разум ваш негодный,
Чем глаз ваш в синеве морской без края.

61 Он видит дно у берега свободно,
Но в океане — труд напрасен, право;
А дно все ж есть, хоть скрыто в бездне водной.

64 Нет света, кроме света Вечной Славы
Не меркнущего: прочее все — тьма,
Иль плоти тень, или ее отрава.

57 Вот, вскрыт покров от твоего ума,
Рождавшего мучительный вопрос,
И истина ясна тебе сама.

70 Ты говорил: «Коль скоро довелось
На Инде жить кому, и век не знал он
И не слыхал совсем, кто был Христос,

73 Меж тем всегда по правде поступал он
И в мере той, как смертному возможно
Без благодати, совершенным стал он, —

76 Погиб ли он без веры безнадёжно?
Его ль вина, что кар он не избавлен?
Или Господня правда судит ложно?»

79 Но кто ж ты, кто так высоко поставлен,
Чтобы взглядом на сто миль судить кичливо,
Коль путь судьбы тебе лишь вмале явлен?

82 Конечно тот, кто ищет кропотливо,
Мог сомневаться; но ему Писанье
Все удалит сомнения и дива.

85 Скоты земли! Ум грубый! Ведь желанье
Первичное всегда с собой согласно,
Само себе служа лишь только гранью.

88 Что с ним едино — право и прекрасно.
Родившаяся от него ж сначала
Земная тварь судить его не властна».

91 Как самка аиста, что напитала
Птенца, и как наевшийся досыта
На мать свою взирает птенчик малый —

94 Так стал и я и знак тот знаменитый,
Чьи крылья многих думою совместной
И приподняты были и открыты.

97 И пел тот знак: «Таков закон небесный,
В божественном являющийся праве,
Для вас, ничтожных смертных, неизвестный».

100 И пламень духа, почивая въяве

Еще на знаке, данном благодатью
Небесной к наивящей Рима славе,

Мне вновь изрек: «Сюда, в мои объятья,
Не вшел никто, не веря в Иисуса,
Иль после мук Его иль до распятья.

Сколь много призывают Иисуса,
Но на суде Он место им укажет
Ничтожней, чем не знавшим Иисуса!

Суд Эфиоп тем христианам скажет,
Когда последний день всех земнородных
К блаженству призовет или накажет.

Что скажет Перс о королях, нам сродных,
Когда раскрыто у́зрит он писанье,
Где писано об их делах негодных?

Альбрехта у́зрят там одно деянье,
О коем на проклятие осудит
Всю область Пражскую воспоминанье.

118 Подделка денег Францию принудит

Сгореть от пожирающего срама

За власть того, чья смерть от вепря будет;

121 И гордость, Скоттов с Англами упрямо

Ведущая в чужбину из-за риску,

Явится нескрываемо и прямо!

124 Испанец! Явен там разврат твой низкий,

И Чех, что был от храбрости вдали

И никогда ее не видел близко!

127 Хромец Ерусалимский! Там твои

Чрез «М» означат гнусные пороки,

А добродетель выразится в «I»!

130 За скаредность услышит там упреки

Властитель края, где, римлян начатку,

Анхизу дан могилы сон глубокий.

133 Немногоценность его жизни гад-

кой

Объявит летопись немногословно:

В ней много будет сказано, хоть кратко!

136 Узнают все как брат единокровный

Его и дядя гнусны, две короны

Двух наций столь гнетущие греховно.

139 И стыд Норвежцев станет обнаженный

И Португальский; Рашьи герцог черный

Придет, подделкой денег пристыженный,

142 Пусть Венгрия не терпит гнет позорный!

Плотней и безопасней пусть Наварра

Как крепостью, повьется цепью горной!

145 Грядущей мести первые удары —

Проклятья Фамагусты с Никозией

И жалобы, что зверь там правит ярый,

148 Угроз не устрашаясь как другие».

Песнь XX

Орел перечисляет составляющих его духов: Давида, Константина, Траяна и троянца Рифея. — Рассуждение о благодатном предызбрании.

1 Когда весь мир светлящая лампада,
Простившись с нашей неба половиной,
От нашего спешит сокрыться взгляда;

4 И цепью многочисленной и длинной
Зажгутся звезды в небесах, но пламя
Их мириад огонь зажжет единый, —

И цепью многочисленной и длинной
Зажгутся звезды в небесах...

7 Являлось пред моими тож очами,
Когда сей знак над нашим миром власти

Замолк благословенными устами.

10 Зане его все органы и части
Зарделися еще сильней при пеньи
От непонятнаго для смертных счастья.

13 О, рдящее в улыбке воплощенье
Любви, в их сердце и уме зажженной,
Лишь в Бога устремляющем мышленье!

16 Когда ж умолкнул пояс драгоценный
(Каким шестой из светочей окован),
С своею песней ангельской, — мгновенно

19 Мой слух был словно речкой очарован,
По камням сыплющей, хвалясь им, водный
Запас, что в роднике ей уготован.

22 Как звук, у рукоятки лирной, сродной
Ему одеян формой иль в свирели

Мелодией родится ветр свободный, —

25 И у орла шло сотрясенье в теле,
Как чрез отверстия трубы свирельной
Через гортанные проникнув щели;

28 И, в голос обратясь членораздельный,
Глагол ко мне желанный обратило,
Что в памяти моей остался цельный:

31 «Взгляни на орган, коим дня светило, —
Вещала мне та цепь огней поющих, —
Земному созерцать орлу под силу!

34 Из всех огней, сей образ создающих,
Те светочи, кем глаз изобразится,
Возвышенней всех, в прочих членах сущих

37 И тот, кто место занял в нем зеницы,
Есть царь, Святого Духа восхвалявший,
С ковчегом ездя в поисках столицы.

40 Его почтил его же Вдохновлявший

Особой почестию и любовью,
Ему в орле такое место давши.

43 Из пятерых, являющихся бровью,
Узнай того — с той стороны, где перед, —
Кто, войско задержав, внял просьбу вдовью.

46 Блаженство тех, кто в Сына Божья верит,
И кто искуплен жертвой милосердной,
Теперь он прежнею невзгодой мерит.

49 С ним рядом тот, который час свой смертный
На полтора десятка лет отсрочил,
Пред Богом пав с молитвою усердной.

52 Он здесь себе уверенность упрочил.
Что неизменны те судьбе святые,
В которых Бог свои решенья почал.

55 От следующего за ним руки — я
(На зло, хоть с доброй волей) в новом крае

Был поселен на взморье Византии.

58 Здесь видит он, что цель его благая, —
Хоть следствием ее вы все гнетомы, —
Достичь ему не помешала Рая.

61 За ним Вильгельм, близ брови перелома,
О коем слезы подданных, — хоть живы
На слезы лишь потомки его дома.

64 А чтобы убедиться в том могли вы,
Что государи — Божии посланцы,
Бог водворяет здесь его счастливо.

67 Но кто б поверил мне, что в сем багрянце,
Что пятым тебе виден здесь, сокрылось
В лучах Рифея бытие, троянца?

70 Здесь он изведал всю Господню милость,
Осведомлен о следствий нити тонкой,
Что на земле в зерне причин таилась».

73 Как в вольном небе пенье жаворонка,

Что с песнею по воздуху порхает

И смолкнет, сыт последней трелью звонкой, —

76 Таков был образ тот, что отражает

Верховный свет, в котором бытие

Неложное мир смертных обретает.

79 С боязнью скрыл я мнение свое

(Не боле, чем стекло блеск разноцветный

Картины). Но не вынес он ее.

82 Вновь потрясенье голоса заметно

В нем обозначилося, и немея,

Вновь я восторг в нем видел искрометный;

85 Да не во тьме пребуду я, коснея

В сомненьях, что в моей душе возникли.

Он начал речь, воспламенясь сильнее:

88 «Ты веришь мне, я вижу, но проник

ли

Умом ты в то, что так необходимо, —

Не молча, как мы тайны чтить привыкли?

91 Нередко знаем мы предмета имя,

Но его сущность скрыта остается,

Доколь не обнаружена другими.

94 Но царство Божье силою берется,

Когда любовь с надеждой съединены,

И Божью волю дух склонить возьмется,

97 Не словно смертный, сдаться принужденный, —

Бог побеждает, даже отдаваясь,

Да победит, любовью побежденный!

100 Ты видишь, в моей брови, удивляясь,

И первое и пятое сиянье,

Что блещут в ней, блаженством раскаляясь.

103 Но умерли они как христиане:

Тот после, тот вперед, — их зрели вежды

Пронзенные ль, пронзаемые ль длани.

106 Тот из темницы, что ни разу прежде

Не отдавала жертв, был призван снова,

Благодаря живительной надежде,

109 Которая просила Трисвятого

Его известь из той страны унылой,

Да будет жив, по истинному слову.

112 И в тело славная душа вступила

На краткий срок, чтоб верить, почитая

Изведшую его оттуда силу.

115 И в вере той зажглася в нем такая

Любовь, столь пламенно и столь глубоко,

Что в смерти он второй достоин рая.

118 Другой по благости, что смертных оку

Век неизведанна в своем теченье

Или в пучинах своего истока,

121 За правду жизнь всю посвятив боренью,
Из милости был возвышаем в милость
И дар приял от Бога — искупленья.

124 В него он верит — этим освятилась,
Омывшись от языческого гноя,
Душа его, и в нем любовь явилась.

127 Ему крещенье заменили трое
И до крещенья пребывавших выну[107]
И ведших колесницу пред тобою.

130 О благодати Божией пучины,
Чьи смертное неопытное зренье
Найти не в силах корни и причины!

133 Так осторожен будь в своем суждении,
О человек! не всех сынов избранья
Нам в яве кажет Божье провиденье.

---

[107] Примечания: 107
Выну *нареч.* (церк.) — всегда, во всякое время, непрестанно.

136 И нам такое сладостно незнанье;
Их счастье наше лишь усугубило,
И наша воля — Божие желанье».

139 Так слово, что изрек знак, Богу милый,
Деяний Промысла неясных целью
Мое недоуменье исцелило.

142 И как аккомпаньятор чудной трелью
Певцу закончить помогает песню,
Ей умножая слушавших веселье, —

145 В ответ орлу зажглись еще прелестней
И ярче два огня благословенных,
Сверкая дивной радостью небесной,

148 Как две зеницы, молньей просветленных.

Песнь XXI

На Сатурне. — Духи в виде лестницы. — Петр Дамиани.

1 Уж я молчал, внимание и взоры
В лицо моей владычице вперя
И о всем прочем позабывши скоро.

4 Она не улыбалась говоря:
«Когда б я улыбнулась, как Семелу
Улыбкой в прах тебя сожгла бы я.

Уж я молчал, внимание и взоры
В лицо моей владычице вперя…

7 И красоту — что, как чрез путь свой целый
Ты наблюдал в обители сей вечной,
Росла сильней, чем выше я взлетела, —

10 Когда б я не умерила, конечно,

Разбит ты был бы, словно дуб столетний,

В золу сожженный молньей быстротечной.

13 К седьмой мы сфере поднялись планетной,

Чей свет к вам чрез созвездье Льва струится

Своих лучей семьею искрометной.

16 Но духом тщись, как взором, возноситься,

Да в духе отразишь ты, как в зерцале,

Все то, что в сем зерцале отразится».

19 В ее глазах, что ярко мне блистали,

Своим я стал искать приют прелестный

Для отдыха, чтоб вновь напречь их вмале,[108] —

22 И радости для смертных неизвест-

[108] Примечания: 108

Вмале, *нареч.* (церк. устар.) — скоро, вскоре, в скором времени, мало спустя.

ной,

Вкусить, в повиновении впивая

Усилию восторг противовесный.

25 В кристалле, что объемлет мир, без края,

Царю тезоименном, в чьем правленьи

И именем исчезла воля злая,

28 Я лестницы узрел изображенье

Из золота, проникнутой лучами,

В высь простирающейся дальше зренья,

31 Усыпанной столь многими огнями,

Что, мнилося, со всей округи дальней

Излили небеса свое все пламя.

34 Как вследствие привычки натуральной

Вороны скачут стаею крылатой,

Чтобы согреться тем в час дня начальный,

Я лестницы узрел изображенье
Из золота, проникнутой лучами...

37 А после — те умчатся без возврата,

Те возвратятся к месту отправленья,

А те на месте топчутся стократы;[109]

40 В сияньях сих я видел то ж движенье,

Что вместе с тучей двигались сначала,

Пока не встал всяк над своей ступенью.

43 И то из них, что ближе прочих стало,

Зарделось так, что обратив вниманье:

Вот как любовь тебя, я мнил, объяла!

46 Но та, чьей воли к речи иль молчанью

Я жду, была недвижима, и благо,

Что я молчал, хоть вопреки желанью.

49 Зане она, зря в Том, пред Кем все наго,

Страдание неведенья недугом

Побу́дила к решительному шагу.

52 И начал я: «Не по моим заслугам,

---

[109] Примечания: 109

Стократ (устар.) — *то же, что* стократно; сто раз; много раз.

Но ради той, которая несытый
Мой дух на круг возводит вслед за кругом,

53 Блаженный дух, в своем блаженстве скрытый,
Открой, прошу, чем ты ко мне так тесно
Приближен; и, молю, еще скажи ты,

58 Почто сей круг безмолвен и прелестной,
Святой мелодии лишен, — которой
Проникнут сладостно весь край небесный?»

61 «Твой слух, — он молвил, — смертен как и взоры,
Затем то и улыбки свет рассеян,
Затем то и не слышны песен хоры;

64 И я к тебе спуститься вниз содеян, —
Чтобы тебе доставить праздник словом
И светом ярким, коим я одеян, —

67 Не большею любовью готовым:
Огонь любви сильнее там над твердью,
Как по лучам узнать возможно то вам.

70 Нет! вышнее (сам зришь ты) милосердье,
Что воле, миром правящей, угодно,
Служить всему вселяет в нас усердье». —

73 «Я вижу, свет святой, любви свободной
Довольно, — я ответил, — в сей палате,
Чтоб быть слугою цели верховодной.

76 Но вот что свыше всех моих понятий:
Зачем тебя, а не кого другого,
Коснулося избранье благодати?»

79 Едва лишь я успел окончить слово,
Свет сделал центр изо своей средины,
Кружась быстрее жернова любого.

82 «В меня внедряется любви пучи-

на, —
Любви внутренне действие вещало, —
Пройдя сквозь ризу света и в едино

85 С моим прозреньем слившись, эта сила
Меня собой настолько возвышает,
Что зрю я сущность, что ее родила.

88 Отсель та радость, что во мне сияет,
И ясность та, с какой все мною зримо,
Во мне сиянья ясностью сияет.

91 Твои ж едва ль вопросы разрешимы
Хотя бы зреньем в вышине надзвездной
Парящего всех выше серафима.

94 Зане они столь углубились в бездну
Решений вечных, что их доискаться
Очам созданий всяких бесполезно.

97 А час придет в мир бренный возвращаться —
Там объясни, да к столь непостижимым

И страшным целям люди не стремятся.

Дух, здесь светящий, там явится дымом;

Что ж может сделать смертный с бездной темной

И недоступной даже херувимам?»

На то пришел я в ужас столь огромный,

Что я с вопросом распростился прежним

И «Кто он?» — духа вопросил я скромно.

«Меж тем и этим краем прибережным

Твоей отчизны выси есть такие,

Что молньям не подняться быстробежным.

Меж них есть холм, прозванием Катрия;

У ног его есть скит святой, где строго

Уставы соблюдаются святые». —

112 Так он сказал и помолчав немного
Добавил третью речь скудноречивый
Огонь: «Там я окреп в служеньи Богу.

115 И там, питаясь лишь плодом оливы,
Я жил, терпел и хлад и жар несносный,
Одним лишь созерцанием счастливый.

118 Тот скит, для нашей сферы плодоносный,
Теперь стал столь бесплоден, что я стану
Еще грозить измене сей поносной.[110]

121 Я в мире прозван был Петр Дамиано
(А Петр Пеккатор жил у Приснодевы
В обители Равеннской), и не рано

124 Приял я плащ, направо и налево
Разданный меж столь недостойным людом
Во исполнение Господня гнева!

---

[110] Примечания: 110
Поносный (книжн. устар.): 1. бранный, наносящий обиду, оскорбление, поношение; 2. позорящий, порочащий.

127 Апостол Петр на проповедь с Сосудом

Избранья, бедный шел и босоногий,

И нет конца лишеньям их и худам![111]

130 Теперь от паствы просит пастырь строгий

Весть под руки его, подперши сзади

(Так он тяжел!), переставляя ноги.

133 Коня попоной кроют, и в наряде

Суконном щеголяют два животных! —

О, долго ль Божьей ждать еще пощаде!»

136 Потом я видел сонм духóв бесплотных,

Бежавший вниз ступень вслед за ступенью

Горя ясней в движеньях поворотных;

139 Став рядом с ведшим это рассужденье,

Все подняли при том крик столь смя-

---

[111] Примечания: 111
Ху́ды — *здесь*: беды, несчастья.

тенный,
Что для него нет на земле сравненья,
И я его не понял, оглушенный.

Песнь XXII

Св. Бенедикт. Его филиппика против испорченности монахов. — Восьмое небо — небо Неподвижных Звезд.

1 Объявшее мой разум удивленье
Меня к моей Вожатой обратило,
Как к матери дитя бежит в смущенье.

4 Она ж ко мне, подобно маме милой,
Слезами лечащей испуг дитяти
И голосом ему дающей силы,

7 Рекла: «Иль ты не в царстве благодати?
Здесь все, что деется из доброй воли,
Все к доброй цели деется и кстати.

10 И почему ты не смутился боле
Отсутствием улыбки с гимном ныне,
Когда ты криком сим смущен дотоле?

13 Но знай ты крика этого причины,
Ты видел бы приготовленья к карам,

Какие у́зришь до твоей кончины.

16 Не поспешает и не медлит даром
Меч Божий, чьи возмездия нависли
На всех, дрожащих под его ударом.

19 Но на другое тщись направить мысли
И, взор свой обратив сюда охотней,
Духо́в сих славных множество исчисли».

22 Я взоры обратил, узрев: несчетней,
Чем искры в мраке рассыпает пламя,
Друг друга крася, сфер блистали сотни.

25 Но, любознательности уязвлен шипами,
Боялся я сказать, излишне смело
Мое желанье выразив словами.

28 Тогда из этих перлов самый белый,
Приблизившись ко мне, полет оперил
Желанья, что во мне так пламенело.

31 «Когда б любовь, нас жгущую измерил, —

Из ясности промолвил голос звездный, —

Ты мне свое желание б доверил,

34 Да не придешь ты к цели слишком поздно

Так долго ждав, — отвечу я заране

Столь бережно таимой жажде слезной.

37 Гора — оплот Кассины оснований,

До дней моих скужителям порока,

Обманутым служила для собраний.

40 Впервые я Того явил их оку,

Кто истину нам дал, богообразно

Подъемлющую здесь нас столь высоко,

43 И благодать мне помогла от грязной

Исторгнуть нечисти весь край окрестный,

Для гибели служивший и соблазна.

46 Все эти светочи зажег небесный

Тот пламень, что, во век не угасая,

И цвет растит, и плод дает прелестный.

49 Здесь Ромуальд, Макарий и святая
Семья отвергших мир ваш, добровольной
Темницей кельи сердце укрепляя».

52 «Любовь, — я рек, — сквозящая невольно
В твоих словах (а как узнал теперь я,
Ее и в этих всех духáх довольно),

55 Столь многое внушила мне доверье,
Каким раскроет солнце в розе дикой
Все лепестки и все листочков перья,

58 Но взор мой твоего сподобив лика,
Меня ввоочь[112] *сообщником соделай,*
Коль милости я стою столь великой». —

61 «Коль так высоко жаждешь ты и

---

[112] Примечания: 112

Ввоочь, *нареч.* (устар.) — *то же, что* воочию: 1) своими глазами, путём личного опыта; 2) весьма наглядно, со всей ясностью.

смело, —

Твое желанье всякое безмолвно

В последнем круге замолчит всецело.

64 Там совершенно, цельно все и полно,

Все части слиты в вечном постоянстве,

Всех — и моих — желаний стихнут волны;

67 Зане тот круг великий — вне пространства,

Но наша лествица к нему стремится,

И внятны нам красы его убранства.

70 Вотще она могла когда-то сниться

Иакову! Вотще он зрел со страхом

На ней духов блаженных вереницы!

73 Никто теперь поднять ноги над прахом

Уже не хочет, и мои законы

В писаньи упражнением монахам

76 Давно не служат, — нет! Давно в

притоны
Соборы обратились и карманом
С мукою затхлой стали капюшоны.

79 Иуда с сердцем от стяжанья пьяным,
Для Бога не явился б столь порочным,
Как инок мой в стяжаньи постоянном!

82 Предписано законом церкви точным:
Именье церкви нищим отдается —
Не братьям и не сыновьям побочным!

85 Но плоть слаба, и редко удается
То семя, что от добрых сил зачато,
Покуда в дуб сей желудь разовьется.

88 Петр начал дело без сребра и злата;
Молитва, как и пост, — мое начало,
Смирение одно — Франциска брата.

91 А если посмотреть, уже немало
Начал прекрасных возросло на горе,
И белое вначале — черным стало!

94 Но Чермное делящееся море
Есть чудо большее пред тем, которым
Исправлены они б могли быть вскоре». —

97 Так дух изрек и вновь с блаженным хором
Соединился, и весь хор с исподу[113]
К вершине вдруг взметнулся вихрем скорым.

100 Мадонна воззвала меня к восходу,
Восторжествуя над моей влекомой
Ее призывом низменной природой.

103 Здесь, где падение быстрей подъема,
Едва ль, читатель, было бы понятно
Столь страстное влеченье к Божью дому;

106 И — пусть, коль лгу, я не вернусь обратно

---

[113] Примечания: 113
Испод (устар.) — *противопол. знач.* «верх»: сторона или плоскость предмета, обращенная книзу, к земле; низ или основанье; изнанка, подкладка.

На это празднество́, о коем страстно
Лью слезы я и каюсь многократно,
109 Но тщился б ты сравнять со мной напрасно,
Обжегшись, от огня перста отъятье, —
Как над Тельцом достиг я сферы ясной.

109 О знак святой, отколе мог принять я
Все, много или мало их скопилось, —
Мой ум и силы все — все без изъятья!

115 Средь вас взошла, средь вас же закатилась
Жизнь земнородного всего творенья,
Когда впервой дыханье в грудь мне лилось.

118 Когда превознесен я в те селенья,
Верховной благодатью вознесенный, —
Тому причиной — к вам мое стремленье.

121 Пребудьте ж и отныне благосклонны,

К дальнейшему пути мне влив отвагу,
К чему влеком я всей душей смущенно!

124 «К последнему настолько близясь благу, —
Тогда мне Беатриче говорила, —
Готовь твой взор к столь дерзостному шагу;

127 И прежде, чем твоя нога вступила,
Взгляни сперва, как много сфер пройдённых
У твоего подножия почило,

130 Чтоб радостней предстать меж просветленных,
Столь радостно несущихся в круженье
Под сводом сих небес превознесенных».

133 Я вниз взглянул и увидал вращенье
Земли в столь жалком виде и ничтожном,
Что даже улыбнулся от презренья,

136 И одобряю всех, красотам ложным

Презренье шлющих, ум всегда вперяя
Сюда, в обитель истин непреложных!

139 Без пятен, на которыя взирая,
Я прежде заблуждался, дочь Латоны,
И всю в сияньи видел здесь тебя я.

142 Тебя я видел, сын Гипериона,
И не поникнул взором; за тобою
Вращались дети Майи и Дионы.

145 Юпитер мне в точнейшем мерном строе
Предстал, отца умеривши и сына —
Здесь ясно их движенье круговое;

148 И все семь сфер, широты их и длины,
Их отдаленья, ход их непреложный
И равномерности его причины —

151 Все видел я, — с той точкою ничтожной,
Чей вид от вечных Близнецов явился
С горами, с бездною морей тревожной,

154 И вновь к прекрасным взорам об-

ратился.

Песнь XXIII

Св. Дева. — Триумф Христа.

Как ночью в теплом гнездышке касатка —
Чуть мрак падет со светом чередуясь —
Хранит своих малюток спящих сладко,

Их милыми головками любуясь
И отысканья пищи (долг хоть трудный,
Но сладкий!) ожиданием волнуясь,

И средь ветвей, почивших непробудно,
Внимательно в зарю вперяясь взором,
Рожденья дня миг выжидает чудный;

Точь в точь к пределу обратясь, в котором
Движенье тени медленней, Мадонна
Внимательно глядела вверх упором;

И я, ее столь видя углубленной,

Стал, словно тот, кто в новом ожиданье

Спокоится, надеждой подкрепленный.

16 Но ждал не долго, как узрел сиянье

Светила дня, блиставшего в пространстве,

Все в новом и сильнейшем пребыванье.

19 «Вот, — вскрикнула она, — во всем убранстве

Полки Христа и вот триумф Господний!

Вот плод твоих чрез эти сферы странствий!»

22 Ее лицо зажглось столь превосходней

Без примеси блаженством, что не властны

Мои слова то рассказать сегодня;

25 И полная луна в лазури ясной

Средь вечных нимф, своих подруг, играя,

Едва ль так улыбается прекрасно,

28 Как ясность средь всех ясностей

живая,

Как звезды солнца свет зажжет обычно, —

Зажглась, вокруг себя все зажигая.

31 И засиял свет сущности первичный

Сквозь этот свет так ясно мне, что очи

Такую яркость вынесть непривычны.

34 «О, Беатриче, дорогой мой водчий!» —

Воскликнул я, а мне она сказала:

«Ты добродетель зришь вне всякой прочей.

37 То силы и премудрости начало,

Открывшей путь меж небом и землею,

Чего так долго вся земля желала».

40 Как пламя, сжато тучей грозовою,

Прорвется, вопреки своей природы

Стремяся вниз, — я взрос сам над собою,

43 Созрев умом от этого восхода,

И что горé я видел, то нельзя
Поведать языком людского рода!

46 «Взгляни теперь, взгляни какая я,
Меня узрев, ты будешь зреть способным
То, как улыбка светится моя!»

49 Я был воспоминавшему подобным,
Забытое какое-то явленье
Восстановляя в образе подробном,

52 Как услыхал внезапно предложенье,
Достойное быть принятым и в прежнем
Во веки не найдущее забвенья.

54 Пусть зазвучали б сонмищем безбрежным
Все языки, священной Муз семьею
Питаемые млеком самым нежным, —

58 Того я сотой доли не открою
(Так мой язык и жалок и ничтожен!),
Что явлено улыбкою мне тою!

61 И при изображеньи их возможен
Такой скачок в священной сей поэме,
Как тот творит, чей выход загорожен!

64 Но кто поймет, сколь тяжко это бремя
И смертную мою воспомнит спину,
Не укорит тот пóтугами теми!

67 Для челнока ль с пловцом пугливым выну,
Пред тяжестью им принятой излишней,
Дорога та, какую я покину?

70 «Улыбкою привычной и давнишней
Зачем ты упоен дотоле снова,
Что сад тебя не привлекает вышний?

73 Там Роза, в коей плотью стало Слово;
Там лилии, что запахом прекрасным
Показывают след пути прямого!»

76 Я вновь таким Мадонны словом властным

Был побужден напрячь в усильи око —
И то усилье не было напрасным:

79 Мои глаза, хотя в тени глубокой, —

Увидели в цветах блестящих поле
Под солнцем, мглу раздвинувшим широко.

82 Там ясностей еще блистало боле.
Источник света, очи мне пленивший,
Их зажигал неведомо отколе.

85 О, светоч, их сугубо осветивший!
Так вознестись ты счел необходимым,
Мое плохое зренье пощадивши.

88 Цветка красавца сладостное имя,
К которому я по утру взываю
И ввечеру с молитвами моими,

91 Мои глаза влекло к светилу Рая,
Что как блистает на земле недужной,
Так и горé тож царствует, сияя.

94 Из высей, диадемою окружной,
Спустился свет и вкруг звезды обвился,

Ее венчая с песней славы дружной;

97 И лучший гимн, каким бы дух пленился
До полноты в подлунном жалком мире,
Лишь громом, сыном молнии б явился

100 При этой херувимской сладкой лире,
Хвалящейся небесно сладким тоном
О небеса сапфирящем сапфире!

103 «Я — ангелов любовь! Век упоенным
Вкруг радости мне суждено кружиться,
Чьим цель желаний всех носима лоном!

106 С Тобой я буду, когда Ты, Царица,
Блаженна всходом в сферы неземные,
Приедешь с Сыном в них соединиться».

109 И слышал я, что все огни святые
И все блаженные созданья в мире
Пропели имя сладкое Марии.

112 Все сферы слившись в царственной порфире,
Вздымавшейся при Божьем дуновенье,
Все боле расширяясь в даль и шире,

115 Терялись в столь громадном отдаленье,
И у нее конца не видно было,
Как и мое не досягало зренье;

118 Зане еще не получил я силы
Венчанное следить в полете пламя,
Что к Сыну-Богу в пламя восходило.

121 И как дитя, что вскормлено сосцами,
Почуяв, как в нем к матери явилось
Доверие, к ней тянется руками, —

124 Так сих огней верхушка удлинилась
И та любовь, какой они горели
К блаженной Деве, ясно мне открылась;

127 И загремела общая отселе —

Так сладко, что я, право, впал в забвенье, —

Ей в честь, святая песнь «Regina coeli».

130 Вы, кто в труде и тягостном боренье

Изгнанниками на земле живете, —

Какой вы здесь пожнете плод терпенья!

133 В какой здесь быть вам славе и почете!

Вы, бедные, на стогнах[114] *Вавилона*

Влачащие дни в скорби и заботе, —

136 Здесь ваш триумф, близ Девы просветленной

Сияньем Сына, здесь, где уготован

Заветов двух союз у Божья трона,

139 Где тот, кому ключ этих царств дарован!

---

[114] Примечания: 114

Сто́гна *сущ., неод., ж.* (поэт., устар.) — площадь (городская), широкая улица.

Песнь XXIV

Св. Петр экзаменует Данта о вере.

1 «Избранники трапе́зы Агнца тайной,
Питающей вас так, что ваша воля,
Насыщена всегда до меры крайней!

4 Коль милость Вышнего сему на долю
Дарует с вашего стола крупицы,
Пока смерть к нам взведет его оттоле, —

7 Умерьте жажду, коей он томится,
Зане все из источника вы пьете,
Отколе ныне мысль его струится». —

10 На голос Дамы существа без плоти,
Как сферы вокруг по́люсов на о́си
Вдруг завертелись в круговом полете;

13 И как в часах вращаются колеса, —

Пока недвижно первое обычно,

Меж тем последнему лететь пришлося, —

16 Сии гирлянды пляскою различной —

Различной счастья степени согласно —

Верх радости являли безграничной.

19 Из той, что мнилась самою прекрасной,

Изшел огонь в столь сча́стливом горенье,

Что вкруг другой не виделся столь ясный.

22 Он трижды обошел ее при пеньи,

И гимн, пропетый им при том, столь сладок,

Что слабнет здесь мое воображенье,

25 И падает перо, следя упадок

Фантазии; очей не удоволит

Земная краска для столь нежных складок!

28 «Блаженная сестра, кто так нас

молит,

Что зов твоей молитвы умиленной

Покинуть высший круг меня неволит», —

31 К моей Вожатой пламенник блаженный

Направил дуновенье и ему же

Звук речи сообщил, здесь приведенной.

34 Она ж: «О, вечный свет святого мужа,

Кому Бог дал ключ к радостям неложным

Для смертных ими милость обнаружа!

37 Спроси сего, спроси и по ничтожным

И важным пунктам о той мощной вере,

Что путь твой в море сделала возможным.

40 Любовь, надежду, веру в должной мере

Имеет ли он — все тебе известно,
Зане твой ключ все отпирает двери.

43 Но лишь чрез веру граждане в небесный
Сей входят град, — так пусть пред вами всеми
Открыто веру явит он и честно!»

46 Как бакалавр готовится — в то время,
Чуть он узнал о спрошенном предмете, —
К защите иль решенью данной теме,

49 Так я готовился в мгновенья эти, —
Да разум мой не будет затуманен
Пред вопрошателем таким в ответе.

52 «Ответь, скажи, о добрый христианин,
Молвь, что есть вера?» — И постигнув разом
Вполне вопрос, на сколько он пространен,

55 Я Водчую спросил безмолвно глазом
О побуждающем к ответу жаре
И знак приял — излить его рассказом.

58 «Пусть Тот, Кто о, святой примипиларий,
Меня к тебе на исповедь приводит,
Поможет мне, да буду я в ударе!

61 Мой ум у брата твоего находит
(Благодаря чьему с твоим старанью
По доброму пути Рим ныне ходит)

64 Ту мысль, что вера сущность ожиданья,
Невидимого ж довод; таково вот
То ж и мое о вере пониманье».

67 Он мне в ответ; «Ты ясно ль видишь повод
Сказать, что вера сущность совокупно
С тем, что она есть в то же время довод?» —

70 «Есть вещи, чье значение столь

крупно,
Что, видимые здесь, — вне этой двери
Они земному оку недоступны.

73 Их бытие — лишь только в этой вере,
И лишь на ней надежда почивает;
Итак, она есть сущность в этой мере.

75 От ней исшед, наш разум рассуждает,
Но с ней его сужденье неразлучно, —
Чем вера всякий довод заменяет». —

79 «Когда бы все, что на земле научно,
Усваивалось ясно так, как это,
Софистике б там не плодиться скучной», —

82 Дохнула мне любовь та в знак ответа,
Добавивши: «Довольно испытаний
По качеству и весу сей монеты!

85 Но молви, есть она в твоем кар-

мане?»

Я отвечал: «Конечно, и не мало;

Во мне сомненья нет в ее чекане». —

88 «То клад бесценный! — ясность мне сказала

На это. — В нем же всяких благ основа

И всякой добродетели начало.

91 Отколь он у тебя?» — А я: «Святого

Божественного Духа дождь, столь сочно

Дождящий все, что ветхо и что ново

94 В Писаниях, был силлогизм, столь точно

Меня приведший к выводу, пред коим

Не может быть ничто другое прочно». —

97 «А те Писанья, — столько отчего им

Ты дал цены, мня, что при их посредстве

Твой вывод на верховной правде стро-

им?»

100 Я отвечал: «Мой вывод в ряде следствий:

Напрасно не кует природа стали,

И на пустяк нет ну́жды в сильном средстве».

103 А он ко мне: «А если б доказали,

Что надо доказать, дела те худо?

В другом есть доказательство едва ли!» —

106 «Коль мир поверил во Христа без чуда

Сочту я столь чудесно непонятным,

Что о другом и думать я не буду.

109 Зане ты в поле бедным шел и гладным,

Что ныне только тернием богато,

А прежде было садом виноградным».

112 Потом запела вышняя палата:

«Тебя мы песнею прославим, Боже», —

На небесах поэмою стократы.

115 И вопрошавший так меня вельможа

С ветвей на ветви и мало-помалу

Подвел меня к последним листьям тоже.

118 «Тот, милость чья твой разум осеняла,

Твоим устам великий был помощник,

Чтобы выразить им все, как надлежало.

121 Ты добрый был великих тайн сообщник.

Во что ж ты веришь? Мне скажи подробно

И укажи мне веры той источник». —

124 «Святой отец! Ты, ныне зреть способный

Все то, во что ты веровал столь страстно,

Что младший бег отстал в пещере гробной! —

127 Я молвил: — Ты настаиваешь властно,

Чтоб свою веру формулой недлинной
Подробно мог я изложить и ясно.

130 Отвечу я: я верю, Бог единый,
Недвижен сам, любовию своею
Есть всякого движения причина.

133 Я в подтвержденье веры той имею
Тьму доказательств, их же перед нами
Являет истина, дождем их сея

136 В Евангелии, в Псалмах и в том, что вами
Написано, которых осеняло
В писании Святого Духа пламя.

139 Я верую в трех вечных лиц; начало
Столь тройственное их — столь единично,
Что к ним и «есть» и «суть» равно пристало.

142 И тайна Божьей сущности привычно
Из тех писаний усвоялась мною,

Являясь многократно и различно.

145 В них ключ, в них искра, в бытие живое
Взрастающая и в моем понятье
Небесною блестящая звездою».

148 Как примет господин в свои объятья,
Едва дозволив кончить суть рассказа,
Слугу с желанной вестью, — благодатью

151 Своей меня благословив, три раза
Апостольский меня обвил так свет
За речь, что я вел по его приказу;

154 Так по душе ему был мой ответ.

Песнь XXV

Св. Иаков экзаменует о надежде. — Появление св. Гоанна и ослепление Данта.

1 Когда угасит эта песнь святая
С печатью от неба и земли,
Меня столь многи годы изнуряя,

4 Вражду, меня держащую вдали
Овчарни, в коей агнцем я ютился,
Враг тем волкам, что буйствуют внутри,

7 Хоть волос мой и голос изменился,
На родину я возвращусь поэтом —
Прият венец у вод, где я крестился;

10 Зане вкусил я веры в месте этом,
В которой духа с Богом сочетанье, —
За что чело мне Петр украсил светом.

13 Тут подошло второе к нам сиянье,
Для нас с наместником Христова трона

Покинувши святых огней собранье.

16 «Узри, — ликуя молвила Мадонна,
Того, кого взыскуют пилигримы
В Галисии, светлейшего барона!»

19 Как голубки, огнем любви палимы,
Счастливый свой хваля движеньем жребий,
Кружатся быстро около и мимо, —

22 Птенцов величия и славы в небе
Я видел, честь друг другу воздававших,
Хваливших об их питавшем хлебе.

25 Приветствия взаимные сказавши,
На месте всякий стал, свой свет великий
В лице умножив, взоры ослеплявший.

28 «О, свет святой, — с улыбкою на лике
Сказать моей угодно было Даме, —
Явивший радость нашей базилики!

31 Молвь о надежде теми же словами
Как ты о ней был молвить удостоен,

Когда преобразился Бог пред вами». —

34 «Подъемли взор, мой брат, и будь спокоен;

Зане посев, что сделан в смертном крае,

Быть должен здесь окончен и устроен». —

37 Так ясность мне промолвила вторая,

И к светлым поднял я свой взор громадам,

Что мне его давили, пригибая.

40 «Когда наш Кесарь хочет персти чадам

В палате сокровенной настоящей

Дать честь — с своими графами стать рядом —

43 Всю правду знай про этот двор блестящий,

Чтобы зерно надежды насадило

В тебе и прочих мощь любви крепящей.

46 Скажи, что есть надежда? Что

за сила

Ее расцвет соустрояет здешний?» —

Так ясность мне вторая говорила.

49 Блаженная жена, полет мой грешный

Вознесшая на горные вершины,

Предупредила мой ответь поспешно:

52 «В воинствующей церкви всей нет сына,

Который был бы столь к надежде годен,

Как кажет мне все зрящий Свет единый.

55 За то ему дозволит суд Господень,

Египет кинув, быть в Ерусалиме,

Хоть от борьбы еще он не свободен.

58 Но с пунктами он справится с другими

Пусть сам, чтобы чрез то могла явиться

Та добродетель тем неоценимей.

61 Твоим вопросом он не затруднит-

ся.

Ответ ему послужит не в бахвальство,

Но в помощь — благодатью укрепиться».

64 Как школьник, изучив предмет с изма́льства,

Готовится сказать в довольстве пущем,

Чтоб знатоком себя явить начальству.

67 «Надежда есть — уверенность в грядущем,

Что благодатью Божией дается

Благодаря заслугам предыдущим,

70 От многих звезд мне этот свет лиется,

Но больше всех мне знанья проливает,

Кто Божией хвалы певец зовется,

73 В Феодии своей он возглашает:

«Надейся всякий, ведающий имя

Ея — из верных кто ж его не знает?»

76 И ты меня ученьями своими
В послании так наводнил до края,
Что дождь его я лью и над другими».

79 Пока я это говорил — сверкая,
Дрожало пламя яркое святое
Так быстро, словно молнья огневая,

82 Добавивши еще: «Любовь, какою
Я к добродетели пылаю этой,
Меня сопровождавшей в жизни бое, —

85 От уст твоих иного ждет ответа,
Да объяснишь сполна и ясно мне в нем
Даруемые ей тебе обеты».

88 «В Писаньи новом, — молвил я, — и древнем
Душ, с Богом дружных, цель во всей прями́зне
Пред взором мне является душевным;

91 Исайя молвил: «На своей отчизне
Свою одежду примем мы двукраты» —
И та отчизна будет счастье жизни.

94 Ясней у твоего святого брата

В писаньи, обещающем нам точно
Риз белых облачение в отплату». —

97 Так я сказал, и клик поднялся мощный.
«Sperent in te!» — мне в подтвержденье, всяк
В гирлянде этой возгласил цветочной.

100 И заблистал единый пламень так,
Что целый месяц мог зимою мрачной
Нам день сиять, блести так в небе Рак.

103 Как девушка, в веселости горячной
Сзывая в пляску, подбежит к подругам,
Чтоб честь воздать той пляской новобрачной,

106 Тот пламень, к первым двум, что друг за другом,
Как свойственно любви, в святом их хоре
Пылающей, кружились вечным кругом,

109 Приблизился, их песни песней вто-

ря.

Мадонна ж, как супруга, неустанно

Следя их с неподвижностью во взоре

112 «Вот тот, кто на груди у Пеликана

Когда-то возлежал, от выси крестной

Исполнить сына важный долг призванный!» —

115 Сказавши мне, за ясностью небесной,

Что ее взоры так влечет и манит,

По-прежнему следила повсеместно.

118 И будто тот, кого мечта обманет,

Что солнечное видит он затменье —

Глядя на солнце видеть перестанет,

121 Так я ослеп, вперяя в пламень зренье.

«Нет места здесь твоих исканий цели, —

Мне он сказал: — К чему ж такое рвенье?

124 Земля земле в моем отда́на теле,
Доколь не будем полны мы в том счете,
Как вечные намеренья велели.

127 Два существа лишь здесь в одежде плоти,
Что и скажи ты на земле, пожалуй,
О том, что ищешь ты в такой заботе». —

130 Тогда гирлянда огненная стала
На сложный звук мелодии похвальной,
Что гласов троичность образовала;

133 Точь-в-точь, назло усталости печальной
Чете двух весел, песней ободренной,
Свисток вдруг «стой» промолвит моментально.

136 Ах! как я опечалился смущенно,
Когда я к Беатриче обратился
И не увидел вдруг моей Мадонны,

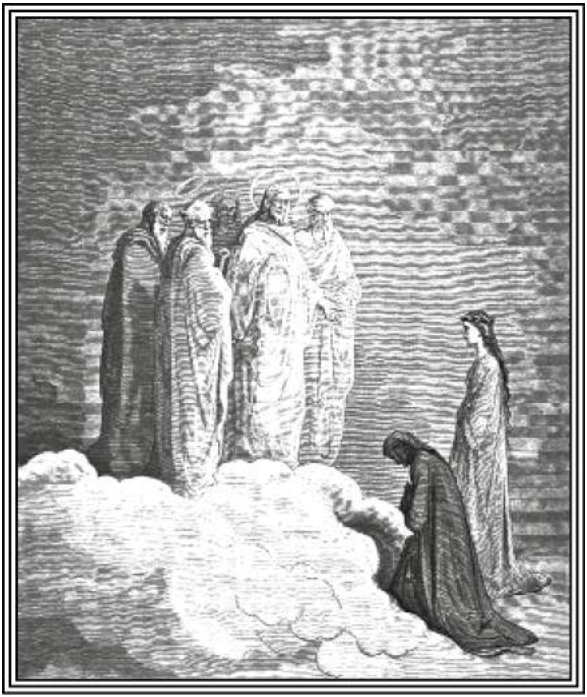
139 Хоть близ нее в Раю я находился.

Песнь XXVI

Св. Иоанн экзаменует Данта о любви. — Адам. — Первобытный язык.

Ослепнув, я смутился горько духом,
Но из огня, что вспыхнул метеором,
Вдруг голос над моим провеял ухом;

И он сказал мне: «В ожиданье скором
Минуты той, как зренье возвратится,
Вознаградись за время разговором;



И он сказал мне: В ожиданье скором
Минуты той, как зренье возвратится,
Вознаградись за время разговором

7 Скажи, к чему твоя душа стремится,

И крепко верь, — твои земные взгляды
Ослеплены, но не должны закрыться.

10 Зане Жена, тебя в сей край отрады
Ведущая, могуществом Ананьи
Наделена от Божиего Чада». —

13 «Потом иль ныне — пусть ее желанье
Излечит мне глаза, что были входы,
Куда вошли ее очарованья!

16 Во Благе том, Каким сыт без исхода
Весь этот мир, — основа и вершина
Всего, что мне внушит любви природа!» —

19 Так голос, что прогнал мою кручину,
Меня подвиг на речь, когда открыта
Была мне ослепления причина.

22 «В мельчайшее теперь просейся сито! —
На это он ответил. — К цели этой

Чем твой направлен лук? теперь скажи ты».

25 А я: «То философии заветы,
В которых мне любви значенье наго,
И с неба сшедшие авторитеты.

28 Зане Бог — благо высшее; а благо,
Поскольку благом в нас оно сочтется,
Любовь воспламеняет шаг от шагу.

31 А что людьми за благо признается
Вне этой сущности святой, — не боле,
Как луч, что от ее сиянья льется.

34 К ней должен быть направлен ум и воля
Всех зрящих, что тем доводам опора —
Свет истины, сияющий оттоле.

37 Такое мненье книгой, по которой
Любовь есть первенец субстанций вечный,
Впервые моему открыто взору.

40 Так и Создатель разумел, конечно,
Как к Моисею рек: «до грани крайной

Я в благости откроюсь бесконечной». —

43 Так молвил ты, кто с силой чрезвычайной
Благую весть открыл, столь громогласно
Явившую пред нами неба тайны». —

46 «Как разум вам земной велит, согласный
С авторитетом более верховным, —
Пылай к Творцу любовью самой страстной!

49 Другие ж струны не влекут ли ровно
Тебя? и сколькими зубами раны
Тебе еще дает укус любовный?»

52 Орла Христова не укрылись планы
От взора моего; я догадался,
В какие речь мою ведет он страны.

55 «Укусы все, какими направлялся
Мой дух, — я молвил, — к цели вожделенной,

В уме своем я совместить пытался:

58 И жизнь моя и бытие вселенной,
И Бога смерть, чтоб людям возродиться, —
Во что я верю верой неизменной, —

61 И знанье, о чем ране говорится, —
Покинуть все меня влекло шиповник
И к розе благородной обратиться.

64 Все листья, коими благой Садовник
Свой красит сад, мне дороги и милы,
Поскольку отражен в них их Виновник!»

67 И «Свят, свят, свят!» — тогда запели Силы
Небесные; и голос их был звонок.
Мадонна ж вслед за ними говорила.

70 И как, когда разбудит свет, спросонок
Та яркость, что тревожит больно зренье,
На перепонку сходит с перепонок;

73 И, устрашен в внезапном пробужденье,

Дотоле глаз неведеньем подавлен,

Пока на помощь не придет сужденье, —

76 Точь-в-точь был я от всякой мглы избавлен

Мне милых глаз лучами золотыми,

Чей блеск сквозь дали тысяч миль направлен.

79 Глазами видеть став ясней моими,

Спросил я, кто четвертый был свидетель,

Которого заметил я меж ними.

82 «То первая душа, что Добродетель

Первичная создала, средь лучей

С восторгом зрит Того, Кто ей содетель».

85 Как верх листвы, которую Борей

Склоняет, восклонится тотчас снова

Со всею силою, присущей ей, —

88 Так сделал я, дивясь на это слово,

Смирив желанье, что во мне горело,
Тем, что оно родиться в речь готово.

91 «О яблок, что единый создан зрелый,
О древний праотец, что здесь возвышен,
Кому все жены — дочери! О, сделай

94 Мне милость и да буду я услышан,
Зане ты взором видишь все бесплотным
И пересказ мольбы тебе излишен».

97 Как иногда волнуются в животном
Настолько чувства, что необходимо
Излиться им в движенье безотчетном, —

100 Свое волненье дух являл мне зримо,
Обильно расточая света волны,
Общенья жаждою со мной палимый.

103 И молвил он: «И твой вопрос безмолвный

И жажду знать, которой ты снедаем, —

Как ты земной предмет, — я вижу полно.

106 Все-то в правдивом зеркале мы знаем,

Где следствия все видны и причины,

И где ваш всякий помысл отражаем.

109 Ты хочешь знать, с какой поры старинной

Вселен я был Всевышним в кущи сада,

Куда по лествице взведен ты длинной;

112 И долго ль чаровал мои он взгляды,

Какой был повод вышнего презренья,

Какой язык создать мне было надо.

115 Мой сын! причина долгого томленья —

Не то, что плод мои уста вкусили,

А то, что я нарушил повеленье.

118 И там, отколь подвигнут был Виргилий,

Четыре тысячи триста два года
При мне движенья солнца совершили,

121 А девятьсот и тридцать раз обходы
Свои свершить светило дня успело,
Пока средь своего витал я рода.

124 Задолго мой язык погас всецело,
Как люди по Немвродову глаголу
Взялись за неоконченное дело, —

127 Как все, что от людского произвола
Рождается, — все бренно, переходно;
Зане влиянье сфер всем правит долу.

130 Способность в людях к речи — дар природный
Но те или другие речи звуки
Меняют люди так, как им угодно.

133 Пока я не спустился к адской муке
«El» звался тот Верховный на земли,
Чьи к бытию меня воздвигли руки.

136 Потом его уж стали звать «Eli».

Так быть должно! людей обыкновенья,

Как цвет полей, цвели и отцвели!

139 На высшем из земных всех возвышений

Жил с часа первого я до такого,

Что следует вторым с того мгновенья,

142 Когда в квадрант вступает солнце новый».

Песнь XXVII

Филиппика ап. Петра против пап.

1 «Хвала Отцу, и Сыну, и Святому,
Божественному Духу!» — гимн раздался
Столь сладкий, что я весь пришел в истому.

4 Казалось мне, вкруг мир весь улыбался;
Святым восторгом перед ним объятый,
И зреньем я и слухом опьянялся.

«Хвала Отцу, и Сыну, и Святому,
Божественному Духу!» — гимн раздался

7 О, радость! О, блаженство без заката!

О, жизнь в любви, отраде и покое!

О, мир, отсутствием алчбы богатый!

10 Четыре светоча в прекрасном строе

Сияли дружно рядом; но светился

Всех ярче тот, кто прежде был со мною.

13 Едва ли бы Юпитер с ним сравнился,

Когда бы с Марсом, превратившись в птицы,

Он перьями потом переменился.

16 И Провиденье, что своей десницей

Предел кладет и срокам и занятью,

Молчанье их послало веренице.

19 «Дивишься ль ты, — был должен услыхать я, —

Что от стыда я цветом изменен?

Но изменилися со мной все братья.

22 Поруган на земле мой трон, мой трон,

Мой светлый трон — зане пустеет

праздно
Перед очами Божья Сына он;

25 И гроб мой сделался клоакой грязной
Убийств и скверны; те, кто с неба пали,
Над оргией глумятся безобразной!»

28 И видел я: все небеса блистали
Смущенья краскою, такою ж точно,
Какой заря окрашивает дали.

31 Как та, чья добродетель безупречна,
Краснеет от стыда, когда известно
Ей о падении другой — порочной, —

34 Так Беатриче стра́дала; небесный
Весь край затмился в тьмы густой покрове,
Какой пал в миг Господней муки крестной.

37 А Петр речь продолжал, столь грозный в слове
И голосом столь измененным дрожью,

Что не был самый вид его суровей:

«Не для того супругу Сына Божья
Я, Лин и Клит, мы кровию питали,
Чтобы срамить ее алчбой и ложью;

И не затем любовно проливали
Сикст, или Пий, или Каликст с Урбаном
И кровь, и слезы скорби и печали,

Чтобы питомцам нашим, христианам —
Бесстыдством там воссевших вслед за нами
Направо и налево быть раздранным;

Иль чтобы мне врученными ключами
Приосенивши их мечи, на брата,
На христиан вражды воздвигнуть знамя;

Иль чтобы стал я оттиском печати,
Скрывающей претензий лживых груду,
Так что мне стыдно дара благодати!

55 Под пастырской одеждой волки всюду

Скрываются и истребляют стадо.

О, Божий суд! Доколе ждать я буду?

58 Кровь нашу пьет Кагор, Гаскони чадо.

Прекрасное начало! Для чего же

Тебе прийти к концу плохому надо?

61 Но славе мира прежде Промысл Божий,

Пославший Сципиона для защиты,

И ныне Риму, знай, поможет то же.

64 А ты, мой сын, коль скоро вновь к земли ты

Воротишься, то возвести угрозу,

Не скрой того, что мной тебе не скрыто».

67 Как хлопья пара в воздухе с морозу

В снег превратятся в месяце, в котором

Небесную обнимет солнце Ко́зу, —

70 Такое ж превращенье было с хором

Сих испарений, полных ликованья,
Что с нами обменялись разговором.

73 И я следил за формой их сиянья
До самой середины непрерывно,
Где двигаться мешало расстоянье.

76 И голос Водчей слышал я призывный:
«Взгляни, взгляни, склонивши взоры ниже,
Какой мы поворот свершили дивный!»

79 Я опускаю очи вмиг и вижу,
Что всю дугу мы протекли обратно,
Что первый климат делает, — не ближе!

82 Я вижу путь Улиса святотатный
И брег, где перед прочей ношей всякой
Европа стала самою приятной.

85 Немного больше б я узрел однако,
Но под моими солнце шло ногами
Уж одного немного далей знака.

88 Влюбленный ум моей прекрасной

Даме
Вослед летел; в алчбе душа горела —
Ее красой упиться вновь очами.

91 Когда природы иль искусства дело,
В живом лице или в изображенье,
Глазами душу изловить умело, —

94 То это все еще ничто в сравненье
С сиянием ее улыбки милой,
Божественной отрады отраженья!

97 Улыбкой той дарованная сила,
С гнезда подъемля Леды, верховодно
Меня к быстрейшей сфере устремила,

100 Которой так все части однородны,
Что я сказать теперь не в состоянье,
Куда меня ей было взнесть угодно.

103 Она ж, мое увидевши желанье,
Рекла с такой улыбкой, что Всевышний
Как бы сиял в ее ликовствованьи:

106 «Движения природа неподвижно
В средине здесь источник свой имеет,

Отсюда изливаясь сфере ближней.

109 Ни в чем другом то солнце пламенеет,

Как в разуме божественном, откуда

Любовь с движеньем, что любовь ту сеет.

112 Любовь и свет вокруг него отовсюду,

Как этот круг вокруг всего — Единым

Объят Творцом, Его созданья чудо.

115 Движенье то посредственным причинам

Не подчиняется, но правит всеми,

Как целое начальник половинам.

118 И можешь ты теперь понять, как время

Свои пустило в этом небе корни,

Меж сферами листву имея теми.

121 Что ж может быть презренней и позорней

Алчбы той гнусной, жадности той гадкой,

Влекущей вас к своей пучине черной?

124 Так воля расцветает в смертных кратко,

Но превращают скоро в вашем свете

Дожди в терновник, — плод сначала сладкий!

127 Невинность с верою хранят лишь дети:

Чуть появился пух лишь у подбрадий,[115] —

Уж добродетели исчезли эти!

130 Тот чуть лепечет — и томится в гладе,

Не в силах будучи свою утробу

Насытить всласть, разнузданности ради.

133 Иной младенцем любит мать — и злобу

Такую к ней возросши ощущает,

Что рад ее скорей приблизить к гробу!

---

[115] Примечания: 115
Подбрадие (устар.) — подбородок.

136 Так дочь того, кто свет нам доставляет
Пришедши, уходя же мрак оставит, —
Лик белоснежный черным помрачает.

139 Чему ж дивиться? Кто землею правит?
Затем то и ваш глаз так часто видит,
Что род весь человеческий лукавит.

142 Но из зимы совсем январь не выйдет
Виною небрегомой вами сотой,
Как ход иной на эти круги снидет;

145 Фортуной, жданною с такой охотой
Корма на место носа повернется,
И прямо будет направленье флота,

148 И добрый плод за цветом разовьется!»

Песнь XXVIII

Иерархия небесных духов.

1 Так, истину о тягостной вскрывая
Несчастных смертных жизни настоящей,
Она мой разум возводила к Раю.

4 И словно ране в отраженьи зрящий —
Чем в мысль или в глаза ему явится —
Внезапно факел, в зеркале горящий,

7 Спешит взглянуть назад, чтоб убедиться,
Что видимость с действительностью боле,
Чем с музыкой напев пригодны слиться;

10 Так я от глаз прекрасных тех — отколе
Меня любовь, в союзе с ними, в сети
Поймала и мою связала волю —

13 Взор отвратил, и вот явились мне те

Явленья, что лишь внятны тем, кто сами

Проникнуть были в силах в сферы эти.

16 Я в точке зрел пронзительное пламя —

И перед острием его ослеп

Сожженными его огнем очами.

19 Мельчайшие из звезд небесных все б

Сияли, с ней поставленные рядом,

Крупнее, чем перед звездами Феб.

22 Как вкруг луны блестящая ограда

Появится полуночной порою,

Когда сгустится круг паров и чада, —

25 Вкруг точки круг вращался с быстротой

Такой, что неба быстрое движенье

Наверно бы он перегнать мог вдвое.

28 Другой за ним на том же протяженье,

И третий, и четвертый вслед, и пятый;

За пятым вслед, шестой сиял в кружененье;

31 За ним седьмой, столь далеко разъятый,

Что узкою посланница Юноны

В сравненье с ним казалась бы стократы.

34 Восьмой за этим, боле замедленный

В движенье, и девятый — самый косный,

Всех более от искры удаленный.

37 Всех чище свет в кайме огнеколесной

Той был, чьи удалялись обиходы

От искры ближе всех огненосной.

40 Мадонна ж утолила мне невзгоды

Неведенья: «От точки сей срединной

Зависят небеса и вся природа.

43 Коль медленнее всех круг самый

длинный
И всех быстрей при этом самый краткий, —
Их водчая — любовь тому причиной».

46 Я отвечал: «Когда б в таком порядке
Был зримый мир расположён, я верю,
Мне эти объясненья были б сладки.

49 Но сферу тем верховной в большей мере
Мир чувственный показывает целый,
Чем дальше путь от центра к этой сфере.

52 А потому, коль знанья жажде смелой
Есть утоленье в херувимском храме,
Которому любовь и свет пределы,

55 То я узнать стремлюся тем упрямей,
Что копию с своим оригиналом
Несходной ныне вижу я очами».

58 «Коль силы нет твоим перстам

усталым
Сей узел развязать, тогда не диво,
Что стянут он усилием столь малым, —

61 Она в ответ. — Приемли ж мой нелживый
Рассказ о том; но чтоб остаться сытым,
Полнее напряги твой ум пытливый.

64 Что до миров вещественных — круги там
Кольцом раздались, узким иль широким,
Согласно силам, в тех кругах разлитым;

67 И добродетель большая — истоком
Благ больших служит; благо же большое
В пространстве боле действенно далеком,

70 И больше в круге, правящем собою

Вселенной всей движенье и устройство,
Любви и знания, чем в прочем строе;

73 А если ты в вниманье примешь свойство,
А не пространство, то недоумений
В тебе навеки стихнет беспокойство;

76 И ты увидишь ряд соотношений,
Закону сочетания послушных
Большого с большим, малых — с тем, что меней».

79 Как в эмисфере областей воздушных
Не ту́скнет свет созвездий вышних чистый
От веяний Борея меней душных,

82 Но лишь туман рассеян будет мглистый,
То всею красотой на мир наш дольный
Вдруг улыбнется свод небес лучистый, —

85 Так был и я, ответами довольный
Прекрасной Дамы; правда мне сияла,

Как луч звезды в лазури неба вольной;

88 И лишь ее беседа перестала, —

Вмиг, словно сталь, растопленная в горне,

Система вся кругов блестящей стала.

91 Рождали искры искры, к выси горней

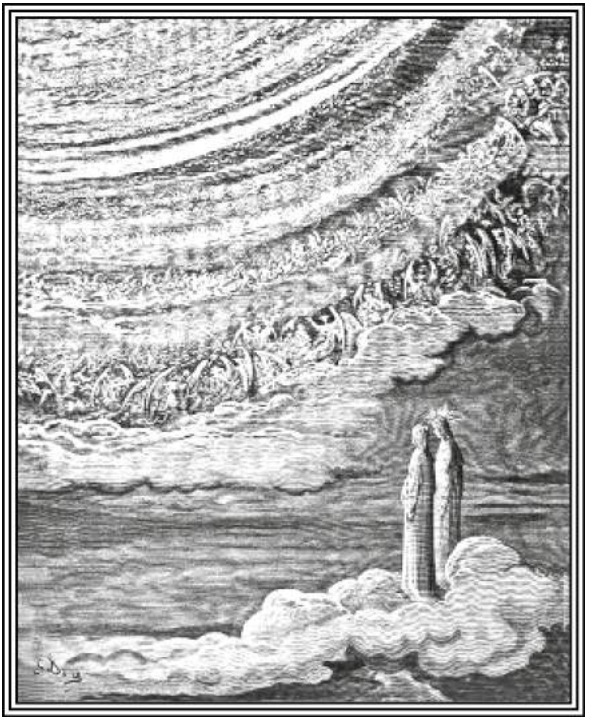
Взносясь в таком числе, что шахмат сам

Изобретатель не считал проворней.

94 Неслось от хора к хору перекатно

«Осанна!» — в самый центр, что, неподвижен

Сам, этот мир весь движет необъятный.



Вмиг, словно сталь, растопленная в горне,
Система вся кругов блестящей стала

97 А зревшая, как разум мой принижен

Незнаньем, мне рекла: «То херувимы

И серафимы, к коим центр приближен.

100 Чтобы с ним сходствовать, неодолимо

Влечет их цепь любви, столь близко дружной

С ступенью, в сходстве ими восходимой.

103 Наполнен сей триады круг наружный

Престолами божественного взгляда,

Собой замкнувши первый ряд окружный.

106 Им в истину полней внедряться надо,

Где мир себе приемлет пониманье,

Чтоб испытать тем большую отраду.

109 Отсель поймешь ты — счастье в познаванье,

А не в любви, которой появленье

Есть следствие лишь в нем преуспеянья.

112 А познаванье есть вознагражде-

нье,
Которым небо подвиг награждает;
Оно ж ведет ступень вслед за ступенью.

115 Другая тройца, что произрастает
Среди весны сей радостной и вечной,
Ее ж ночной Овен не обнажает,

118 «Осанна»! воспевает бесконечно,
Звучащее по трем различьям счастья
На три напева радости сердечной.

121 Здесь три семьи Богов: сначала Власти, —
А во втором кругу Господствий слава,
И Силы пребывают в третьей части.

124 А в предпоследних двух — Начал держава;
Архангелов вослед за ними домы;
В кругу последнем — Ангелов забавы.

127 Их взоры, кверху Господом зовомы,

На дольный мир влияньем облеклися,
Все за собой влача, одним влекомы.

Их различил и видел Дионисий
С такою вещей ясностью во взоре,
Какая нам доступна в этой выси.

С ним ра́знился в порядке их Григорий,
Но над собою сам потом смеялся,
Когда впервые стал он в этом хоре.

Я не хочу, чтоб так ты удивлялся
На их познанья смертными пример:
Ему открыл их, кто сюда вздымался

И знал другие тайны этих сфер».

Песнь XXIX

Поучение Беатриче о сотворении ангелов и падении демонов; ее негодование на земных проповедников.

1 В минуту, как в единый неба пояс
Латоны дети о́бняты любовно,
В нем под Весами иль Овном покоясь,

4 Зенит на вышине их держит ровно;
Потом они теряют равновесье,
Переменившись эмисферой словно.

7 Улыбку Беатриче в наднебесьи
Так точки приковала красота,
Которою был очарован весь я.

10 Потом она отверзла так уста:
«Что хочешь знать, все вижу я неложно
Там, где слились все как, где и когда.

13 Не совершенствуясь, — что невозможно, —

Но чтоб полнее блеск ее убранства
Я существую мог сказать, умножен,

15 Вне времени витая и пространства,
Жизнь девяти любви разрядам разным
Дало любви предвечной постоянство, —

19 Не потому, чтоб прежде было праздным:
Ни встарь, ни после, бывший безустройствен,
Не наблюдал мир в хаосе бессвязном.

22 Материя и образ, что ей свойствен,
Единым актом созданы — хоть стрелы
Тройного рода, как и лук сам тройствен.

25 Как в массе хрусталя иль стекол белой
Между паденьем света интервала
Нет и меж разлагаемостью целой, —

28 Трекформного явления начало,
Вполне и вдруг восстав, в миг самый краткий,
Из творческого лона воссияло;

31 Тогда же установлены в порядке
Те сущности, на мировой вершине,
В ком действенности чистые зачатки.

34 Способность стала ниже; посредине
Матерья с формой слиты неделимо,
И неразрывен этот узел ныне.

37 За многие века, по Ерониму,
Был создан раней мир духов бесплотный,
Чем мир другой, вещественный и зримый.

40 И правду, мной открытую охотно,
В Писании найдешь ты многократно,
Когда ее пощещь ты заботно.

43 Отчасти это разуму понятно:
Не допускает он без совершенства,

Так долго быть семье их благодатной.

46 Узнавши, как возникнул для блаженства.

Сей мир, из моего повествованья,

Твоих желаний гаснут три главенства

49 Скорей, чем двадцать ты сочтешь, — созданья

Часть некая отпала и смутила

Мир, высший в дерзостном своем восстаньи.

52 Другая ж часть вошла с тем большей силой

В движенье, не преставшее и ныне,

Которое тебя так восхитило.

55 Падения же ключ — того гордыня,

Безумная и дерзкая отвага,

Кого всей тягой давит мир в средине.

58 Здесь видишь ты от дерзостного шага

Пребывших верными и признающих,

Что знанье — дар божественного блага.

61 Во взглядах их, столь полно счастье льющих
По благодати и по их заслугам, —
Ты познаешь их всех, как с волей сущих.

64 Но не томись сомнения недугом!
Знай, что любовью нераздельно слиты
Заслуга с благодатию друг с другом.

67 Но свойственны, как учат в вашей школе,
Для ангельской природы благодатной —
И память с восприятием, и воля.

70 Скажу, чтоб стала для тебя понятной
Вся правда, на которой заблужденьем
Наложены столь тягостные пятна.

73 Те сущности, блаженны лицезреньем
Творца, не отвращаются от лика,
Пред коего ничто не скрыто зреньем.

76 Их взгляд не прерван новизною дикой,

В них нет воспоминанья, — нераздельно

Их мысль погружена в сей свет великий.

79 Снам на земле потворствуют бездельно,

Иль веря иль не веря им; конечно,

Коль первое не срам, то ложь всецельно!

82 Единый путь покинув, разум грешный

Блуждать готов, когда вас увлекает

Мысль лишь о том, как сделать облик внешний.

85 На заблуждения людей взирает

Без осужденья Вышний и не строго,

Когда Писанья то не искажает.

88 Чтобы его посеять в мир, так много

И крови было надобно и пота!

Блажен, смиренно следующий Богу!

91 Увы! Казаться мудрыми забота

Вас портит: где в Евангельи ни слова, —

В проповедя́х сплетаются тенёта!

94 Тот молвит: в миг страдания Христова

Луна назад вернулась, пленкой мрака

На светоч солнца наложив покровы.

97 Другой — что свет исчез в то время всякий,

И что испанцы, так же как индусы,

Во тьме в тот миг остались одинако,

100 И стольким Лапи не найтись, клянуся,

Иль Бинди средь нам родственного града,

Как много небывальщин в этом вкусе!

103 И, ветром вздуто, зачастую, стадо

Несытым в хлев воротится надменно;

Но их неведению нет пощады.

106 Не небылицы сеять во вселенной

Христос отправил монастырь свой

малый,

Но дал им тему истины священной.

109 И им она так сильно прозвучала,

Что если их вражда и опорочит,

Она им щит и крепкое забрало!

112 Острит вития, слушатель хохочет;

Как шутовской колпак поднялся клобук,[116] —

И ни о чем заботиться не хочет;

115 Но мой народ, кто с клобуком бок о бок

Гнездо свивает птичкой перелетной,

Он верит отпущеньям, ибо робок!

118 Вот отчего как развелось несчетно

Безумия без веры, без просвета, —

Что обещаниям верит беззаботно.

---

[116] Примечания: 116

Клобук (религ.) — головной убор монахов, включающий три длинных куска ткани, спускающихся по плечам и спине. Символизирует собою терновый венец Иисуса Христа — «одежду смирения» и «шлем спасения», защищающие от «стрел лукавого».

121 Свинья Антония тучней чрез это
И те, кто с ней в сравненье — хуже много
И без чеканки раздают монету.

124 Но после длинных отступлений строго —
Чтоб сократить себе и путь, и время, —
Взор на прямую впредь направь дорогу.

127 Столь численно природы этой семя,
Что, следуя за ними вглубь ли, ввысь ли,
Их не преодолеть путями всеми!

130 Имея речи Даниила в мысли
О тысячах, не понимай их точно,
Но словно не исчисленное числи.

133 Первичный свет во всей природе мощно
Разлит, — не только светит плоти с кровью,
Но в многом он блистает животочно;

136 Как созерцанье об руку с любовью, —
Ея огонь то много, а то мало
Является в них, глядя по условью.

139 Пойми ж величье Вечного Начала,
Светящего сим бытия вершинам
Чрез многие различные зеркала, —

142 Оставшись несмотря на то единым!»

Песнь XXX

Десятое небо — Эмпирей. — Река света. — Двойной сонм духов. — Небесная роза.

1 Шесть тысяч миль к востоку полдень дальний
Приводит утро к нам; зарей облитый,
Мир клонит тень почти горизонтально;

4 И много звезд, сияющих с зенита,
Уже в безбрежной неба середине
От наших глаз сияньем сокрыто;

7 И с приближеньем светлой дня рабыни
Темнятся небеса от света к свету
До первосвета в глуби ярко-синей;

10 Так праздник, вкруг слепящей точки этой —
Играемый всегда и ежечасно,
И как бы тем, что он одел, одетый —

13 В моих глазах потух; и мглой неяс-

ной
Закрытые глаза мои хотели
В Вожатой обновиться вновь прекрасной.

16 Когда б все, что о ней я рек доселе,
В хвале одной сойтись было готово, —
Все б это было меней чем на деле.

19 Перед красой ее, возросшей снова,
Мое воображение так немо,
Что лишь Творца ее опишет слово.

22 Сознаюсь, местом сим моей поэмы
Я ныне побежден столь безнадежно,
Как то понять не можем на земле мы.

25 Как глаз томит луч солнца белоснежный
И ослабляет взор, — не так едва ли
Ослабла память с той улыбки нежной.

28 С мгновенья, как черты ее предстали
Впервые мне, — их воспевать упрямо
Досель мои стихи не уставали.

31 Теперь я пред красой прекрасной Дамы

Художнику подобен, что пред гранью

Искусств — в бессилье сознается прямо.

34 Ее я предоставлю воспеванье

Трубе славнейшей и спешу начатый

Тяжелый подвиг свой окончить раней.

37 Она ж рекла, как опытный вожатый;

«В круг, из лучей чистейших состоящий,

С славнейшего из тел вошел сюда ты —

40 В бесплотный свет, любовию кипящий

Любовью к истине, как и отрадой, —

Отрадой, все и всех превосходящей.

43 Тебе предстанут здесь блаженства чада,

В том самом — древнем, и в новейшем строе,

Как на последний суд предстать им

надо».

46 Как молнья, вдруг лучом окрестность кроя,
Способность она видеть отнимает.
И станет глаз наш слеп и на большое, —

49 Так этот свет, который ослепляет
Земные очи, яркий без покрова,
Скрыл от меня все то, что окружает.

52 «Любовь, от коей мир рожден наш, новым,
Пришельцам всем такие шлет приветы,
Чтоб сделать воск к горению готовым». —

55 И лишь меня достигло слово это.
Как я сознал, — как бы превознесенный
Над собственною силою, согретый

58 Святым восторгом жизни обновленной, —
Что в небе не найдется свет столь чи-

стый,

Какой не снес бы глаз мой напряженный!

61 Я свет узрел, как гладь реки лучистой

Меж берегов, украшенных богато

Каймой растений чудных пестролистой.

64 Живые искры сыпала река та,

Что искрились в цветах каймы прибрежной,

Точь-в-точь рубин с оправою из злата.

67 Средь ароматов сих в истоме нежной,

Их вновь себя впитая, вновь их бросит

На луг цветной — поток сей быстробежный.

70 «Та жажда, что себе ответа просит

О том, что зренью твоему предстало,

Тебя подъемлет, мне ж восторг приносит.

73 Но надо, чтоб испил ты струй сих мало,
И эта жажда утолится сразу; —
Так солнце глаз моих на то сказало. —

76 Река и льющиеся из нее топазы,
Улыбки трав и аромат сей чудный —
Преддверье правды, скрытой все ж для глазу;

79 Не потому, чтобы понять то трудно,
Но сам твой разум, не довольно чуткий,
Их не постигнет, спящий непробудно».

82 Не так к сосцам питающим малютку
Поспешно побуждают торопиться
В час корма настояния желудка, —

85 Как я свои преобразить зеницы
Спешил в столь совершенные зерцала,
Склонясь к струя́м, чтоб силой в них упиться.

88 И — чуть был кончик век омочен

мало,

Река, что мне сперва являлась длинной,

Отныне круглой предо мной предстала.

91 Точь-в-точь как люди, скрытые личиной,

Преобразятся, внешности заемной

Лишившись, вида нового причины, —

94 И искры, и цветы, и запах томный

Удвоились, и без покровов оку

Предстал полк Божий двойственный огромный.

97 О, свет святой, явивший мне высокий

Триумф господства истинный, уменье

Дай мне сказать о том внизу глубоко!

100 Там выше свет сияет для творенья,

В котором Божество для твари зримо;

Там все живится в Божьем лицезренье!

103 И свет тот стлался в круг неизмеримый,

Широким мне казавшийся излишне,
К движений солнца кругу применимый;

106 И все, что в мире видимо иль слышно,
Есть отблеск, коим Двигатель Первичный
Блистает от начальной силы вышней.

109 Как холм, каймой растений пестроличной
Обрамленный, склонясь над гладью водной,
Любуется на свой убор отличный,

112 Кругом — кругом реки той огнеходной,
В ней отразясь стократно, длинной снизкой
Являлся сонм избра́нных благородный.

115 Коль это небо в части самой низкой
Так пышно, ослепительно сияло,
Что ж в области, всех боле к Богу близкой?

118 Ни ширь ни даль от ока не скрывала

Сей прелести: оно, блуждая мимо,

Количественно праздник усвояло.

121 И в отдаленьи там равно все зримо!

Где Божий без посредства отпечаток,

Законы естества неприменимы.

124 В глубь Розы, что листками расцвела так,

Гимн порождая ими благовонный

В честь Солнца, в коем их весны начаток, —

127 Меня войти подвигнула Мадонна —

Молчальница, кому вещать бы надо!

«Вот сонм, в одеждах белых облеченный!

130 Любуйся широтой святого града

Взгляни, как ряд в нем переполнен всякий,

И вам в нем мест немного, персти ча-

да?

133 В седалище, где царственные знаки,
Теперь тебе приют достойный явлен,
Где сядет — до тебя — на этом браке

136 Великий Генрих, на земле прославлен
Тем, что на край направит он удары,
Что так озлоблен весь и излукавлен;

139 Но жадности слепой творят вас чары
Подобными ребенку, что с укором
Кормилицу прочь гонит с злобой ярой.

142 Префект воссядет на Господень форум,
Что запятнает сам себя заране
И тайным и открытым с ним раздором.

145 Не долго Бог его в священном сане
Почтит — и в бездну кинет, где прияли
Волхв Симон с братьей горечь воздаяний, —

Песнь XXXI

Удаление Беатриче. — Св. Бернард.

1 И вот как ныне предо мной являлся —
Как белоснежной розы цвет блестящий —
Полк, с коим Агнец кровью сочетался;

4 А полк других, летающий и зрящий
И гимн любви поющий, в них зажженном,
И благости, такими их творящей, —

И вот как ныне предо мной являлся —
Как белоснежной розы цвет блестящий —
Полк, с коим Агнец кровью сочетался

7 Точь-в-точь рой пчел, в цветах распределенный,

Иль возвратящийся к родному крову,
Чтоб плод трудов оставить благовонный, —

10 То опускался в глубь цветка большого,
То к точке — цели их любови страстной —
С листков цветочных возвращался снова.

13 Их лик казался мне как пламень красный
Их крыльев цвет — цвет золота прелестны!
А с остальным равнялся б снег напрасный

16 И сеял их полет черезлепестный
В движеньи, чрез их крыльев опахала,
Приемлемый от Бога мир небесный.

19 Хоть меж цветком и Богом пролетала
Пернатая семья их, но для взгляда
Ни широте ни блеску не мешала,

22 Зане сей блеск, поскольку это надо
Во освещенье мира, так поставлен,
Что всюду нипочем ему преграды.

25 И в сонме сем блаженном, что составлен
Из древней и из новой половины,
Взгляд, как любовь, в едино был направлен.

28 О свет троякий, что звездой единой
Чарует взор и дух покоит властно,
Проглянь на наши бури и кручины!

31 Как варвар с берегов, что равночасно
Геликой покрываются, за чадом
Бегущею всегда с любовью страстной,

34 Дивится Риму и его громадам, —
И Латерану, что из рода в роды
Над всем земных прославлен, — то как надо

37 От персти мне дивиться переходу

К божественному, к вечности от срока,

От Флорентийцев к правому народу!

40 Как поражен я должен быть глубоко!

Безмолвны стали в этом удивленьи

И слух мой и мои уста и око!

43 И как паломник входит в восхищеньи

В храм, где исполнились его обеты,

О нем рассказов чуя предвкушенье, —

46 Так я, живое пламя видя это,

Вверх, вниз и вкруг пронизывал глазами,

Читая в лицах милости советы,

49 Блаженными пронизанных лучами,

С улыбкой, жизни свойственной загробной,

И полных всеми добрыми делами!

52 План общий Рая охватить способный,

Ни на какой его отдельной части

Остановиться я не мог подробно, —

54 И повернулся к Даме, в новой страсти
Познания, чтоб разрешить сомненья,
Меня державшие в обычной власти.

58 Так ждал я, но иначе исполненье!
Не Беатриче, — старца пред собою
В одежде света зрел я в то мгновенье.

61 Благоволенье зрелось в нем такое,
И столько в взгляде было ликованья,
Что как отец он нежен был со мною

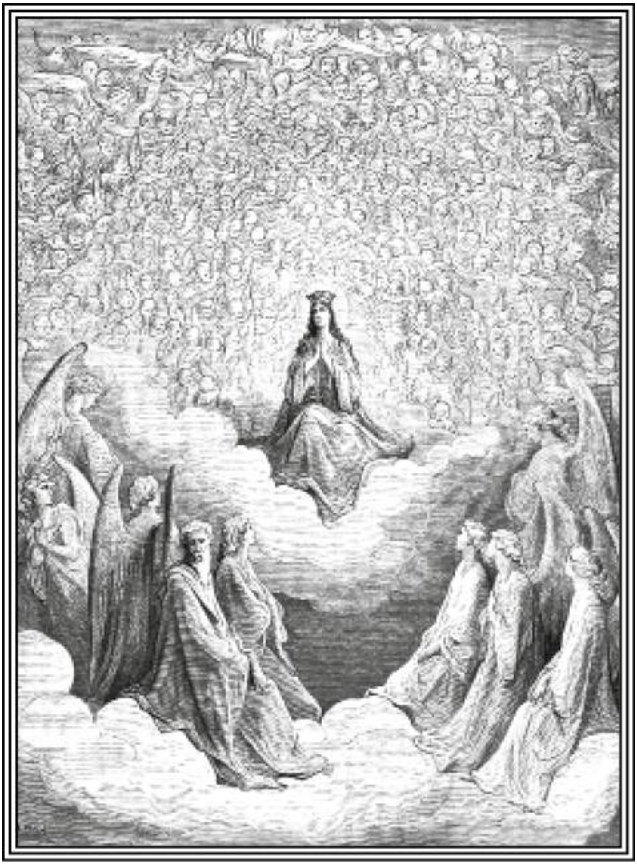
64 «А где ж она?» — извлек я восклицанье.
«Я послан Беатриче, — он ответил, —
Чтобы исполнить все твои желанья.

67 Круг третий в ряде, что всех боле светел,
Ее делам приличный, в этом крае
Ее теперь вместил». — Я не ответил,

70 Воззрясь туда, где виделась святая,
Из отражений вечного светила

Себе венок сияющий свивая.

73 От недр небес, где грома дремлет сила,
Едва ль столь протяженно отдаленье
До недр морей неуследимых было,



...Я не ответил,

Воззрясь туда, где виделась святая

76 Как Беатриче до меня; но зренье
Преграду дали перешло, на вежде
Ее изобразивши отраженье.

79 «Жена святая, жизнь моей надежде!
Ты удостоила, меня спасая,
В аду свои следы оставить прежде.

82 Твоя благожелательность святая
Меня в моем руководила ходе
До этого блаженнейшего края.

85 От рабства ты ведешь меня к свободе
Путей всех совокупностию целой,
Какия есть в моей земной природе.

88 Храни любовь, которую имела
Досель ко мне, до страшного мгновенья,
Когда душа отделится от тела!» —

91 Так я молил; на это в отдаленьи
Ее улыбки светоч был мне явлен, —

И в Бога вновь ее вперилось зренье.

94 «Дабы полнее был твой путь прославлен
Его концом, — мне молвил старец, — надо
Чтоб ты мольбой с любовью был направлен.

97 По этому взлетая взором саду,
Горе ты устремляй его усердно,
Да вечный свет возмогут вынесть взгляды,

100 И Дева, к коей я нелицемерной
Любовию горю, тебя богато
Ущедрит; я ж — ее, Бернард я верный».

103 Как путники далекие — Кроаты
Умильно смотрят нашу Веронику,
Благоговением немым объяты,

106 И восклицанье не сойдет с язы́ка:
«О Иисусе, милосердный Боже,
Вот Твоего изображенье лика!» —

109 Таков и я, немой, пред тем был

тоже,

Кто на земле был горним равносущен,

С духами в неземном экстазе схожий.

112 «Сын благодати! — молвил он. — Допущен

Не будешь в Рай ты, будь тебе известно, —

Коль не престанет взгляд твой быть опущен.

115 Но в даль смотри и в высший круг небесный,

Пока не у́зришь ты престол Царицы,

Которой предан весь сей сонм прелестный».

118 Я поднял взор — и будто свет денницы

Вечерней превосходит свет Авроры, —

Пока я тщился взором возноситься,

121 Подъемлясь будто из долины в гору, —

Узрел одно я место небосклона,

Слепившее всех прочих ярче взоры.

124 Как там, где ожидают Фаэтона
Сведенную оплошностью упрямой,
Повозку, — небо ярче освещёно,

127 А далее — темней; так орифламма
Спокойная, пред коей все тускнело,
Виднелася мне посредине прямо.

130 Сонм ангелов ширококрылых белый,
Различных блеском, внешностью и славой,
К средине той стремился стаей целой.

133 Улыбкою их песни и забавы
Встречала Красота, восторгов пламя
От всех святых собрав к себе по праву.

136 Будь мыслью я богаче, чем словами,
Я не осмелился бы, упоенный,
Восторг изобразить, что рос пред нами.

139 Бернард, меня увидев углубленным

В предмет своей любви, что было мочи
В него вперился взором напряженным,
Чем и мои воспламенил он очи.

Песнь XXXII

Внутренность Небесной Розы.

1 И созерцатель, в счастье утопая,
Учителя долг принял добровольно,
Святой беседой все мне объясняя.

4 «Умащенный Марией сердобольно, —
Красавицей, у ног Ее сидящей,
Впервые мир был окровавлен больно.

7 Круг третий, из седалищ состоящий,
Как видишь сам, вместил с Рахилью старой
Ту, кем ты в край ведом был настоящий.

10 Ревекка с ними, и Юдис, и Сара
С прабабкой, чей потомок и пророк
«Помилуй!» пел, испуган правой карой.

13 Чтоб ты подряд их всех увидеть мог,

Я называть их буду постепенно,
От лепестка сходя на лепесток.

16 С седьмого ряда донизу в блаженный
Хор, как и сверху до седьмого ряда,
Еврейские повсюду слиты жены.

19 Затем, что следуя на Агнца взгляду,
Которому нас учит Божье слово
Они — священных ступеней ограда.

22 Где лепестков развитие готово, —
Помещены те, кто спаслися, веря
В грядущее пришествие Христово.

25 Где ж лепестки еще не в полной мере
Развиты, тем Христа страданье, явно
Открывшееся, в Рай открыло двери;

28 И как отсель престолом Девы славной
И прочими приютами раздрано
Пространство на отделы столь нерав-

но, —

31 То против — место почести, воз-
данной
Пустыню, смерть страдальца, муки ада
Два года вынесшему Иоанну.

34 А ниже вслед твои увидят взгляды
Франциска, Бенедикта, Августина
И прочих, до сих мест сходя по ряду.

37 Дивись теперь божественной при-
чине,
Открывшей, дополняя их друг другом,
Рай той и этой веры половине;

40 Знай: в стороне, с черты за этим
кругом,
С плодо́м, разрезанным на двое сход-
ной,
Нет никого по собственным заслугам;

43 Но по чужим, — скорее земнород-
ной
Их плоти вынужденные лишиться,
Чем выбор совершить могли свобод-

ный.

46 Вниманье на младенческие лица
Вперив и звук младенческого слова,
Ты мог бы тотчас в этом убедиться.

49 Вот ты теперь сказать боишься снова.
Но будь свободен! Я разрушу вмале
Лукавого сомнения оковы.

52 Средь этих царств обширности и дали
Случайное настолько ж необычно,
Как голод или жажда иль печали.

55 Здесь властвует во всем закон первичный,
Проникнув всюду полно и глубоко;
Как перстень пальцу, месту все прилично.

58 Дух, жизни истинной вкусив до срока,
Вселен бывает здесь, различно стоя,
Иль более иль менее высоко.

61 Царь это царство держит столь в покое
И так его своей любовью холит,
Как не дойдет желанье никакое;

64 Создав для радости духов, изволит
Он разно наделять их благодатью, —
И пусть тебя тот вывод удоволит.

67 Писанье вам об этом даст понятье,
Открывши, как средь матерней утробы
Уже от гнева трепетали братья.

70 И Провиденье мзду воздать могло бы
Хотя б за цвет волос, узнав заране
В них признак добродетели иль злобы.

73 Так удостоен здесь различной дани
Возмездия, той иль другой ступенью,
Зародыш не свершившихся деяний.

76 Сперва довольно было для спасенья
Немногого, и награждалось — сыном

Отцовской веры доброе храненье.

79 Настал конец тем временам старинным —
Обрезание надобно дитяти
К развитью сил его крылам невинным;

82 А дети, в наше время благодати,
В преддверье Ада вселены, Христова
Крещения не получив печати.

85 Взглянь на лицо теперь, что на Христово
Похожей всех; оно окажет милость
До лицезренья взвесть тебя Христова».

88 И то лицо так радостью дождилось,
Несомой сонмом сих благих созданий,
Все множество которых к Ней стремилось, —

91 Что все, увиденное мною раней,
Восторги не внушало мне такие
И стольких не дало очарований.

94 И та любовь, которая впервые

Рекла: «Ave Maria, gratia plena!» —
Пред Ней раскрыла крылья золотые.

Со всех сторон на эту кантилену[117]
Ей вторили блаженных душ глаголы,
Возвыся лик тем боле просветленный.

«Святой отец, оттоль сошедший долу,
Где серафимским сопричастный хорам,
Поешь ты близ небесного престола!

Скажи, молю, кто ангел тот, в котором
К Царице порывается вся сила,
С такой любовью в Ней вперившись взором?» —

С таким вопросом я прибег под кры́лы
Того, кто Девой просветлен прекрасной,
Точь-в-точь заря от дневного светила.

---

[117] Примечания: 117
Кантилена — широкая, свободно льющаяся напевная мелодия: как вокальная, так и инструментальная.

109 «Мощь с благодатью, ангелам причастной,

Как и душа́м, как то желанно всеми

Из нас, — он рек, — слилися в нем согласно…

112 Зане принес он пальмы ветвь в то время,

Пред Девой с вестью став благословенной,

Как Сын Господень поднял плоти бремя.

115 Приблизься же теперь и постепенно,

По исчисленью, замечай глазами

Патрициев империи священной.

118 Те двое, что сидят вверху над нами,

Что к Августе приближены наградно,

Как бы служа для Розы сей корнями, —

121 То праотец, плода вкусивший жадно,

Род человеческий за прегрешенье

Заставивши томиться безотрадно.

124 Другой из них, в противном направленье, —

То пастырь церкви древней знаменитый,

Приявший ключ сей Розы во владенье.

127 Провидца можешь видеть невдали ты —

Того, кто видел будущую славу

Супруги, крестной мукою добытой.

130 А далее тот муж, под чьей державой

С небес питаем был чудесно манной

Народ неблагодарный и лукавый.

133 Насупротив Петра ты видишь Анну,

Столь сча́стливую мать, что, неподвижно

Уставясь взором в дочь, поет Осанну.

136 Ряд к праотцу семьи великой ближний,

Вмещает ту Лючию, чье старанье

Тебя с дороги отвело облыжной.

139 Высокий сон твой близок к окончанью,

А потому ты, как портной умелый,

Крой по остатку, бережливый с тканью;

142 И в Первую Любовь попытку сделай

Взор устремить, чтоб мог твой вынесть взгляд,

Проникшийся сияньем, свет сей целый.

145 Но, чтобы ты не двинулся назад

И крыльями не двигал бесполезно,

Мня возлетать, — стремлением объят —

148 Той милости прославленную бездну,

Что в силах взнесть, со мною призови

И слейся сердцем всем с молитвой слезной». —

151 И вот молитвы начал он свои.

Песнь XXXIII

Молитва Св. Бернарда к Св. Деве. — Тройственный круг Божества. — Тайна богочеловечности.

1 «О Дева-Мать, дочь Сына Своего!
Смиренная, возвышена Ты боле,
Чем всякое другое существо!

4 Ты цель конечная верховной воли;
Тобою род наш так облагорожен,
Что сам Творец возжаждал нашей доли.

7 В Твоем лишь солнце был возврат возможен
Тепла любви в цветке, что здесь над твердью
Теперь возрос, велик и непреложен.

10 Ты — яркий полдень солнца милосердья
Для нас, и ты — надежды ключ богатый
Для тех, кто долу уязвляем смертью.

13 Так женски велика и так сильна Ты,

Что коли ждущий милости минует

Тебя — лететь он хочет, некрылатый.

16 До просьбы Твоя благость все дарует

Просящему, предупредив с охотой

Желанье то, что дух ему волнует.

19 В Тебе — все милосердье, все щедроты,

Все жалость; что прекрасно и высоко

В создании, в Себе вместила все Ты.

22 Сей муж из бездны больше всех глубокой

В сии круги поднялся с перстью дольной,

Их счастьем порознь упоивши око.

25 И ныне молит — силы дать довольно

Да — милостью Твоей — он хоть однажды

До радости взлетит первопрестоль-

ной.

28 Я для себя, ее не жарче жажду,
Молясь Тебе о цели той желанной,
Таящейся во мне, молитвой каждой.

31 Рассей же в нем все смертности туманы,
Дабы, очищен, мог он насладиться
Верховнейшим блаженством невозбранно.

34 Еще молю, всемощная Царица:
Ему дай после этого виденья
В привязанностях чистым сохраниться.

37 Восторжествуй над плотию в бореньи!
Пусть сонм святой сольется весь — о том
Со мной и Беатриче в сем моленьи!» —

40 Взор, чтимый и любимый Божеством,
К оратору склонясь, знаменованье
Нам дал, что он мольбою той влеком,

43 И вновь вознесся к вечному сиянью,
В которое немыслимо, взирая,
Проникнуть глазу смертного созданья.

46 Я чувствовал, что я, который к краю
И грани всех желаний приближался,
Уж все в себе стремленья угашаю.

49 Бернард мой взор направить вверх пытался,
Сияя мне улыбкою счастливой,
Но я и сам туда же направлялся.

52 И глаз мой очищал себя ревниво
Все более и боле, проникая
В верховный свет, в самом себе правдивый.

55 Представшие с тех пор красоты Рая
Я передать несмыслен как ребенок,
Избытком их всю память подавляя.

58 Как в сновиденье, видевшем спросонок,

То сновиденье в памяти хранится,

Хоть образ сна воздушен в нем и тонок, —

Таков я есть, и хоть мой сон не длится,

Я чувствую, как нежности безбрежной

Рожденный им исток во мне сочится.

На солнце так сугроб растает снежный!

Развеян так взметнувшим ураганом

Листок Сивиллиных пророчеств нежный!

Свет вышний, блещущий издалека нам,

Ты, возвышающийся столь над сущим!

О, просвети лучом своим багряным.

Язык мой, чтобы стал и он могущим,

Хоть искру твоей славы им поведай

На диво поколениям грядущим!

Зане, пройдя сквозь память не без следу

И песнию хоть частию венчанна,
Понятней для людей твоя победа!

76 Но принимая во вниманье рану
От этого луча, что животворен,
Хоть ослепляющ, — я решил, что стану

79 До тех пор в созерцании упорен,
Пока мой взор не будет столь усилен,
Что станет жажде зреть моей покорен.

82 Дар милости мне был столь изобилен,
Что вглубь вонзил я взор свой просветленный
Средь всех ветвей сиянья и извилин.

85 Внутри его воединó сплетенной
Всю разность ясно я узрел, столь тайно,
Страницами разбитую в вселенной, —

88 Все, что существенно и что случайно,
В явленьях их; но как ночник печальный

Пред солнцем — слово тускло чрезвычайно.

91 Пред формою я был универсальной
Слияния всего, — при представленьи
Одном доступный радости начальной,

94 Хотя тот миг уж стерло мне забвенье,
Как для Нептуна двадцать пять столетий,
Протекших с Аргонавтов появленья.

97 И так мой поглощенный разум в сети
Запутан был, чей узел нерасторжен
Ничем, и упивался в новом свете,

100 Столь от него возвышен и восторжен, —
Что никаким другим предметом боле
Не мог быть от того уж он отторжен.

103 Зане в нем полнота всех благ, для воли
Являющихся целью, — жалких, буде

Те блага врозь отдéлятся оттоле.

106 Но речь, какую понимают люди,
Бессильна, как на материнском лоне
Дитя, еще не взятое от груди.

109 Не потому чтоб стал разносторонней
Тот вечный свет, который изначала
От века постоянен, — напряженней,

112 Знать, было зренье, что мало-помалу,
Пред видимостью ставши безусловной,
И крепло и с тем вместе угасало:

115 Но в яркой глуби сущности верховной
Круг тройственный мне был тогда являем
Трех разных красок, но размером ровный.

118 Как радуга, один был отражаем
Другим — и пламенем казался третий,
От этого и от того рождаем.

121 О, как мой голос слаб, чтоб о предмете

Таком вещать! И как мне жаль сердечно,

Что рассказать нельзя явленья эти!

124 О свет, в себе покоящийся вечно,

Сам лишь себе единому понятный,

Любовью отраженный бесконечной!

127 Второй круг, отражаемый обратно,

Как бы рождаемый, — едва сроднился

Я взором с этой глубью необъятной, —

130 Наш образ мне имеющим явился:

Внедрялись образ тот и круг друг в друга, —

И в тайну эту весь я погрузился.

133 Как геометр, напрягши ум с натугой,

Не в силах отыскать в соображеньи

Потребный принцип квадратуре круга,

136 Таков я был при новом сем виденьи, —

И все свое вниманье устремил я,
Чтобы усвоить их соединенье,

139 Хоть слабы были б собственные крылья
Мои, не будь той ясностью безмерной
Мои все успокоены усилья.

142 Но изменяет мне мой гений верный,
И мою волю вдруг переместила —
Как механизм колесный равномерна —

145 Любовь, что движет сферы и светила.

Аллегорический портрет Данте (1550).
Аньоло Бронзино

Аньоло Бронзино (Настоящее имя – Аньоло ди Козимо ди Мариано; 1503 — 1572) – флорентийский художник, один из передовых представителей маньеризма. Аньоло был учеником, а также приемным сыном Джакопо Понтормо. Продолжая его традиционный стиль, Бронзино показал великолепное художественное мастерство в портретах. Он изображал многих изысканных, знаменитых мужчин и женщин своего времени.

Устройство мира в «Божественной комедии» Данте

СХЕМА АДА

Круги Ада.
Сандро Боттичелли

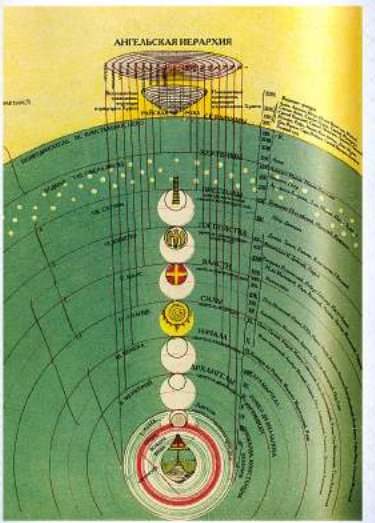
Наказание лицемеров и льстецов.
Сандро Боттичелли

СХЕМА УСТРОЙСТВА ЧИСТИЛИЩА

1. **Ангел-рулевой.** Перевозчик новоприбывших душ.
2. **Катон.** (Суровый критик). Страж Чистилища.
3. **Выход из Ада.**
4. **Преданные анафеме.** Умершие под церковным отлучением, но успевшие раскаяться.
5. **1-й уступ. Позднее раскаяние.** Нерадивые, до смертного часа медлившие с покаянием
6. **2-й уступ. Позднее раскаяние.** Нерадивые, умершие насильственной смертью, но не успевшие покаяться.
7. **Вилла принципов.** Долина земных властителей. Правители, поглощённые земными делами.

Устройство мира в «Божественной комедии» Данте

СХЕМА УСТРОЙСТВА РАЯ



Фрагменты оригинала средневековой рукописи «Божественной комедии», хранящейся в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции, объединяющим в себе коллекции рукописей, пометок и архивов

Данте. «Божественная комедия» (Divina Commedia). 1478 – 1482. Манускрипт (Codice Urbinate Latino 365). Апостольская библиотека, Ватикан

Издание стало не только великолепным манускриптом, особенно благодаря иллюминациям Гульермо Джирарди, но и превратилось в яркое свидетельство духа и культуры, существовавших в Италии во второй половине XV века.

Иллюстрации к «Божественной комедии» Данте Алигьери, выполненные Приамо делла Кверча и Джованни ди Паоло. Оригинал рукописи с этими иллюстрациями находится в Британской библиотеке, изготовлен в Сиене между 1444 и 1450 годами

СЦЕНЫ АДА

Видение Данте ада

Атака леопарда (рыси), льва и волчицы.
Встреча с Вергилием.

Шестой круг ада, стены города Дита. Фурии

Данте и Вергилий среди еретиков и лжеучителей.

СЦЕНЫ АДА

Седьмой круг ада, первый пояс. Флегетон

Встреча с кентаврами. Кентавр Несс переносит Данте и Вергилия мимо озера кипящей крови, в котором находятся Аттила и другие тираны и разбойники.

Девятый круг ада

Люцифер терзает предателей величества земного и небесного Иуду, Марка Юния Брута и Кассия.

СЦЕНЫ ЧИСТИЛИЩА

Чистилище

Данте отправляется в чистилище.

Чистилище

Данте встречается с Казеллой и Катоном.

СЦЕНЫ ЧИСТИЛИЩА

Чистилище, первый круг

Данте и Вергилий у врат в Чистилище
и гордецы, согнувшиеся под тяжестью камней.

Чистилище, седьмой круг

Наказание сладострастников.

СЦЕНЫ РАЯ

Рай

Рай, первое небо, Луна – обитель соблюдающих долг.

Рай

Юстиан рассказывает Данте и Беатриче
историю Римской империи.

СЦЕНЫ РАЯ

Рай

Данте и Беатриче встречают
Фома Аквинский и Альберт Великий.

Рай

Видение Данте девы Марии.

Данте и три Царства (1465).
Доменико ди Микелино

Фреска «Данте и три Царства» во Флорентийском соборе, написанная в 1465 году стала самой известной работой флорентийского художника Доменико ди Микелино (1417–1491).

Фреска условно разделена на три части: Ад, Чистилище и Рай. Данте находится в центре в красном одеянии; на его голове лавровый венок, в левой руке он держит том «Божественной комедии», лучи из которой падают на город, в котором легко узнать Флоренцию. Правой рукой Данте указывает на шествие грешников, идущих вниз через девять кругов Ада. За ним в центре находится гора с семью уровнями Чистилища, на которой стоят Адам и Ева, представляющие Земной Рай. Над ними солнце, луна и семь планет символизируют Рай Небесный.

Эта картина выражает большое почтение, которое флорентийцы оказывали своему поэту Данте Алигьери после его смерти.